

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии НАН Беларуси
Белорусский республиканский фонд
фундаментальных исследований

ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

К 90-летию академика НАН Беларуси,
доктора философских наук, профессора
Дмитрия Ивановича Широканова

Материалы
Международной научной конференции
(20 мая 2019 года, г. Минск)

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2019

УДК [1+001](082)
ББК 87.3я43
Ф56

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии НАН Беларуси
(протокол № 14 от 08.10.2019 г.)

Редакционная коллегия:

А. Н. Спасков (главный редактор), А. С. Червинский, А. В. Колесников,
А. О. Карасевич, И. В. Олейник (секретарь), В. И. Павлукевич

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *А. И. Осипов*,
кандидат философских наук *Д. П. Рыбка*

*Издано при поддержке
Белорусского республиканского фонда
фундаментальных исследований
по договору № К 19-13*

Ф56 **Философские** категориальные структуры в научном познании : к 90-летию академика НАН Беларуси, доктора философских наук, профессора Дмитрия Ивановича Широканова : материалы Международной научной конференции (20 мая 2019 г., г. Минск) / редкол.: А. Н. Спасков (гл. ред.) [и др.] ; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Четыре четверти, 2019. – 285 с.
ISBN 978-985-581-344-7.

Сборник содержит статьи участников Международной научной конференции «Философские категориальные структуры в научном познании», посвященной 90-летию академика НАН Беларуси, доктора философских наук, профессора Дмитрия Ивановича Широканова (Республика Беларусь, г. Минск, 20 мая 2019 года). Материалы сборника раскрывают проблематику философско-методологического обеспечения современных трансдисциплинарных научно-исследовательских и соционженерных программ, значение и роль философских категориальных структур в естественнонаучном и гуманитарном познании.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК [1+001](082)
ББК 87.3я43

ISBN 978-985-581-344-7

© ГНУ «Институт философии
НАН Беларуси», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Информация о Д. И. Широканове	6
<i>Д. И. Широканов.</i> Категории необходимости и случайности в философии Древней Индии, Китая и Греции.....	7
<i>Т. И. Адуло.</i> Теоретическое обоснование потенций человеческого разума в эпоху Нового времени	18
<i>M. Badileanu, L. I. Georgescu, S. Ciutac.</i> "Energy poverty" as a scientific concept and the object of complex research	25
<i>В. А. Белокрылова.</i> Культура мышления информационного общества и перспективы диалектики в гипертекстовой среде.....	30
<i>В. А. Бобков.</i> Идеология в системе информационной безопасности страны ..	38
<i>Е. В. Борисевич.</i> Познание знака как познание мира: буквы еврейского алфавита и сотворение мира в «Сэфер Йецира»	44
<i>Т. Н. Буйко.</i> Философско-антропологический статус понятий физической культуры и спорта	50
<i>М. К. Буслова.</i> Социокультурные трансформации в контексте современных реалий	56
<i>И. Н. Вольнов.</i> Science-Art как способ мышления	62
<i>В. Г. Воронкова, В. А. Никитенко.</i> Цифровые технологии как основа прорыва в технологической отрасли.....	67
<i>А. Н. Данилов.</i> Демократия отступает: новый авторитарный вызов	72
<i>А. Ю. Дудчик.</i> История социальных категорий как предмет междисциплинарного изучения	79
<i>М. Б. Завадский.</i> Философия как способ укрепления интеллектуального потенциала школьников	84
<i>Т. В. Зайковская, Е. А. Круподера, О. Л. Сташкевич, Л. Б. Шнейдер.</i> Основные функции и формы патриотизма, их конструктивные и деструктивные проявления.....	89
<i>Н. Е. Захарова.</i> Онтологические основания природы человека	95
<i>В. К. Игнатов.</i> Критика техники в творчестве М. О. Кояловича	102
<i>Н. С. Ильюшенко.</i> Статус метафоры в объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана.....	109
<i>Т. А. Капитонова.</i> Категория взаимодействия и философские принципы моделирования интеллектогенеза	115
<i>П. С. Каракo.</i> Космические воззрения П. И. Вернадского как выражение трансдисциплинарного синтеза знаний	121

<i>А. О. Карасевич.</i> Психофизическая проблема как актуальный методологический вопрос.....	128
<i>П. М. Колычев.</i> Релятивная онтология. Категории времени и пространства: проблема концептуальной сопряженности.....	136
<i>В. А. Ксенофонтов.</i> Диалектика как методология познания военной сферы общества	140
<i>А. А. Лазаревич.</i> Наука как фактор и часть глобального мира	146
<i>Н. А. Лазаревич.</i> Качество жизни в контексте становления новой технологической реальности	152
<i>В. К. Лукашевич.</i> Генезис новых форм научного поиска в трансдисциплинарных исследованиях.....	158
<i>В. А. Максимович.</i> Ценностно-смысловые основания национальной культурой традиции	165
<i>Т. Н. Миронова.</i> Теория и методология исследования трудовой динамики в Республике Беларусь.....	173
<i>В. Морару.</i> В поисках парадигмы символической политики.....	177
<i>А. А. Нерубасская.</i> Системный анализ бытия современной личности и его свойства – «бифуркационности».....	181
<i>Ю. В. Нестерович.</i> О базисной схеме метафилософии, обобщающей трактовки категорий	187
<i>И. В. Олейник.</i> Технологии и пространственно-временная организация социальной реальности.....	193
<i>О. А. Павловская.</i> Место и роль социально-этического знания в процессе общественных трансформаций	201
<i>В. И. Павлюкевич.</i> Категориальные понятия в логико-семантическом измерении	209
<i>И. Е. Прись.</i> Модальности у Роберта Брэндома и Людвиг Витгенштейна .	215
<i>О. П. Пунченко.</i> Многомерность «геометрии» мышления академика Д. И. Широканова	221
<i>С. І. Санько.</i> Ранняя гісторыя канцэптуалізацыі часу: Гамер і Гесіёд	230
<i>М. А. Слемнев.</i> В. И. Ленин против А. Пуанкаре: гносеологические издержки критических заметок	235
<i>Э. М. Сороко.</i> Информация как ограниченное разнообразие – неосвоенный ресурс инновационной деятельности. Критерий тонкой диагностики нормы-патологии самоорганизующихся систем.....	241
<i>А. Н. Спасков, А. Л. Симанов.</i> Субстанциально-информационная онтология психофизической квантовой реальности	246
<i>В. П. Старжинский.</i> Базовые элементы инновационной инфраструктуры Парка высоких технологий Республики Беларусь	252

<i>Д. В. Столяров.</i> Роль качественных методов исследования при анализе проблемы дискриминации мужчин.....	258
<i>Н. М. Твердынин, В. В. Юренков.</i> Дифференциация и интеграция в развитии современной науки и техники	263
<i>А. В. Цыра.</i> Информационные технологии в структуре конвергентных технологий.....	267
<i>А. С. Червинский.</i> Роль философии в формировании нормативных механизмов социальной экологии.....	275
Авторы сборника.....	281

ИНФОРМАЦИЯ О Д. И. ШИРОКАНОВЕ

Дмитрий Иванович Широканов – выдающийся белорусский философ второй половины XX – начала XXI веков, один из основоположников академической философской школы Беларуси.

Необычайно широк круг философских интересов академика Д. И. Широканова и исследуемых им проблем: диалектика необходимого и случайного; взаимосвязь категорий диалектики; диалектическая интерпретация становления и развития категорий познания в философских концепциях Древней Индии, Китая и Греции; основательное исследование трактовок категорий немецкой классической философии; развернутое раскрытие диалектики взаимосвязи категорий познания в философских исследованиях XX века.

Существенная характеристика его творчества – нацеленность на решение глубинных проблем философского знания. В своих работах Дмитрий Иванович значительное внимание уделяет проблемам синергетики, принципам теоретического мышления в истории познания, особое внимание акцентируя на раскрытии специфики современного стиля мышления и связанных с ним методов познания.

Академик Д. И. Широканов по праву является признанным классиком белорусской философии. Многочисленные труды Дмитрия Ивановича вносят существенный вклад в развитие философской мысли в нашей стране. Его исследования получили широкое международное признание философского сообщества.

Целью юбилейной конференции является обсуждение научного вклада Д. И. Широканова в обоснование методологических концептов, обобщение опыта философских исследований второй половины XX – начала XXI веков в области онтологии и теории познания и определение перспектив развития фундаментального философского знания в современных условиях. Проведение такого мероприятия должно способствовать преемственности отечественной философской традиции, поиску новых перспективных направлений и формированию стратегических приоритетов развития философского знания и его интеграции в современную мировую науку.

КАТЕГОРИИ НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ, КИТАЯ И ГРЕЦИИ

Д. И. Широканов

Категории необходимости и случайности имеют важное значение для понимания характера действия законов и процессов в объективном мире, для формирования мировоззрения, представлений о мире в целом. Уже в древности вопрос о необходимости и случайности привлекал внимание мыслителей. В философии вопрос о понимании сущности и источника необходимости получает важное значение при решении мировоззренческих проблем. Случайно или необходимо в мире сосуществуют рядом друг с другом различные предметы и явления, имеется ли связь между ними и каков характер этой связи, есть ли различие в обусловленности явлений и каков характер этой обусловленности, случайно или необходимо предметы и явления имеют те или иные свойства, черты, стороны – эти и другие вопросы, связанные с категориями необходимости и случайности, ставились и рассматривались древними мыслителями как важные философские вопросы.

Древнеиндийские мыслители о необходимости и случайности

В древнейших памятниках Индии – «Веды», «Упанишады», «Махабхарата» и «Рамаяна» – имеются некоторые свидетельства о существовании различных представлений о характере процессов в объективном мире.

В древнеиндийской философии получила широкое распространение идея о существовании «вечного нравственного миропорядка», которая была развита в концепцию кармы, разделявшуюся многими школами древнеиндийской философии. Закон кармы рассматривается этими школами как какой-то общий моральный принцип или сила, управляющая не только отдельными существами, но и предметами физического мира.

«Согласно принципу кармы, – пишет С. Радхакришнан, – нет ничего неизвестного или случайного в моральном мире... Мы не можем задержать процесса моральной эволюции, так же как мы не можем остановить ход морского прилива и отлива или движения звезд» [1, с. 204]. Карма рассматривает каждое действие как неизбежное следствие предшествующих поступков и действий человека, животного или растения. Раскрывая сущность закона кармы, С. Радхакришнан указывал, что этот закон должен подчиняться свободе духа, которого достигает человек, когда сливается воедино с богом.

По законам кармы необходимость природы подчинена духовной необходимости. В подобной трактовке понятие необходимости приобретает мистический смысл.

Учение о законах кармы в древнеиндийской философии приводит к фатализму, к покорности перед совершающимся. Правда, такие современные

историки индийской философии, как С. Радхакришнан, С. Чаттерджи, Д. Датта, считают, что фатализм прямо не вытекает из теории кармы. Однако при выяснении значения закона кармы для жизни и поведения человека С. Радхакришнан признает, что концепция кармы требует покорности человека перед совершающимся.

В противоположность этой концепции философская система чарваков необходимость представляла как необходимость самой природы материи. Мир чарваки рассматривали как сочетание четырех элементов – огня, воздуха, воды и земли. Взаимодействие и различное сочетание этих элементов, в результате которого рождаются различные предметы, происходит независимо от всяких сверхъестественных существ, по внутренним причинам.

Чарваки доказывали, что «каждый материальный элемент имеет присущую ему определенную природу (свабхава). Благодаря своей природе и присущим им законам, материальные элементы соединяются и образуют мир... Поскольку философия чарвака стремится объяснить мир исходя исключительно из материальной его природы, ее называют иногда натурализмом (свабхава-вада). Она называется также механицизмом (ядриччха-вада), потому что отрицает существование какой бы то ни было сознательной причины вне мира и объясняет его чисто механической, случайной комбинацией элементов» [2, с. 65, 66].

Исходя из признания материальной природы мира, чарваки по-разному понимали характер взаимодействия и связи предметов в природе.

Сторонники течения, получившего название ядриччха-вада, доказывали, что действие различных элементов мира, «образование конкретных вещей не подчинено никакому управляющему принципу, а совершается в силу чисто случайного стечения обстоятельств» [3, с. 48]. Отрицая существование всякой сознательной причины, действующей вне природы, они пришли и к отрицанию необходимости вообще.

Сторонники другого материалистического течения – свабхава-вада, выступая против идеалистического понимания необходимости как морального принципа, подчиняющего действия в физическом мире, доказывали, что необходимость следует понимать как внутренне присущее самим предметам и явлениям свойство, как внутреннюю природу этих предметов. «Все предметы и существа, как живые, так и неживые, порождаются природой и проявляют свою деятельность на основании их внутренней природы (свабхава)» [4, с. 232, 352].

Идеи чарваков подрывали идеалистическое понимание необходимости как действия какой-то мистической силы или судьбы, как какого-то вечного нравственного миропорядка. Понимание необходимости как естественного развития природы, определяемого свойствами самой природы, уже тогда знаменовало собою значительный шаг вперед в развитии материалистической философии.

Древнекитайская философия о необходимости и случайности

Вопрос о природе необходимости, ее источнике явился одним из наиболее острых вопросов, по которому шла борьба между материалистами и идеалистами древнего Китая. Древнекитайские идеалисты – последователи Конфуция – защищали представление о господстве в мире «веления неба». Воля неба как верховного существа представлялась ими как высшая и неотвратимая власть, определяющая судьбу людей, государства, движение всех предметов в природе.

Против религиозно-идеалистического учения о воле неба как верховной и определяющей силе в мире выступили такие мыслители древнего Китая, как Фань Вэнь, Шэнь Сюй, Лао-цзы, Ли Чжу и др. Критика религиозноидеалистических представлений о необходимости нашла свое яркое отражение в книге «Дао-дэ-цзин», написание окончательного текста которой относят к IV–III вв. до н. э. Книга «Дао-дэ-цзин», автором которой считается Лао-цзы, как признают современные китайские и советские историки, очевидно, представляет не собственные записи Лао-цзы, который жил в V в. до н. э., а более позднее изложение его идей.

В противоположность религиозно-идеалистическому представлению о воле неба в книге Лао-цзы выдвигается понятие дао для обозначения всеобщего закона, вносящего порядок в хаос явлений. В мире господствует не воля неба, а дао, которое рассматривается как естественность самих предметов и явлений, необходимость природы. Представляя дао как закон, необходимость природы, Лао-цзы считал, что оно выражает сущность явлений. Явления и вещи обнаруживают дао, которое выступает как их основа. «Великое дао растекается повсюду... Благодаря ему рождаются все существа, и они не останавливаются (в своем росте)... Все существа возвращаются к нему, и оно не рассматривает себя как господина» [5, с. 232, 352], – говорится в книге «Дао-дэ-цзин».

Рассматривая «дао как глубокую основу всех вещей» (§ XII), материалисты древнего Китая видели в нем выражение естественного развития всех вещей, закона движения, которому подчиняется все существующее в мире. «Дао, находясь в мире, похоже на горные ручьи, которые текут к рекам и морям», – говорится в книге Лао-цзы (§ XXXII). В отличие от позднейших последователей учения о дао, которые стремились вложить в это понятие идеалистическое содержание (как Чжуан-цзы, Хуэй Ши и др.), ранние даосисты вкладывали в это понятие материалистическое содержание. Они считали, что закон (дао) и его материальная основа (ци – материальные частицы) находятся в неразрывной связи. На основе исследования книги «Дао-дэ-цзин» и комментариев к ней А. Петров, Ян Хин-шун и другие пришли к выводу «о материалистическом содержании категории дао в ее истоках, в ее древнейшей форме» [5, с. 54].

Однако, выдвигая на первое место дао и возводя его в абсолют, Лао-цзы абстрагировал его от материи и тем самым делал уступку идеализму. Ограниченность учения о дао выразилась также в фаталистическом

представлении необходимости. Дао действует независимо от деятельности людей; люди не могут изменить мир, они могут лишь наказать нарушителей дао.

Идея древних даосистов о естественном, закономерном развитии вещей оказала значительное влияние на философские представления китайских материалистов, развивавших дальше учение о дао. Древнекитайский материалист Ян Чжу (ок. 395–335 до н. э.), рассматривая человека как часть природы, выступил с резкой критикой учения конфуцианцев о предопределенности волею неба судьбы человека и общественных событий.

Другой видный мыслитель древнего Китая Хань Фэй (ок. 280–230 до н. э.) считал дао основой «всех законов (ли), согласно которым формируются вещи». Хань Фэй стремился использовать учение дао для обоснования идеи о необходимости создания единого государства в древнем Китае.

Идея о естественном, природном развитии всех вещей явилась центральной в философском учении крупнейшего китайского материалиста Ван Чуна (27 – ок. 97). Ван Чун выступил с резкой критикой идеалистического учения о том, что небо постоянно следит за действиями людей и карает или вознаграждает их. Он отвергал и идеалистические представления более поздних даосистов об абсолютном дао, которое стоит над миром и управляет всем. В учении Ван Чуна дао не занимает первостепенного места и не играет такой исключительной роли, какую приписывали ему позднейшие даосисты. Ван Чун подчеркивает прежде всего материальный характер мира, свойствами которого определяется естественность движения и развития всех предметов и вещей. Основным, субстанциональным элементом мира Ван Чун считает ци, которое материально. Необходимость, вытекающая из действия дао, согласно Ван Чуну, имеет характер фатальной необходимости и определяется ци, материальной природой.

Отвергая телеологию, Ван Чун признавал власть естественности, которая предопределяет и судьбу человека. «Природа и судьба, – указывает Ван Чун, – обретаются человеком одновременно» [6, с. 66].

Ван Чун рассматривал необходимость как слепую силу, которой подчиняется и человек, органически связанный с природой. Правда, Ван Чун допускал возможность изменения судьбы человека в силу случая, действия какого-нибудь обстоятельства, но это не могло изменить в целом фаталистического характера учения Ван Чуна.

В древнекитайской философии, как и в индийской, главное внимание при рассмотрении необходимости и случайности уделяется вопросу об источнике и основе, вызывающей необходимые или случайные явления. Проблема о соотношении необходимости и случайности в то время еще не получила своей четкой постановки. Несмотря на это, взгляды мыслителей древней Индии и Китая имели важное значение для понимания этих логических категорий. Уже здесь выделяются два противоположных направления – материалистическое и идеалистическое – в понимании источника и природы необходимости.

Категории необходимости и случайности в древнегреческой философии

В древнегреческой философии трактовка категорий необходимости и случайности была теснейшим образом связана с решением основного вопроса философии. В зависимости от материалистического или идеалистического решения основного вопроса философии соответственно рассматривался и вопрос о природе и характере проявления необходимости и случайности.

Богатство форм греческой философии обусловило и многообразие различных концепций, часто находившихся еще в зародыше, в понимании необходимости и случайности. Эти концепции различаются в зависимости, во-первых, от понимания природы самих категорий и, во-вторых, от трактовки отношения категории необходимости к категории случайности.

Учение Демокрита (ок. 460–370 до н. э.) о необходимости и случайности имело антиатеологическую направленность. Необходимость рассматривалась им как свойство самой природы, в которой одно явление обуславливает другое и в конечном счете зависит от движения атомов в вихре. «Все существует согласно необходимости», – указывал Демокрит. То есть возникновение и существование любого предмета, явления в природе обусловлено действием других предметов. Только сама природа (вихрь атомов) ни от кого не зависит и ничем не обусловлена, самопроизвольна. В этом смысле Демокрит говорил о случайности отделения вихря от беспредельного. Случайность отделения вихря, по Демокриту, означала, что вихрь не имеет причины в чем-то отличном от природы, сверхпри – родном. Но каждое конкретное явление природы обусловлено другим явлением, имеет причину в другом. Поэтому все в мире происходит не случайно, а необходимо. «Люди измыслили идол (образ) случая, – говорил Демокрит, – чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность» [7, с. 69].

Наивный взгляд на мир, присущий древнегреческой философии, характерен тем, что он схватывает лишь общую картину явлений. При таком взгляде на мир последний представлялся как единое движущееся целое, все части которого взаимосвязаны так, что изменение одной вызывает определенные изменения во всех других частях. Эту взаимосвязь между явлениями Демокрит рассматривал как необходимую. Богатство, многообразие, многосторонность связей в природе оставались нераскрытыми. Все отношения в мире Демокрит сводил к отношениям движущихся атомов; все многообразие предметов мира ставилось в зависимость от сочетания атомов, бесконечных по форме и числу. Картина мира у Демокрита приобретала механистическую окраску.

Представляя мир в виде вихря атомов, Демокрит причинную обусловленность движения атомов в этом вихре отождествлял с необходимостью. Сам вихрь Демокрит называл «необходимостью».

Случайность Демокрит представлял как чисто субъективную категорию, служащую для обозначения тех явлений, причины которых не познаны. Но так как все в мире причинно обусловлено, то существование объективной

случайности в природе Демокритом категорически отрицалось. «Ведь ничто не возникает случайно, – передавал взгляды древнегреческих атомистов Аристотель в книге "Физика", – но есть какая-либо определенная причина "у всего того, относительно чего мы говорим, что оно возникает само собой или случайно" [7, с. 67]. Так, по Демокриту, то, что человек нашел клад, не случайно, ибо "причиной отыскания сокровища (он считает) копание (земли) или посадку оливкового дерева". Точно так же не случайно, что орел, обычно разбивающий скорлупу черепахи о скалы, сбросил ее на череп лысого, ибо "причиной... того, что разбит череп лысого" явился орел, который сбросил "черепаху, чтобы разбить ее скорлупу" [7, с. 68].

Отрицание Демокритом объективного существования случайности приводило его на позиции фатализма, к признанию того, что все в мире в одинаковой мере неизбежно, фатально предопределено. Однако для своего времени учение Демокрита о необходимости и случайности являлось прогрессивным, ибо оно было направлено против идеалистического представления о мире.

Демокрит доказывал, что "ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости" [7, с. 66] и причиной возникновения всего является вихрь атомов, природа. Необходимость Демокрит рассматривал как необходимость природы.

Исходя из материалистической концепции необходимости, развивавшейся в учении Демокрита, позднейшие античные философы-материалисты, в частности Эпикур (341–270 до н. э.), пытались преодолеть фаталистическое представление о мире, вытекающее из отрицания объективного существования случайности и механистического детерминизма. Эпикур видел, что при отрицании объективной случайности все явления и связи сводятся к одному уровню. "Кто говорит, что все происходит в силу необходимости, тот не может сделать никакого упрека тому, кто говорит, что все происходит не в силу необходимости; ибо он утверждает, что это самое происходит в силу необходимости" [8, с. 266], – замечал Эпикур.

Существование объективной случайности Эпикур допускал потому, что в обратном случае деятельность человека оказалась бы лишенной творчества, потеряла бы свой смысл и содержание. Ибо если в мире все одинаково неизбежно, то деятельность человека ничего не может изменить. "Необходимость есть бедствие, – писал он, – но нет никакой необходимости жить с необходимостью" [7, с. 219].

Случайность Эпикур рассматривал как внутреннее свойство материи, проявляющееся в некотором незначительном отклонении атомов от прямолинейного движения вниз. В результате столкновения возникает движение атомов в различных направлениях, что приводит к разнообразному сочетанию атомов.

Взгляды Эпикура на строение материи и категории необходимости и случайности разделял крупнейший материалист древнего Рима Лукреций Кар

(99–55 до н. э.). В поэме "О природе вещей" он писал:

...Уносясь в пустоте, в направлении книзу отвесном,
Собственным весом тела изначальные в некое время
В месте неведомом нам начинают слегка отклоняться,
Так что едва и назвать отклонением это возможно [9, с. 85].

Поскольку в пустоте скорость движения всех тел одинакова, Лукреций отмечает, что в этих условиях образование вещей и предметов возможно только в результате отклонения атомов от первоначального движения и выявления "разного движения".

Деятельность человека, по мнению Лукреция, также свидетельствует о том, что нет абсолютной, фатальной необходимости:

Если ж движенья все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке,
И коль не могут путем отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиною испоконь века,
Как у созданий живых на земле не подвластная року,
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что позволяет идти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направленье не в месте известном
И не в положенный срок, а согласно ума побуждению?
Ибо сомнения нет, что во всем этом каждому воля
Служит начальным толчком и по членам
движенья проводит [9, с. 88–89].

Таким образом, два соображения служат Лукрецию доводом для признания существования объективной случайности наряду с существованием необходимости:

- 1) невозможность объяснить возникновение различных движений атомов без отклонения их от прямолинейного движения вниз;
- 2) деятельность человека, которая опровергает представление о фатальной необходимости.

В древнегреческой философии существовали и другие взгляды на необходимость и случайность. Но общей чертой всех античных мыслителей являлось признание существования объективной необходимости как свойства материи, природы, не зависимой ни от какой сверхъестественной силы.

В противоположность линии Демокрита Платон (427–347 до и. э.), ученик Сократа, наиболее ярко выразил идеалистическое представление о мире, а вместе с тем и о категории необходимости. Платон рассматривал мир идей как мир неизменного, вечного, истинного бытия. Этот идеальный мир Платон противопоставлял изменчивому, чувственному миру как производному, вторичному, который представляет собою тень духовного мира. В противоположность Демокриту Платон представляет необходимость как результат действия сверхъестественной, божественной силы.

"Существует ли провидение, которое печется о всех делах, или случайно все сделано и совершается?" [7, с. 68]. На этот вопрос, как сообщает Лактанций, Демокрит и Эпикур отвечали вполне определенно в том смысле, что все в мире совершается не по воле провидения, а самопроизвольно. Это подтверждает и сам Платон, который, противопоставляя свою точку зрения линии Демокрита в понимании необходимости, писал: "И все это произошло (огонь, вода, воздух, земля, солнце, луна, звезды, животные, растения, смена времен года и т. д. – Д. Ш.) по учению их (Демокрита и его школы), не по причине ума и не благодаря какому-нибудь богу, и не через искусство, но, как мы подчеркиваем, от природы и случайно" [7, с. 70].

В противоположность Демокриту Платон говорил о полной зависимости вещей, явлений природы от той области бытия, которая недоступна чувствам и "досталась на долю мышлению" [8, с. 145]. Природа, согласно Платону, "сама никоим образом и ни в коем случае не принимает когда бы то ни было какой-нибудь формы (курсив наш. – Д. Ш.), похожей на какую-либо из этих входящих в нее вещей: по своей природе она дана как "пластическая масса" для всего, что возникает, входя в движение и получая различные формы действием того, что входит в нее, и кажется, благодаря ему, то одним, то другим; а вещи, которые здесь входят и выходят, это – отображения вечно существующих реальностей, отпечатки, полученные от них неким трудно указуемым и удивительным способом" [8, с. 146].

Говоря об общественной жизни, Платон полностью подчиняет и эту область действию бога. "Все наши законы, – говорит он, – даются нам случайностями и разными выпавшими несчастьями... все человеческое есть дело случая. Это утверждение кажется верным в приложении к мореплаванию, кораблевождению, медицине, военному делу" [10, с. 120–121]. Заявляя о действии случайностей в указанных сферах человеческой деятельности, Платон при этом рассматривает случайность как нечто зависимое от воли бога, как бы вроде орудия бога. "Бог управляет всем, – говорит здесь же Платон, – а вместе с богом случайность и благовремение правят всеми человеческими делами" [10, с. 121].

Правда, в области государственной жизни Платон допускает действие и третьего фактора – искусства управления. "Для того чтобы государство было счастливо устроено, оно нуждается, кроме удачного стечения всех местных условий, еще в законодателе, держащемся истины" [10, с. 121]. Однако, согласно Платону, это не исключает того, что и здесь в конечном счете результат зависит от бога, ибо последний "держит начало, конец и средину всего сущего. По прямому пути бог приводит все в исполнение, хотя, по природе своей, он вечно обращается в круговом движении" [10, с. 121].

Таким образом, линия Демокрита и линия Платона представляли собой две прямые противоположности в понимании природы категорий необходимости и случайности.

Следует отметить, что проблема взаимосвязи необходимости и

случайности в древнегреческой философии не была предметом особого исследования. С позиции механистического детерминизма Демокрита, отрицавшего существование объективной случайности, постановка подобной проблемы лишалась своего смысла. Последователи Демокрита – Эпикур и древнеримский материалист Лукреций – хотя и признавали существование случайности и ее влияние на необходимость, однако не изучали взаимосвязи между этими категориями.

В философии Платона необходимость и случайность оказались подчиненными сверхъестественной силе, управляющей миром. Поэтому случайное стечение обстоятельств представлялось Платоном такой же необходимостью, как и всякое другое явление.

Впервые некоторые диалектические догадки о взаимосвязи необходимости и случайности были высказаны Аристотелем (384–322 до н. э.). Аристотель значительное внимание уделил категориям необходимости и случайности в книгах "Физика", "Метафизика", "Категория", "Аналитики" и др. В понимании сущности рассматриваемых категорий важное значение имела позиция Аристотеля по основному вопросу философии. Как известно, Аристотель колебался между идеализмом и материализмом, признавая наряду с объективно существующей материей и связанными с ней формами существование какой-то общей, единой для всего, неподвижной "формы всех форм" – разума, понятия, бога – источника всякого движения. Эту форму всех форм Аристотель рассматривал как силу, определяющую направление движения в природе, и цель развития. Колебание Аристотеля между идеализмом и материализмом отразилось и на его взглядах на необходимость и случайность.

Категории необходимости и случайности Аристотель употреблял в ограниченном смысле: он рассматривал их как характеристики лишь некоторых причин или свойств, процессов и явлений, наряду с которыми признавал существование других видов причин. Поэтому четко выраженной постановки проблемы о соотношении необходимости и случайности у Аристотеля не имеется.

Аристотель указывает на существование четырех основных видов причин:

- материя, т. е. "из чего" возникает что-нибудь. Например, медь является причиной статуи, отлитой из этого металла. С материей как причиной Аристотель неразрывно связывает понятие необходимости;

- форма, или суть бытия, понятие как причина;

- движущее начало – откуда исходит первое начало изменения. Например, строитель – причина дома, отец – причина ребенка и т. д. С этим видом причин Аристотель связывает и понимание случайных и самопроизвольных причин;

- цель, или "ради чего". Например, целью прогулки является укрепление здоровья и т. д.

Аристотель противопоставлял учению древнегреческих атомистов о необходимости свое учение о целесообразности. Целесообразность в учении Аристотеля выступает как главная и определяющая причина "ради чего". В любом явлении он видел осуществление целесообразности. Все в природе происходит одно ради другого. Отдельные уродства и нарушения целесообразности Аристотель рассматривал как результат ошибок природы и препятствий, которые "трудно определить".

Материю и ее свойства Аристотель рассматривал как средство, которое служит для осуществления тех или иных целей. По отношению к цели материя у Аристотеля выступает как нечто вторичное, подчиненное форме, цели, ибо последняя, как считает Аристотель, является "причиной определенной материи, а не материя причиной определенной цели" [11, с. 48]. В то же время материя и ее свойства признаются Аристотелем относительно самостоятельными и не зависимыми от целей. В этом смысле Аристотель говорит о необходимости, присущей материи.

Необходимость, будучи свойством материи, согласно Аристотелю, является обязательным, объективно существующим началом, без которого не может осуществиться и цель. Например, для построения дома нужны кирпичи и камни с их необходимыми свойствами, хотя и не вследствие существования этих кирпичей есть определенная цель – строительство дома. Однако если не будет кирпичей, не будет и дома, не будет и этой цели. В признании необходимости, не зависимой от цели, нашла выражение материалистическая тенденция в философии Аристотеля.

Аристотель, хотя и неуверенно, с оговорками, высказывал мысль о зависимости понятия от материи и присущей ей необходимости. Он отмечал, что, "может быть, и в самом понятии имеет место необходимость". "...в самом понятии некоторые части существуют в качестве его материи", – писал он [12, с. 48]

Рассматривая необходимость как следствие определенных материальных условий, как выражение определенных свойств материи, Аристотель указывал, что необходимость может быть в то же время и выражением цели. Одно и то же может быть и "ради чего-либо" и по необходимости.

Учение Аристотеля о цели и целесообразности помешало ему понять взаимосвязь необходимости и случайности. Случайность Аристотель рассматривал не в плане соотношения с необходимостью, а в плане соотношения с причиной цели, "ради чего". "...Случай, – говорил Аристотель, – есть причина по совпадению для событий, происходящих по предварительному выбору цели" [11, с. 39].

Аристотель подчеркивал, что случайное не выражает сущности процесса, а есть причина главным образом внешняя, но не "сама по себе". Поэтому она неопределенна, может осуществляться бесконечно многими способами. Случайное, указывал Аристотель, не вытекает прямо из самого процесса. Но если подобные совпадения повторяются часто, то они уже не случайны, а своей

причиной имеют цель. Если передние зубы животного вырастают острыми, пригодными для разрывания пищи, а коренные – широкими, приспособленными для ее размягчения, то это не случайно, так как такая форма зубов имеет место у животных всегда.

Учение Аристотеля о целесообразности, об энтелехии, которая якобы идеально предсуществует в любом движении, как и учение о форме как о самостоятельном, активном, деятельном начале, в своей основе является идеалистическим.

Отмеченные направления и концепции в истолковании взаимосвязи необходимости и случайности, существовавшие в зародыше в античной философии, получают свое развитие и полностью проявляются в более позднее время.

Список использованных источников

1. Радхакришнан С. Индийская философия. – Т. I. – ИЛ, 1956.
2. Чаттерджи С. и Датта Д. Введение в индийскую философию. – М., 1965.
3. История философии. – Т. I. – М.: Изд. АН СССР, 1957.
4. Махабхарата. – Т. II. – Ашхабад, 1956.
5. Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. – Изд. АН СССР, 1950. – § XXXIV.
6. Лунь Хэн, гл. III. Цит. по кн.: А. Петров. Ван Чун – древнекитайский материалист и просветитель, 1954.
7. Материалисты древней Греции.
8. Античные философы. Свидетельства, фрагменты, тексты. – Киев, 1955,.
9. Лукреций Кар. О природе вещей. – Изд. АН СССР, 1945.
10. Платон. Полное собрание творений. – Т. XIII. – П., 1923.
11. Аристотель. Физика. – М., 1937.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОТЕНЦИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА В ЭПОХУ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Т. И. Адуло

В эпоху Нового времени европейские философы решительно отмежевались от метафизических и агностических мировоззренческих установок схоластов, стремились теоретически обосновать мощь и значимость человеческого разума. Разум представлен ими как надежный инструмент познания и изменения окружающего мира, включая самого человека. Вместе с тем, уже тогда перед Р. Декартом и Дж. Локком встал в неявной форме вопрос об определении границ человеческого разума, получивший дальнейшее теоретическое осмысление и развитие в творчестве И. Канта.

На рубеже XX – XXI веков внимание постсоветского философского сообщества было обращено на раскрытие сущности различных форм вненаучного познания, разработку понятия «новая рациональность» – выявление его содержания и определение роли в познавательной деятельности субъекта [см.: 1; 2], в силу чего как бы в забвении оказалось понятие «рациональность» в его классическом понимании и рационализм как философское течение. Сложился своеобразный перекос в эпистемологии. В этой связи считаю необходимым обратить внимание современных исследователей на *гносеологический рационализм* и постараюсь показать, насколько позволяет это сделать объем статьи, его историческую роль в теоретическом мышлении европейцев XVII века – утверждении в их сознании новой философии, отличной от догматизированной схоластики предшествующих веков, а также его значимость в нашу эпоху.

Еще древние греки посредством разума пытались проникнуть в тайны окружающего мира, включая человека и общество. Гераклит Эфесский отмечал: «Судья истины – Разум, причем не какой угодно, а общий и божественный» [3, с. 126]. Постигая таким путем окружающий мир, древнегреческие философы многого достигли. Особенно это касается теоретической деятельности Аристотеля, многие идеи которого созвучны нашей эпохе (формы политического управления, формирование среднего класса и др.). Уже в ту пору философы задумывались над вопросами гуманного общественного развития, проецировали его идеальные модели, как это сделал Платон. Безусловно, социальные идеи Платона были утопичными, иными в ту историческую эпоху они и не могли быть. Суть, однако, не в этом. Суть в том, что практически все философские рассуждения древних греков выстраивались путем рационального осмысления окружающего мира – разум был главным инструментом, посредством которого осмысливались природа и социальное бытие.

В эпоху Средневековья вера серьезно потеснила разум. Не составляет секрета то, что теологи (теоретики) тоже оперировали разумом, но разум ими

использовался как инструмент «доказательства» истинности ложных постулатов. Однако наступают эпохи Возрождения, затем Нового времени, и разум вновь обретает свои законные права.

Одна из первых мощных попыток утверждения в XVII веке разума на европейском континенте принадлежит французскому философу Рене Декарту, хотя сам термин «рационализм» впервые был задействован в сочинениях Ф. Бэкона. Именно он противопоставил экспериментальные методы эмпириков («Новый органон») рационалистам, хотя и не допускал такого способа эксперимента, «в котором совершенно отсутствует какое-либо рациональное начало, так что эксперимент производится чуть ли не в состоянии некоей одержимости, когда вдруг человеку приходит в голову провести какой-то опыт не потому, что размышление или какой-то другой эксперимент натолкнули его на этот опыт: просто он берется за него только потому, что подобный эксперимент до сих пор еще никогда не проводился» [4, с. 294]. Понятно, что рационализм не был чужд европейцам и до Р. Декарта, о чем говорилось выше. Но на протяжении целой исторической эпохи он фактически был забыт, и лишь в XVII веке реабилитирован Р. Декартом в трактатах «Правила для руководства ума», «Разыскание истины посредством естественного света» и «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках». С другой стороны, нельзя не признать и того факта, что абсолютизированный гносеологический рационализм Р. Декарта, затем Б. Спинозы противопоставлялся эмпиризму Ф. Бэкона, что тоже, с точки зрения логики исторического развития мышления и философской культуры, содержало в себе негативные моменты. Вопрос состоял еще и в том, как философы трактовали идеи. А трактовали они их по-разному: Р. Декарт признавал их врожденными, т. е. совершенно не опирающимися на эмпирический опыт, Г. Лейбниц пришел к заключению о существовании в качестве «разумной» особой монады, Дж. Локк предпринял попытку приведения множества идей, возникающих в процессе взаимодействия субъекта и объекта, в систему. В европейской философии сложились как материалистическая, так и идеалистическая трактовки разума.

Достаточно плодотворным для рационалистического направления философии оказалось XIX столетие. Именно в XIX веке сформировались марксистская философия, позитивизм О. Конта, социологическая школа Э. Дюркгейм. И хотя в середине XIX столетия рационализм был в какой-то мере потеснен философией жизни (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Шпенглер и др.), тем не менее, именно он определял облик мировой философии последующего века. Без какого-либо преувеличения можно утверждать о господстве разума в философии XX века – имеются в виду мощные неопозитивистские течения в европейской философии и диалектический материализм в СССР (проект советской философии, выстраиваемый исключительно на платформе рационализма). В XX веке имели, безусловно, место и иррационалистические философские течения (например,

экзистенциализм), но их влияние на мировую философскую культуру не было столь мощным, как неопозитивистских научных школ.

Говоря о господстве разума в европейской философии начиная с эпохи Нового времени, т. е. о выстраивании ее на платформе рационализма, само «господство» следует понимать диалектически – как относительное, не более того. Рациональные начала европейской философии Нового времени не нужно абсолютизировать, чем нередко грешат историки философии. Например, в своих исследованиях они традиционно проводят мысль о том, что именно И. Кант первым из европейских философов, усомнившись во всеильности человеческого разума, поставил вопрос о его «границах». Немецкий философ действительно решал этот вопрос: «...как только убеждаются в том, что основоположения, посредством которых спекулятивный разум отваживается выйти за пределы опыта, на деле имеют своим неизбежным результатом (если присмотреться пристальнее) не расширение, а сужение применения нашего разума, так как эти основоположения, принадлежа, собственно говоря, к сфере чувственности, на самом деле угрожают безмерно расширить ее границы и таким образом вообще вытеснить чистое (практическое) применение разума» [5, с. 92].

Гегель, отстаивающий в своих сочинениях мощь человеческого разума, естественно, не мог не подвергнуть уничтожающей критике подобную позицию своего предшественника. Он отмечал: «Но желание познавать прежде, чем приступить к познанию, так же несуразно, как мудрое намерение того схоластика, который хотел научиться плавать прежде, чем броситься в воду» [6, с. 95].

На самом деле, все-таки не И. Кант первым поставил вопрос о «границах» человеческого разума, в чем нас убеждают тексты Р. Декарта, Дж. Локка и Д. Юма. Поэтому Гегель был вправе обратить внимание и на предшественников И. Канта. Несомненно, как отмечалось выше, начиная с Р. Декарта, значимость разума не только теоретически обосновывалась, но и разрабатывались способы его более эффективного использования в процессе исследования природы и общества. Но уже тогда, задолго до И. Канта, французский философ стал задумываться о возможных границах его применения. Р. Декарт отмечал: «Но чтобы нам не быть всегда неуверенными в том, что же может познать ум, и чтобы не усердствовать неосмотрительно и понапрасну, прежде чем мы приступим к познанию вещей в частности, надлежит хотя бы раз в жизни тщательно исследовать, к каким же познаниям способен человеческий разум» [7, с. 103]. И далее конкретизировал свою мысль: «Напротив, ничто не кажется мне более нелепым, чем, как делают многие, смело спорить о тайнах природы, о влиянии небес на эти низшие области, о предсказании грядущих событий и о подобных вещах, никогда, однако, даже не задавшись вопросом о том, достаточно ли человеческого разума, чтобы это раскрыть. И не должно казаться утомительным или трудным делом определение границ того ума, который мы осознаем в нас самих, раз мы зачастую не колеблемся выносить

суждение даже о тех вещах, которые находятся вне нас и совершенно чужды нам» [7, с. 104].

Примерно в том же направлении размышлял и Дж. Локк: «...я должен рассказать тебе, как пять-шесть моих друзей, встретившись у меня в доме и рассказывая друг с другом о предметах, весьма далеких от настоящего, скоро должны были остановиться перед затруднениями, встававшими со всех сторон. После того как некоторое время мы пробыли в замешательстве, ни на шаг не приблизившись к разрешению смутивших нас сомнений, пришло мне на ум, что мы пошли по ложному пути и что, прежде чем предаться такого рода исследованиям, необходимо было изучить свои собственные способности и посмотреть, какими предметами наш разум способен заниматься, а какими нет» [8, с. 82]. О «пределах человеческого познания» рассуждал также английский философ Д. Юм. Он считал, что если поставленная для исследования задача «не выходит за пределы человеческого познания, выполнение ее можно будет счастливо завершить; в противном же случае от нее можно будет по крайней мере отказаться с некоторой уверенностью и на надежном основании» [9, с. 13]. Безусловно, у И. Канта, в отличие от его предшественников Р. Декарта и Дж. Локка и Д. Юма, уже не только постановка самого вопроса, но и развернутое учение о границах человеческого разума.

И еще один аспект творчества философов Нового времени, на который следует обратить внимание, – это практическая направленность их философских разработок. Французский мыслитель Р. Декарт был не только теоретиком, оперировавшим чистыми философскими понятиями. Наряду с этим он являлся крупным экспериментатором, серьезным практиком, внесшим заметный вклад в физиологическую науку и медицину. Такого же рода серьезные практические требования предъявлял он и к философии. Он считал, что «вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы, как и они, использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владетелями природы» [7, с. 286].

Отнюдь не созерцательной позиции придерживался также крупнейший английский мыслитель XVII века Т. Гоббс. Правда, в отличие от Р. Декарта, занявшегося экспериментальным исследованием физиологических и медицинских проблем, английский философ обратил взор к социальной проблематике. Как философ, он, с одной стороны, предвосхитил эпохальные исторические события – социальную революцию и ее следствия, с другой, дал им свою оценку, и, кроме того, наметил перспективы общественного развития.

Т. Гоббс прежде всего признает значимость философии как надежного инструмента познания сущности социальных процессов. Правда, он отмечает ограниченность имеющихся философских учений, считает, что «все написанное до сих пор философами, трактующими вопросы морали, не принесло ни

малейшей пользы для познания истины; они предпочитали не просвещать умы, а подтверждать изящной и приятной для слуха речью ни на чем не основанные предположения» [10, с. 273]. Свой главный труд он назвал «Основ философии». Он состоял из трех частей – «О теле», «О человеке» и «О гражданине» и фактически на тот период представлял собой комплексное учение о человеке и обществе, по словам известного историка философии В. В. Соколова, представлял собой «эпохальную концепцию» в силу того, что в ее «основу положено взаимодействие начал коллективного, общественно-государственного и индивидуально-личностного» [11, с. 44]. Защищая частную собственность, английский философ в своих исследованиях шел не вопреки логике, а в русле логики исторического процесса, т. е. в русле утверждения более прогрессивного общественного строя – капитализма.

Социально-философскую проблематику применительно к буржуазному обществу с позиции рационализма весьма активно развивал известный английский мыслитель XVII века Джон Локк, хотя главной темой его изысканий все же была гносеология. В отличие от Т. Гоббса, еще органично привязанного к классу старого, отживающего дворянства, Локк более последовательно выражал интересы нового класса – буржуазии, считавшей нужным ограничить власть государства, передать ему лишь некоторую часть «естественных прав» народа, скажем, функции правосудия, внешних связей и др. При этом государство должно быть поставлено на службу буржуазии – обязано защищать собственность, свободу слова и т. д.

Собственность – основа и необходимое условие существования общества. Ее наличие обосновывается Локком не «захватом» кем-то общего, а деятельностью, *личным трудом* человека. И это принципиальное отличие позиции Локка от своего предшественника, который не преодолел еще мировидения дворянина и выступал в этом вопросе как представитель дворянского *праздного* класса. Английский философ отмечал: «Хотя земля и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности*, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что *труд* его тела и *работа* его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей *собственностью*» [12, с. 277]. По ходу заметим, что этот *базовый принцип собственности* был проигнорирован фактически всеми реформаторами советской системы в 1990-е годы, что и привело в конечном счете к ускоренному формированию олигархического капитализма. И еще один важный момент. Если Гоббс ратовал за неприкасаемость верховной власти, решительно осуждал имевшую место практику подстрекательства «граждан на восстание или вступление в любой заговор против государства» [10, с. 282], то Локк, наоборот, допускал возможность ниспровержения народом

правительства в случае не выполнения им своих обязательств по условиям договора, т. е. фактически разработал философские основы буржуазного права. «Где кончается закон, начинается тирания, если закон преступается во вред другому [12, с. 379], – к такому заключению пришел философ. Но при этом считал, что "силу следует *противопоставлять* лишь несправедливой и незаконной силе" [12, с. 380], т. е. не допускал вседозволенности и анархии.

Впрочем, как и Р. Декарт, Дж. Локк был также известным экспериментатором в различных областях науки – химии, метеорологии и медицины.

Социальность той динамичной исторической эпохи и проблемы построения гуманного общества стали объектом теоретического анализа с позиции рационального мышления и других английских мыслителей – Джона Толанда, Бернарда Мандевиля, Антони Коллинза, Довида Гартли, Джозефа Пристли и др.

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Философия относится к сфере духовного производства. Но она произрастает на фундаменте тех многообразных объективных связей и отношений (экономических, политических, идеологических, этических, культурных и т. п.), которые-то и составляют суть той или иной исторической эпохи. Она постоянно ощущает на себе не только дух, но и физический груз проблем и коллизий своего времени. И ее задача заключается в том, чтобы познать суть социального бытия и предоставить политикам и различного рода управленцам его подлинную картину. А создать такую картину можно лишь посредством разума.

Разум, конечно, не безграничен, он ограничен исторически, т. е. на каждой ступени человеческой истории имеет свои пределы. Это надо иметь в виду. И все же, несмотря на ограниченность, о которой знали философы, именно разум позволял человечеству постигать сущность бытия, отвечающую их назревшим историческим потребностям и предотвращал его от многих бед. Хотелось бы надеяться, что в XXI столетии человечество в своих действиях все в большей мере будет руководствоваться не интуицией, не чувствами, а Разумом.

Список использованных источников

1. На пути к неклассической эпистемологии / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: Институт философии РАН, 2009.
2. Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред.: Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб.: Мирь, 2009.
3. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012.
4. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Бэкон. 2-е испр. и доп. изд. – Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступит. статья А. Л. Субботина. – М.: Мысль, 1977.
5. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант / Т. 3 / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1964.

6. Гегель. Энциклопедия философских наук / Гегель. – Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974.
7. Декарт, Р. Сочинения: в 2 т.; пер. с лат. и франц. / Р. Декарт. – Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989.
8. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. / Дж. Локк. – Т. 1. – М.: Мысль, 1985.
9. Юм, Давид. Сочинения: в 2 т. / Давид Юм. 2-е изд., дополн. и испр. – Т. 2 / Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Примеч. И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1996.
10. Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989.
11. Соколов, В. В. Бытие, познание, человек и общество в философской доктрине Томаса Гоббса / В. В. Соколов // Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 3–65.
12. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. / Дж. Локк. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988.

«ENERGY POVERTY» AS A SCIENTIFIC CONCEPT AND THE OBJECT OF COMPLEX RESEARCH

M. Badileanu, L. I. Georgescu, S. Ciumac

This paper marks the beginning of a long-term research aimed at determining a composite index of Energy Poverty. We assume that such a valid universal index cannot be identified. Each country benefits from unique characteristics from a wide variety of points of view, which include: the degree of socio-economic development, the level of culture and education, the regulations on environmental protection and the extent to which they are implemented, the endowment with energy resources and access to imports, the degree of development of the energy system, the system of taxes and taxes, the social protection system, etc. In these circumstances, we consider that a composite index of energy poverty must include both common indicators for all countries, but also a set of specific indicators that capture the particularities of each nation.

The classical approach to energy poverty includes economic and sociological aspects, which are sometimes added with certain ecological tendencies. From our point of view, a focus almost exclusively on the point of view of the consumer, of his accessibility to energy services, constitutes an important limitation of the approach in this field. Our vision is also multidisciplinary, but, besides economics and sociology, it aims to include historical, geographical, geopolitical and even philosophical aspects. A particular contribution we are taking into consideration considering is the attempt to draw a clear line between poverty as a whole and energy poverty.

The indicators used to measure energy poverty can be individual or composite. The most commonly used refer to: socio-economic characteristics of the population – age, unemployment, income, level of education; climate – number of days / years with central heating, outside temperature etc.; energy consumption – structured by income quintiles, by type of energy source etc.; energy demand – for house heating / per unit of surface or per household; the dwellings' characteristics; household appliances etc.

According to the European Union Energy Poverty Observatory (<https://www.energypoverty.eu>), a new institution set up by the European Commission initiative and funded by it to assist Member States in their efforts to alleviate energy poverty, at EU level, around 50 million persons are in energy poverty. Energy poverty was defined, for the first time, in 2009, along with the publication, by the European Commission, of Directives 2009/ 72 / EC and 2009/ 73 / EC. Thus, energy poverty takes into account the difficulties encountered by households in accessing energy services. However, the absence of a common, unitary understanding of the phenomenon is noted. According to the European Commission, energy poverty is understood as a problem of billability, but also as a poor access to modern means of ensuring comfort in the home: «individuals or households are not able to adequately heat or provide other required energy services in their homes at affordable

cost».

The first question we ask ourselves is: how accessible should energy services be? One of the perspectives that compels us to ask this question is that, obviously, the more energy becomes accessible to the population, the more consumption and, consequently, the environmental pollution increases. There are countries where the interest of the political decision makers for other important areas of daily life such as consumption of culture, education, leisure, food etc. is much lower than for energy consumption. Energy is a fashionable subject, which can easily be a factor of political and geopolitical manipulation. However, public awareness of the true value of energy is rarely triggered, including by energy producers. In many countries, especially in the former communist ones, energy efficiency education, respect for the conservation of natural resources are still underdeveloped. Energy has become a consumer good considered as coming from itself, without the contribution of anyone, like the water of a river that flows continuously. It is obvious that the population is not educated in the sense of awareness of human, financial, ecological efforts etc. involved by the whole process of transforming the energy resource into electricity and heat. Under these conditions, easy access will intensify the energy waste phenomenon.

The main tool that can draw the line between energy waste and ensuring at least a minimum of consumer comfort is obviously the price of energy. In our research we will try to find out what would be the price that different categories of population would be willing to pay for each kWh of energy consumed. From a sociological point of view and not only, the motivation underlying the perception of individuals about the value of the energy consumed would be interesting. The emergence, especially in transition economies, of political, institutional and market failures, determines the need to use shadow prices in economic and financial analysis. The sources of market failures can be multiple: externalities, lack of prices and markets for some natural heritage items (there are opinions that including wind, as an energy resource, should have a market price), lack of property rights, limited term vision are just a few of them. Shadow prices can be used instead market prices precisely to reflect the economic costs of opportunity (the costs of the sacrificed chance). The opportunity cost measures the economic value expressed in shadow prices of an alternative output that is abandoned after the increase in consumption of another resource. In an ideal world, of perfect competition, from the market interaction of consumers and producers result market prices that coincide with shadow prices, and scarce resources are efficiently allocated. In the real world, however, the aforementioned failures determine prices of goods and services that differ substantially from shadow prices. Excessive consumption of natural assets reflects a political, institutional or market imperfection (failure), ie the inability to signal the increasing rarity of natural assets. The same failures can also be seen from the supply side: the economic agents do not show interest for the environment because investments in this area are not profitable, different reasons causing the market not to reward those who invest in environmental protection. The level of energy prices, the decrease of the incomes and the inequalities existing in their

distribution often lead to the decrease of the consumption and implicitly, to the diminution of the degree of capacity utilization, to an inefficient and unsustainable use of the energy resources.

The second question arises directly from the definition of energy poverty given by the European Commission. Is it fair to address energy poverty only from the point of view of the final consumer? What happens to energy producers? From our point of view, it is obvious that energy poverty cannot be viewed solely from the point of view of the final consumer. Energy poverty must be viewed from a much broader perspective, even at national levels. Energy poverty comes not only from the inability of the population to provide itself the minimum comfort at reasonable prices, but also from the lack of access to resources, the inability to exploit or import energy resources etc. At the level of electricity generation, energy poverty can come from the lack of investment, a poor energy mix, lack of skilled labour, structural changes caused by climate change or other adverse effects on the environment (giving up nuclear groups, fossil fuel plants, increasing the share of intermittent energy, etc.), corruption, inefficient energy policies, lack of strategies, poor public and corporate governance. This is why, in our approach, we intend to carry out an analysis of energy poverty across the entire energy value chain. Our approach does not stop at the last link of the energy-consumer resources chain, but it aims to address energy poverty across the entire value chain of electricity production: energy resources – generation – transport – distribution – supply – consumption. We would like to recall that, similarly, the concept of energy security has expanded over time. From the security of the energy supply, the concept has been enriched with the security of demand and transport. Thus, for each link of this value chain, we could take into consideration the following indicators: for energy resources procurement – Energy dependency; for electricity generation – The utilization rate of production capacities (the ratio of electricity production to available capacity –it reflects the slow tertiary reserve, including investments), Electricity import / export balance; for electricity transport – Interconnection rate, prices of imported / exported electricity; for electricity distribution – Number of unplanned hours of power supply outages; for energy consumption – Orientation towards modern energy sources (the gap between energy expenditures and energy consumption). Regarding the last mentioned indicator, we consider that the structure of the household consumption by categories of energy sources is determined by the structure of the expenses incurred for the acquisition of each type of resource. We found that, in Romania, the prices of electricity, respectively the expenses induced by its consumption, do not stimulate the consumer's orientation towards this modern type of energy. Thus, a weight of approx. 42% of the expenditure on electricity in total household energy expenditure, corresponds to a consumption that has a percentage of only approx. 14% in the structure of the energy demand of the population. In the case of thermal energy, the presence of subsidies leads to a reversal of the situation: at approx. 7% share of the expenses with the thermal energy in the total of the energy expenses, corresponds a percentage of 11% of the consumption (computed based on data from the National

Institute of Statistics, www.insse.ro, 2017). At the same time, the price of firewood stimulates the unsustainable consumption of this category of resource. For now, the low price of natural gas compared to that of electricity makes the dwellings electric heating not economical in Romania, a situation that is not expected to change fundamentally until 2030.

The third question is: to what extent overlapping of the Poverty and Energy Poverty indicators could be avoided? The European Union Energy Poverty Observatory takes into account two categories of indicators: primary and secondary. The four primary indicators are aiming: Arrears on utility bills (share of (sub-) population having arrears on utility bills); Low absolute energy expenditure (share of households whose absolute energy expenditure is below half the national median); High share of energy expenditure in income (the proportion of households whose share of energy expenditure in income is more than twice the national median share); Inability to keep your home adequately warm (share of (sub-) population not able to keep their home adequately warm, based on the question «Can your home afford to keep its home adequately warm?»). As recognized on the EU Energy Poverty Observatory's website, «secondary indicators are relevant in the context of energy poverty, but not directly indicators of energy poverty itself. Indicators include e.g. energy prices and housing-related data.» Thus, the secondary indicators proposed by the Observatory, include: fuel oil, biomass, coal, electricity, district heating, gas prices; dwelling comfortably cool during summer time/warm during winter time; dwellings in densely populated areas/in intermediately populated areas; people at risk of poverty or social exclusion; energy expenses, by quintiles; share of population living in a dwelling equipped with air conditioning facilities/ heating facilities; excess winter mortality/ deaths; presence of leak, damp, rot.

Against the background of increasing poverty, in 2016, in Romania, 54.5% of the population could not pay the electricity bills on time (47.4% in the urban area and 62.2% in the rural area); at the same time, 53.2% of the households in the urban area have delayed the payment of the household utilities expenses (66.6% in the urban area and 38.7% in the rural area) (National Institute of Statistics, www.insse.ro, 2017). However, are we able to state with certainty that the energy poverty phenomenon is determined by the lack of supportability of these invoices? From another perspective, poverty reduction can be tackled by paying more attention to other expenditures, which may have a higher share in population incomes than energy ones. For example, in Romania, the share of population's energy expenditures in the total revenues is about 11%, while the share of food expenditures is 19%.

A fourth question concerns how the perception of energy poverty has evolved over time. Or more precisely what is the time horizon for which an energy poverty estimate can be made based on the same criteria and indicators? From the historical perspective the answer to this question can become very difficult. How was energy poverty defined in the Middle Ages or even in the prehistoric period? How will this be viewed by mankind over a century? Going back to the past, when energy resources were plentiful but there were no means of production to turn them into useful energy,

is no longer possible. Or we will finally find those natural resources and / or advanced technical and technological means that, despite our negligence and waste could save us definitively from energy poverty. We wonder what should be the structure of a composite index of energy poverty, from a historical perspective, able to ensure long-term comparability.

КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАЛЕКТИКИ В ГИПЕРТЕКСТОВОЙ СРЕДЕ

В. А. Белокрылова

В статье анализируются трудности, связанные с экспликацией стиля мышления «человека информационного». Его специфика определяется через противопоставление классическим образцам и канонам как правило в негативном оценочном контексте. Делается предположение о перспективах диалектики в качестве альтернативной логической традиции для интерпретации противоречий становления виртуальной гипертекстовой среды.

Противоречивость социальных процессов современного общества стала предметом многочисленных современных интерпретаций. Традиционная философская проблема – как противоречия действительности отражаются в мышлении, может ли мышление способствовать их разрешению прибегая исключительно к собственным внутренним ресурсам приобретает новую исследовательскую оптику в контексте становления информационного общества.

В современном научном дискурсе стилистика мышления, складывающегося в ходе информационных трансформаций культуры, определяется как правило через отрицание и противопоставление предшествующим типам, например: как нелинейное в противоположность линейному, логически структурированному; релятивистское в противоположность универалистскому, руководствующемуся тотализирующими нарративами и идеологиями; гипертекстовое, многомерное, ускользающее в противоположность иерархизированному.

Характеризуя специфику мышления человека информационного общества исследователи зачастую указывают на некую его «деформированность», трактуемую как побочный эффект информационной перегрузки. Проявлением последней становится клиповость, дискретность, ценностная и концептуальная лабильность, релятивизм, метафоричность и образность. «Эти новые формы получения, передачи, хранения, переработки и использования информации можно характеризовать как сетевое мышление, которому присущи совершенно новые качества. Это новое качество является спецификой человека нового типа, которого принято называть Homo informaticus» [4, с. 173]. Наиболее радикальная трактовка вообще отказывает индивидуальному мышлению в самостоятельном статусе, оно трактуется как функция информационно-сетевой структуры. В предельном смысле здесь мыслит не личность, а сеть. «Агентами и акторами этой новой реальности являются виртуальные личности, для которых характерно формирование нового типа коммуникации – виртуальной коммуникации, нового типа мышления – сетевого мышления, или Net-мышления, нового типа психики –

психики интернет-пользователей и новых качеств интернет-психики [4, с. 175].

Весьма типично приведенное ниже по сути позитивистски фундированное обвинение мышления «человека информационного» в симулятивности и спекулятивности. Т. е. находящийся в рамках виртуального пространства, он не мыслит ничего чувственно осязаемого, верифицируемого. Мышление всегда оперировало и будет оперировать культурными символами, но в информационном обществе, по мнению цитируемого автора, символ "сам по себе не наполнен конкретным содержанием, кроме отрицательного свойства типа «не принадлежит объективной реальности» [4, с. 176].

В чем состоит позитивная специфика так называемого Net-мышление, мышления сетевых пользователей, просматривается ли в нем некая особая сетевая логика? По мнению В. И. Курбатова сетевая логика агента глобального информационно-коммуникационного взаимодействия это не логика текста, а логика гипертекста. С гипертекстовой конфигурацией связана нелинейность сетевой логики «каков язык, соответственно, каков текст ... такова и природа осмысления этого текста, выявления его связности, осмысленности, обоснованности и непротиворечивости, т. е. такова и логика, таково и мышление» [4, с. 178]. Гипертекст «одновременно является множественностью текстов (цифровой информации), моделью сетевого мышления, в которой актер выступает и как пользователь этой модели, и как одновременно ее творец (ибо порождает новые векторы поиска информации в виде движения от одного узла к другому)» [4, с. 180]. Кроме того гипертекст способен к многочисленной трансформации, передвижке, к интерпретации его содержания многими способами [4, с. 178].

Возникает вопрос, вписывается ли гипертекстовое мышление традиционные логические каноны, актуален ли тут в частности запрет противоречия, «чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении»? Косвенно об имманентной противоречивости мышления сетевого человека свидетельствует его полифоничность. «Сетевое мышление тесно связано с такой характеристикой сознания виртуальной личности, как полифоничность. Полифоничность – новый феномен, отличающийся от монологичности текста (дискурса) и диалогичности живых обсуждений. Полифоничность как новый феномен сознания виртуальной личности связана со множественностью интерпретаций информационных контентов и с интерактивностью коммуникативного процесса в информационном пространстве» [4, с. 180]. Анонимность сетевого статуса открывает технические возможности «одновременного занятия разных виртуально пространственных и личностных позиций, т. е. может одновременно участвовать в разных ветвях форума (разных форумах), порой отставив разные, в том числе и противоположные, тезисы» [4, с. 180].

В настоящий момент как эмпирические обобщения, и так гипотетические допущения по поводу трендов развития «сетевого мышления» не дают

исчерпывающего представления о формообразующих принципах и механизмах его логики. Подобно ли мышление сетевого агента публичному софистическому манифесту, теоретическому (моральному) релятивизму либо оно содержательно представляет собой стихийное приближение к диалектической трактовке единства и борьбы противоположностей в рамках холистического универсума сетевых транзакций? Последнее предположение послужило точкой отсчета для нашего обращения к особенностям содержательной трактовки противоречия в рамках диалектической логики.

Диалектическая традиция с момента своего возникновения в Древней Греции также позиционировала себя через противопоставление господствующему стилю мышления. В последующие эпохи данная установка сохранилась, например, противопоставление спекулятивно-диалектического и метафизического у Гегеля. Так или иначе, мыслить выходя за рамки формально-логического запрета противоречия – значит мыслить по иному (и иное), альтернативно принятым схемам и канонам. Таким образом, и мышления человека, погруженного в сетевые взаимодействия и многоуровневые гипертексты, и стиль мышления, именуемый себя диалектическим, оба фактически претендуют на преодоление или по крайней мере расширение устоявшихся логико-эпистемологических представлений об идеалах и границах мышления. Именно в силу подобной оппозиционности можно допустить существования точек совпадения мышления, характерного для «человека информационного», и диалектического стиля мышления. Подобное сближение оппозиций происходит латентно, помимо сознательных намерений. Драйвером его служит именно негация (сознательная либо стихийная) определенной устоявшейся традиции в мышлении.

Еще одно гипотетическое допущение касается возможности рассмотрения диалектической традиции как средства легитимизации информационно-сетевого мышления, способствующего преодолению его маргинализованного статуса. Подобная маргинальность обосновывается, прежде всего, как констатация отсутствия таких субстанциональных атрибутов "классического" рационального мышления как линейность, последовательность, упорядоченность, соответствие образцам и авторитетам и т. п. Из обстоятельства отсутствия зачастую делается вывод о некоей ущербности мышления "информационного человека". Достаточно часто можно встретить утверждения, что технологический прогресс оборачивается регрессом и деградацией мыслительных способностей человека, вырождением, примитивизацией и т. п. Золотой век «человека мыслящего» остался в прошлом, «человек информационный», лишенный классических атрибутов «правильного мышления» – лишь его бледная копия, придаток искусственного интеллекта, силами которого в скором будущем предстоит решать большинство задач жизнеобеспечения цивилизации.

В свою очередь, альтернативная канонам непротиворечивого мышления, «диалектическая рациональность» хотя почти никогда не была

интеллектуальным мейнстримом, однако имеет под собой авторитетную философскую традицию. Мыслить иным способом, мыслить иное, мыслительно воспроизводить онтологическое напряжение противоречий всегда было нетривиальной задачей и требовало особых подходов, техник, систем аргументации. В рамках нашего исходного допущения можно предположить, что находящиеся за рамками привычных форматов мышление информационного человека, специфику которого обычно характеризуют сугубо в терминологии отсутствия, можно объяснить началом формирования альтернативного мыслительного стиля, к которому с момента своего возникновения стремилась диалектическая традиция и который становится наконец возможным благодаря интеграции индивидуального мышления в глобальное сетевое пространство. Характеристикой его станет развитие мыслительных и коммуникативных стратегий, работающих в условиях противоречивой гипертекстовой многомерной действительности.

Овладение категорией противоречия, по практически единодушному мнению сторонников диалектической традиции, представляет собой суть диалектики. Однако формы и способы такого овладения представляются отдельной проблемой. С одной стороны, неприемлемым является редукция данной категории к массе эмпирических примеров. «Подведение массы случаев под общий принцип не есть диалектика» [1, с. 5]. «Нельзя понять, что такое диалектическое противоречие на уровне эмпирического описания. Это можно сделать лишь проанализировав его особое место и его особую роль в структуре научной теории, воспроизводящей логику предмета» [1, с. 10]. С другой стороны, само теоретическое описание действительности конструируется на основе допущения ее имманентной противоречивости. Противоречие как категорию диалектической логики выходит за пределы собственно сферы мышления и предполагает следование определенным онтологическим установкам. Кроме того, заслуживает внимание своеобразная схема освоения и встраивания («снятия») теоретического капитала предшественников в актуальных теориях, конструируемых в соответствии с диалектическими принципами. Методологический принцип «мыслить в выработанных предшественниками понятиях более богатый эмпирический материал» [1, с. 113] предполагает мобильность мыслительной позиции исследователя, что остро актуально для информационного общества.

Парадоксальным образом методология критично настроенной «диалектической толерантности», формулируемые философами советской традиции вслед за Гегелем, не теряет своей значимости в условиях, с одной стороны, постмодернистской мозаичности, отрицающей какую бы то ни было иерархию и упорядоченность, с другой стороны, конфликтного взаимного отрицания несовместимых подходов и парадигм. "Научная критика состоит не в том, что критикуемая теория отвергается «с порога», путем нападения на нее извне, а в полной переработке и переосмыслении (что предполагает более глубокую проработку и осмысление ее, чем даже у ее творца). Иначе говоря,

научная критика включает в себя критику «имманентную», но перерастает ее рамки, выходит за ее пределы, и только тогда обретает основательное право выносить над старой теорией приговор, осуждающую ее как ограниченную и постольку ложную [1, с. 113]. Таким образом, в диалектической системе координат легитимным статусом обладает лишь критика, снимающая в себе критикуемую теорию. Отметим, что здесь также «работает» аналогия с сетевым информационным плюрализмом: противоречивость и многообразие позиций требует не примирения (которое в принципе недостижимо), а соответствующего позиционирования и объяснения, надстраиваемых над данным многообразием. «Начальное понятие новой теории предстает как конечный итог критического «путешествия» по другим теориям и концепциям» [1, с. 113].

В условиях информационных трансформаций общества возрастает потребность анализа противоречий в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Фиксируя противоречия и амбивалентные характеристики культурных, политических, антропологических процессов именно как норму, а не патологию, современные исследователи фактически становятся на позиции стихийной диалектики. Открытость противоречию, сфокусированность на его объемной репрезентации и интерпретации, допущение множества контекстов, уровней и проекций одного и того же феномена – все это требует мыслительных технологий диалектики. А последние, в свою очередь, остро нуждаются в выходе за пределы спекулятивного и догматического, что реализуемо посредством интерпретации с их помощью «гипертекстовой действительности» информационного общества.

Дискуссия по поводу соотношения формально-логического и диалектического противоречия имеет под собой достаточно обширную традицию. По В. Далю «противоречие», происходящее от слов «против» и «речь», означает спор, прекословие, опровержение чего-либо, различие, два несовместных обстоятельства [2]. У Аристотеля противоречие трактовалось как противоположность одного мнения другому. Классический закон противоречия, сформулированный этим мыслителем гласит, что «невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении». Дискуссия о статусе противоречий в мышлении фактически отсылает к спору двух логик: формальной и диалектической. И хотя их взаимное признание было и остается проблемой, этот спор имеет под собой обширную многовековую философскую традицию.

Э. В. Ильенков, один из ведущих представителей советского неdogматического марксизма, в целой серии своих работ отстаивает и обосновывает особый статус диалектической логики. По его словам, трудности, связанные с проблемой противоречия в мышлении выступают как вопрос об отношении диалектического закона о единстве и борьбе противоположностей с фундаментальным логическим требованием непротиворечивости. «Диалектика как раз и рождается там, где метафизическое мышление (т. е. мышление, не

знающее и не желающее знать иной логики, кроме формальной) окончательно запутывается в логических противоречиях, которые оно произвело на свет именно потому, что упрямо и последовательно соблюдало запрет какого бы то ни было противоречия в определениях. Диалектика как логика есть средство разрешения таких противоречий. Так что нет ничего нелепее, чем обвинять диалектику в стремлении нагромоздить противоречия. Неразумно видеть причину болезни в появлении врача» [3, с. 258–259]. Ильенков эксплицирует и критикует типичные «недиалектические» способы устранения противоречия. «Первый путь состоит в том, чтобы подогнать всеобщий закон под непосредственно общее, эмпирически очевидное положение дел... Второй путь заключается в том, чтобы представить внутреннее противоречие, выразившееся в мышлении в виде логического противоречия, как внешнее противоречие двух вещей, каждая из которых сама по себе непротиворечива. Эта процедура и называется сведением внутреннего противоречия к противоречию в разных отношениях или в разное время» [3, с. 262]. Диалектическая логика исходит из нормальности противоречия как источника самоорганизации и развития окружающей социальной и природной действительности. «Любая конкретная развивающаяся система включает в своем составе противоречие как принцип своего саморазвития и как форму, в которую отливаются развитие» [3, с. 264]. Однако указать на противоречие как источник развития недостаточно, диалектическое снятие предполагает наличие некоего объяснительного уровня, с позиций которого просматривается еще и их единство. В «Капитале» антиномии трудовой теории стоимости вовсе не упраздняются как нечто субъективное. Они здесь оказываются понятиями, т. е. снятыми в составе более глубокого и конкретного теоретического понимания. Иными словами, они сохранены, но утратили характер логических противоречий, превратились в абстрактные моменты конкретного понимания экономической действительности [3, с. 263–264].

Проблема на наш взгляд состоит в весьма ограниченном перечне конкретных примеров и алгоритмов, ведущих к снятию противоречия через обнаружение подобной «суперпозиции», дефиците конкретных рекомендаций практикующим исследователям в их обращении с зафиксированными противоречиями и парадоксами. Способ построения экономической теории К. Марксом представлял собой эталон для советской версии диалектики. Однако изучение и детальный анализ приемов построения диалектической теории автоматически не вело к самостоятельному творческому воспроизводству заключенного в наследии классика стиля мышления в составе других научных теорий. Широко анонсированный советских проект директивного продвижения диалектического мышления в массы в большинстве случаев ограничился его формальным атрибутированием, фактической симуляцией диалектического в угоду политико-идеологической конъюнктуре.

Проблема противоречивости и парадоксальности мышления не ограничивается сферой логико-философских дискуссий. Противоречия и

парадоксы – неизбежные атрибуты роста научного знания, профессиональной коммуникации ученых, расширения дисциплинарных и предметных пространств научного поиска. Логическая непротиворечивость принадлежит ряду таких отличительных черт современной науки как рациональная обоснованность, доказательность, проверяемость, системность, критичность. Ситуации, когда ученые сталкиваются с противоречиями, парадоксами, антиномиями в науке отнюдь не редкость. Следует согласиться с утверждением А. К. Сухотина о том, что «фактически наука движется от парадокса к парадоксу. Это вехи, которое обозначают ее взлеты и падения тоже, поскольку наступление парадокса воспринимается вначале как наступление катастрофы» [6, с. 40]. Философским статусом по-прежнему обладает следующий вопрос – парадокс это противоречие исключительно логики, мышления, либо же это когнитивная проекция противоречия самой действительности. «Возможно, что парадокс – это кратчайший путь к истине. Такой вывод напрашивается, если учесть, что, во-первых, основным критерием научного знания является истинность... А, во-вторых, парадокс, являясь противоречивым феноменом культуры, может схватывать ту самую искомую истину, которое не в силах оловить рационально-логическое научное мышление» [5, с. 176].

Таким образом, вопрос в том, в какой системе логических координат и с помощью каких логических инструментов возможно мыслительно воспроизводить противоречия действительности, когнитивные, институциональные, социальные? В этом аспекте важна экспликация перформативной позиции относительно природы мыслительного противоречия. Парадокс как мыслительный феномен это «непредвиденное утверждение, противоречащее привычному для нас восприятию мира, трезвому рассудочному мышлению, укоренившимся научным теориям... поэтому данное явление признается чем-то абсурдным и ложным» [5, с. 176]. Здесь важно выявить природу парадоксального суждения. Оно, конечно, может возникать силу логической ошибки либо сознательного софистического манипулирования, спекулирующего на многозначности понятий. Однако если допустить, что парадокс это мыслительно выраженный факт самой реальности, указывающий на недостаточность с одной стороны объяснительных средств существующих научных теорий, с другой, ограниченность линейно выстроенных формально-логических канонов мышления о действительности, то встанет вопрос и о трансформации как первых, так и вторых. Научные теории под давлением обнаружившихся парадоксов вынуждены снова и снова отстаивать свое право на существование. В случае обнаружения противоречия в самом ядре теории нельзя исключить и возможность ее разрушение. Однако в системе координат диалектического мышления разрушению сопутствует созиданию и наоборот, ни то, ни другое не носят статуса абсолютного. «К парадоксам следует воспитывать в себе особые симпатии. Ведь в них обнажаются «горячие точки» науки, пункты ее наиболее вероятных продвижений вперед» [6, с. 237].

Список использованных источников

1. Батищев, Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. – М.: Высшая школа, 1963.
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского словаря. – Т.3. – М., 1955. – С. 519–520.
3. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1984.
4. Курбатов, В. И. Net-мышление: новые реалии информационной эры // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6., № 6. – С. 173–181.
5. Кучковский, П. В. Парадоксы и их роль в науке // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2016. – № 3. – С. 77–83.
6. Сухотин, А. К. Парадоксы науки. – М.: Молодая гвардия (Эврика), 1978.

ИДЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

В. А. Бобков

Идеология – важнейший фактор жизнедеятельности современного общества. Ее роль значительно возросла в нашу динамичную и весьма взрывоопасную историческую эпоху, характеризующуюся непрекращающимися жесткими конфликтными ситуациями в различных регионах мира. Идеология способна играть конструктивную роль как в политической жизни, так и, в особенности, в системе информационной безопасности страны. Выявление ее роли в этой сфере – одна из приоритетных задач белорусской политической науки.

Цель нашего разговора – кратко обосновать роль и значение идеологии в жизнедеятельности современного общества и, в частности, в системе информационной безопасности страны. Актуальность темы была и ранее велика, но она значительно возрастает в условиях формирования информационного общества, нарастания в мире конфликтности, попыток деструктивного воздействия на белорусское общество недружественных нам сил, распространения заведомо недостоверной информации, так называемых фейков, манипулирования массовым сознанием. «Мы видим, – подчеркнул Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на совещании при обсуждении проекта Концепции информационной безопасности Беларуси, – как информационными потоками размывается национальный менталитет, самобытность стран и народов. Существенно меняются социальные связи человека, стиль мышления, способы общения, восприятия действительности [1].

Результатом всего этого является попрание общепринятых норм морали и нравственности, происходят социальные катаклизмы, наконец, меняется политическая карта мира, а жизнедеятельность государств, особенно малых, становится весьма уязвимой. Примеров – масса, и в авангарде идеологической и военной интервенции на другие страны идут Соединенные Штаты Америки. Вспомним их нападение на Ирак, осуществленное под прикрытием борьбы с распространением оружия массового поражения. Вспомним коллективную авантюру Запада в отношении Ливии. В обеих странах произведена жестокая показательная расправа с лидерами, а сами страны ввергнуты в пучину войны и хаоса. Совсем свежий пример – Венесуэла, где США пытаются расшатать и парализовать работу неудобного им режима законной власти под руководством Мадуро и поставить на его место своего ставленника – самозванца Гуайдо.

Здесь просто нельзя не вспомнить Майдан в Киеве, на котором помощница госсекретаря США Нуланд раздавала пирожки и призналась, что Америка в разложение массового сознания украинцев вложила 5 миллиардов долларов. Результат – гражданская война в стране и хаос. К сожалению,

подобных примеров можно привести десятки, а то и сотни.

Силу идеологии заметили еще в древние времена, а итальянский мыслитель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли отмечал, что идеология – это орудие "духовного княжения" той или иной политической силы. То есть он подчеркивал, что идеология представляет собой одну из наиболее влиятельных форм политического сознания, воздействующую на содержание властных отношений. А известный испанский философ Х. Ортега-И-Гассет утверждал, что "ни одна власть в мире никогда не покоилась ни на чем, кроме общественного мнения... У большинства людей мнения нет, мнение надо дать им, влить, как смазочное масло в машину" [2, с. 173].

Таким образом, нам важно понимать, что любая политическая сила стремится распространить свою идеологию, т. е. свое влияние на желаемые объекты. При этом используются все возможные идеологические учреждения, организации, средства и методы. Что касается Республики Беларусь, то необходимо иметь в виду тот факт, что ее жизнедеятельность осуществляется в условиях процессов глобализации и интеграции. Оба эти процесса расширяют границы не только хозяйственного влияния и хозяйственной деятельности государства, но и одновременно более широко открывают двери государства для проникновения вредных, радикально-националистических идеологий, воззрений, верований, чуждой культуры и т. п. В этом отношении разработка и принятие Концепции информационной безопасности Республики Беларусь представляется весьма своевременной задачей.

Отмечая первостепенную роль идеологии в отражении внешних угроз и рисков, нельзя принизить роль идеологии внутри государства, иначе говоря, ее внутреннюю миссию – просвещение и воспитание граждан, их интеграцию и мобилизацию на выполнение политических, экономических, социальных и иных задач в развитии страны. Глава нашего государства постоянно подчеркивает, что "идеологические кадры – это штучный товар". Но следует заметить: у нас сложилась парадоксальная ситуация, когда на руководящих постах в идеологии в основном не специалисты гуманитарного профиля, которых пять лет учили в вузах работать с людьми, а специалисты народного хозяйства, которых учили работать с техникой, природой и т. п. Как отражение ситуации – слабое владение формами, методами, принципами идеологической работы.

Важно также понимать, что в воспитательном процессе особенно вредно гнаться за выдвиганием молодых, "зеленых" кадров. Многовековой историей доказано, что в деле воспитания особый эффект имеет возраст, опыт.

Глава государства совершенно правильно требует: идеологическую работу должны обязательно вести и руководители трудовых коллективов. Но многие из них очень далеки от идеологии. В советское время этот недостаток хорошо восполняли Дома политпросвещения. Что можно предложить в наше время? Возможно, возродить Дома политпросвещения, но расширить их функции, содержание работы: Дом политического и правового просвещения.

Можно предложить и второй вариант – опыт Германии, России и многих других государств. В Германии на правовое и политическое просвещение граждан государство выделяет большие деньги. Эти деньги выделяются различным фондам, политическим партиям, общественным организациям, которые непосредственно организуют работу с гражданами. Представляется также важным придать более высокое качество проведению Дня информирования населения (содержание, формы, методы, актуальность, устранение формализма).

Ведь нередко как у нас бывает? Местные органы власти рекомендуют темы, актуальные в первую очередь для властных структур, а не для граждан. Так, к примеру, тема "Итоги капитального строительства в г. Минске за первое полугодие" рекомендуется для проведения Дня информирования как в трудовых коллективах, так и в студенческой среде, т. е. в вузах. Студенты слушают информацию по этой теме, но не воспринимают ее, так как она далека от их интересов и запросов

Особого внимания, теоретического осмысления и практического улучшения требует, на наш взгляд, вся идеологическая работа в вузах страны. Если подходить формально, то здесь вроде бы все на месте: структура, центры управления. Но центрами управления выполняется по сути основная бюрократически-административная часть работы. Это по большому счету не тянет на полноценную идеологическую работу, ее можно назвать лишь "статистикой в идеологии": сколько и каких проведено мероприятий, сколько и куда направлено студентов на трибуны спортивных и иных мероприятий, с флажками и без них и т. п. В нынешней структуре выпадает самое основное звено – кафедры гуманитарного профиля, способные вести "тонкую" идеологическую, воспитательную работу, т. е. не в лоб, а на основе научно-педагогических методов, что позволяет получать наиболее высокий эффект. Кафедры самостоятельно стараются вести такую работу, конечно, в зависимости от уровня знаний и профессиональных способностей профессорско-преподавательского состава.

Такая ситуация – результат несистемности идеологической, воспитательной работы. Она сложилась в результате того, что в девяностые годы, в условиях хаоса и неразберихи после распада Советского Союза, победного шествия в нашей стране оппозиционных сил, теоретического господства в мировой науке концепций "конца идеологии", политическая власть и нашей и других стран СНГ пустила идеологическую, воспитательную работу на самотек. Политико-гуманитарные кафедры вузов, находившиеся до того в непосредственном подчинении ректоров, были переданы на факультеты. На практике получилось, что они оказались устраненными от формирования стратегии и тактики идеологической, воспитательной работы, решающего влияния на ее содержательную часть в вузе. Оказался разорванным единый процесс учебной и воспитательной работы, считающийся в педагогике ключевым. И получилось, как в известной басне дедушки Крылова "Лебедь, рак

и шука" – каждый тянет в свою сторону. А причина одна – отсутствие стройной системности.

Одним из недостатков в этом деле является потеря научных основ, отношения к идеологии как к серьезной, большой науке. Спросите у современных идеологов, кто такие Макаренко, Сухомлинский – вряд ли ответят. А это ведь выдающиеся советские педагоги, давшие всему миру научно-методические образцы воспитания, которые во многом и заимствовал весь мир. В 60-е-90-е годы все мы – от руководителя до рядового изучали их в учебных заведениях, системе политпросвещения и применяли на практике. То есть на деле старались стать инженерами человеческих душ.

Основная идеологическая работа в вузе, на наш взгляд, должна идти через кафедры политологии, социологии, идеологии, философии, истории – в ходе учебного процесса. Однако в нашей стране стало уже плохой традицией, когда через 2–3 года блок социально-гуманитарных дисциплин реформируется и в ходе этого "перетруса" сознательно или бессознательно урезаются часы на дисциплины, которые в идеологическом плане являются базовыми, или же они вытесняются на задворки какими-то надуманными учебными дисциплинами.

С таким подходом к гуманитарному образованию никак не коррелируют данные социологических исследований. Например, половину студентов г. Минска не устраивают существующие формы активности и они не хотят в них участвовать, а 44 процента их заявили, что не считают себя движущей силой инновационного развития страны [3, с. 1, 4]. То есть, наблюдается отстраненность студентов от активной жизненной позиции, отсутствие прочного идейно-патриотического стержня.

Здесь можно сказать: так это же только около 50 процентов таких студентов. А можно резюмировать: это же половина таких студентов!

Мы предлагаем вернуться к практике, когда кафедры гуманитарного профиля подчинялись непосредственно ректору. Во-первых, это значительно поднимет авторитет, качество идеологии, воспитания, да и имидж вуза. Во-вторых, было бы полезно заняться теорией идеологической работы, адаптированной к нашим современным условиям, и вооружать этой теорией кадры сверху донизу. В этом отношении предостережением нам должны послужить современные события в Украине, Армении, где основным бунтовщиком выступила незрелая молодежь, включая студентов, а в вузах идеологическая, воспитательная работа была серьезно ослаблена.

Нельзя обойти вниманием и тему предупреждения отклоняющегося поведения в молодежной среде – преступность, СПИД, алкоголизм, матерщина. Основываясь на личном опыте, скажу, что самый эффективный способ борьбы с подобными явлениями – нахождение форм и методов вовлечения *самой молодежи* в эту борьбу, создание возможностей для активного осмысления проблем девиантного поведения. Думается, что мы в БНТУ нащупали одну из таких форм – это работа со студентами по подготовке плакатов и организация их выставки на тему: "Наш погляд на карупцыню, наркаманыю і мат". Такая

выставка ежегодно размещается в вестибюле главного корпуса БНТУ.

Нельзя не заметить, что государственная сфера идеологической работы в нашей стране имеет очень слабую и узкую позитивную подпитку от общественных организаций и объединений. Это потому, что опирается она на ограниченный их круг. А ведь в Беларуси в настоящее время насчитывается свыше 2,5 тысяч общественных организаций и объединений. Они составляют костяк гражданского общества. Это союзы и ассоциации, фонды, физкультурно-спортивные, научно-технические, творческие, молодежные и иные организации. Весьма важно вовлечь их в активную воспитательную работу, одному государству не справиться на этом сложном и ответственном участке.

Нам всем вместе необходимо помочь власти вернуть в общество такие понятия, как совесть и скромность, моральная чистота, человеческий фактор, критика и самокритика, деловитость и честность, простота и доступность руководителя, научный подход в работе и т. п. Это не просто благие пожелания, а настоятельная задача, обусловленная по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, необходимостью наличия зрелого, качественного кадрового состава во всех сферах жизнедеятельности, думающего в первую очередь о Родине, и только потом о себе, а не наоборот. Во-вторых, чтобы не раствориться в глобальном мире, а сохранить территорию и страну, узнаваемую по менталитету белоруса – толерантности, совестливости, порядочности.

Есть и еще одна не менее важная задача – помочь власти вернуть в общество объективное, уважительное отношение к нашему прошлому с его достоинствами и недостатками. Дело в том, что сегодня в сознании очень многих, особенно молодых руководителей, превалирует негативное или в лучшем случае скептическое отношение к опыту Беларуси советского периода нашей истории. Если закрепится такое отношение в сознании поколений, нам никогда не достигнуть поставленной цели – сделать Беларусь сильной и процветающей. Не будем также забывать, что будущее всегда вырастает из прошлого. Прошлое во многом проектирует будущее, связывает прошлое, настоящее и будущее, делая поколения людей единым народом.

Таким образом, идеология – это фундамент не только информационной, но и в целом национальной безопасности страны. В структурном плане идеология – это как большая река, которая становится большой, полноводной, глубокой и могучей, вбирая на своем пути множество мелких ручейков и малых рек. Состояние, содержательная часть и структура идеологии – самые подвижные элементы в сфере гуманитарной практики, если рассчитывать на эффективную отдачу. Поэтому они требуют постоянного обогащения прошлым опытом, совершенствования, соответствия новым задачам, новому времени.

Список использованных источников

1. Президент: необходима эффективная деятельность по обеспечению информационной безопасности / СБ. Беларусь сегодня, 2019, 13 марта.
2. Мухаев, Р. Т. Основы политологии / Р. Т. Мухаев. – М.: "Новая школа", 1996.
3. Аналитическая записка. Соцопрос студентов БНТУ по проблемам высшего образования. Научный руководитель – профессор кафедры социологии БГУ Л. Г. Титаренко, 2018.

ПОЗНАНИЕ ЗНАКА КАК ПОЗНАНИЕ МИРА: БУКВЫ ЕВРЕЙСКОГО АЛФАВИТА И СОТВОРЕНИЕ МИРА В «СЭФЕР ЙЕЦИРА»

Е. В. Борисевич

Одним из важнейших вопросов еврейской каббалистической философии является роль букв и слов в создании мира. Эта концепция берет свое начало в тексте Торы о создании мира Всевышним при помощи особых речений. Средневековая еврейская философия развивает эту мысль, создавая своеобразную семиотику, в которой статус знаков приобретают не только слова – обычные языковые знаки, но и буквы. Средневековые каббалистические трактаты последовательно создают к графемам смысловые приращения, превращая их в полноценные знаки, значение которых выводится из их внешней формы и места в семиотической системе.

Одной из самых характерных черт иудаизма является его необычайный интерес и своеобразная чувствительность в отношении всего, что касается священной природы высказывания, слова и языка. История этого глубокого интереса начинается не в каббалистических текстах, а в самой первой книге Пятикнижия. Именно в ней впервые достаточно ярко проявляется интерес к природе имени собственного и его различным формальным трансформациям. Одной из форм проявления этой заинтересованности является постоянное этимологизирование имен, наблюдаемое в тексте Книги Бытия – Книги Берешит. Даже создание человека принимает в ней – среди прочего – форму специфического манипулирования знаками: древнееврейское слово אָדָם 'человек', будучи впервые употребленным без определенного артикля, становится именем собственным первого человека. До этой знаковой трансформации оно было нарицательным существительным, обозначающим просто некую сущность, родственную почве, земле, исходя из народной этимологии этого древнееврейского слова. Таким образом Сотворение мира как творческий акт приобретает в тексте вполне осязаемые знаковые формы, а читатель может наблюдать его фактически воочию каждый раз при обращении к первым главам Книги Бытия. Центральной идеей процесса Сотворения мира также является лингвистический или коммуникативный процесс, поскольку единственным средством его осуществления является Божественное Слово – эта идея берет свое начало в тексте первой книги Торы. Именно поэтому закономерным образом темы, связанные с языком, становятся одной из центральных проблем, над которыми размышляли еврейские мыслители с самого начала изучения Торы.

Каббалистические тексты развивают ряд идей, впервые возникших в тексте Пятикнижия и связанных с языком и сакральной природой коммуникации. Одной из ключевых каббалистических концепций является интерпретация древнееврейского алфавита как основного инструмента Творения. Некоторые каббалистические тексты затрагивают также и иные

аспекты языка, такие как высказывание и текст, и исследуют взаимосвязь различных аспектов коммуникативной природы языка при описании процесса Сотворения мира. Целью данной статьи является раскрытие внутренней логики развития в Каббале лингвистических идей, связанных с древнееврейским алфавитом.

Исследователь Каббалы Э. Урбах [8, р. 93] представляет и кратко анализирует несколько идей, касающихся процесса Божественного Творения, выраженных в различных источниках, созданных еврейскими мудрецами. Он описывает содержащиеся в Мидраше интерпретации 10 Божественных речений: под ними понимается сочетание идей, следующих из текста Книги Бе-решит, выводимых из содержания Десяти заповедей и из интерпретации – в духе идей Платона – Торы как плана Творения. Среди этих концепций находится и своеобразная интерпретация того, что следует понимать как «букву»: «Эти десять высказываний являются "буквами" в том смысле, что они есть элементы речи и высказывания, а не цифры или физические элементы мира...» [8, р. 97].

Совершенно не случайно уже в ранней Каббале буквы древнееврейского алфавита занимают одно из самых важных мест в иерархии философских тем. А. Каплан [7, р. 9] в своем очерке о возможном авторе книги «Сэфер Йецира», называемой П. Хайманом [2, р. 225] «основополагающим текстом Каббалы», указывает, что одним из названий этой книги было также «Книга букв Праотца нашего Авраама, называемая "Сэфер Йецира"». Это название показывает, что неизвестный автор этого фундаментального текста понимал, что одной из самых важных тем этого труда были именно буквы и связанные с ними философские идеи, восходящие к традиционному осмыслению процесса Творения. И с самого начала автор текста сигнализирует читателю, что буквы являются именно тем особым видом философского, а не филологического материала, которому будет посвящена существенная часть «Сэфер Йецира».

П. Хайман [2, р. 226] подчеркивает важность философской концепции древнееврейского алфавита, представленной в «Сэфер Йецира». Он также указывает, что именно благодаря тому, что в этом труде была представлена центральная роль древнееврейского алфавита в концепции Творения, сама книга приобрела чрезвычайную популярность в среде средневековых еврейских ученых и философов.

«Сэфер Йецира» начинается словами, которые в дословном переводе с древнееврейского языка значат: «На тридцати двух тропах – чудеса мудрости...». А. Каплан объясняет [7, р. 20], что эти «32 тропы» – это 10 цифр и 22 буквы древнееврейского алфавита. Согласно его комментарию, буквы могут описывать качественные аспекты мироздания – потому что они могут составляться в слова, описывающие мир во всей его сложности. Цифры же могут описывать количественные аспекты мироздания, и именно поэтому эти 32 символа, называемые «тропами», содержат в себе все мироздание.

Второй стих «Сэфер Йецира» несколько сужает тему, обращая основное читателя на буквы и все их символические и философские аспекты. Цифры

здесь по-прежнему упоминаются, но текст начинает все больше сосредоточиваться на мистической природе букв. А. Каплан [7, р. 31] подчеркивает тот факт, что мир был создан не при помощи самих букв, а при помощи десяти Божественных речений, которые, тем не менее, очевидным образом, состояли из букв.

Во втором стихе «Сэфер Йецира» начинается своего рода техническое описание или классификация букв. Методика описания предполагает прежде всего учет графических и фонематических характеристик букв. Однако графику здесь следует понимать несколько иначе, чем в иных каббалистических источниках, например в «Книге Зохар». В отличие от них, «Сэфер Йецира» проявляет большее внимание не к внешней форме самих букв, а к внеположенной по отношению к буквам графической схеме, которая используется для классификации букв и разделения их на группы. Так, «три матери» были выбраны из алфавита на основании их места на Древе жизни. Аналогичным образом, причина для выбора букв «алеф», «мем» и «шин» никак не связана ни с одной характеристикой этих букв. Вместе с тем, в этом же стихе приводится ясное и точное лингвистическое описание букв «бет», «гиммель», «далет», «каф», «пей», «рейш» и «тав» как *“שבע כפולות”* – «шева кфулет». Дословно это значит «семь двойных», и такая характеристика связана с тем, что при определенных условиях эти буквы обозначают фрикативные звуки, а при других условиях – взрывные, то есть действительно имеют два разных способа чтения, то есть являются «двойными».

Вновь к осмыслению философской природы букв «Сэфер Йецира» возвращается во второй части книги. Первая часть, за исключением процитированных выше стихов, посвящена в основном теме таинственной сущности «сефирот». С начала второй части и до самого конца этого мистико-философского труда буквы становятся центральной темой произведения.

При анализе природы букв применяются разнообразные техники и концепции. Буквам приписываются разнообразные значения: они соотносятся с днями недели и созвездиями, устанавливается корреляция между различными этапами развертывания процесса мышления. Например, буквы «алеф», «мем» и «шин», как полагает А. Каплан [7, р. 94], передают в наиболее общем виде идею тезиса-антитезиса-синтеза. Философские концепции основываются на своеобразном лингвистическом анализе, принимающем во внимание физиологическую природу [7, р. 100] звука, соответствующего буквам:

2:2 Двадцать две основные буквы, впечатал их в голос, вырубил в духе, утавил в устах в пяти местах: Алеф, Хет, Хей, Аин – в горле; Гимел, Юд, Хаф, Куф – в небе; Далет, Тет, Ламед, Нун, Тав – в языке; Заин, Самех, Шин, Рейш, Цади – в зубах; Бет, Вав, Мем, Пэй – в губах.

4:1 Семь двойных: Бет, Гимел, Далет; Каф, Пэй, Рейш, Тав происходят двумя путями. Бет – Бет, Гимел – Гимел, Далет – Далет, Каф – Каф, Пэй – Пэй, Рейш – Рейш, Тав – Тав. Строение мягкое и твердое, строение сильное и слабое.

– и их функциональное лингвистическое значение:

2:2 Двадцать две основные буквы впечатал, вырубил, сочетал их, взвесил и заменил. И сформировал все создание ими, все что будет когда-либо сформировано.

Этот фрагмент, как и само словосочетание “*וַיִּסְמְךָ לְיִשְׂרָאֵל*” может также интерпретироваться как намек на особую роль букв в процессе Творения, как акта, совершенного при посредстве букв, на что, среди прочего, указывает повторение лексемы *יְסוּדָא*, *основание*.

Заключительная часть второй главы описывает механизм Творения в стадии его наивысшего напряжения. Здесь мы узнаем, что одних только букв недостаточно для совершения процесса Творения: их необходимо сочетать особым образом:

2:5 Каким образом взвесил и заменил: Алеф – со всеми и все – с Алеф, Бет – со всеми и все – с Бет, и вернулась назад. Так получают 231 врата, а всякий сформированный и произнесенный именем одним рождается.

Таким образом, самым главным действующим лицом в процессе Творения по-прежнему остается Божественное Имя. А Каплан описывает различные техники, применявшиеся средневековыми каббалистами для «перезапуска» процесса Творения [7, р. 116]. Но самым важным здесь представляется тезис о разделении процесса Творения на несколько стадий: в рамках первой из них буквы объединяются в Божественное Имя, и только после этого это Имя создает все сущее.

Моше Идель пишет об общепринятой мистической практике рецитации Божественных Имен, известной также и в Каббале [5, р. 14]. Сила Божественного Имени являлась одной из существеннейших идей Каббалы:

«Три различных подхода к Божественным Именам проявляются в данном фрагменте: что истинное знание имен может сделать человека мудрым; что они способны поднять человека до уровня пророчества, т. е. мистического опыта; и что они содержат тайную силу, способную изменять реальность путем «обновления» душ» [5, р. 18]. М. Идель подчеркивает [5, р. 20], что «сами буквы в целом проявляют себя на трех уровнях – на письме, в речи и в мысли – и точно так же делают Божественные Имена; необходимо называть Имена сначала письменно, затем вслух и наконец – в уме». Исследователь указывает, что такая техника – расщепления Имени на составные части – является особенно характерной для Авраама Абулафии [5, р. 19].

П. Хайман приводит несколько цитат [2, р. 227], описывая, как именно Бог использовал буквы при создании мира. Сначала Он манипулировал всеми буквами: вырезал, взвешивал, заменял местами и сочетал различным образом.

Затем Он использует буквы Своего Имени, чтобы «запечатать» пространственные измерения созданного мира. Таким образом, и сама книга «Сэфер Йецира», и исследователи, ее изучающие, интерпретируют процесс Творения как трехчастный, состоящий из следующих стадий: возникновения первичного материала – букв, затем составления – путем серии манипуляций с

буквами – основного инструмента Творения – Божественного Имени, и в конце концов – этапа Сотворения мира при помощи Божественного Имени.

По мнению А. Каплана [7, р. 9], «Сэфер Йецира» стала источником вдохновения более чем для 60 знаменитых комментариев, которые представляют собой существенный вклад в развитие еврейской религиозной и философской мысли. Одним из самых заинтересованных в изучении лингвистических вопросов каббалистов был Авраам Абулафия, живший в Испании в XIII веке. В нескольких его работах рассматривается «Сэфер Йецира» и связанные с ней вопросы, и почти все эти труды, также как и ряд иных его работ, демонстрируют его глубокий интерес к роли языка в достижении разных типов мистического опыта.

Э. Р. Вольфсон [9, р. 59] полагает, что язык является одним из центральных вопросов в работах Авраама Абулафии. Его основные идеи относительно данного предмета представляются достаточно противоречивыми. В частности, он утверждает, что древнееврейский язык является единственным священным языком и единственным существовавшим изначально, заключавшим в себе «семена» семидесяти иных – более низкого уровня, «низших» – языков, и являвшимся их «первым корнем» как в письменной, так и в печатной форме.

Будучи весьма чувствительным к лингвистическим вопросам, Авраам Абулафия приводит примеры из Танаха [9, р. 63]: первая надпись, божественная – слов на табличках, процесс нареkania имен Адамом – называние животных, и нареkanie различных сущностей как часть Сотворения мира. Все эти примеры, по его мнению, доказывают, что именно и только в древнееврейском языке наблюдается «соответствие письменного и устного языка» [7, р. 63].

Э. Р. Вольфсон [9, р. 56–57] отмечает, что Абулафия явным образом предпочитает письменную коммуникацию устной и «отдает предпочтение фонетической стороне языка». Несмотря на свое в целом скептическое отношение к способности языка передавать философское знание, Абулафия утверждал [р. 58] «точку зрения о том, что древнееврейский язык может научить человека истинной природе вещей». Э. Р. Вольфсон указывает, что это заявление «...основано на допущении, что существует изоморфное соотношение между структурой древнееврейского языка и реальностью, основном принципе еврейской мистической традиции, который Шолем называл «мистикой языка» [9, р. 58].

В некоторых из трудов Абулафии можно найти очень важную идею о связи между миром природы и миром древнееврейского языка: он пытается установить особого рода параллелизм между этими двумя мирами [4, р. 22]: «Тот факт, что из структуры древнееврейского языка можно узнать то, что мудрецы узнают из изучения природы, указывает, по мнению Абулафии, на особый характер функционирования древнееврейского языка».

М. Идель подчеркивает, что Абулафии удастся найти разнообразные

способы объяснения связей между миром, включая грядущий, и буквами в различных аспектах их существования: прежде всего в графических и фонетических, но также и в тех, которые связаны с числовым значением букв [4, p. 25]. Таким образом, он выявляет своего рода прямую зависимость между буквами и материальными объектами мира. Эта зависимость формируется в процессе Сотворения мира: «Эти буквы – это формы существующих вещей, которые были созданы Богом при помощи творческого аспекта букв».

Список использованных источников

1. Сэфер Ецира – Книга Создания. Режим доступа: <http://www.kabbalah.info/rus/content/view/full/3899&main>
2. Hayman, P. Was God a Magician? Sefer Yesira and Jewish Magic / P. Hayman // Journal of Jewish Studies. – 1989. – № 40. – P. 225–237.
3. Hayman, P. Sefer Yesira: Edition, Translation and Text-Critical Commentary. – Tubingen: Mohr Siebeck, 2004. – 206 p.
4. Idel, M. Abraham Abulafia. Lashon, Tora ve-hermenoytika. – Hotsa'at Shocken: Yerushalaim, Tel-Aviv, 5764. – 350 p.
5. Idel, M. The Mystical Experience in Abraham Abulafia. Translated from the Hebrew by Jonathan Chipman. / M. Idel – State University of New York Press, 1988. – 260 p.
6. Sefer Yesira im perush u-vi'ur me-et Arye Kaplan. – Tel-Aviv, 2011. – 312 p.
7. The Sefer Yetzirah: Short Version. Translated by Aryeh Kaplan. – 1991. – S. 1. – P. 261–267.
8. Urbach, E. The Sages: Their Concepts and Beliefs / E. Urbach – Harvard University Press, 1975. – 1118 p.
9. Wolfson, E. R. Abraham Abulafia – Kabbalist and Prophet: Hermeneutics, Theosophy, and Theurgy. Cherub Press, Los Angeles, 2000. – 265 p.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПОНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Т. Н. Буйко

Определения физической культуры и спорта представляется целесообразным строить на основе телесно-ориентированного подхода, который является сегодня актуальным в социальной философии и социально-гуманитарном научном познании. Введение понятия тела в сферу философии и социально-гуманитарного познания и разработка понятия телесности позволяют увидеть в физкультурно-спортивной деятельности особую форму активности человека, представляющую собой интегральное выражение его культурных достижений. Результатам такого подхода является определение физкультурно-спортивной деятельности как человекотворчества.

Кафедра философии и истории Белорусского государственного университета физической культуры в текущем пятилетии (2016–2020 гг.) выполняет научно-исследовательской работу по теме «Физическая культура и спорт Беларуси в социально-политических процессах XX-XXI веков». Исследование национальной истории физической культуры и спорта мы рассматриваем как важную составляющую философско-антропологической концепции физической культуры и спорта, которая должна быть вписана в общую, социально-философскую, теорию культуры.

Как отмечают некоторые специалисты, с методологической точки зрения, спорт в последние десятилетия находится в состоянии «парадигматической нестабильности» [1, с. 117]. При этом данная «нестабильность» усматривается в наличии целого ряда теорий, которые принимаются в качестве методологических оснований современных исследований спорта и физической культуры в целом. Причина множественности подходов и программ – в определении объекта, которым могут выступать: человеческое тело и его характеристики, физическое состояние человека и воздействие на него, процесс физического развития и воспитания людей, занятия различными видами спортивной деятельности. Анализ материалов Европейской коллегии спортивной науки показывает, что на ежегодных конгрессах этой коллегии доминируют доклады по физиологии спорта, почетное второе место занимают доклады по биомеханике, социология спорта – пятом месте, педагогика спорта – лишь на десятом, а история – на девятнадцатом. Т.е. речь идет о превалировании биомедицинских исследований спорта, что, наверное, справедливо в отношении социального запроса относительно практических выводов и рекомендаций. Однако это не снимает актуальной задачи разработки теоретической концепции физической культуры, которая бы вписалась в общую теорию культуры и стала основой обоснования достойного места спорта в современном мире. На исследования такого рода – философско-антропологические – также имеется социальный заказ, обусловленный

проявлениями антропологического кризиса.

Физическая культура, как определяется в нашем законе, это «составная часть общей культуры, сфера социально-культурной деятельности, представляющая собой совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых и используемых обществом в целях физического развития человека, совершенствования его двигательной активности, направленная на укрепление его здоровья и способствующая гармоничному развитию личности», а «спорт – социально-культурная деятельность, осуществляемая в форме соревнований и подготовки к участию в соревнованиях» [2]. Эти определения физической культуры и спорта, данные в статье 1 Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте», можно назвать инструментальными, поскольку смысл данных терминов сводится к инструментальной роли физической культуры и спорта по отношению к другим сферам и культуре в целом. Такой подход, по нашему мнению, не выявляет подлинной роли и значения спорта в социокультурном бытии человека, а соответствующие понятия не имеют философско-антропологического статуса. Один из известных российских авторов, обозначает это положение как «проблемную ситуацию, связанную с необходимостью разработки сущностного определения спорта», которая и создает направления поиска такого определения [3].

Одно из этих направлений фундировано телесно-ориентированным подходом («the embodied cognition approach»), который стал в последние десятилетия актуальным в социальной философии и социогуманитарном научном познании [4]. Этот подход интенсивно развивается с конца 1980-х – начала 1990-х годов в эпистемологии и когнитивной науке, фокусируя внимание исследователей на «отелесненности» процесса познания, телесной детерминации духовной активности человека вообще. Фундаментальный базис этой концепции был заложен биологом, нейрофизиологом и философом Франсиско Варелой. Введение тела как объекта в сферу философии и социально-гуманитарного познания и разработка понятия телесности позволяют увидеть в физкультурно-спортивной деятельности особую форму активности человека, представляющую собой базис и интегральное выражение его культурных достижений – как общества, так и отдельной личности. Соответственно, спорт необходимо рассматривать как один из системообразующих факторов, определяющих общую стратегию динамики культурно-цивилизационного процесса. Результатам такого подхода является определение физкультурно-спортивной деятельности как культуросозидания и человекотворчества. С такой точки зрения, физическая культура и спорт, физкультурно-спортивная деятельность в целом, выступает базисным элементом культуры.

Культура, если дать ее интегральное определение, представляет собой совокупность программ человеческой деятельности и результатов этой деятельности по всем направлениям – хозяйственно-экономическим,

политическим, правовым, морально-нравственным, религиозным, художественным и др. И между этими программами деятельности – спорт, который в своем функционировании отражает достижения различных программ деятельности – от экономики до науки и религии. Именно спорт является тем социокультурным явлением, которое воплощает в себе стремление человека к соревнованию и конкуренции в чистом виде – как стремление к победе над противником в честной борьбе, над самим собой. Такие победы ведут к выходу человека за пределы своего наличного бытия, тем самым расширяя его границы. В этом и заключается настоящая культуросозидательная сущность спорта и его человекотворческая функция.

Однако эти сущность и функция проявляются в истории человеческого общества не сразу. Мы знаем, что спорт появляется в культуре как дополнение, элемент роскоши – для развлечения, проведения свободного времени, как элемент культа, как подготовка к военным действиям, или, наоборот, как средство избежать насильственных действий – «выпустить пар» в обществе и т. д. Однако в любом случае, спорт, при таком подходе выполняет роль средства, инструмента для обслуживания иных сфер деятельности, является вторичной деятельностью, производной от иных и от них зависимой. Такой подход к спорту, его происхождению, сущности и функциям, и получил название инструментального подхода.

Этот подход далеко не исчерпал своих возможностей. Именно в рамках этого подхода мы фиксируем тот факт, что достижения в спорте, его развитие или упадок того или иного вида спорта, национальные приоритеты и особенности развития видов спорта – все это является интегральным, обобщающим отражением экономических возможностей общества, научных достижений, политических целей, социальных успехов, религиозных особенностей, национальных менталитетов и идеологических доктрин, и других социокультурных составляющих. В рамках этого подхода ставятся и решаются такие исторические и социально-философские проблемы спорта как: проблема становления и оформления национальных приоритетов в спорте, проблема их зависимости от политических и нравственных ценностей, от традиций и гендерных ролей в обществе, проблема экономической и научной обусловленности спортивных достижений, интегральным количественным выражением чего является, например, количество олимпийских медалей.

Вместе с тем, современные исследования физкультурно-спортивной деятельности все более тяготеют к выходу за рамки инструментального подхода. В этом плане особое место занимает, обоснованная в рамках последней из обозначенных выше парадигм, концепция спорта как культуротворчества и человекотворчества. Этот, не инструментальный подход, позволяет рассматривать, как уже было отмечено, физическую культуру как базисную составляющую культуры, а в спорте видеть его культуросозидательную сущность и человекотворческие функции. Такой подход позволяет выявить, описать и исследовать уникальные функции спорта

в культуре, которые обеспечивают выход человека за пределы наличного бытия, расширения своих телесных физических качеств и духовных возможностей – в соревновании с честным соперником и самим собой. По большому счету, именно в этом и заключается уникальное социокультурное измерение спорта, а понятие спорта приобретает свой философско-антропологический статус.

Эту особенность спортивно-физкультурной деятельности и позволяет увидеть введение тела как объекта в сферу философии и социально-гуманитарного познания и разработка понятия телесности. В современном социогуманитарном научном познании дискурс тела, телесности и телесных практик приобрел чрезвычайную популярность, однако не занял пока своего достойного места как методологическая позиция в исследованиях физической культуры и спорта. Вместе с тем, понятие человеческой телесности, по мнению многих специалистов, может сыграть ключевую роль в синтезе естественнонаучного и гуманитарного знания в исследованиях человека и общества. Этот синтез, теоретически вполне обоснованный в философской антропологии и постмодернистской философии, встает как практическая проблема в культурологических, социологических и педагогических исследованиях физической культуры и спорта.

Констатируя актуальность понятия человеческой телесности в дискуссиях о будущем человечества, необходимо зафиксировать важность этого понятия в преодолении европейского дуализма тела и духа в настоящем, в частности, в методологии социогуманитарного научного познания. В понятии человеческой телесности соединилось множество смыслов: телесность – это и социокультурное тело человека; это и феноменальное тело, постоянно стремящееся к выходу за пределы природного бытия, экзистенциал; это и отражение потребностей тела в культуре и социальной действительности; в конце концов, это и способ вписывания человека в мир или, в терминологии конструктивизма, создание собственного мира. Все эти оттенки понятия телесности получили отражение в обширной философской литературе последних десятилетий, которая представляет различные философские направления – от экзистенциализма, до постструктурализма, постмодернизма и радикального конструктивизма.

Постструктурализм и постмодернизм, радикальным образом завершив дерационализацию человека, обратили внимание исследователей на обусловленность его разума и познания телесными реалиями человеческого бытия. При этом поиски оснований познания, которые осуществлялись в «феноменологии тела», концепции аутопоэзиса и радикального конструктивизма, фокусировались вокруг идеи индивида как обладающего телесностью и свободой выбора существа, способность познания которого неразрывно связана с его природной организацией и индивидуальной жизнью. Обладая непосредственным, неотчуждаемым от тела знанием-бытием, которое обеспечивается именно телесным контактом с миром (восприятие – у

М. Мерло-Понти [5]), индивид способен осуществлять аутопоззис – самосозидание собственной жизни.

Накопление «опыта бытия телом», смыслов, закрепленных в социокультурных знаках, приводит к закреплению устойчивых смысловых конструкций, конструированию социокультурной реальности, которая, в свою очередь, определяет взаимодействие индивида с миром на уровне первичных телесных практик. При этом сами смыслы созданы на основе телесных практик по вписыванию человеческого мира в мир объективной реальности. Каждый индивид не начинает свое взаимодействие с миром «с нуля» – он начинает с раскодирования культуры и понимания смыслов на уровне телесных практик. Раскодировка индивидом этих смыслов на уровне телесных практик необязательна: социокультурные смыслы уже вписаны в тело и проявляются в манере, стиле, привычке говорит, держаться, двигаться, подчиняясь определенным инкорпорированным требованиям – т. е. в телесности [6; 7].

Для спортивной педагогики данная методологическая позиция имеет особую значимость, поскольку утверждает принципиальное единство разума и тела, нерасчлененность субъекта и объекта в экзистенциальном бытии человека, понимание тела как условия и необходимой составляющей этого бытия, а телесности как экзистенциала. Человеческая телесность исходит из своих биологических реалий, но не является гарантом присутствия человеческого в человеке. Она становится подлинно человеческой лишь в условиях успешной попытки выхода за пределы биологического телесного опыта. С такой точки зрения спортивная деятельность предстает в совершенно иной ипостаси – как реализация человекотворческой функции культуры.

Рассматриваемый со стороны объективного содержания спортивной деятельности, спорт выступает как разновидность (область или часть) физической культуры и культуры в целом. А это означает, что, несмотря на автономию своего существования и развития, спорт «разомкнут» на культуру как целостное и системное образование, сориентирован на нее и созвучен ее ценностям и целям – посредством спорта реализуется тот потенциал культуры, который делает ее процессом человекотворчества. Определение предельных возможностей, которыми обладает человеческая телесность, является частью этого процесса. Физическая культура, напротив, выступает как основа сохранения и трансляции ценностей человеческой телесности.

Более того, философско-антропологический статус понятий физической культуры и спорта позволяет выявить их роль в современной культуре: физическая культура как совокупность программ, направленных на поддержание (традиция) человеческой телесности и спорт как ее развитие (новация) выступают гарантами сохранения Человека в его противостоянии сверхтехнологиям и «постчеловеку» в условиях антропологического кризиса.

Список использованных источников

1. Ласкене, С. Возможности анализа спорта как социального феномена / С. Ласкене, В. Чингене // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 117–125.
2. Закон Республики Беларусь о физической культуре и спорте 18 июня 1993 г. № 2445–ХП (в ред.). – Глава 1. Общие положения.
3. Передельский, А. А. Физическая культура и спорт в отражении философских и социологических наук / А. А. Передельский. – М.: Спорт, 2016. – С. 259.
4. Бескова, И. А. Природа и образы телесности / И. А. Бескова, Е. Н. Князева, Д. А. Бескова. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 16.
5. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента: Наука, 1999.
6. Бурдьё, П. Практический смысл: Пер. с фр. / П. Бурдьё; Общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб., М., 2001.
7. Слотердайк, П. Микросферология. В 3 т. Т. 1. Пузыри / П. Слотердайк. – СПб.: Наука, 2005.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

М. К. Буслова

В работе рассмотрен сценарий «антропологического поворота» в процессе формирования образованного специалиста нового формата, отвечающего требованиям современной реальности.

Современное «общество знаний» кардинально отличается от всех предшествующих времен стремительными переменами постоянно возрастающими по степени сложности проблемами. Парадигма постиндустриального развития общества основывается на новом подходе к оценке места и роли интеллектуально-духовной сферы человека. Человек оказывается в постоянно изменяющемся мире, к которому, с одной стороны, вынужден приспосабливаться с большими усилиями, трансформируя ценностные ориентиры, с другой стороны, преобразовывать его в поисках новых возможностей для их реализации. Во многом это вызвано тем, что, научно – технический и технологический прогресс намного опережает социальный, в результате, человек часто не в состоянии только адаптироваться как постоянным новациям, намного превышающим его экзистенциальные возможности, но и оценить возможные последствия экспансии информационно-технологических новаций. Он (человек) теряет свою свободу по мере постоянно увеличивающейся зависимости от информационных технологий. В то же время свобода увеличивается, но в рамках возможностей предоставляемых технологиями.

Системы ценностей в жизни общества создают культурную основу его существования, и, взаимодействуя с социально-экономическими, политическими, правовыми, моральными, информационными и другими сферами, определяют тренды его трансформаций и дальнейшего развития. На протяжении долгого исторического периода человек и образуемая им система отношений к миру, природе и обществу изменялись; существенно трансформировались его ценностные ориентации и образ жизни. Осмысление действительности оказывается зависимым от установки человека, культурной ценностной ориентации, его гражданской позиции. Одна и та же предметная реальность может изменять свои объективные свойства в зависимости от чисто субъективного, идеального содержания внутреннего опыта людей, которые с ней взаимодействуют. «Юноша и умудренный опытом муж будут вкладывать различный смысл в одни и те же понятия» (Гегель).

В современных реалиях перспективы общественного развития, в значительной степени стали определяться переносом интересов человека в сферу культуры. Опора на специфику обычаев, нравов и традиций народа, в практической деятельности, приводит к позитивным переменам, позволяющим развивать творческий потенциал человека, его общую культуру,

интеллектуальные способности, сохранять и обогащать культурные ценности, духовное здоровье нации в целом. Основой культуры как универсального, созданного и реализуемого человеком, ценностно-обусловленного, творческого аспекта личной и коллективной жизнедеятельности, охватывающего взаимодействие социальных субъектов разных исторических эпох, отношения к природному, социальному миру, формы общественного сознания и познания объективация является духовность. Именно духовность становится проявлением творческой сущности человека, высшей формой познавательно-ценностных отношений. Ценностные аспекты культуры являются ее системообразующей характеристикой, а традиционные ценности – ее основой. Традиционные ценности аккумулируют исторически накопленный социальный опыт. В них человек отражает, оценивает, понимает мир, сводит в целостное мировоззрение все явления действительности, связывает прошлое, настоящее, будущее конкретного человека и общества. Они (традиционные ценности), как основа социокультурной идентификации, становятся установками для многих поколений, превращаются в историческую память народа, свидетельствующую об общности происхождения и исторических судеб. В литературе выделяют ценности, характеризующие историческую эпоху, социально-экономический уклад, нацию, профессиональные, демографические группы. К общечеловеческим ценностям относят безопасность, благосостояние, свободу, справедливость, т. е., людям необходима стабильность в жизни, защищенность, уверенность в наступающем дне. Важным является возможность реализовать собственный жизненный выбор, что включает такие ценности как достижение успеха, интеллект, ответственность, выбор собственных целей, независимость. Для многих людей актуальны традиционные религиозные ценности, включающие в свое содержание: веру, благочестие, любовь к ближнему, скромность, обязательность, умение прощать, умеренность, честность, ценность семьи. Ценностью является и возможность творческого преобразования мира и гармонии мира с самим собой – единство с природой, мир прекрасного, духовная жизнь, защита окружающей среды, внутренняя гармония, самоуважение, творчество.

Современное общество пытается найти ответ на вопросы о разладе идеалов и действительности, а также духовную опору, и вечные социальные, нравственные, общемировоззренческие ценности, и основания национально-культурной самоидентификации. Духовность, как особого рода социальный феномен, аккумулирует жизнеутверждающие, гуманные установки, цели, смыслы, моральные ценности человека. Духовные ценности определяют потребности человека, а затем тактику и стратегию его деятельности.

Еще недавно по историческим меркам В. Шукшин написал, что на дворе научно-техническая революция, то сегодня можно сказать – системный кризис и экспансия информационных технологий. Человек так и не стал быть мерой всех вещей (Протагор), а долгое время считался трудовым ресурсом. В

настоящее время это рабочая сила. Порвалась связь времен. В большинстве молодое поколение не желает повторять судьбу своих родителей и попадает в ловушку ложных ценностей, разрушающих их личность. «Преобразование общества и типа цивилизационного развития, как писал, В. С. Степин, всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные изменения невозможны вне изменений в культуре» [1, с. 17]. Современному обществу необходимы не только специалисты высокого уровня, но и образованные люди с новым мировоззрением, включающим должный уровень общечеловеческой культуры. По индексу человеческого развития Беларусь находится на 53-ем месте из 187 стран и относится к государствам с высоким уровнем человеческого развития, Россия занимает 57 место, Казахстан – 70, Украина – 83. В национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года обозначено, что человек – это цель прогресса, уровень человеческого развития, мера зрелости общества, государства, его социально-экономической политики. Государственная политика в центр внимания ставит гармоничное развитие человека, включающее интеллектуальное, духовно-нравственное, накопление знаний, умений, компетенций, индивидуальных способностей. Стратегической целью является формирование качественной системы образования, в полной мере отвечающей потребностям постиндустриальной экономики и устойчивому развитию страны. Приоритетное значение приобретают системы образования, здравоохранения и культуры, как важнейших сфер жизнедеятельности общества. Поставлена задача возрастания человеческого капитала как наиболее важного ресурса инновационного развития [2].

Особую значимость в реалиях сегодняшнего дня приобретает сфера образования. Перед ней стоит задача формирования нового типа творческого человека, способного развивать знания, расширять сферу своей деятельности, преобразовывать себя, участвовать в преобразовании общества и всего мира. Это исторический процесс проявления человеком своих духовных потенциальных возможностей, который, в то же время, дополняется новыми аспектами в каждом конкретном культурно-историческом контексте. Трансформация парадигмы образования становится универсальным явлением, имеющим свою специфику, в зависимости от целей общества и обусловлена результатом его внутреннего развития. В настоящее время актуализируется значимость знаний и инноваций, имеющих спрос на рынке и удовлетворяющих потребности общества и человека. Основой деятельности новых образованных людей становятся не знания сами по себе, а знания воплощенные в рыночных продуктах, инновациях. Постоянно увеличивается число стран в борьбе за конкурентоспособность, которые изменяют свои системы образования. Происходит изменение системы критериев качества образования, т. е.,

акцентуация делается на понимание основных понятий, овладение научными методами, умение использовать знания в разнообразных конкретных ситуациях. На смену системы «знания – умения – навыки», осуществляется переход к системе «знания – умения – навыки – актуализация (применение) – производство знаний». Обозначенные трансформации предполагают установку на умение постоянно учиться; способность к поиску новых знаний для достижения поставленной цели; развитие навыков работы в командах специалистов различных областей знания; постоянное творческое самоусовершенствование, выбор приоритетов в реализации общественных потребностей. Превалирующим аспектом современного образования становится саморазвитие человека в свободных формах деятельности. Акцент переносится с универсальных, всеобщих характеристик личности на ее специфические, индивидуальные особенности. Инновационные технологии образования предполагают не только подготовку специалиста в определенном виде деятельности, но и активное включение его в сферу любого вида производства (учитывая интересы, в формате выбранной профессии), что предполагает непрерывную связь с производством, наукой, другими сферами общественной жизни, т. е. деятельность каждого конкретного человека направляется в социальную практику. В процессе обучения человек становится образованным специалистом, когда овладевает основами современного научного знания, его важнейшими достижениями, умением творчески мыслить, применять на практике достижения науки, техники и технологии. Это условие необходимое, но недостаточное. Одновременно необходимо сформировать мировоззрение, получить гармоничное и всестороннее развитие. Предполагается, что такой непрерывный процесс будет происходить на протяжении всей жизни. Процесс образования как усвоение человеком культурных и научных ценностей в рамках его духовного развития является по характеру и содержанию творческим, поскольку отражает практику социализации человека и преемственности поколений. В разных социально-политических условиях образование выступает стабилизирующим фактором между новыми социальными представлениями и идеалами предшествующих поколений, способствует адаптации человека к новым жизненным условиям. Для того, «чтобы изменился тип общества и возник новый социальный вид, должно произойти изменение культурного кода, мутация мировоззренческих универсалий, а затем уже технико-экономическое развитие и конкуренция с другими обществами позволит определять дальнейшую судьбу нового вида социальной организации» [3, с. 17]. В процессе образования особую значимость приобретает формирование мировоззрения, которое формируется не только наличным бытием, но и является результатом образования, воспитания, влиянием философии, науки, религии, идейных и правовых установок, этических принципов и норм, художественно-эстетических идеалов и ориентиров. Оно (мировоззрение) охватывает все круги бытия человека и представляет систему взглядов об окружающем мире и о себе самих, о целях,

ценностях, идеалах своей жизнедеятельности. Мировоззренческие универсалии синтезируют исторически накопленный социальный опыт, в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления реальности. В систему мировоззрения входят и нравственные ценности, т. е. совесть, социальная ответственность, моральный выбор, моральная оценка, нравственные нормы, нравственный идеал, нравственная зрелость, составляющие основу моральных ценностей, но в то же время, характеризующиеся своей спецификой и функциональной направленностью. Гармоничное сочетание всестороннего развития и высокого уровня специализации характеризует образованного человека, отвечающего требованиям современной реальности. Предполагается, что основой процесса гуманизации образования станет акцентуация на нравственном содержании и трансформации мировоззренческих универсалий, определяющих не только рациональное осмысление, но и переживание человеком мира в контексте общечеловеческих ценностей.

Человеческий капитал становится одним из важнейших факторов развития общества, где особое внимание уделяется достигнутому уровню образования, что подразумевает развитие человеческого и интеллектуального потенциала, стимулирует развитие личности, формирует новые ценностные ориентиры, расширяет социальный и интеллектуальный выбор. «Обладание современными универсальными компетенциями способствует мобильности и трудоустроенности выпускников, продолжению обучения на последующих уровнях высшего образования, обучению в течение всей жизни» [4, с. 4]. Акцентуация переносится на стимулирование творческой активности, создание мотивации для смены идеалов потребительского общества на систему ценностей, утверждающих престиж интеллектуального творческого труда, авторитет науки, образования и культуры. Самой результативной формой накопления становится развитие каждым человеком собственных способностей, а наиболее выгодными инвестициями – инвестиции в человека, его знания.

Приоритетами Беларуси, согласно национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 года, станут инвестиции в развитие человеческого потенциала, формирование класса «интеллектуальных служащих» («людей знаний») через опережающее образование, культурно-духовную сферу, новое содержание труда и здоровый образ жизни [5].

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Картина социальной реальности в системе научного знания / В. С. Степин // Социология. – 2009. – № 4. – С. 3-18.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Одобрено. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10. Минск, 2017 г. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/>

Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf. – Дата доступа: 07.06.2019.

3. Степин, В. С. Картина социальной реальности в системе научного знания / В. С. Степин // Социология. – 2009. – № 4. – С. 3-18.

4. Макаров, А. В. Особенности проектирования универсальных компетенций в белорусских стандартах высшего образования поколения 3+ / А. В. Макаров // Высшэйшая школа. – 2016. – № 5. – С. 3-8.

5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Одобрено. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10. г. Минск. 2017 г. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа 07.06.2019.

SCIENCE-ART КАК СПОСОБ МЫШЛЕНИЯ

И. Н. Вольнов

В статье рассмотрены особенности смены технологического уклада и их отражение на науку и способ ее мышления. Разобраны три принципа формата научного мышления: воспроизводимость научного знания, экономия научного мышления и его монолектичность. Показано их несоответствие новым условиям. Предложено дополнить данные принципы их противоположностями и сделать это в поле мышления. Уникальность, избыточность и противоречивость – принципы, с которыми работает искусство. Смыкание науки и искусства в поле мышления может стать условием преодоления кризиса формата научного мышления.

Цифровая трансформация и переход в шестой технологический уклад, как предрекают футурологи, вызовут сильные изменения во всех сферах жизни человека и общества, включая науку.

В формате научного мышления можно выделить несколько принципов, которые, сыграв значительную роль в научном прогрессе последних двух сотен лет, в новой ситуации перестают работать, тормозя тем самым дальнейшее развитие. Среди этих принципов назовем воспроизводимость научного знания, экономию научного мышления и его монолектичность.

Но сначала приведем данные в подтверждение кризиса научного познания и появления новых внешних условий. На рис. 1 приведено изменение во времени усредненного за десятилетие количества научных открытий в области химии в целом и отдельных ее направлений. Из рис.1 видно, что в настоящее время количество открытий очень мало и сопоставимо с количеством во время становления химии как науки. Те немногие открытия, которые все же сегодня делаются, требуют колоссальной аккумуляции как финансовых, так и интеллектуальных ресурсов, красноречивым примером чему является крупнейшая мировая коллаборация физиков, работающих на самом большом физическом инструменте – Большом адронном коллайдере. График на рис. 1 справедлив не только для химии, но может быть распространен на все физическое знание как таковое. В некотором смысле можно сказать, что базовые принципы научного познания (формата научного мышления), заложенные бэконовской реформой в XVII веке, исчерпаны и перестали работать.

Очевидность исчерпанности научного формата мышления усиливается происходящей на наших глазах сменой технологического уклада, к которому следует относиться не только как к смене господствующих технологий и новой индустриализации, но также как к смене системы базовых общественных отношений и связанных с этим переходов: от глобальной экономики потребления, впечатлений и развлечений к национальным, производящим экономикам; от массовых технологий к индивидуальной инженерии; от

классического менеджмента к аналитике с учетом больших данных; от коротких инвестиций к длинным проектным решениям; от постмодерна к метамодерну; от информационного мира на основе медиа к миру на основе смыслов и знаний и др.

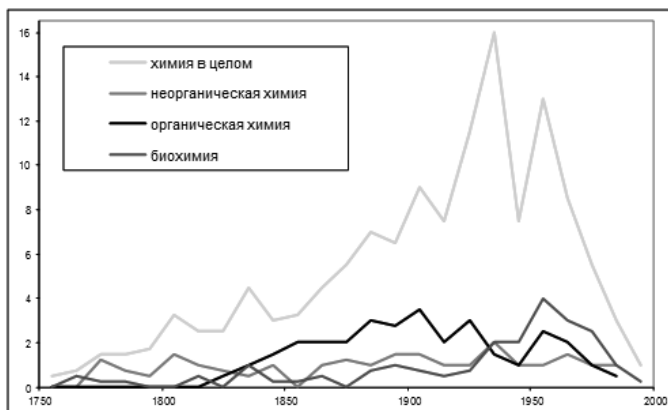

Рис. 1 – Усредненное за десятилетие количество открытий в химии с момента возникновения этой науки по наше время

Один из признаков начавшихся изменений – это интерес к уникальному, возникающему в противовес массовому и усредненному. В базовых деятельности социосистемного подхода [1] этот интерес порождает интерес к инновациям, стартапам, кастомизации в производстве, индивидуальным образовательным траекториям в образовании и управлению сложностью в управлении. В познании, которое в современной наукоориентированной культуре редуцировано к научному познанию, данный интерес тормозится одним из методологических принципов современной науки – принципом воспроизводимости результатов. Согласно этому принципу лишь те результаты становятся научными, которые могут быть воспроизведены. Очевидно, что этот принцип исключает из науки все уникальные события (за редким исключением, к которым относится исследование уникальных и единственных в своем роде объектов, таких как мозг человека и Вселенная), а те события, которые воспроизводятся, этим воспроизведением усредняются. Таким образом, мы можем говорить, что современная наука на методологическом уровне не имеет механизмов работы с уникальностью и, следовательно, в данном состоянии не вписывается в происходящие изменения.

Следующий принцип, хорошо описанный в позитивизме, – принцип экономии научного мышления [2], который также известен как принцип «бритвы Оккама» и принцип наименьшей траты сил Маха-Авенариуса. Из нескольких возможных способов объяснения факта / гипотезы верным объявляется самый простой, не вводящий или вводящий наименьшее

количество дополнительных сущностей. Все остальные способы кроме простейшего рассматриваются как избыточные, не верные и отсекаются / сбрасываются обозначенной бритвой. Отдавая дань этому принципу и связывая его повсеместное употребление с «золотым веком» науки (см. Рис. 1), следует отметить, что принцип экономии, как и режим экономии в целом эффективен для ситуации нормального научного развития (по Т. Куну). Однако на смену нормальному развитию всегда приходит кризис, в котором режим экономии является наихудшей стратегией поведения. Современный кризис научного формата мышления обязывает к иному способу мышления с допущением избыточных сущностей, ранее отбрасываемых как не верные. Отметим также, что природа в своей многообразии, по всей видимости, «не знает» принципа экономии и в ее устройстве мы везде находим избыточность, как базовое эволюционное свойство. Самый яркий пример – это число нейронов в головном мозге человека и число связей между ними, которое сопоставимо с числом атомов во Вселенной. Таким образом, наука в своем познании природы методом мышления не совпадает с познаваемым ею объектом.

Наконец, научное мышление в своих модусах естественнонаучного и гуманитарного, направлено на исключение любого противоречия в своих построениях, т. е. является монолектичным. Доказательство в научном мышлении – это построение цепочки логически связанных суждений до некоторого общепризнанного истинного суждения. Если данная цепочка натывается на противоречие – исходное суждение считается опровергнутым. «В этом отношении проблемой, указывающей на несовершенство научного мышления, является вторая теорема Геделя о неполноте, согласно которой любая аксиоматическая система либо противоречива, либо неполна» [3]. Остается добавить, что понятия «доказательство», «истина» и «ложь» не могут быть обоснованы внутри научного мышления и применяются на обыденном уровне. Также наука имеет дело только с «движением» (построение цепочек суждений) и не имеет дела с «развитием» (исключение противоречий), что в свою очередь порождает склонность к неоправданным обобщениям локальных областей знания и неспособность к междисциплинарному обобщению.

Подводя промежуточный итог, отметим, что все три указанных принципа научного формата мышления – воспроизводимости, экономии и монолектичности – лежат в поле мышления и, следовательно, именно в мышлении могут быть сняты ограничения этих принципов с привлечением уникальности, избыточности и противоречивости (диалектики, триалектики и более сложных форм лектик). Заметим, что воспроизводимость также понимается как принцип мышления, редуцированного к интеллекту. Как известно, мышление стремится к уникальному и невоспроизводимому, а интеллект – к среднему и воспроизводимому [4].

Из иных, не научных способов мышления и отношения к реальности, в наибольшей степени принципы уникальности, избыточности и противоречивости выражены в искусстве и, следовательно, искусство может

стать для науки ключевым ресурсом преодоления, указанного выше кризиса. Отметим, что взаимный интерес науки и искусства друг к другу вновь начал усиливаться в 80-е годы XX века, после более чем двухсотлетнего перерыва, и выразился в создании, с одной стороны, нового направления в искусстве Art&Science, которое использует достижения науки и технологии как средства художественного высказывания, а с другой, осознанием наукой необходимости собственной популяризации в обществе (научный пиар) и созданием новой дисциплины «научные коммуникации». Как мы видим, сейчас наука и искусство продолжают независимое существование, а предпосылок для их равноправного объединения (Science-Art) очень немного [4].

Мы рассматриваем Science-Art как новый способ мыследеятельности и такого отношения к реальности, в котором опора делается не только на опыт, как в науке, или интуицию, как в искусстве, но на процесс мышления, в котором наука и искусство смыкаются и взаимно дополняют друг друга.

Это смыкание можно иллюстрировать также через понятие схематизации. «Схема – знаковая форма, которая способна наглядно представить абстрактные представления высокого уровня. Схемы употребляются для организации познания сложных разновременных и разнопространственных процессов, организации совместного их видения и совместных действий», «эффективность схемы, как инструмента познания и руководства к деятельности, в основном объясняется именно сочетанием в ней двух сред – пространственной и языковой» [3]. Этим мы хотим показать, что схема, с одной стороны преодолевает основной модельный подход науки, т.к. содержит меньше методологических ограничений и лучше подходит для понимания сложных пространственно-временных сущностей, а, с другой стороны, искусство, и в особенности визуальное, может быть интерпретировано как схема процесса проживания (в том числе мыслительного) созерцаемого произведения искусства [5].

Таким образом, Science-Art как способ мышления – есть процесс протягивания нити (пучка нитей) мышления в бесконечном пространстве бесконечных возможностей и плетения из них узоров познания, красота которых в одинаковой степени складывается из уникальности и воспроизводимости, экономии и избыточности, противоречивости и ее отсутствия.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проекты 18–511–00008 и 18–511–00028).

Список использованных источников

1. Переслегин, С. Б. Дикие карты будущего. Форс-мажор для человечества / С. Б. Переслегин, Е. Б. Переслегина. – М.: Алгоритм, 2015.
2. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы. – В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2006.

3. Никитин, В. А. Инженерная онтология. Инженерия как странствие. Учебное пособие / В. А. Никитин, С. Б. Переслегин, А. В. Парибок. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2013.
4. Вольнов, И. Н. Science-Art: Единство науки и искусства / И. Н. Вольнов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2017. – Т. 22., № 4. – С. 557–564.
5. Малинецкий, Г. Г. Предвестники будущего. Искусство, наука, science-art / Г. Г. Малинецкий, И. Н. Вольнов // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. – 2019. – № 1 (2). – С. 276–300.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА ПРОРЫВА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

В. Г. Воронкова, В. А. Никитенко

Актуальность темы исследования заключается в том, что условия информационного общества формируют цифровое общество, построенное на Диджитал технологиях – цифровых, которые формируют цифровую культуру. Цифровая компонента в совокупности составляет «Диджитал интеллект», формирующийся интеллектуальной частью общества и составляющий приоритет в развитии технологической отрасли. Целью исследования является осуществить концептуализацию цифровых технологий как основы прорыва технологической отрасли, от которой зависит конкурентоспособность государств, а ее задачами выступают выявление основных направлений развития цифровых технологий и их влияния на приоритет различных явлений и процессов цифровизации развития мира.

История развития компьютерной эры началась в тот момент, когда компьютеры соединились с телефонами, в результате чего сформировался разумный гибрид. С тех пор прошло почти 40 лет и за этот период усилилось технологическое слияние коммуникаций и компьютеризации, которое ускорило и приобрело широкий размах. Система интернета и мобильных технологий переместились на главную сцену современной технологической сферы. Цифровая экономика, которая базируется на этих технологиях, пережившая свои подъемы и падения, сформировалась под влиянием масштабных цифровых тенденций, которые выработали глобальные исторические тренды, которые и в ближайшее время будут сохранять свои обороты. «Блеск инноваций высоких технологий плывет медленными течениями. Корни цифрового мира выражаются физическими потребностями и природными склонностями к битам, информации и сетям», – отмечает Кевин Келли [2].

Из цифровых технологий вырастают тенденции развития будущих десятилетий в развитии цифрового мира и цифровой культуры. Некоторые традиционные отрасли исчезнут, старые бизнес-модели перестанут работать, исчезнет множество профессий, возникнут новые профессии, природа цифровых технологий расшатает международные границы. Когда мы поймем эти изменения, то сможем работать вместе с их природой, а не против нее. Виртуальная реальность станет настоящей и мы не сможем остановить процессы усовершенствования искусственного интеллекта и роботов, создание ими новых компаний станет повседневной реальностью. Мы должны управлять этими цифровыми процессами, для того чтобы они не допустить не только настоящих, но и гипотетических срывов и разрушительных тенденций в их развитии [3].

Мы должны окультурить и приручить эти изобретения на пользу

человеку. Это возможно и юридически, и технологически при помощи нашего практического опыта и нашей активности, так как эти технологии вошли уже в нашу жизнь, поэтому изменения неизбежны, так как технологии представляют катализатор изменений. В работе Анастасии Шевченко говорится, что «Технологии делают нашу жизнь комфортной. Простые в использовании, удобные и быстрые мобильные приложения и сервисы позволяют получить необходимые услуги в считанные минуты, не вставая с дивана в любой точке земного шара, где есть доступный интернет. Думаю, что в ближайшее время мы увидим развитие удаленной идентификации, биометрических технологий, транзакционных продуктов, продолжение миграции многих сфер жизни и сервисов в онлайн» [7, с. 12]. В будущем технологическая жизнь (сфера) будет совокупностью нескончаемых обновлений: темпы переходов ускоряются, характеристики смещаются, типовые параметры исчезают, одно меню переходит в другое и т. п. Цифровые технологии требуют нескончаемых обновлений, цикл старения которых ускоряется (средняя длительность «жизни» мобильного приложения или телефона – каких-то 30 дней!), поэтому не будет времени для того, чтобы достигать мастерства и профессионализма в том, что скоро придется списать. Технологические инновации в цифровых технологиях подталкивают нас внедрять новейшие изобретения, которые с временем исчезают, так как приходит следующее новейшее изобретение и так приходится гнаться все за новым и новым. Технологии приносят вечное неудовлетворение, которое толкает на новые и новые изобретения, поэтому неудовлетворение стимулирует цифровую изобретательность и цифровой прогресс. «Нынешние проблемы есть результатом вчерашних технологических успехов, а технологические решения нынешних проблем порождают проблемы завтрашнего дня. Это круговое решение проблем и их решение приводит к стабильному накоплению с течением времени», – отмечает Кевин Келли [2, с. 19].

Цифровые технологии как основа прорыва в технологической отрасли привели к созданию штучного интеллекта, который есть основой развития цифровых технологий и их усовершенствованием. Вот несколько примеров отраслей, где использование искусственного интеллекта возрастает и становится потенциально продуктивным: 1) интеллектуализированная музыка; 2) интеллектуализированный маркетинг; 3) интеллектуализированное строительство; 4) интеллектуализированная этика; 5) интеллектуализированные игрушки; 6) интеллектуализированный спорт и т. п. Искусственный интеллект стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, который сегодня может выполнять различные задания – играть в шахматы, управлять автомобилем, лечить больных. Роботы уже есть различных форм и различных конфигураций, различных размеров и функций, которые войдут в цеха, фабрики и заводы и заменят половину людей [4].

Роботизация приведет к автоматизации, которая создаст сотни миллионов рабочих мест в абсолютно новых отраслях, которые усилят технический и

технологический прогресс. Бекстер – один с первых образцов промышленных роботов нового класса, созданных в помощь человеку. Он умеет рассматривать по сторонам и при этом менять положение своих глаз, чтобы показать, в каком направлении он сейчас смотрит. Он не такой быстрый и точный, как другие промышленные роботы, зато умнее. Для того, чтобы научить этого робота, достаточно взять его за руки и повторять необходимые движения в нужной последовательности по принципу «делай так, как я». Бекстер знакомится с процедурой, а потом ее повторяет. Бекстер открыт в использовании. Основные затраты на среднестатистического робота – не стоимость «железа», а операций. Цена промышленного робота – близко 100 000 долларов и в четыре раза больше может обойтись его программирование, обучение и обслуживание [2, с. 57]. На роботов можно положиться в физической и интеллектуальной сфере, но роботы уже освоили некоторые смысловые процессы лучше, нежели физические. Благодаря компьютеризированному интеллекту, роботы могут делать то, что мы и не предполагали. Настоящая революция начнется тогда, когда мы под рукой будем иметь личных роботов, типа Бекстера [2].

Цифровая экономика держится на свободном потоке копий. Продукты, которые предаются копированию, – программное обеспечение, музыка, фильмы, игры, которые представляют глобальную систему коммуникаций. Этот сервис усовершенствуется значительно быстрее благодаря операционным системам и составляет часть технологического прорыва цифрового мира. Интернет – это миллиард взаимосвязанных страниц, в основе которых сохранение информации и активные знания, базовыми единицами сегодня стали потоки информации с твиттера и фейсбука, в контексте которых читаем блоги, купаемся в потоке информации. В цифровую эру нет избытка информации. Сегодня мы перешли в режим мгновенного ответа. Базовые единицы третьего цифрового мира – это потоки, теги и паутины, в которых цифровая информация может быть доступной в соответствии со ссылками [5].

Если раньше в соцсетях господствовали тексты, то следующее поколение социальных сетей цифровой эры передает видео и звук. Появляются новые инструменты, которые ускоряют поток битов и копий. Если первая революция – это постоянное копирование продукта так, чтобы он стал товаром широкого употребления. Вторая революция – это распределение продукта на части, продукт превратился на поток сервисов, которые передаются с общей паутины. Он становится платформой для обогащения и инновации. Третья революция становится возможной благодаря первым двум, так как потоки мощных сервисов и готовых элементов, доступных за невысокую цену, дают возможность создавать новые продукты и абсолютно новые категории продуктов. Стабильная тенденция к дематериализации и децентрализации означает, что потоки становятся неминуемыми [6].

Со временем в условиях цифрового общества массовые тиражи книг изменили способ мышления людей, печатные станки стали печатать книги быстро, культурную силу книги стали порождать репродукционные машины.

Люди экрана стали игнорировать классическую логику книг и благоговение перед недорогими копиями книг. Книги переходят в цифровой формат и могут растекаться на любом экране и в любое время. Книга превращается из артефакта на поток, который плывет на экране и превращается на «процесс быть книгой». Википедия – это первая книга-сеть, паутина связей, созданная коллективным интеллектом.

Если книги помогали развивать мировоззренческое мышление, то экраны стимулируют утилитарное мышление, считывать с экрана молниеносно и мыслить в реальном времени. Владение потеряло свою прежнюю ценность, а не его место пришел доступ к информации. Цифровые технологии ускорили все эти процессы и стали стимулировать переход от продуктов к услугам. Программное обеспечение становится первым продуктом, который превращается в услугу.

Не так давно возникла еще одна форма организации труда – платформа. Платформа – это основа, созданная фирмой, которая позволяет другим фирмам строить на ее основе собственные услуги и продукты. Немного позже появилось новое поколение платформ, которые имели больше черт, свойственных рынкам и были, по сути, частично рынками, а частично фирмами. Одним из таких примеров есть iTunes для айфонов. Фирма Apple владела этой платформой, которая также стала рынком для мобильных приложений. Поколение платформ еще больше расширило власть рынков. Экосистема платформы становится многосторонним рынком, ярким примером которого есть Facebook.

Сегодня самые успешные и самые богатые организации, сильные экосистемы взаимозависимых рынков и сервисов, как Apple, Microsoft, Google, Facebook. Экосистемами руководит коэволюция – биологическая зависимость, в которой конкуренция соединяется с кооперацией. Дематериализация, децентрализация и массовые коммуникации способствуют возникновению большого количества платформ как фабрик услуг. Фильмы, книги и игры, к которым мы имеем доступ, живут в облаках, Облако – это колония с миллиарда компьютеров, которые переплетены между собой как одно единое целое и действуют как большой компьютер. Эти облака, хотя и невидимые, но руководят нашей цифровой жизнью. Основная причина размещать что-то в облаках – это глубокий обмен данными. Единой архитектуры для них не существует, поэтому все ее характеристики постоянно развиваются. Сегодня весь бизнес и большая часть общества зависят от компьютеров, а облачные исчисления облегчают возможность обосновать технологическую компанию. Возможность пользоваться лучшей инфраструктурой в связи с доступом к облаку – главная причина того, почему в Кремниевой долине за последние 10 лет появилось так много новых компаний. На протяжении ближайших 30 лет тенденция к дематериализации, децентрализации, одновременности и использования платформ и облаков будет продолжаться.

Таким образом, можно сделать выводы. В результате технологических прорывов, связанных с развитием Интернет, произошла коммерциализация

интернет, распространение открытого программного обеспечения, возрождение всемирной паутины и применение сервисов. Технологические инновации врываются в нашу жизнь – сервисы согласно запроса. Сети, платформы и искусственный интеллект изменяют бизнес, образование, государственное управление, финансовые рынки и экономику. Всемирные цифровые платформы, которыми руководят алгоритмы, трансформируют наше общество. Всемирная сеть становится отдельным миром. При условии разумного отображения и обработки данных, открываются большие возможности и перспективы ее дальнейшего развития. Под эгидой Apple произошла смена поколений: от персонального компьютера до смартфона и от веб – до мобильных приложений. iPhone – это платформа, где впервые запускаются передовые программы. После смерти Стива Джобса инновационная деятельность Apple замедлилась, но компания продолжает оставаться ведущим игроком на рынке мобильных телефонов, а ее оригинальные дизайн-решения и дальше будут нас заставлять «думать по-другому» о возможностях нового технологического будущего. Сетевые платформы – могучее орудие того, чтобы сформировать экономику следующего поколения, в которой технологии создают новые виды работ, построенных на креативности, творчестве, инновациях.

Список использованных источников

1. Андриякитене, Р. Концептуализация smart-общества и smart-технологий в контексте развития современной цивилизации / Р. Андриякитене, В. Воронкова, О. Кивлюк, Т. Романенко, И. Рыжова // *Mokslas ir praktika: aktualijos ir perspektyvos.* – 2017. – Р. 11–12.
2. Келли, К. Необратимое. 12 технологий, формирующие наше будущее. / Пер. с англ. Наталья Валевская. – К: Наш формат, 2018.
3. Новиков, М. Разум человека и «эффективность» его использования / М. Новиков. – Запорожье: ЗНУ, 2018.
4. Рыжова, И. С. Smart–технологии как фактор развития современного дизайна / И. М. Рыжова // *Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії.* – 2017. – Вип. 69 (1). – С. 174–183.
5. О’Райли, Тим. Кто знает, каким будет будущее / Тим О’Райли // Пер. с англ. Юлия Кузьменко. – К.: Наш формат, 2018.
6. Пунченко, О. П. Информационно-коммуникационные технологии–научно-техническая основа становления информационного общества / О. П. Пунченко // *Зв’язок.* – 2013. – Вип. 3. – С. 31–33.
7. Шевченко, А. Диджитал-эра. Просто о цифровых технологиях / А. Шевченко. – К.: Саммит-Книга, 2018.

ДЕМОКРАТИЯ ОТСТУПАЕТ: НОВЫЙ АВТОРИТАРНЫЙ ВЫЗОВ

А. Н. Данилов

Рассмотрены варианты борьбы за политическое будущее мира. Развитие политического процесса в XXI в. показывает, что мир входит в стадию перманентного кризиса либеральной демократии. Демократическая волна 1990-х годов захлебнулась... и привела лишь к нарастанию по всему миру правого экстремизма, нигилизма и национализма. Причем, не только в государствах, которые вышли из диктатур в конце двадцатого века, а и в некоторых старых демократиях. Демократия перестала культивировать авторитетных и сильных лидеров. Общество не может постоянно находиться в состоянии трансформации или травмы, рано или поздно выстраивается новая реальность. Социальная аномия – все же процесс не перманентный, иначе он неизбежно становится нормой. Новый авторитаризм взращен бессилием власти, неверием в ее возможность обуздать ситуацию хаоса и недовольства, вернуть жизнь в нормальное русло.

Сегодня в мире ни одна страна не является образцом для подражания, реально нет идеала, заимствовать который стремились бы другие. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся этической системы, где неизбежным компонентом выступает ценностный конфликт. Большинство постсоветских государств не сумели продвинуть свои общества на более достойные уровни экономики, выйти на позиции, диктуемые современной информационной эпохой, предоставить населению новые высокие стандарты жизни. Белорусской трансформации присущ эволюционный характер преобразований, основанный на ментальности народа и социальной ответственности власти. Постсоветский мир не спешит расставаться с обретенным суверенитетом и не готов делиться даже частью своих прав с некими наднациональными структурами.

Результат борьбы за политическое будущее мира не предрешен. Диктатуры чаще возникали в периоды кризисов, государственных переворотов, революций как последняя надежда граждан на справедливость, законность и порядок, в их вечном стремлении почувствовать себя человеком, с которым считаются и которого слышат. Сегодня диктатура возвращается в виде нового авторитаризма, где многое позволено, но не предсказуемо будущее, т. к. оно в руках одного человека, и он – не Бог.

Миллениум пугал своей непредсказуемостью и как-то обнадеживал, внушал надежду на мирное и демократическое будущее. Падение берлинской стены, распад Советского Союза олицетворяли победу либеральной демократии над коммунистической диктатурой. Новые государства очень болезненно переживали «парад суверенитетов», находились в состоянии глубокого кризиса. Демократия воспринималась как вседозволенность. США, единственная оставшаяся сверхдержава, видела себя победителем в «холодной войне» и всем

диктовала новые условия жизни, рассматривая свое доминирование как гарантию сохранения демократического порядка по-американски и распространение его до мировых масштабов.

Но время зло... Не прошло и двух десятилетий XXI века, как от тогдашнего оптимизма ничего не осталось. Все чаще серьезные аналитики вынуждены констатировать кризис, и даже крах либеральной демократии. Появились вполне обоснованные аргументы в пользу наведения порядка и усиления власти. Очевидно, что демократическая волна 1990-х годов захлебнулась... и привела лишь к нарастанию по всему миру правого экстремизма, нигилизма и национализма. Причем, не только в государствах, которые вышли из диктатур в конце двадцатого века, а и в некоторых старых демократиях.

Критически оценить настоящее и постараться заглянуть в будущее дело не простое. Как правильно писал великий Ли Куан Ю: «Надо принимать мир таким, какой он есть, и искать путь, который позволит обществу уверенно развиваться и идти в ногу со стремительно меняющимся временем. Помните: Земля не перестанет вращаться ради вас» [1, с. 362].

Глобальные перемены ведут к формированию новой цивилизации, идет борьба за будущее мира. Ощущается недостаток в лидерах, способных выстроить политику, адекватную новым вызовам. В мире ни одна страна не является образцом для подражания. Большинство постсоветских государств не сумели продвинуть свои общества на более достойные уровни экономики, выйти на позиции, диктуемые современной информационной эпохой, предоставить населению новые высокие стандарты жизни. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через принятие системы ценностей устойчивого развития интегрального общества. В состоянии ли современная гуманитаристика адекватно ответить на новые глобальные вызовы времени? Вопрос из вопросов...

В условиях реформирования прежней системы люди часто становятся заложниками событий, которыми они не умеют управлять, перманентно находятся в социально-психологическом напряжении. В этом и заключается своеобразие всего процесса перемен. Осмысление этого очень важного для истории этапа затягивается, и на протяжении четверти века говорить только о переходности состояния и при этом не пытаться разобраться, куда и по каким правилам движется мир, представляется неправильным. Нельзя не замечать обострение борьбы за новый мировой порядок. Но кто определит его содержание, по чьим лекалам он будет строиться, что станет основой новых геополитических реалий, базой нравственной солидарности человечества, духовной основой будущей цивилизации? Вот, что сегодня, на мой взгляд, выходит на передний план научного поиска.

Возникший в Европе вакуум, связанный с перманентными мировыми кризисами, глобальной нестабильностью, разрушением устоявшейся после Второй мировой войны системы сдержек и противовесов, заполняется новым

авторитаризмом [2, с. 17–32]. Все больше в мире ощущается недостаток в политиках способных выстроить стратегию адекватную времени и иметь политическую волю, чтобы ее реализовать. Новый авторитаризм взращен бессилием власти, неверием в ее возможность обуздать ситуацию хаоса и недовольства, вернуть жизнь в нормальное русло. Нельзя сбрасывать со счетов и слабость оппозиции – особенно либеральной, которая не сумела предложить приемлемую альтернативу и чаще также строится на самовласти лидера.

После поражения коммунизма новым демократическим правительствам не удалось выстроить систему власти, придать законодательству социально ориентированный характер, защищающий материально уязвимые слои населения. Очевиден процесс постепенной эрозии демократических институтов в их прежней форме, кризис традиционных политических партий, политических движений, где больше стал ощущаться партийный авторитаризм, подменяющий коллективную волю партии. Сказывается недооценка духовной сферы общества, которая чревата усилением правого радикализма в обществе, способствует росту национализма, особенно среди молодежи. В таких условиях запросом все большего числа граждан становится призыв навести порядок, защитить традиционные ценности, сохранить социальные гарантии для населения.

Демократия оказалась не в состоянии ответить на современные вызовы времени и предложить новую идеологию. Сегодня в мире ни одна страна не является образцом для подражания, реально нет идеала, заимствовать который стремились бы другие. Идет сложный, болезненный процесс выстраивания нового идеала цивилизационного развития. Чаще его путь пролегает через ценностный конфликт. В тоже время следует отметить, что сознание и социализация человека, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и приводят к кризису человека.

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. Подтверждением тому могут служить размышления В. С. Степина о точках роста новой цивилизации: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [3, с. 10]. Вариант сам по себе очень интересен, когда сохраняя устойчивость в развитии, адаптировать новое и постепенно, без ломки и революций утверждать иную более прогрессивную реальность. Таков процесс возможен в большей части при сильной власти. Хотя любой переход к иной модели развития происходит при серьезном ослаблении старых государственных институтов, может привести к полной потере управляемости и революции.

Как правило, процесс трансформации продолжается до утверждения

неких новых основ, которые закрепляются конституционным актом суверенной страны, а далее уже начинается – формирование, становление и укоренение новой государственности. Этот процесс может протекать молниеносно, быть быстрым, а может быть и достаточно продолжительным. Он может носить мирный характер, а может сопровождаться вооруженными стычками, протестами, вплоть до гражданского неповиновения, войн и непримиримого сопротивления.

Момент завершения очередного этапа системной трансформации остается до сих пор не проясненной «из-за ее многокритериальности» [4, с. 76]. Мне же представляется оправданным считать трансформационный этап развития завершенным, когда достигнута основная цель и решены задачи, которые выдвигались инициаторами перемен, которые нашли свое закрепление в главном конституционном акте страны, стали основой внутренней и внешней политики суверенного государства, когда возврат к старым отношениям становится невозможным.

Более четверти века функционирования постсоветского мира показывают, что новые страны по-разному ведут себя в выборе новых приоритетов, и чем дальше – тем больше их пути расходятся. В наступившем вселенском хаосе приоритет чаще отдается на откуп исключительно выгоде – никакой идеологии, исторического и духовного родства, общности ценностей или традиций. Главенствует прагматизм, приоритет отдается наращиванию экономического и военного потенциала, т. е. сила вновь становится главным аргументом в современной геополитической игре.

Исторически так сложилось, что и в советский и постсоветский периоды, уже в суверенных государствах значение теории для адекватного понимания и объяснения современности явно недооценивается. Остаются до сего времени не прочитанными по сути фундаментальные труды российских ученых по проблемам системной трансформации постсоветского мира (В. Н. Кудрявцев, Т. И. Заславская, В. А. Ядов, Ж. Т. Тощенко, М. К. Горшков, В. К. Левашов, С. Г. Кирдина и др.). Без новых теоретических идей становится все труднее интерпретировать новый опыт государственного строительства, данные прикладных исследований, адекватно воспринимать и оценивать чужие идеи.

Несмотря на то, что западные теории оказались бесплодными в объяснении и предвидении развития событий на постсоветском пространстве мы не можем их игнорировать. В этом отношении нельзя сбрасывать со счетов те теоретические разработки, которые позволяют хоть отчасти диагностировать современность: общество риска (Э. Тоффлер, Э. Гидденс, У. Бек, С. Лэш и др.), постмодерн как текущая современность (З. Бауман), макдональдизация общества (Дж. Ритцер), мир-системная парадигма (И. Валлерстайн). Не теряют своей актуальности для построения научно обоснованных прогнозов идеи диагноза времени Ю. Хабермаса, реальность симулякров Ж. Бодрийяра, столкновение цивилизаций С. Хантингтона и др.

Как уже отмечалось выше, попытки внедрения «западной модели»

модернизации не привело постсоветские страны к ожидаемому процветанию. Новым суверенным странам пришлось каждой в отдельности пройти свой путь осознания случившегося, испытать на собственном опыте все трудности системной трансформации. В настоящее время идет активный поиск концепций, которые могли бы иначе объяснить мировые процессы. Тем не менее, зарубежные концепции десятилетиями продолжают хождение в постсоветской гуманитаристике, пока их полная оторванность от нашего контекста или появление более адекватных западных концепций не изменит ситуацию. Неверие в собственные возможности, созидательный потенциал отечественной науки еще далеко не преодолено...

Большинство постсоветских государств не сумели выйти на новый уровень развития. И это поражение постигало вышеназванные государства после того, как подобную задачу успешно решили, причем в течение непродолжительного времени, как капиталистические (Сингапур, Малайзия, Южная Корея), так и социалистические страны (Китай и Вьетнам) [5, с. 4]. Бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю [1] очень тонко и глубоко понимавший суть современных перемен в своем прогнозе на ближайшее время писал: «... наш мир и нашу жизнь будет и дальше менять развитие технологий в области коммуникаций и транспорта [1, с. 356] <...> ... рост миграции будет представлять собой серьезный вызов для будущего межгосударственных границ [1, с. 358] <...> ...стремительность современного мира – головокружительная скорость, с которой в нем протекают все процессы, – имеет и свои негативные аспекты [1, с. 358] <...> ... нельзя спешить с либерализацией движения капитала, особенно если финансовой системе не хватает устойчивости [1, с. 359] <...> ... Открытие миру должно происходить постепенно, после того как достигнут определенный уровень зрелости и надежности [1, с. 360] <...> ...Разумеется, общество должно сохранять чувство меры. Чистый, нерегулируемый капитализм опасен, поскольку неизбежно ведет к народным бунтам и расколу в обществе. Необходимо поддерживать тонкий баланс. Нужно найти способы позволить даже самым нижним слоям населения поддерживать достойный уровень жизни и чувствовать свою принадлежность к обществу» [1, с. 361].

Трансформация государств, образовавшихся на обломках Советского Союза, – явление глобального исторического порядка, вызвавшее гигантские геополитические смещения, и мир никак не может обрести новый облик. Да, и можно ли строить светлое будущее без реальных ориентиров, представлений о счастье, добре, нравственности? Глобализация растоптала тайну человеческой души, породила новую волну национализма и этнического неравенства. В защите нуждаются наши представления о совести, чести, достоинстве, нравственности. Мир технологий манипулирует самым святым, что есть в человеке, – его совестью. Мы должны признать, что строим общество по чужим лекалам, с «грамотным потребителем» в основе нового мироздания.

Корень зла многих современных трудностей видится в возведении в

некий культ фундаментальных принципов организации современной рыночной экономики, которая напрямую сориентирована исключительно на постоянный рост потребления. В общественном мнении отношение к богатству резко колеблется от его полного неприятия и осуждения до возведения в культ золотого тельца. Найти здесь золотую середину – насущная задача для устойчивого функционирования общества будущего. «Главная проблема разработки конвергентных моделей общества и экономики состоит в нахождении правильного соотношения руководящей и контролирующей роли государства, с одной стороны, и рыночного сектора, действующего на основе частной собственности и конкуренции, с другой. Словом, в нахождении оптимального сочетания планирования и рынка при учете национальной специфики. Кроме того, в обеспечении государством социальной ориентации развития, социальной справедливости и наращивания человеческого капитала» [6, с. 71].

Белорусской трансформации присущ эволюционный характер преобразований, основанный на ментальности народа и социальной ответственности власти. Модель развития нашей страны в последние два десятилетия можно определить как социально ориентированную. Не подвергается сомнению ведущая роль государственного сектора. Основная функция государства как раз и заключается в том, чтобы создать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы, обеспечить безопасность граждан, социальную справедливость и общественный порядок, противостоять коррупции и протекционизму. Политическая стабильность является одним из важнейших условий постепенной интеграции Беларуси в мировую экономику.

На мой взгляд, мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан, наладится диалог культур. Да и четверть века постсоветского мира показывает, что ни одна из образовавшихся на обломках бывшего социалистического сообщества стран не спешит расставаться с обретенным суверенитетом и не готова делиться даже частью своих прав с некими наднациональными структурами.

Список использованных источников

1. Ю Ли Куан Мой взгляд на будущее мира. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
2. Антонович, И. И. Геополитика в эпоху нестабильности / И. И. Антонович, А. Н. Данилов. – Минск: Беларуская навука, 2018.
3. Степин, В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. – 2017. – № 3. – С. 6–11.
4. Ядов, В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб.: Интерсоцис, 2006.

5. Тощенко, Ж. Т. Общество травмы: объективная реальность или зигзаг в историческом развитии / Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости. XIX Международные Лихачевские чтения, 2019 г. – СПб.: СПбГУП, 2019. – С. 4.
6. Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г. Н. Цаголова. – М.; ЛЕНАНД, 2016.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

А. Ю. Дудчик

Базовые логические и научные категории достаточно давно являются предметом философского осмысления. В исследованиях 20 в. особое внимание уделяется изучению социальных и политических понятий, которые исследует междисциплинарный подход истории понятий. В работе демонстрируется историческая связь данного подхода с философскими исследованиями и его принципиальная философская фундированность. Реконструируются основные версии современных подходов к изучению истории понятий в немецкоязычной и англоязычной традиции, а также специфика развития данного направления на постсоветском пространстве.

Логические и научные категории традиционно являются предметом философского осмысления. В частности, для белорусской интеллектуальной традиции одним из наиболее ярких примеров подобного изучения в области философских и естественнонаучных категорий являются работы академика Д. И. Широканова [1]. Вместе с тем в исследованиях XIX–XXI вв. особое внимание уделяется изучению социальных и политических понятий. Одним из наиболее распространенных подходов, в рамках которого осуществляется изучение данной предметной области, является междисциплинарный подход истории понятий.

Несмотря на широкое распространение и устоявшуюся практику употребления, сам термин «история понятий» может быть связан сразу с несколькими историческими и культурно-языковыми традициями изучения социальных понятий. Сам подход исторически связан именно с философскими исследованиями. Как принято считать, само словосочетание «история понятий» (нем. Begriffsgeschichte) в теоретически нагруженном значении используется в тексте «Лекций по философии истории» Г. В. Ф. Гегеля [2, 19]. Стоит обратить внимание, что и в дальнейшем в Германии сохраняется философский контекст обращения к истории понятий. Так, в конце 19 в. к историческому изучению философских понятий обращается профессор Йенского университета, лауреат Нобелевской премии по литературе Р. Эйкен, а во второй половине 20 в. реализуется многотомный проект «Исторического словаря по философии» под редакцией И. Риттера (данный словарь сегодня представлен и в интернет-варианте [3]). С 1955 г. издается ежегодник «Архив истории понятий» (нем. Archiv für Begriffsgeschichte). Подробный анализ философского подхода к изучению истории понятий представлен в обзорной статье В. А. Куренного [4].

Кроме собственно философских подходов, история понятий развивается в Германии в рамках исторической науки, и связывается с деятельностью т. н. «Билефельдской школы», наиболее известным представителем которой являлся немецкий историк Р. Козеллек. К наиболее влиятельным и фундаментальным

работам данного направления относят многотомное коллективное издание «Основные понятия исторической науки. Историческая энциклопедия социально-политического языка в Германии» (нем. Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland). В 2014 г. отдельные статьи были изданы на русском языке в виде двухтомника «Словарь основных исторических понятий» [5]. В этой работе весьма подробно анализируется историческая семантика ряда важнейших социально-политических категорий немецкого языка периода XVIII–XIX вв.: история, современность, публичная сфера, революция, гражданин, общество, народ и т. д. Именно этот период «переломного времени» рассматривается исследователями как ключевой в процессе перехода к обществу «современного» (модерного) типа, когда многие понятия приобретают принципиально иное значение и становятся фундаментальными для самоописания общества. При этом, как считают представители немецкой версии «истории понятий», многие понятия не столько отображают уже сложившуюся социальную действительность, сколько активно участвуют в ее конструировании, закрепляя за уже имеющимися понятиями новые, ориентированные в будущее значения. Важно отметить, что хотя «история понятий» Козеллека дисциплинарно относилась к области социальной истории, тем не менее большинство исследователей отмечают, что для нее характерен большой интерес к вопросам теоретического и философского плана, равно как и непосредственное влияние на построения Козеллека идей философа Х.-Г. Гадамера.

Весьма известной является и англоязычная традиция изучения истории понятий, в наиболее известном виде представленная в работах представителей т. н. «Кембриджской школы», представители которой (Дж. Покок, К. Скиннер) известны исследованиями в области истории западноевропейской политической мысли XVI–XVII вв. Например, К. Скиннер осуществил анализ истории понятий «государство» и «свобода», в основном на материале итальянской и английской политических традиций. В отличие от немецкого варианта «истории понятий», основное внимание уделяющей эволюции понятий на протяжении достаточно больших отрезков времени, британские исследователи предпочитают работать с конкретными авторами и текстами. В целом, для представителей данного подхода характерен интерес к широкому социальному контексту, в котором создавались классические произведения на темы политической философии, а также к намерениям и целям их авторов. Более подробно анализ особенностей методологии Кембриджской школы представлен в работе А. В. Павлова [6].

На сегодняшний день термин «история понятий» является вполне устоявшимся в исследовательской среде, а сам интерес к изучению социальных понятий получил международное распространение. Так, активно действует международное объединение «Группа изучения истории понятий» (англ. The History of Concepts Group), включающее в себя исследователей из Европы и

Северной и Южной Америк. «Группой...» проводятся разнообразные научные и образовательные мероприятия, а также издается рецензируемый научный журнал «Вклады в изучение истории понятий» (англ. Contributions to the History of Concepts).

В последние десятилетия подход «истории понятий» приобретает популярность и на постсоветском пространстве. Так, определенный интерес к данному подходу есть и в Украине, где был осуществлен перевод ряд работ К. Козеллека, и в Беларуси: например, работы С. И. Санько, посвященные анализу истории понятий традиционной белорусской культуры [7]. Достаточно большое количество исследований, посвященных истории понятий, было опубликовано и в России. Конечно, отдельные работы, посвященные изучению тех или иных категорий, в том числе и их истории, издавались уже в последней трети XX в., например, публикации А. Я. Гуревича о категориях культуры европейского Средневековья [8]. Тем не менее, более системные исследования, посвященные непосредственно истории понятий, с опорой на соответствующие методологические наработки зарубежных авторов, появляются уже в 2000-е годы. В виду достаточно большого количества работ, мы в дальнейшем остановимся на основном прежде всего на книгах, авторы которых в эксплицитной форме относят свои исследования к методологическому подходу истории понятий в ее различных вариантах.

Хронологически одним из первых изданий, посвященных исследованию истории понятий в русской культуре, можно назвать работу О. В. Хархордина «Основные понятия российской политики», опубликованную в 2005 г. в США на английском языке (русскоязычная версия книги была издана в 2011 г [9]). В работе дается анализ историй понятий «государство», «гражданское общество», «добродетель» и др. на протяжении достаточно длительного временного отрезка: от времен Древней Руси до современной Российской Федерации. В 2002 г. под редакцией Хархордина выходил сборник «Понятие государства в четырех языках» [10], включавший в себя и работу К. Скиннера. В целом можно отметить интерес Хархордина и его коллег к изучению темы республиканской традиции, что сближает их с представителями «Кембриджской школы», также обращающихся к изучению республиканизма как с точки зрения истории политической мысли, так и с позиций нормативной политической теории.

В 2007 г. издается коллективная работа «Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге» [11], посвященная, как видно из названия, изучению истории понятий, связанных с темой личности («личность», «Я», «субъект») в русской и немецкой культурах, при этом акцент делается на философском измерении данных понятий.

В 2012 г. публикуется двухтомное коллективное издание «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода» [12], посвященное периоду конца XVIII-начала XX вв. В книгах изучается история ключевых понятий социального, политического, юридического, научного плана. Статьи

издания обобщены в рамках тематических разделов: «Законодательство и юридическая практика», «Социальная стратификация», «Общество и публичная сфера», «Нация и империя, организация пространства», «Народ и раса». В книге представлена библиография существующих на тот момент работ по истории понятий в России.

В 2014 г. издается работа А. Т. Бикбова «Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность» [13], в которой осуществлен анализ понятий русской истории последней трети XIX – начала XXI вв (с акцентом на советский и постсоветский периоды) с социологических позиций, рассматривая понятия в качестве своеобразных социальных институтов, которые активно вовлечены в процессы производства и воспроизводства социального порядка и социальных отношений. Большое внимание в книге уделяется понятиям «средний класс», «личность», «научно-технический прогресс».

Достаточно активно исследованиями в области истории идей занимаются М. Б. Велижев и Т. М. Атнашев, инициировавшие перевод ряда работ, связанных с деятельностью представителей Кембриджской школы, равно как и серию дискуссий о специфике методологии истории понятий и возможностях ее применения для изучения русского материала. В 2018 г., в частности, была издан коллективный сборник «Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории» [14], который содержит как переводы уже ставшими классическими текстов и критические материалы, так и результаты собственных исследований по истории понятий в России.

С 2015 г. Европейским Университетом в Санкт-Петербурге издается научно-популярная серия «Азбука понятий», каждая книга которой посвящена одной из ключевых социальных категорий: «Демократия», «Нация», «Государство», «Авторитет» и т. д. Кроме того, издателями серии была составлена небольшая брошюра для читателей, в которой излагаются основные особенности методологии истории понятий в немецкоязычной и англоязычной традициях [15].

Таким образом, можно подвести промежуточный итог. Представления об истории понятий как особой междисциплинарной области исследования является вполне устоявшимся в международной научной среде, привлекая исследователей из разных дисциплин: социальная история, социология, политические науки. Вместе с тем, с самого своего возникновения в Германии в XIX в. история понятий развивается в тесной связи с философским знанием, а вопросы философского характера играют существенную роль в работах по истории понятий за авторством историков, социологов, политологов и других специалистов. На наш взгляд, сам подход и методология истории понятий обладает большим эвристическим потенциалом и вполне может использоваться в рамках исследований как по истории философии, так и по другим отраслям философского знания: социальной философии, философии науки и техники, философии политики и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Широканов, Д. И. Взаимосвязь категорий диалектики / Д. И. Широканов. – Мн.: Наука и техника, 1969.
2. Hegel, G. W. F. Werke, Band 12–Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. G. W. F. Hegel Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 557 s.
3. HWPh Online [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <https://hwph.ch> – Дата доступа: 12.06.19.
4. Куренной, В. А. История философской истории понятий / В. А. Куренной // Социология власти. – 2017. – № 4. – С. 197–239.
5. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи. В 2-х тт. Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; Науч. ред. пер. Ю. Арнаутова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – Т. 1. 736 с.; Т. 2.
6. Павлов, А. В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах / А. В. Павлов // Логос. – 2018. – № 4. – С. 255–295.
7. Санько, С.І. З гісторыі канцэптаў традыцыйнай касмалогіі: блр. вольны свет: снскр. *urúh lokáh* «шырокі свет» / С. І. Санько // Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции, методология исследования: материалы Первой международной научной конференции, г. Минск, 13–14 ноября 2014 года / [редколлегия: А. А. Лазаревич и др.]. – Минск, 2015. – С. 306–313.
8. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972.
9. Хархордин, О. В. Основные понятия российской политики / О. В. Хархордин. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
10. Понятие государства в четырех языках: сборник статей. Под ред. О. В. Хархордина. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.
11. Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге. Под ред. Н. С. Плотникова, А. Хаардта. – М.: Модест Колеров, 2007.
12. Понятия о России: К исторической семантике имперского периода: В 2-х тт. Под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. 2012. М.: Новое литературное обозрение. –Т. 1. 576 с. Т. 2.
13. Бикбов, А. Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность / А. Т. Бикбов. – М.: ИД ВШЭ, 2014.
14. Кембриджская школа – теория и практика интеллектуальной истории. Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.
15. Инструкция для читателя серии книг «Азбука понятий» [Электронный ресурс]. – 2017. – Mode of access: https://az-books.ru/uploads/instruction_1.pdf – Дата доступа: 02.07.19.

ФИЛОСОФИЯ КАК СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ШКОЛЬНИКОВ

М. Б. Завадский

В работе анализируются предпосылки актуализации преподавания школьникам основ философии, определяется роль философского знания в формировании востребованных временем компетенций у детей и подростков, дается характеристика наиболее распространенных подходов в обучении детей философии.

В странах дальнего и ближнего зарубежья, в том числе постсоветского пространства, отмечается растущая тенденция применения философии и различного рода философских практик в обучении детей и подростков. В условиях формирования общества, основанного на знаниях, возрастает значение овладения школьниками научно-методологическими компетенциями. Становление нового типа социальности сопровождается сменой образовательных парадигм и убежденностью, что образование необходимо человеку в течение всей жизни. Умение учиться выступает ключевым элементом конкурентоспособности, который закладывается в раннем возрасте. Футурологи отмечают, в ближайшем будущем роботизация и автоматизация производств выведут на передний план гуманитарные навыки принятия решений в ситуации неопределенности, подхода к вопросам, ответы на которые отсутствуют в глобальных поисковых системах, креативности, социальной работы.

Национальные процессы, ведущие к построению цифрового общества, экономики знаний, IT-страны, предусматривают особое внимание к их гуманитарно-образовательному сопровождению. Общая интеллектуализация общества должна находить проявление в учебном процессе школы и дополнительном образовании детей и молодежи. В этом контексте может быть востребован интеллектуальный потенциал философии как инструмента формирования гибкости, критичности, креативности, самостоятельности, аналитичности мышления современных школьников. Философия, понимаемая как диалогическая рефлексивная практика, выступает одной из таких технологий, поскольку способна сформировать и развить у обучающихся набор востребованных в интеллектуальной экономике компетенций.

ЮНЕСКО рекомендует преподавать философию в школе, рассматривая это как средство формирования гуманистической и толерантной культуры у учащихся. С целью популяризации философии как школьного предмета Международная ассоциация философских обществ проводит ежегодно международную олимпиаду по философии среди школьников. В 2015 г. в Англии проведено исследование длительностью один год, в котором приняли участие более 3 тыс. учеников из 48 государственных начальных школ. Предметом изучения стало влияние философских дискуссий, которые

экспериментально вводились в учебный план, на успеваемость школьников, психологическую атмосферу в школах и т. п. Исследование показало, что занятия по философии для детей улучшили в определенной мере успеваемость школьников по математике, чтению и письму. При этом наибольший рост успеваемости был отмечен у детей из семей с низким уровнем дохода [1].

Философия в обучении школьников на сегодняшний день широко востребована и является интенсивно развивающейся областью философско-педагогического знания. Научные центры и организации, которые проводят исследования по проблемам философии для детей и подростков и продвигают подобного рода образовательные практики, существуют во многих странах мира. Среди них: Институт развития философии для детей, Университет Монкклэра (г. Монкклэр, США); Международный совет философского исследования с детьми (The International Council of Philosophical Inquiry with Children); Европейская организация по развитию практик философии с детьми (European Foundation of the Advancement of doing Philosophy with Children); Австрийский центр философии для детей, Университет Граца (г. Грац, Австрия), межрегиональная общественная организация «Философия – детям» (г. Москва, Российская Федерация); Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова (г. Киев, Украина) и др.

Современная тенденция расширения применения элементов философских знаний в обучении детей и подростков в рамках дополнительного образования, школьных занятий опирается на интеллектуальную традицию философской мысли, обладающей глубокими историческими корнями. Изначально философия во время своего появления в Древней Греции выступала практической формой приобщения молодого поколения к достоверному знанию: не только стремлением к истине, формой ораторского искусства, техникой аргументации и доказательства, но и умозрительным выражением поиска добродетельной и осмысленной жизни, достойной того, чтобы ее прожить [2].

Возрастание роли обучения философии детей и подростков в быстро меняющихся обществах современности неслучайно и сопряжено как с общественными трансформациями, так и со сменой образовательной парадигмы. В связи с этим допустимо говорить, по крайней мере, о следующих социокультурных и интеллектуальных предпосылках оформления философии для школьников как отдельного направления знания:

1) идея непрерывного образования на протяжении всей жизни реабилитирует гуманитарные науки с их направленностью на «мягкие» или «гибкие» мыслительные навыки, такие как обучаемость (само)критичность, освоение больших объемов информации и проч.;

2) общества, основанные на знаниях, цифровое общество ставят во главу угла теоретическое знания, поэтому в сфере образования модель воспроизводства и передачи знания сменяется моделью его продуцирования, наращивания, переосмысления;

3) новые поколения школьников нужно готовить в условиях неопределенного будущего, постоянного устаревания и обновления профессий;

4) в условиях угроз международной безопасности и политической нестабильности крайне возрастает значимость культуры миролюбия, диалога, ненасильственного разрешения конфликтов и спорных вопросов.

В контексте вопросов актуализации философского образования школьников отдельного рассмотрения заслуживает идея четвертой промышленной революции [3]. По прогнозам экспертов, грядущая роботизация и автоматизация производств выведет на передний план гуманитарные рефлексивные навыки – коммуникативную рациональность, принятие решений в условиях неизвестности, креативность, эмпатию. Получит актуализованность этическое обеспечение технологических инноваций, претендующих на внедрение в сознание и тело человека, изменение человеческой природы, необходимость прорабатывать вопросы, на которые отсутствуют готовые ответы в глобальных поисковых системах. Переизбыток информации, виртуальная и медиа-среды как пространства повседневного существования современного человека делают критическое мышление жизненно важным спутником ориентации в мире.

Поэтому совершенно неслучайно, что обучение философии школьников находит поддержку в том числе на высшем государственном уровне некоторых стран. Так, в 2016 г. президент Ирландии М. Хиггинс выступил с инициативой преподавания философии ирландским школьникам [4].

В некоторых странах, таких как Германия, Франция, где национальная философия имеет богатые традиции и вплетена в национально-культурную идентичность, философские учебные предметы давно преподаются в школах. Многообразие подходов и методик в обучении школьников, детей и подростков философии представлено массой трудов, учебников и методических пособий. В русскоязычной литературе применяется типология методологических подходов к преподаванию философии школьникам, разработанная Н. С. Юлиной. В рамках данной типологии выделяется два подхода: культурно-информационный и проблемно-деятельностный [5]. Культурно-информационный подход наиболее распространен в постсоветских образовательных системах и основан на информационной парадигме образования, состоящей в воспроизводстве и передаче знания. Проблемно-деятельностный подход сопряжен с переходом к рефлексивной парадигме, предполагающей акцент на продуцировании знания и моделирование научно-исследовательской ситуации в пространстве урока. Углубленное знакомство с научно-методической литературой позволяет уточнить рассмотренную типологию и обозначить следующие группы трудов по проблеме исследования.

Во-первых, работы М. Липмана и его коллег по Университету Монкклэра (США), содержащие тщательно и методично разработанную программу «философии для детей» для школьников от начальной до старшей школы [6]. Их основа – повести, в которых завуалированы классические философские

проблемы, а философия предстает как инструмент диалога и дискуссионных занятий. Во многом благодаря их деятельности, начатой еще в 1970-е гг., философские занятия с детьми и подростками стали современным образовательным трендом. В разработку этой методологии внесли вклад Г. Б. Мэтьюз [7], Л. Т. Ретюнских [8] и ряд других авторов.

Во-вторых, «академический» подход, представляющий собой «облегченный» вариант университетского курса по философии. Предпосылкой данного подхода является приоритет в трансляции философского знания информативного, историко-философского элемента над дискуссионным, проблемным и критическим. Традиционный академический вариант преподавания философии школьникам представлен в трудах М. Гурины [9], П. С. Гуревича [10], А. Ф. Малышевского, К. К. Жоля и др.

В-третьих, авторские методики, которые могут быть использованы в рамках неформального образования детей и подростков (семейного образования и самообразования). Здесь стоит отметить биографический метод Ж.-П. Монгена, состоящий в повествовательном метафорическом изображении биографии или эпизодов из жизни великих философов через призму теоретических идей и концепций рассматриваемого мыслителя [см. напр. 11]. Сократический метод О. Бренифье, который заключается в последовательном вопросно-ответном проигрывании совместно с читателем (ребенком / подростком) отдельных философских топиков: проблема свободы, смысла жизни, ответственности, конечности, индивидуальности и т. п. [12]. Формат философии для детей Ж.-П. Монгена и О. Бренифье является коммерчески удачным международным издательским проектом. Среди русскоязычных авторов в схожем направлении разработано экспериментальное учебное пособие по философии А. Л. Доброхотовым [13]. Особенностью данных авторских методик является открытый, незавершенный характер поставленных вопросов, ответы на которые должен продумывать читатель самостоятельно для себя. Вместе с тем в данном подходе работают авторы, которые раскрывают для малолетнего читателя философские вопросы в назидательной и дидактичной формах [14].

Анализ представленных подходов, научной и методической литературы в области обучения школьников философии позволяет сделать вывод о том, что наиболее плодотворным будет являться синтетический или смешанный подход в преподавании философии подросткам и детям, объединяющий информативный и проблемно-критический компоненты философского знания. Представляется, что философские занятия со школьниками в виде активизации диалогических, креативных, герменевтических и критических навыков и аспектов мышления школьников, обсуждения повестей и рассказов будут неполными без элементарных познаний из области истории философии, составляющей ядро европейской культуры и образованности. Поэтому целесообразным будет не выбор в пользу одного из подходов, но соблюдение разумного баланса в определении меры историко-философского

(информативного) и практико-методического (проблемного) элементов в обучении детей и подростков философии.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ, грант №Г18М-113.

Список использованных источников

1. Philosophy for Children. Evaluation report and Executive summary. Durham University, 2015. – Mode of Access: https://educationendowmentfoundation.org.uk/public/files/Projects/Evaluation_Reports/EEF_Project_Report_PhilosophyForChildren.pdf. – Date of Access: 20.06.2019.
2. Адо, П. Что такое античная философия. Пер. с франц. В. П. Гайдамака / П. Адо. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999.
3. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / Пер. с англ. / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016.
4. Blease, Ch. Philosophy can teach children what Google can't / Ch. Blease // The Guardian. – Mode of Access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/09/philosophy-teach-children-schools-ireland>. – Date of Access: 20.06.2019.
5. Юлина, Н. С. Введение в философию: два подхода / Н. С. Юлина // Философские исследования. – 1993. – № 2. – С. 5–11.
6. Lipman, M. Thinking in Education / M. Lipman. – UK: Cambridge University Press, 2003. – 318 p.
7. Matthews, G. V. Philosophy of Childhood / G. V. Matthews. – Cambridge MA, 1996.
8. Ретюнских, Л. Т. «Школа Сократа». Философские игры десять лет спустя / Л. Т. Ретюнских. – М., Воронеж, 2003.
9. Гурина, М. Философия: Учеб. пособие для выпускных классов лицеев, для поступающих в высшие школы и студентов первого цикла высш. образования: Пер. с фр. / М. Гурина. – М.: Республика, 1998.
10. Гуревич, П. С. Введение в философию: Учеб. пособие для учащихся 10–11 классов средней школы. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ», 1997.
11. Монген, Ж.-П. Лейбниц или Лучший из возможных миров / Ж.-П. Монген / Пер. с фр. – М.: Ад Маргинем, 2017.
12. Бренифье, О. Что такое я? / Бренифье, О. / Пер. с фр. – М.: Клевер медиа групп, 2013.
13. Доброхотов, А. Л. Введение в философию: Экспериментальное учебное пособие: Рабочая тетрадь: 10 кл. / А. Л. Доброхотов. – М.: Изд. гимназии «Открытый мир», 1995.
14. Андриянов, М. Философия для детей в сказках и рассказах. Пособие по воспитанию детей в семье и школе / М. Андриянов. – М.: Литера Гранд, 2017.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ И ФОРМЫ ПАТРИОТИЗМА, ИХ КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Т. В. Зайковская, Е. А. Круподеря, О. Л. Сташкевич, Л. Б. Шнейдер

В данной статье раскрыты основные функции патриотизма: мировоззренческая, методологическая, коммуникативная, регулятивная, воспитательная; рассмотрены конструктивные и деструктивные формы патриотизма: национализм, шовинизм, интернационализм, космополитизм, антипатриотизм; исследован широкий диапазон данных концептов и вариабельность их позитивных и негативных коннотаций; выстроена матрица дифференциации в данном типологическом поле на основе distinctions по осям валентности: позитивного и негативного характера интрагрупповых и аутогрупповых аттитюдов, степени проявления национальных чувств и убеждений.

Современное общество динамично изменяется, социальная, экономическая, политическая и другие сферы находятся в перманентном состоянии реформирования, что оказывает существенное влияние на формирование патриотических аттитюдов личности. Следует отметить, что представления о мире не врожденные, они формируются и развиваются в процессе становления личности, ее социализации. Как правило, отношение к миру, его оценка зависит от множества факторов, среди которых важную роль играет среда, в которой находится личность.

Важным фактором становления, идентификации и социализации личности выступает такое социальное чувство как патриотизм – готовность защищать интересы страны, быть преданным носителем культурных смыслов своего народа, заботиться о его экономических интересах.

Исследователями выделяются различные функции патриотизма [1, с. 89; 2], но к основным, на наш взгляд, можно отнести, следующие: мировоззренческую, методологическую, коммуникативную, регулятивную и воспитательную.

Как известно, мировоззрение – это система взглядов и представлений человека о мире и о себе самом. Мировоззренческая функция патриотизма направлена на формирование патриотических идеалов, целей и принципов и ориентируется на формирование личности, которая способна гармонизировать отношения человека с самим собой, обществом и государством. Так как потребность человека познать и интегрироваться в окружающий мир возникла еще на ранних этапах его развития и вытекает из инстинкта самосохранения, данная функция является наиболее важной и значимой. Русский философ И. А. Ильин писал: «Люди инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, к природе, к соседям и культуре своей страны... Поэтому духовная сущность патриотизма остается всегда за порогом их сознания. Тогда любовь к родине живет в душах в виде неразумной, предметно

неопределенной склонности, которая то совсем замирает и теряет свою силу..., то вспыхивает... пожаром проснувшегося... инстинкта...» [3, с. 172].

Мировоззренческая функция активизирует и развивает понимание окружающей действительности, формирует у личности определенные качества, направленные на активно-деятельное отношение к реальному миру. Также она формирует основные ценности общества. Ее можно представить, как «сложную совокупность ценностных отношений человека к окружающей действительности» [4, с. 241]. Другими словами, мировоззренческая функция патриотизма формирует систему взглядов, убеждений, ценностных установок и идеалов личности, ее субъективную позицию.

Методологическая функция патриотизма состоит в процессе накопления и увеличения фундаментальных знаний и применения их в духовной деятельности человека.

Воспитательная функция патриотизма основывается на формировании моральных и духовно-нравственных ценностей. Она тесно связана с формированием личностных качеств гражданина и определением основных критериев оценки общественных явлений, политических процессов и проявляется через формирование культуры личности, развития ее творческих способностей, привития уважения к традициям своего народа, но в то же время толерантного отношения к иным посредством создания культуры межнациональных отношений.

Чувство патриотизма зарождается в раннем детстве в непосредственном влиянии семьи, ближнего окружения. В процессе взросления данное чувство укрепляется, возвышается, особенно в процессе конструктивной деятельности. Но часто личность в процессе своего становления сталкивается с меркантильным и эгоистическим отношением к родине, с негативным явлением депатриотизации.

Некоторые исследователи воспитательную функцию патриотизма рассматривают сквозь призму воздействия на целенаправленную деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества в целях придания им определенного смысла и направленности [2]. В подобном подходе имеется определенный смысл, так как не только личность должна быть объектом воздействия, должно всегда присутствовать взаимодействие и взаимовлияние объектов и субъектов социума.

Коммуникативная функция патриотизма обобщает, связывает и формирует личность как часть целого, служит связующим звеном в сообщении и трансляции накопленных знаний, традиций опыта как «по вертикали» (от поколения к поколению) и «по горизонтали» (между современниками, в том числе в рамках диалога различных культур и обществ).

Регулятивная функция патриотизма разрабатывает основные правила и нормы. Она связана с влиянием патриотических идей на сознание и поведение личности, на характер их связей и разнообразных взаимоотношений. Регулятивная функция опирается на традиции, нормы морали и права,

нормирует и регулирует разнообразные сферы жизни людей и их межличностные отношения. Также эта функция выступает регулятором поведения личности и ориентирована, в первую очередь, на формирования ответственного поведения по охране и защите родной страны, ее суверенитета, национально-культурной самобытности, независимости. Патриотизм в данном случае выступает одним из факторов обеспечения национальной безопасности республики и противодействует деструктивным проявлениям в обществе.

Многообразие подходов к интерпретированию феноменологии патриотизма, сопряженное не только с методологическим контекстом (политологическим, социологическим, психологическим), но и с вопросом оценки аттитудов в отношении национальной принадлежности по шкале «конструктивности – деструктивности», способствовало формированию широкого диапазона дефиниций данных концептов и варибельности позитивных и негативных коннотаций – даже применительно к одному и тому же термину.

Но в целом, матрицу дифференциации в этом типологическом поле можно выстроить на основе дистинкции по осям валентности – позитивного и негативного характера ингрупповых и аутгрупповых установок (фаворитизм – дискриминация, толерантность – враждебность), и интенсивности – степени проявления национальных чувств и убеждений (например, интенсификация элемента позитивной социальной идентичности, сфокусированной на ингруппе, в следующем ряду аттитудов: национальное предпочтение – национальное превосходство – национализм).

Большинство исследователей так или иначе связывают сущность патриотизма с национальным самосознанием. При исследовании феноменологии в этой сфере сформировались два подхода к рассмотрению ключевых конструктов, характеризующих степень объективации и манифестации национальных чувств: патриотизма и национализма. Один рассматривает патриотизм и национализм как две фазы в процессе развития национального сознания, два уровня перцепции и рефлексии на одной линии социализации; другой – как разнолинейные, но интерферирующие феномены, являющиеся измерением национальной идентичности. Но в русле обоих подходов определяются значимые закономерности в феноменологии аттитудов в данной сфере общественного сознания.

С позиции первого подхода, патриотизм определяется как «базовые национальные чувства», а национализм – как вариант их последующей когнитивной интерпретации, при которой позитивные переживания, связанные со своей страной, и готовность жертвовать ради нее усложняются идеей превосходства и тенденцией к «исключению иных» (Д. Друкман). Или национализм можно рассматривать как крайний, «экстремальный» вариант позитивных установок по поводу своей национальной группы (патриотизма), связанный с трансформацией «предпочтения» в «превосходство» и переживанием «единства происхождения» (Х. Деккер, Д. Малова).

В рамках второго подхода патриотизм и национализм рассматриваются как взаимосвязанные, но самостоятельные и содержательно дистинктивные комплексы аттитюдов. Дистинкция же основывается на акцентуации ингрупповых и аутгрупповых установок: патриотизм большинством исследователей отождествляется с некомпаративной и несоревновательной привязанностью к своей стране, а национализм – с идеологией превосходства, исключительности, ориентацией на доминирование и милитаристскими интенциями (Р. Костерман, С. Фешбах) [5].

При этом исследователи, придерживающиеся и первого, и второго вышеуказанных подходов к сопоставлению патриотизма и национализма, отмечают также, исходя из теорий социальной идентичности и референтно-группового поведения, что высокая лояльность к ингруппе не обязательно продуцирует аутгрупповую враждебность, а, следовательно, национализм не всегда с необходимостью влечет за собой неприязнь и агрессию к чужим этническим общностям. Соответственно, негативную симптоматику являет «экстремальная» форма национализма, возникающая при переносе центра мировосприятия на аутгруппу, когда она становится кодификатором, объектом акцентуации. С этим ракурсом коррелирует теория «альтер-центризма» (М. Монтеро): «сосредоточенность на Другом» ведет к негативной национальной идентичности, потому как референтная группа оказывается вне своей страны; таким образом, аутгруппа автоматически оценивается как более успешная, более «мощная» (powerful) в сравнении с ингруппой, что провоцирует рост враждебности к ней (еще одна семантическая вариация – «негативный этноцентризм») [6].

В любом случае, рассматривается ли национализм как усложненная форма патриотизма, вариант эволюции аттитюдов патриотизма с эмотивного на когнитивный уровень, или как автономный, «рядоположенный» с патриотизмом конструкт, – определяющей атрибутивной характеристикой его содержания выступают социально-мировоззренческие установки превосходства, исходящего из ингруппового фаворитизма в формате нации и имеющего тенденцию к эксклюзивизму, что с вероятностью формирует потенциал деструктивности при максимизации, абсолютизации этих установок – таким образом конструируются радикальные, агрессивные формы патриотизма: шовинизм, национальный и религиозный экстремизм. Комплементарно этот процесс продуцирует или когерентно поддерживает функционирование таких феноменов, как ксенофобия, интолерантность, расизм, нонконформизм, дискриминация, сепаратизм.

Дифференцируя патриотические аттитюды на основе валентности их, в первую очередь, аффективного компонента, можно выделить такие феномены, как патриотический индифферентизм, патриотический нигилизм, антипатриотизм, космополитизм, контрпатриотизм.

Патриотический индифферентизм означает безразличное, аморфное отношение к объектам патриотических чувств или вообще отсутствие

отрефлексированных установок в этом социально-мировоззренческом поле.

Антипатриотизм обусловлен негативным восприятием индивида ближайшего социального окружения, расцениваемого как чуждое или враждебное, протестной реакцией на его влияние и проецированием этого эмотивного комплекса на макросреду. Проявления антипатриотизма на мировоззренческом уровне могут принимать парадоксальные, алогичные формы, выраженные перекрестной комбинацией позитивных или негативных эмоциональных установок и их когнитивной интерпретации с полярным знаком в виде ложной саморепрезентации (ложный антипатриотизм, псевдопатриотизм).

Патриотический нигилизм – не просто комплекс негативных чувств к объектам патриотизма, а их отрицание на аксиологическом уровне: дезавуирование позитивной ценности родины как таковой, ее места в системе ценностных координат человека. Он может находить выражение в фанатичном преклонении перед всем иностранным, чужой или древней культурой.

Космополитизм как самоидентификация в качестве «гражданина мира» может выражаться и, соответственно, оцениваться амбивалентно (и конструктивно, и деструктивно) исходя из эмотивно-когнитивной мотивации индивида, формирующей соответствующую валентность мировоззренческой матрицы. Матрица, базирующаяся на аутгрупповом фаворитизме и обладающая позитивной валентностью, конфигурирует установку, выражающую сверхнациональное сознание сопричастности и солидарности с человеческой общностью, т. е. конструктивную форму патриотизма, перерастающего свои локальные и национальные границы. В противоположной ей матрице абстрактная любовь «ко всему человеческому» сочетается с индифферентностью или антипатией к имеющимся в каждом конкретном случае ближайшим сообществам (кругам социализации) и к их внутреннему ценностному содержанию; т. е. данный аксиологический аттитюд нивелирует онтологическую ценность конкретных индивидов, групп и отношений (микромира).

Таким образом, конструктивной может быть интерпретация космополитизма как этико-культурного сверхнационализма, или интернационализма, основанного на идеях толерантности, уникальности и равенства других культур. Деструктивный характер космополитизма может проявляться при его концептуализации в мессианско-эсхатологических доктринах, нацеленных на построение интернациональных социальных утопий.

Утопическая интенциональность может спровоцировать и такое явление, как контрпатриотизм. Любовное конструирование идеального, утопического образа родины трансформируется в негативизм к социальной реальности, не соответствующей этому симулякру; это может выражаться и в отрефлексированной дифференциации «родины» и «государства, выпадающего от ее имени».

Пользуясь интерпретацией Р. Михельса [7, С. 56], акцентирующего

внимание на таких составляющих понятия патриотизм, как общность расы и происхождения, общность языка, общность культуры, религии, судьбы, государства, общность желаний, можно заключить, что аттитюды патриотизма на когнитивном уровне содержат концептуальный компонент интегративности как детерминанту интериоризации социального опыта, связанного с объективной потребностью индивида в принадлежности к той или иной этнокультурной общности. В аксиологическом измерении этот компонент проявляется позитивным восприятием концепта «образ родины» как интегральной ценности, включающей «терминальные патриотические ценности» (история, язык, культура, символика) и «инструментальные» (сами аксиологические характеристики в эмотивно-когнитивном выражении: любовь, гордость, ответственность и т. д.).

Конструктивные формы патриотизма, в отличие от деструктивных вариаций, базируются на доминантности следующих характеристических альтернатив: ингрупповой фаворитизм и толерантность, но не аутгрупповая враждебность и ксенофобическая стереотипизация; конструктивно-прагматическая, но не агрессивная и экстремистская интенциональность и деятельность; мобилизирующая функция в кризисных ситуациях, но исключение милитаристской атрибутивности в мирное время; позитивная этнокультурная и гражданская идентификация по осям социальных, аксиологических и экзистенциальных координат, но без утопизации «образа родины» как ценностной и мировоззренческой константы, абсолютизации и радикализации ингрупповых и аутгрупповых аттитюдов в отношении этнорелигиозной принадлежности.

Список использованных источников

1. Ильичев, Н. М. Патриотическое воспитание молодежи / Н. М. Ильичев // Вестник РФО. – 2003. – № 3.
2. Патриотизм и проблема патриотического воспитания в контексте вызовов современности: моногр. / В. А. Ксенофонтов [и др.], под общ. ред. В. А. Ксенофонтова, В. Н. Сивицкого. – Минск: ВА, 2015.
3. Ильин, И. Россия: путь к возрождению / И. Ильин. – М.: РИПОЛ классик, 2017.
4. Щуркова, Н. Е. Профессиональное обеспечение ценностно-ориентированного воспитания / Н. Е. Щуркова // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 4.
5. Хухлаев, Е. О. Психология национализма в зарубежных исследованиях / Е. О. Хухлаев // Социальная психология и общество. – 2012. – № 4. – С. 12–27.
6. Montero, M. Political Psychology in Latin America / M. Montero // Political Psychology. – San Francisco, 1986.
7. Герасимова, А. Патриотизм как этнополитическая категория / А. Герасимова // Власть. – 2007. – № 4. – С. 55–59.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Н. Е. Захарова

Все философские дискурсы, а также интегративные тенденции в развитии научного знания свидетельствуют о поисках ответа на вопрос, что есть сам человек, какова его природа и в чем заключается его сущность. В условиях социотехногенеза формулировки человека все более технологичны, отсюда же и идеи грядущей киборгизации и появления постчеловека. Онтология же человека, практически не рассматриваемая, требует углубленного анализа: перед тем, как приступить к формированию нового человека, необходимо понять его сущность, определить онтологическую структуру человеческой целостности в его телесно-духовном единстве и выявить основные антропологические константы его существования.

Наряду с философскими поисками, интегративные тенденции в развитии научного знания также иллюстрируют изменение направленности любопытства человека с природы на самого себя. Вместе с тем на рубеже XX-XXI вв. отчетливо наблюдается уход от гармонии человека с самим собой и окружающим миром в условиях тотальной дихотомичности тела и духа, человеческого бытия и его смысла. Современные формулировки человека все более технологичны, отсюда же и идеи грядущей киборгизации, появления человека-манипулятора и человека манипулируемого, возможностей продления жизни средствами технологий. В наши дни как никогда актуально звучат слова М. Шелера, сказанные в 1920-х годах: «Еще никогда в истории человек не был столь проблематичным для себя, как в настоящее время».

Современные дискурсы о человеке являются мощным фактором изменения культуры и социума. Во многих из них человек предстает как некая абстракция, как результат определенных биополитических стратегий, выстраивающих, достраивающих человека в соответствии с идеалами общественно-политического, экономического, и культурного развития. Онтология же человека практически не рассматривается, как и ряд параметров, собственно его и характеризующих как человека. Ценится и оценивается только его функциональность. Из подобных абстракций и появляется «сверхчеловек» и «недочеловек». Это тоже абстракции, содержание которых жестко детерминировано запросами политических и экономических субъектов.

Традиционные опасения вызывает сама перспектива интеграции технических составляющих в физиологию и биологию человека. Однако перед тем, как приступить к формированию нового человека, необходимо понять сущность человеческого, определить онтологическую структуру человеческой целостности в его телесно-духовном единстве и выявить основные антропологические константы поддержания его гомеостатического равновесия в физическом и социокультурном плане.

На теоретическом уровне решения проблемы устойчивого безопасного

развития человека в условиях техносциогенеза, очевидно, требуется разработка концептуальных оснований, в которых бытие человека в мире людей и в мире природы было бы представлено в качестве целостного, во всех своих проявлениях. Природа человека у каждого мыслителя собственная, хотя и возникает из стремления доказать единство и гомогенность человеческой природы. Интерпретация человека у Ницше, Фейербаха, Маркса, Фрейда – это попытка проташить исследуемую сущность через прокрустово ложе созданных ими систем.

Традиция целостного постижения человека и его истории имеет в отечественной мысли глубокие корни. Еще древнерусский мыслитель второй половины XII в. Кирилл Туровский утверждал, что «...тело без души мертво есть и не наречется человек, но труп» [1, с. 342]. Остается актуальной трактовка «природы человека как такового» в качестве незавершенного, исторически становящегося «органического единства» тела, души, духа, сформулированная В. С. Соловьевым [2].

Этот методологический принцип имеет значение в той мере, в какой он способствует раскрытию телесно-духовного человеческого бытия, в единстве природного и внеприродного мира человека. Однако не менее актуально и методологическое требование Н. Г. Чернышевского, состоящее в том, чтобы в исследовании любых, в т. ч. и духовных отправлениях человеческого бытия, рассматривать его как существо, «имеющее только одну натуру, чтобы не разрезать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам» [3, с. 293].

В решении поставленной проблемы возможно наличие различных подходов к природе человека и его сущности. Эти подходы в самом общем плане могут быть классифицированы как четыре большие группы: реляционный подход, при котором сущность человека усматривается в общественных отношениях; креативный, при котором она осмысливается в творческой деятельности, направленной на освоение внешнего мира; акцидентальный, когда сущность рассматривается через способности и потребности, свойственные человеку, и субстанциональный, при котором человеческая сущность определяется через внутренне противоречивое единство телесного, материального и духовного.

Достоинство субстанционального подхода в том, что он дает знание не только фундаментальных философско-антропологических оснований целостности человека, но и позволяет понять его как самодостаточно творческое существо, как субъект исторического процесса. При этом особую актуальность приобретает идея, высказанная В. С. Соловьевым: «...субъектом развития не может быть безусловно простая и единичная субстанция, ибо безусловная простота исключает возможность какого бы то ни было изменения, а следовательно, и развития» [2, с. 14]. Развитие по В. С. Соловьеву возможно только на основе внутреннего единства материальной причины, формальной и целевой. Это приводит нас к необходимости рассмотрения фундаментального

онтологического основания человеческой целостности.

Решение проблемы целостности принципиально невозможно на основе только системного подхода, т. к. категория «системы» предполагает возможность полного осмысления структуры и оснований человека в завершённой форме, и сведение этого знания к объективации, выраженной в системе рационального знания, что противоречит приведенному замечанию В. С. Соловьева о развитии.

Поэтому в основу анализа необходимо положить принцип целостности, содержащий в себе качества, осознаваемые как сверхсистемные свойства и не сводимые к такому познанию, идеалом которого является наука. Это такие элементы, которые получили свое выражение в форме опыта чувств, куда входит познание ценности мира, опыт переживаний, эмоций, психологии постижения мира и опыт души [4, с. 26–27]. Целостность человека может быть раскрыта на основе отражения всей полноты его опыта взаимодействия с окружающей средой.

Различие человека как субъекта своей деятельности и как телесно-духовной субстанции и основывается на многофункциональности самого детерминизма, поэтому взаимодействие человека с окружающим миром основывается на всем многообразии проявлений, протекающих всех основных уровнях его бытия. Прежде всего, это уровень объективной реальности, который в сознании человека закреплён и осмысливается как отражение этой реальности, сущность данного уровня наиболее полно выражена именно в научном знании.

В связи с этим в бытии человека выделяется уровень субъективной реальности. Это уровень, определяющий отношение человека к другому, это то, что М. Бубер называет отношением «Я-Ты». Субъективная реальность отражает реальность объективную, но не может быть полностью к ней сведена. Жизнь человека есть постоянное взаимодействие индивидуальной деятельности в природно-предметном окружении в условиях естественно-исторического процесса [5], понимание же человека на уровне субъективной реальности основывается на определении его индивидуальной системы ценностей. В контексте ценностного постижения себя и мира сущность человека невозможно понять вне совокупности социальных связей и отношений, однако ценности не могут быть навязаны человеку или им присвоены, а только могут быть выработаны им самим в процессе своего развития. Именно ценности задают условия существования духовной субъективной реальности. Духовной надындивидуальной реальности С. Л. Франк даёт следующее описание: «Надындивидуальная реальность дана нам не в форме предметной действительности извне как объект, предстоящий и противостоящий... нам самим, "субъекту" и его внутреннему миру, а в форме реальности, присутствующей в нас самих, изнутри с нами сращенной и нам раскрывающейся» [6, с. 72–73].

Таким образом, чтобы понять человека, надо знать его объективную

реальность, понимать как субъективную и видеть в ней существо, способное к общению с духовной основой мира как целостностью. И только в этом случае человек предстает перед природой как существо равномогущее ее целостности, как существо, равномогущее ее субстанциональности. Субстанциональность человека проявляется в «свернутом виде» и осуществляется через взаимодействие фундаментальных сторон человека: биологической, социальной и духовной, существующих на выделенных уровнях бытия. Эти стороны определяют, каждая по-своему, деятельность человека в мире. Биологическая раскрывает момент адаптации и приспособления человека к миру; социальная – жизнь человека и сообщества людей с точки зрения преобразовательной деятельности, а духовная раскрывает саму возможность выбора, которая реализуется в антиномии добра и зла, и есть стремление к реализации своей субстанциональной целостности.

Единство уровней объективной и субъективной реальностей уже дает представление о специализированном, одностороннем, формационном, социальном человеке, которым, конечно, труднее манипулировать, но вполне возможно, ибо ограниченность его заключается в отсутствии исторической памяти и способности к качественному развитию. Рассмотрение же человека через единство всех трех уровней снимает выявленные односторонности и указывает на необходимость определения экзистенции и духовности, как основополагающих факторов целостности человека. Духовность, понимаемая таким образом, является атрибутивной характеристикой человека. Духовность - это всеобщий собирательный термин, охватывающий все главные компоненты развития личности. Это внутреннее ядро человека, его внутренние силы.

Человек живет в мире и возделывает этот мир по масштабу своей универсальности. Поэтому стремление человека выйти за пределы своего бытия и одновременно стремление восстановить свою связь с бытием и составляют элементарную клеточку духовности. В этом и заключается глубина понимания феномена духовности, отражающего онтологическую целостность человека, его уровневое единство.

В то же время, если философии видится наука о человеке, ей не могут быть безразличны полученные результаты и данные других наук: биологии, психологии, социобиологии, биопсихологии, палеоантропологии, генетики и философии техники, если предположить и следовать тезису, что наука о человеке в полном смысле слова все-таки возможна. Ведь морфология, физиология, физиология чувств, психология и т. д. тоже занимаются человеком, а именно, так, как это только и возможно для отдельной науки: исследуя определенные стороны этого самого сложного из всех предметов и по возможности отвлекаясь от остальных. Поэтому, если попытаться исходить из гипотезы, что философская наука о человеке включает в себя попытку делать высказывания о человеке как целом, то необходимо пользоваться материалом этих отдельных наук и выходить затем за их пределы.

Все непосредственные потребности и практические интересы человека, - пишет Э. Кассирер. – зависят от физической среды его обитания. Человек не может жить без постоянной адаптации к условиям окружающего мира. Ментальное приспособление к окружающей среде очень рано вызвало «интroversированное видение жизни, дополненное экстравертированностью» [7, с. 93].

Таким образом, постановка проблемы человека в философской антропологии опирается на принятие базовых различий сущности человека и его реального бытия (как в повседневном, так и в культурно-историческом аспекте). Как уже говорилось, в качестве предмета исследования акцентируется именно сущность человека, понимание его как особого вида бытия, который качественно отличается от всех других. Для решения этой методологической задачи возможно только рассмотрение конструктивно-теоретической деятельности в сфере онтологических отличий. Поэтому теоретическое конструирование человека как особого рода бытия, выходит на решение двух главных проблем:

– Поиск оснований и необходимых предпосылок появления и становления человека как особой онтологической структуры (проблема природы человека).

– Описание необходимых и существенных признаков этой структуры (проблема сущности человека).

Как правило, философия делает акцент на исследовании природы и сущности человека, в то время как изучением его реального бытия занимается история, этнография, историческая антропология, психология, педагогика, биология, физиология, медицина, социобиология, социология, история техники, экономика, языкознание и др. В науке исследование человека, его различных сторон и аспектов осуществляется с помощью конкретно-научных методов (наблюдение, эксперимент, эмпирическое обобщение, моделирование, сравнительный анализ, генетический анализ, историческое описание, анализ реальных форм человеческого поведения и деятельности). Как уже отмечалось, тут возможны и очевидно присутствуют две стратегии редукционистского плана, не отвечающие задачам целостного понимания природы человека. Это происходит, когда конкретно-научные исследования грубо подгоняются под определенную философско-антропологическую конструкцию (пример – расовая теория, психоанализ и др.). Неприемлем также и позитивистский подход, когда отрицается самостоятельность, ценность и значимость философской антропологии, и ее функции объявляются средством обобщения конкретно-научных данных о человеке.

Конечно, современные достижения в области философской антропологии должны в максимальной степени учитывать результаты конкретно-научных исследований и хорошо коррелировать с ними. В то же время философские модели сущности человека не выводимы из конкретных научных знаний путем индукции. Это объясняется качественным многообразием, гетерогенностью и

историчностью содержания конкретных наук о человеке, а также стремлением философии к необходимому и всеобщему характеру своих моделей, имеющих основание не в опыте, а в разуме человека и его конструктивных возможностях. Мир предельных сущностей (философия) и мир явлений (наука) - это два качественно различных уровня бытия (и познания о нем), которые взаимосвязаны между собой, но отнюдь не сводимы и не выводимы один из другого. Только единство и взаимодополняемость философии и частных наук о человеке, объединение его дискурсов в некоторую целостную систему могут привести к раскрытию онтологии человека, понимания его природы и сущности [8, с. 498–501]. Актуальность этих проблем в свете достижений современных наук о человеке, а также возможных проектов по усовершенствованию природы человека раскрываются в работах Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко, Е. И. Ярославцева, Я. С. Яскевич, И. К. Лисеева и др.

Теоретической основой концепции онтологии человека можно считать два основных положения: идею многоуровневой природы человека и идею многомерности его сущности [9, с. 16–17]. С одной стороны, эти положения противостоят попыткам трактовать природу человека как одноуровневую систему, будь то физико-химический, биологический, социальный, культурный, духовный или экзистенциальный уровень бытия. С другой, подход к природе человека как многоуровневой целостности позволяет трактовать человека как особую сверхсложную систему, которая есть результат, причем незавершенный, эволюции всей Вселенной. В то же время при таком подходе человек понимается как один из потенциальных аттракторов, незримо направляющих ее общую траекторию развития. Это положение известно в современной космологии как антропный принцип.

Природа человека, - пишет С. А. Лебедев, – есть целостность космо-био-социо-культурно-экзистенциально-духовного порядка [9]. Хотя роль каждого их этих уровней и их субординация в структуре бытия конкретных исторических типов человека или в структуре жизнедеятельности отдельных индивидов непостоянна и не одинакова, существование его в принципе невозможно вне любого из перечисленных уровней. Различия же и смена доминант неизбежны, так например, очевидны различия между первобытным и античным человеком; человеком средневековой религиозной организации и человеком индустриального общества; человеком живущим для того чтобы есть и человеком высоких духовных запросов.

Список использованных источников

1. Туровский, К. Притча о человеческой душе и теле // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – Т.12.
2. Соловьев, В. С. Нравственная философия / В. С. Соловьев. Соч.: В 2 т. Т.2. - М.: Мысль, 1990.
3. Чернышевский, Н. Г. Антропологический принцип в философии / Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 7. – М., 1950. – С. 222–295.

4. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М.: Высшая школа, 1991.
5. Бубер, М. Два образа веры. / М. Бубер. Пер. с нем. Под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. - М.: Республика, 1995.
6. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. М.: Республика, 1992.
7. Кассирер, Э. Опыт о человеке / Э. Кассирер // Человек. – 1990. - №3. – С. 93–105.
8. Юдин, Б. Г. Современные дискуссии о природе человека / Б. Г. Юдин // Философия природы сегодня. – М.: Канон+, 2009.
9. Лебедев, С. А. Онтология человека / С. А. Лебедев // Человек. – 2010. - № 1. – С. 15–29.

КРИТИКА ТЕХНИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. О. КОЯЛОВИЧА

В. К. Игнатов

В статье исследуются взгляды М. О. Кояловича, касающиеся проблемы научно-технического прогресса и влияния развития техники на жизнь человеческого общества. Рассмотрено значение Первой всемирной промышленной выставки как важного фактора формирования европейской интеллектуальной мысли во второй половине XIX в. Выявлены главные положения предложенной М. О. Кояловичем теории мирового развития, основанной на идее синтеза культурных традиций России и Запада. Обосновано, что М. О. Коялович является зачинателем философской критики европейского техницизма.

В 1851 г. в Лондоне под девизом «Пусть все народы работают совместно над великим делом – совершенствованием человечества!» [1, с. 21] состоялась Первая всемирная промышленная выставка. Главным символом этого события стало созданное в Гайд-парке здание для демонстрации экспонатов, с легкой руки журналистов «Punch» получившее название «Хрустальный дворец». Оригинальная и новаторская архитектура этого выставочного павильона, возведенного в невиданно короткие сроки (менее полугода) из чугуна и стекла, вызвала поток самых разнообразных суждений и оценок современников. Как отмечал русский философ А. С. Хомяков: «Быть может, много вещей сделала Англия более удивительных, чем хрустальный дворец..., но здание всемирной выставки произвело гораздо большее впечатление на всех» [2, с. 185].

Изобилие новейших изделий машиностроения, представленных на выставке, открыло Европе двери в эпоху индустриальной цивилизации, где технике отводилась роль путеводной звезды человечества.

У посетителей из России Хрустальный дворец пробуждал самые противоречивые чувства: для одних он был эмблемой золотого века, провозвестником наступления эры благоденствия, покоя и вселенского счастья, у других вызывал тревожные раздумья, предвидение грядущих социальных и культурных катастроф.

Н. Г. Чернышевский, увидевший Хрустальный дворец в 1859 г., был настолько восхищен им, что сделал его прообразом великолепного сооружения, служащего местом проживания, труда и досуга людей будущего социалистического общества: «Но это здание, – что ж это, какой оно архитектуры? Теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее – дворец, который стоит на Сайденгамском холме...» (в 1854 г. здание выставочного павильона было перенесено в пригород Лондона) [3, с. 358]. На пути к обретению венца своих творческих усилий – обновленному человечеству и преображенной природе – незаменимым спутником людей становится научно-технический прогресс. «У них так много таких сильных машин..., – восклицал Н. Г. Чернышевский, описывая процесс превращения людьми бесплодной

пустыни в цветущую и плодоносную землю, – они только стали умны, стали обращать на пользу себе громадное количество сил и средств, которые прежде тратили без пользы или и прямо во вред себе» [3, с. 363]. Писатель был убежден в том, что будущее «светло и прекрасно» [3, с. 366], что новый мир будет населять «счастливые люди» [3, с. 365], достижения своего благополучия не в последнюю очередь благодаря тому, что «почти все делают за них машины... люди почти только ходят, ездят, управляют машинами» [3, с. 359].

Ф. М. Достоевский, посетивший Лондон в 1862 г., в «Зимних заметках о летних впечатлениях» ярко передал ощущение колоссальной мощи, воплощенной в облике наступающей цивилизации машин, заставляющей уверовать в то, что она является прологом скорого пришествия эры идеальной социальной гармонии: «Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество» [4, с. 69]. Но здесь же он высказал и глубокие сомнения в возможности достижения нового социального порядка, где торжествует разум и царят «свобода, равенство, братство»: «Конечно, есть великая приманка жить хоть не на братском, а чисто на разумном основании... Нет, не хочет жить человек и на этих расчетах... Ему все кажется сдуру, что это острог и что самому по себе лучше, потому – полная воля» [4, с. 81].

Идея социальной утопии, воздвигнутой на рациональных основаниях, вызывает чувство протеста, неприятия и пессимизма у героя повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья», окрашиваясь в тона глубокой иронии и горького сарказма. «Тогда-то, – это все вы говорите, – настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже вычисленные с математическою точностию, так что в один миг исчезнут всевозможные вопросы, собственно потому, что на них получаются всевозможные ответы. Тогда выстроится хрустальный дворец... Конечно, никак нельзя гарантировать... что тогда не будет, например, ужасно скучно (потому что что ж и делать-то, когда все будет расчислено по табличке), зато все будет чрезвычайно благоразумно» [5, с. 113], – рассуждает подпольный парадоксалист. Он убежден, что будущее царство разума – не рай, а каторга, ибо в нем отсутствует личная свобода (ср. с мыслью Н. Г. Чернышевского: «Где нет свободы, там нет счастья, там нет меня» [3, с. 352]). Лишение человека права даже на малейшее сомнение в завершенности, цельности и совершенстве собственного творения вызывает у него чувство страха и желание отвергнуть абсолютистские притязания разума: «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить» [5, с. 120].

Столь противоречивые взгляды на роль техники в человеческой жизни

отразили то великое смятение умов, что сопровождало зарю цивилизации машин. Во второй половине XIX в. бурный рост научно-технического прогресса вызвал всплеск интереса к феномену техники со стороны философского сообщества Старого Света.

Первый камень в основание философии техники был заложен немецким мыслителем Э. Каппом (см., напр.: [6, с. XIII]). В своей книге «Основания философии техники. Новый взгляд на историю возникновения культуры», увидевшей свет в 1877 г., Э. Капп утверждал, что мир культуры, и техника в том числе, являются творческим порождением человека, воспроизведением его собственных органов: «Начиная с первых грубых орудий,... кончая многообразно развитой "системой потребностей", которую в сгущенном виде показывает нам всемирная выставка, человек видит и узнает во всех этих внешних вещах... форму, созданную его рукой, дело человеческого духа,... – себя самого» [7, с. 23–24]. В трактовке Э. Каппа техника является частью самого человека и поэтому не может выступать его антиподом и тем более представлять угрозу его существованию.

Мыслитель не закрывал глаза на проявления отрицательного влияния техники на жизнь людей, как-то: упадок семейных ценностей, обнищание огромных масс населения, снижение квалификации трудящихся, возникновение рабочего вопроса [8, с. 198–199]. Однако его рассуждения проникнуты оптимизмом и верой в благодетельность научного прогресса и технических завоеваний: «Из рассмотрения сравнительно короткого этапа, который был пройден до сих пор, принимая во внимание факторы накопления достижений, дальнейшего прогрессивного совершенствования инструментов и машин и одновременного увеличения использования природных ресурсов, могут, вне всяких сомнений, быть сделаны самые смелые выводы о величии будущего культуры» [8, с. 349].

Иные перспективы земной цивилизации в случае триумфа техники представляли перед читателем статьи М. О. Кояловича «Наши русские исторические знамена – веры и народности», опубликованной в журнале «Церковный вестник» за 1883 г. Ключ к разгадке веры в чудодейственную силу технического разума мыслитель видел в теории славянофилов, убежденных в фундаментальных отличиях России от Запада.

Рационализм, возведенный западной культурой в XIX в. на высшую ступень величия, по мнению М. О. Кояловича, является самым большим вызовом русскому миру [9, с. 739]. Он – главная духовная опора новейших направлений интеллектуальной жизни Европы, обладающих той характерной чертой, «что они так или иначе отрицательно относятся к русской вере и даже к русской народности» [9, с. 739]. Мыслитель отмечал, что Европа, отведя под натиском разума мысленный взор людей от горнего, и погрузив его в дольний мир, устремилась к созданию «так называемой цивилизации современного человечества» [9, с. 740]. Ее основной пафос, по мысли М. О. Кояловича, – не духовное творчество, а проникновение в устройство материи, «это, так сказать,

ремесленная цивилизация – открытие нового и развитие старого для благоустройства и удобств материальной жизни» [9, с. 740]. Новый жизненный уклад является предвестником глобализации, чьим призванием становится удовлетворение исключительно земных потребностей человечества, но не всеобщее пиршество духа. «Пар, электричество и другие разнороднейшие изобретения быстро сближают и объединяют людей; но сближают и объединяют меньше всего для более дружной деятельности в области высших интересов человека, в области идеальной, а больше всего в области практических интересов, области выгод обыденной жизни», – писал мыслитель [9, с. 740]. Возникновение такого планетарного сообщества не только не способно принести людям благоденствие, а, напротив, вызвать трагедии вселенского масштаба: крах национальных государств, разрушение традиционных социальных институтов, уничтожение неповторимого своеобразия мировых культур и народов: «При этом старые рамки жизни – рамки государства, народности, семьи, – считал М. О. Коялович, – оказываются чаще и чаще неудобными, стеснительными; еще более стеснительными оказываются при этом беззаветная доблесть для блага родины, не обещающая выгод честность в общегитии, семейная любовь и самоотвержение, а прежде и больше всего христианская вера, налагающая узду на дурные наклонности человека и призывающая его к чистому, бескорыстному добру» [9, с. 740–741].

Согласно убеждениям М. О. Кояловича, в странах Запада разум объявлен основой социального прогресса, а главным инструментом для овладения природой с целью достижения процветания человечества стала техника. По его словам, «ум, возобладавший материей посредством техники, становится единственным двигателем человеческой жизни, и достижение этого господства возможно большего и лучшего представляется высшим благом человека» [9, с. 741]. Техническая цивилизация, являясь порождением человеческого разума, сама становится орудием порабощения людей, превращая человека в малозначущую деталь огромного царства машин: «Ум человеческий, вооруженный техникой, стремится посмеяться над всем, что есть лучшего в человеческой природе... личное достоинство... принижается и становится в беспомощное положение, зависящее роковым образом от пустейших случайностей» [9, с. 741].

Особую опасность достижения технического прогресса, как полагал М. О. Коялович, представляли в руках той части человечества, которая пребывала в убеждении, что именно она является законодателем мировой мировоззренческой моды. Мыслитель сомневался в том, что западные страны смогут избежать искушения привить недавно обретшим национальное самосознание народам мысли и манеры общества, давно вступившего в пору зрелости: «В действительности господство ума, вооруженного лишь техникой в области материального мира, есть самое ужасное господство в человеческих обществах. Это – бездушное господство немногих лиц над массами... и, что особенно важно для нас, русских, это – разлагающее господство старых

народов, всегда более сильных умом и техникой, над молодыми народами, всегда особенно богатыми нравственными силами» [9, с. 741].

По убеждению М. О. Кояловича, холодный, абстрактный разум, поставивший на свою службу технику, не способен исцелить нравственные язвы рода людского, поскольку рационализм – это не что иное, как «ложный, злосчастный и самозванный ответ от имени человечества, угнетенного демонским господством ума, вооружившегося только техникой» [9, с. 741]. Он «не может дать никакого положительного решения трудного вопроса, никакого исправления накопившегося зла» [9, с. 741]. С точки зрения М. О. Кояловича, творческие силы Запада иссякли, и теперь пришло время выхода на всемирно-историческую арену славянских народов, поскольку «ответ должен быть совсем иной, и его лучше всего может дать славянский мир» [9, с. 741–742]. Именно славянство, считал мыслитель, призвано преодолеть заблуждения западного отвлеченного интеллекта, вывести Европу из духовного и морального тупика, вернуть Западу утраченные им религиозное чувство, опыт мистического восприятия жизни: «Мы лично верим, что славянской доблести суждено преодолеть бездушную технику западноевропейского ума и в своей славянской цивилизации восстановить нарушенную на Западе гармонию в развитии сил человеческого духа, – верим потому, что в славянской натуре, как она сложилась исторически, иное сочетание или соотношение сил души, чем у западноевропейских народов» [9, с. 742].

Особая роль в процессе преобразования европейской культуры, полагал М. О. Коялович, принадлежит русскому народу, сумевшему сохранить мирозерцание восточного христианства и самобытные жизненные устои: «... объединение русской народности и православия дало русскому человеку самое устойчивое положение в его историческом развитии» [9, с. 743]. Поэтому, с его точки зрения, все жители России, осознав мессианизм русского народа, призваны всемерно содействовать титульной нации в осуществлении ею своей вселенской миссии: «Пусть строится и крепнет согласие и мир между русскими гражданами всех вер и народностей, какие признаются в России, но пусть строители этого согласия и мира знают, куда они идут, вступая на тот или другой избранный ими путь, и действительно ли они при этом укрепляют, а не ослабляют ту всеобъемлющую основу России, которую составляет русский народ» [9, с. 743]. Итак, призвание России, по мнению М. О. Кояловича, состоит в создании универсальной христианской цивилизации, воплощающей лучшие достижения Запада и Востока и открывающей простор для безграничной эволюции человека и общества во имя достижения вселенского благоденствия. «Пусть развиваются и крепнут на Руси всякая законная техника и всякое полезное знание ума; но пусть техники и все умные люди сознают, что действительно прочная жизнь, действительно благо человечества строятся не одной техникой и не одним умом, а гармоническим развитием всех сил человека и всех сторон человеческой жизни» [9, с. 743], – подводил итог своим рассуждениям мыслитель.

В сочинениях позднего М. О. Кояловича ведущей темой стала мысль об опасности распространения в Европе идей научно-технического рационализма. По мнению мыслителя, именно рационализм являлся главным виновником утраты человеческой личностью Запада глубинных смысловых основ своего существования, забвения ею фундаментальных духовных ценностей, преобладания в жизни западного общества стремления к телесному комфорту и тривиальному социальному успеху. Предвосхищая критику индустриально-технической цивилизации, обретшую полновесное звучание только в XX в. как в сочинениях философов «серебряного века», так и в трудах некоторых западных мыслителей, М. О. Коялович проанализировал и поставил перед интеллектуальными кругами Европы вопросы, обладающие современным звучанием. Мыслитель нарисовал яркие картины отчуждения и подчинения человека машине, выдвинул проблему возникновения новых, более изощренных форм господства власть имущих над социальными низами, а также западных народов над народами других стран. Рассуждая о распаде человеческой личности, об утрате ею целостного, гармоничного восприятия мира и культуры, о нарастании под влиянием технической рациональности специализации в деятельности человека, расщепляющей его духовную сущность, М. О. Коялович предлагал концепцию альтернативного пути развития. В ее основание мыслитель положил идею о сочетании интеллектуального достояния Запада, начертавшего на своем идейном знамени «ум, знание, польза» [9, с. 739], с христианскими идеалами славянского мира, будучи убежденным, что они способны «очеловечить» технику, вернуть личности ощущение духовной и нравственной гармонии.

Тема кризиса европейской цивилизации и культуры – лейтмотив славянофильской философии. Всплеск иррационализма в Западной Европе в конце XIX в. стал выражением протеста против господства материализма, научности и рассудочности в интеллектуальной мысли. Однако критика техники возникла только в XX ст. Поскольку цитируемые нами суждения М. О. Кояловича о технике увидели свет в 1883 г., то он может быть назван *родоначальником* критики европейского индустриализма и техницизма.

Список использованных источников

1. Шпаков, В. Н. История всемирных выставок / В. Н. Шпаков. – М.: АСТ: Зебра Е, 2008.
2. Хомяков, А. С. Аристотель и всемирная выставка / А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений: в 8 т. / А. С. Хомяков. – 3-е изд. – М.: Университетская тип., 1900. – Т. 1. – С. 177–194.
3. Чернышевский, Н. Г. Что делать ? / Н. Г. Чернышевский. – М.: Дрофа: Вече, 2004.
4. Достоевский, Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. – Т. 5. – С. 46–98.

5. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. – Т. 5. – С. 99–179.
6. Maye, H. Einleitung /H. Maye, L. Scholz // Kapp, E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten. – Hamburg: Meiner, 2015. – S. VII–XLIV.
7. Капп, Э. Антропологический критерий / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас // Роль орудия в развитии человека. – Л.: Прибой, 1925. – С. 21–25.
8. Kapp, E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten. – Braunschweig: George Westermann, 1877. – XVI, 360 s.
9. Коялович, М. О. Наши русские исторические знамена – веры и народности / М. О. Коялович // Коялович, М. О. Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2011. – С. 709–743.

СТАТУС МЕТАФОРЫ В ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ Г. ХАРМАНА

Н. С. Ильюшенко

В статье анализируется роль метафоры в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана. Метафора квалифицируется не как поэтический (риторический) троп, но как гносеологически и онтологически значимая процедура, позволяющая описать процесс порождения знаний о мире и пролить свет на саму природу объект-объектных взаимодействий, освобожденных от их корреляции с производимыми субъектом интерпретациями. Основное внимание уделено рассмотрению замещающей причинности как особому типу каузальности, приводящей к появлению новых сущностей вне рамок естественнонаучных теорий, отвергающих метафизический характер взаимоотношений неодушевленных объектов. Воплощение такой каузальности предполагает метафорический перенос, выступающий фундаментальным механизмом схватывания в человеческом опыте реального объекта за рамками его чувственно воспринимаемых качеств. Такая трактовка метафоры позволяет философу не только объяснить возможности порождения новых сущностей, но и в целом вернуть эстетике статус «первой философии», служащей раскрытию метафизических основ бытия. Также в статье получили отражение некоторые критические замечания, связанные с обсуждением следствий из инициированного Г. Харманом «эстетического решения» проблемы корреляционизма.

Современные онтологии (в версиях акторно-сетевой теории Б. Латура, объективной онтологии Г. Хармана, спекулятивного реализма К. Миясу и др.) могут быть поняты как принципиально антиантропоцентристские проекты, где объекты обретают собственную агентность наравне с человеком. Философский проект Г. Хармана отличается не только особой трактовкой объекта, но и подходом к определению путей его познания и конституирования. Метафорическое, не прямое знание, оказывается ключом к построению новой философии (метафизики), противостоящей рационально организованной теории. Следствия онтологизации метафорического переноса, связанные как с возможностями, открывшимися вслед за произведенным теоретическим ходом, так и с ограничениями нового взгляда на объект-объектные взаимодействия, были определены в качестве задач, решаемых в рамках данной статьи.

Прежде, чем перейти к непосредственному определению статуса метафоры в проекте объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана, представляется необходимым очертить круг проблем, вынудивших философа прибегнуть к нетривиальному решению – введению исходно риторических фигур в область метафизических построений.

Ключевой причиной данного действия следует признать стремление избежать ошибки корреляционизма (от лат. *correlatio* «соотношение»),

«взаимосвязь»), порожденной предшествующими, преимущественно идеалистическими, версиями метафизики. Сущность данной ошибки была емко выражена французским философом К. Мейясу, также работающим над решением проблемы «привилегированного доступа» к реальности. Исследователь указал, что при взгляде на мир с точки зрения субъекта, наделенного «большими правами в реальности», существование «объектов, событий, законов, сущностей, которые не были бы всегда уже скоррелированы с точкой зрения, субъективным доступом» человека, становится принципиально невозможным. Причина такого положения вещей коренится в допущении, что само бытие априорно соотносено с мышлением о нем и что именно в мышлении человека конституируются ключевые параметры оценки бытия всех остальных элементов реальности (антропоцентризм). Разясняя свою мысль, К. Мейясу подчеркивает, что «корреляционизм основан на аргументе, одновременно простом и сильном, который можно сформулировать следующим образом: не может быть никакого X без данности X, и никакой теории об X без полагания X. Если вы рассуждаете о чем-то, то корреляционист скажет, мол, вы говорите о том, что дано вам и полагается вами» [1].

Стремление построить действительно реалистическую теорию, избегающую ошибки корреляционизма и преодолевающую идеалистическое отношение к миру, выдвигает требование наделить «правом голоса» сами объекты. Это, в свою очередь, вынуждает отказаться от идеи иерархической соподчиненности субъективной и объективной областей реальности, а также делает необходимым осуществление перестройки всей исследовательской оптики, в результате которой ни один из элементов бытия больше не признается обладающим приоритетным положением в структуре универсума.

Такие размышления инициировали переход на позиции объектно-ориентированной онтологии, понимаемой в качестве «метафизики плоскости» в силу уравнивания в правах как человеческих, так и нечеловеческих сущностей. Итогом произведенного интеллектуального хода стало наделение равным онтологическим статусом всех объектов и признание за ними определенных характеристик и «способностей», которые ранее приписывались исключительно субъектной агентности. К числу ключевых свойств, согласно учению Г. Хармана, была отнесена интенциональность – «не только человеческая собственность, но онтологическое свойство объектов вообще» [2], охарактеризованная при этом как «искренность» или поглощенность воспринимаемым. В такой картине мира сам субъект-объектный дуализм утрачивает смысл и свой объяснительный потенциал. Наличие интенциональности как фундаментального свойства всех элементов реальности обеспечивает всеобщую связность мира, несмотря на их сохраняющуюся автономность.

Задача преодоления корреляционизма в проекте объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана оказывается тесно сопряженной с «оживлением» философского смысла каузальности. Переосмысление

каузальности необходимо философу не только для исключения привилегированности субъекта, но и для отмежевания от редукционистских естественнонаучных объяснений, сосредотачивающих свое внимание на действующей причинности, отвергающей метафизический характер взаимоотношений неодушевленных объектов. Необходимо подчеркнуть, что сами объекты трактуются Г. Харманом предельно широко – это не только вещи материального мира. К объектам он относит вообще любые сущности: материальные, идеальные, только что созданные, возникшие, сконструированные или вообще – восприятия объекта [3, с. 8]. Движимый мотивом предложить решение, уравнивающее все объекты между собой в их онтологическом статусе, Г. Харман развивает учение о «замещающей причинности» как особом типе каузальности, идущем «вразрез с современной философией», которая основное свое внимание сосредотачивает на изучении феноменов (идеальных сущностей), а не реальных объектов и того, как последние взаимодействуют между собой [2].

Замещающая причинность, в отличие от действующей научной каузальности, характеризует не то воздействие, которое один объект оказывает на другой, принуждая его изменить свое положение в физическом мире или какую-либо его характеристику, но фиксирует специфику взаимодействия обладающих интенциональностью объектов. Особенность вызывающей это взаимодействие причинности обусловлена тем, что, хотя объекты не вбирают автономной реальности своих составляющих частей, они, тем не менее, осуществляют «посредство», позволяющее распознать сцепку реального и чувственного воспринимаемого в объекте. Метафора при этом оказывается средством, которое дает возможность преодолеть разрыв между чувственно воспринимаемым объектом и его явно не воспринимаемыми, но сущностными (реальными) качествами. В ней, согласно философу, производится не только гносеологически важная, но и онтологически значимая операция, с помощью которой свойства объекта «представляются» в другом объекте, чтобы задать ту или иную форму их отношений (содержательности, смежности, искренности, связи или отсутствия всякого отношения). Каким же образом совершается онтологический метафорический перенос?

Особый статус метафоры был всесторонне описан Г. Харманом в его книге «Партизанская метафизика» («Guerilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things» [4]), увидевшей свет в 2005 году. В этой работе философ онтологизировал метафору, обосновав ее трактовку в качестве процедуры, фундамирующей отношения между объектами реальности и задающей, таким образом, саму возможность всякого взаимодействия между ними. Условие такого взаимодействия, по Г. Харману, укоренено в структуре каждого объекта. Так, каждая сущность имеет две сферы: чувственную (открытую восприятию другого объекта) и реальную (к которой нет прямого доступа ни субъекту, ни другим объектам). Вступая во взаимодействия друг с другом, объекты «соприкасаются» только чувственными сферами. Особенность

этих сфер состоит в том, что они аккумулируют в себе множество различных свойств и характеристик объекта. Будучи задетыми взаимной интенциональностью друг друга, объекты «предоставляют» эти свойства один другому, на основе чего и происходит их взаимодействие, а также увязывание мира в общее единство. Реальные части объектов при этом всегда оказываются «ускользающими» от прямого контакта. Тем не менее, происходящая на уровне чувственного восприятия сцепка качеств не только преобразует (искажает) каждый объект взаимодействия, но и открывает доступ к «схватыванию» их действительных сущностей. Так реализуется механика метафорического переноса: через взаимопроникновение свойств и характеристик одного объекта в другой, *реально* не связанный с ним, открывается доступ к внутренней сущности объекта, а также становится возможным конституирование новых сущностей, обладающих синтетическими (гибридными – в терминологии Б. Латура) свойствами.

Несмотря на то, что корни онтологической трактовки метафоры Г. Хармана обнаруживаются еще в концепции Х. Ортега-и-Гассета, Г. Харман идет дальше в своих выводах. В отличие от своего предшественника он указывает на то, что в высказывании «небо – это океан» мы не приписываем небу каких-либо качеств океана (синеву, глубину и др. – этим бы мы лишь свели метафору к простой и одновременно ложной аналогии, бессмысленному перечислению атрибутивных характеристик описываемого объекта). В правильно сконструированной метафоре мы не осуществляем «приписывания» свойств, но улавливаем связи между объектами, которые, казалось бы, никак нельзя предугадать, но которые, возникая, сообщают нечто о предмете. В этой процедуре происходит конституирование третьей сущности – того, чего бы мы не могли заметить, имея дело с каждым объектом в отдельности. Метафора же, благодаря осуществляющейся в ней сцепке свойств, позволяет прорваться сквозь разделенность чувственных оболочек объектов и прикоснуться к их неуловимому внутреннему ядру, одновременно схватив новую общность как единую (новую) сущность объектов, порожденную самой метафорой в силу действующей в ней замещающей причинности.

Так, с одной стороны, метафора в концепции Г. Хармана наделяется статусом инструмента, позволяющего прикоснуться к подлинной реальности и истине бытия объектов, а с другой стороны, она становится принципом конституирования новых сущностей, которые не являются ни чистыми когнитивными явлениями (в случае человеческого восприятия), ни проявлениями знаний о ранее существовавших объектах. Например, если мы говорим о восприятии кипариса как «призрака мертвого пламени», порождаемая в акте восприятия сущность не будет тождественна или обусловлена исключительно природой воспринимающего индивида или же самого кипариса. В результате имеет место порождение нового квазиобъекта или гибридной данности. Ее схватывание становится доступным в поэтическом языке, а также в иных формах эстетического восприятия мира. Так Г. Харман

возводит эстетику в ранг «первой философии», возвращая ей статус дисциплины, исследующей реальные связи и отношения между объектами мира.

Позитивное следствие, проистекающее из концепции метафоры Г. Хармана, состоит в наделинии объектов собственной агентностью, способностью к порождению знаний и иных сущностей в ходе разворачивающейся игры непрекращающихся взаимодействий и отношений разных типов. Отсутствие у этой игры предустановленного конца или сообщенной извне (субъектом) цели, дает основание заключить о преодолении проблемы корреляционизма. Не менее значимое следствие касается выведения эстетики из тени других философских дисциплин и возвращения ей «достоинства» метафизически значимого раздела теоретического знания, исследующего чувственность и реальность, отношения и связи между различными элементами бытия.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторые критические замечания, высказываемые в адрес версии объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана. Слабые стороны этой концепции коренятся в приписывании объектам антропологических качеств. Так, наделение нечеловеческих сущностей интенциональностью, по мнению С. Мулхалла (S. Mulhall), в итоге оборачивается превращением объектов в «карикатуры на людей», которые вместо своего освобождения от власти субъекта оказываются полностью антропоморфизированными. Остается не проясненным и вопрос о том, каким образом порождаемый метафорическим синтезом новый квазиобъект, не открывающий доступа к ранее существующим объектам, способен предоставить таковой доступ к реальности сущности, создаваемой в результате реализации процедуры метафорического переноса [4].

Суммируя сказанное, сделаем вывод о том, что Г. Харман в своей концепции метафоры развивает взгляд на нее как на один из инструментов не только формирования нашего знания о реальности, но и существования (развертывания) самой этой реальности в ее постоянной и непрекращающейся динамике. Метафорическая сцепка чувственных качеств объектов объявляется двигателем, инициирующим порождение отношений и связей между всеми существующими элементами универсума, а также приводящим к конституированию принципиально новых сущностей. Вместе с тем введение эстетического объяснения в онтологию приводит не столько к прояснению механизмов конституирования сущностей, сколько к тому, что Р. Брассье впоследствии назвал смещением эпистемической невыразимости с онтологической непостижимостью [5]. Наличие сильных и слабых сторон сформулированной Г. Харманом концепции, тем не менее, открывает пути не только для критики, но и для поиска новых, более удовлетворительных решений проблемы корреляционизма.

Список использованных источников

1. Мейясу, К. Время без становления. Доклад в Университете Мидлсекса в рамках семинара Центра исследования современной европейской философии, организованного Питером Холлуардом и Рэем Брасье, 8 мая 2008 года / К. Мейясу // Гефтер – [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 03.06.2019).
2. Харман, Г. О замещающей причинности / Г. Харман // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 114. С. 75–90. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/114/h7-pr.html>. – Дата доступа: 05.06.2019.
3. Головашина, О. В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана / О. В. Головашина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2018. – Т. 34, Вып. 1. – С. 4–16.
4. Harman, G. *Guerilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things* / G. Harman. – Chicago and la Salle, Illinois: Open Court, 2005. – 280 p.
5. Mulhall, S. How complex is a lemon? Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything by Graham Harman / S. Mulhall // *London Review of Books*. – Vol. 40. – No. 18 (27 September 2018). – P. 27–30.
6. Брасье, Р. Спекулятивная аутопсия. Послесловие к книге П. Вульфендейла «Объектно-ориентированная философия. Новые одежды ноумена» / Р. Брасье // Сигма – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://syg.ma/@pavelborisov/rei-brassie-spiekuliativnaia-autopsiia>. Дата доступа: 20.06.2019.

КАТЕГОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТОГЕНЕЗА

Т. А. Капитонова

Категория взаимодействия может рассматриваться как общее философско-методологическое основание для научного изучения процессов формирования интеллекта и позволяет определить перспективы дальнейшего развития методологии многоагентных систем. Принцип взаимодействия выступает в качестве исходного принципа моделирования интеллектотенеза, с которым соотнобразуются другие принципы: коммуникативной природы интеллектотенеза, единства интеллекта и деятельности, многоуровневости взаимодействий, приоритета координации над субординацией, развития.

Проблема интеллектотенеза, артикулируя вопрос о механизмах и условиях зарождения человеческого интеллекта, представляет собой не только специальную научную задачу, но также и важную философско-мировоззренческую проблему, решение которой позволит лучше понять истоки и пути эволюции человеческого мышления.

На сегодняшний день одним из наиболее заслуживающих внимания подходов к изучению эволюционного происхождения когнитивных способностей животных и интеллекта человека является построение математических и компьютерных моделей когнитивной эволюции. На наш взгляд, перспективная методология разработки подобных моделей представлена в многоагентных системах искусственного интеллекта.

Данная методология вводит в ракурс рассмотрения сообщество неоднородных взаимодействующих агентов для исследования кооперативных механизмов зарождения, самоорганизации и эволюции сложных, открытых интеллектуальных систем. Как правило, многоагентная система представляет собой популяцию простых и зависимых друг от друга агентов, связи между которыми являются горизонтальными, при этом, отсутствуют точные правила, определяющие их поведение на макроуровне. Каждый агент самостоятельно определяет свои реакции и поведение, следуя простым правилам. Подобные локальные взаимодействия агентов эмерджентно порождают поведение, свойства и структуру системы на глобальном, коллективном уровне [1].

Моделирование процессов когнитивной эволюции требует глубокого осмысления категории взаимодействия и соответствующих ей философско-методологических принципов, уточнения их роли и места в моделировании процессов интеллектотенеза. Решение данной проблемы имеет существенное значение для развития диалектической теории, для обогащения и углубления ее методологических связей с теорией когнитивной эволюции и инновационно ориентированной практикой создания человекообразных компьютерных систем.

Категория / принцип взаимодействия. Взаимодействие в онтологическом

смысле представляет собой необходимый и всеобщий элемент любых объективных явлений и процессов, выступающий их существенной характеристикой. В силу объективного, материального единства объектов и процессов действительности взаимодействие является существенной стороной всякой материальной системы, важной предпосылкой ее изменений и устойчивости, необходимым моментом развития.

В условиях фактического признания процесса взаимодействия основным предметом научного познания, данной категории / принципу принадлежит роль одного из важнейших общих положений науки, содержательное и полное исследование которого представляется весьма существенным. В нашем случае важность данной категории определяется еще и тем, что она может рассматриваться как общее философское основание для научного изучения процессов формирования интеллекта, т. к. объективной основой интеллектогенеза выступает реальное взаимодействие субъекта с окружающим его миром.

Принимая во внимание то обстоятельство, что любой процесс включает в себя необходимый момент взаимодействия, стоит отметить, что взаимодействие в качестве преимущественной характеристики изучаемого процесса имеет место только в том случае, если оно является его доминирующим элементом или приобретает особое значение в контексте конкретного исследования. Одним из таких процессов и является процесс интеллектогенеза, принцип взаимодействия в отношении которого гласит, что генезис интеллекта может быть «объяснен взаимодействием», т. е. исходное взаимодействие устанавливается как причина генезиса изучаемого явления [2, с. 238]. Кроме того, зарождение интеллекта может рассматриваться как система разнокачественных, разносторонних и разноуровневых взаимодействий, в результате чего устанавливается определенное место данного явления в спектре отношений детерминации.

В контексте нашего исследования категория / принцип взаимодействия выступает в качестве исходного принципа моделирования интеллектогенеза, из которого планомерно вытекают остальные.

Коммуникативная природа интеллектогенеза. Постулирование коммуникативной природы интеллектогенеза указывает на необходимость исследования эволюции интеллектуального поведения в процессах взаимодействия коллектива агентов как между собой, так и с внешней средой. При этом, особый акцент делается на связи коммуникативных и регулятивных процессов, сопровождавших феномен возникновения и развития интеллекта.

В истории эволюции человеческого интеллекта коммуникативная сфера была непосредственно связана с координацией действий внутри коллектива посредством языка и предоставляемых им возможностей взаимодействия. Как и в человеческих сообществах, коммуникация и лингвистическое взаимодействие в многоагентных системах служат, прежде всего, координации действий агентов внутри коллектива. В этом случае, коммуникация представляет собой

процесс взаимодействия, в ходе которого происходит обмен информацией о некоторой предметной области, необходимый для достижения согласованных целей. Коммуникация, лежащая в основе социальной организации многоагентных систем, может осуществляться непосредственно, например, путем передачи сообщений, когда различные агенты общаются напрямую, или же опосредованно, например, с помощью архитектуры «доски объявлений». В общем случае, коммуникация между искусственными агентами зависит от выбранного протокола, который представляет собой множество правил, определяющих, как синтезировать значимые и правильные сообщения [1]. Современные искусственные агенты способны не только обмениваться сообщениями, но и вести переговоры на основе достаточно сложных протоколов коммуникации, опирающихся на теорию речевых актов.

При реализации координационной функции в многоагентных системах искусственного интеллекта был сделан акцент на воплощении формальных аспектов человеческой коммуникации, связанных с обменом информацией об интересующей предметной области. В то же время, за скобками оказались неформальные аспекты коммуникационного взаимодействия, связанные с выражением эмоций, чувств, передачей соответствующих культурных и семантических коннотаций и т. п.

Принцип единства интеллекта и деятельности. Описанный выше принцип коммуникативной природы интеллекта гласит, что интеллект имеет коммуникативную природу и формируется в процессах взаимодействия агента с другими агентами. Данный принцип тесно связан с принципом единства интеллекта и деятельности, согласно которому, сама потребность в коммуникации не является самоцелью, но связана с реализацией целенаправленной деятельности. В этом смысле интеллект выступает как регулятор деятельности, позволяющий агенту организовывать свои действия или координировать действия другого агента. При этом, деятельность и интеллект представляют собой процессы, рекурсивно зависящие друг от друга, циклически порождающие и обуславливающие друг друга.

Таким образом, в многоагентных системах принцип взаимодействия проявляется как в коммуникативной, так и в деятельностной формах. Деятельностная форма указанного принципа исходит из активного «субъект-объектного» взаимодействия агента с окружающей действительностью, в ходе которого агент, обладающий внутренними механизмами мотивации и целеполагания, удовлетворяет свои потребности и реализует поставленные перед собой цели.

В теории многоагентных систем уровень «субъективности» агента непосредственно зависит от того, наделен ли он символическими представлениями, требующимися для организации рассуждений, или же агент функционирует только на уровне образов, связанных с сенсомоторной регуляцией. На основе этого критерия, агенты подразделяются на реактивных и интеллектуальных.

Интеллектуальные агенты отличаются ярко выраженной индивидуальностью, целесообразным поведением, а также использованием ресурсов других агентов для достижения собственных целей. В свою очередь, реактивные агенты, имеющие довольно бедное внутреннее представление внешней среды, характеризуются весьма ограниченным диапазоном предвидения, т. к. они практически не способны планировать свои действия и работают, в основном, на уровне стимульно-реактивных связей.

Принцип многоуровневости взаимодействий. Данный принцип предполагает, что процесс формирования интеллекта представляет собой сложный процесс разнокачественных, разносторонних и разноуровневых взаимодействий, не ограниченный рамками отдельного организма, а включающий также разнообразные взаимодействия организма с окружающей средой, как природной, так и социальной. Таким образом, указанный принцип в общей своей форме предполагает рассмотрение а) иерархии внутривидовых взаимодействий интеллектуальной системы и б) иерархии взаимодействий интеллектуальной системы с окружающей средой.

В эволюционном плане процесс формирования интеллекта определяется не только общим усложнением взаимодействия (усложнением самих взаимодействующих материальных систем, увеличением «каналов» связи между ними, возникновением большего разнообразия объективных взаимодействий), но и особой ролью несимметричных «межуровневых» взаимодействий материальных систем и, особенно, взаимодействий «система – среда», на базе которых формируются и развиваются процессы отражения, регулирования и управления [2, с. 201]. На основе данных процессов, хоть и не будучи их простым продолжением, постепенно возникает интеллект, имеющий своей непосредственной причиной особую форму взаимодействия с природой, опосредованную речевым общением с другими индивидуумами в процессе совместной общественной деятельности.

В существующих многоагентных системах принцип многоуровневости взаимодействий как с природной, так и социальной средой, как правило, редуцируется к моделированию формального аспекта социальных взаимодействий. Также в многоагентных системах, в силу их ориентации на примерно одинаковый уровень сложности взаимодействующих подсистем и элементов, не принимается во внимание особая роль в формировании интеллекта несимметричных межуровневых взаимодействий, предполагающих различную сложность взаимодействующих систем и различные результаты этого взаимодействия.

Принцип приоритета координации над субординацией. Применительно к изучаемым процессам интеллектогенеза данный принцип предполагает доминирование горизонтальных связей взаимодействия по отношению к вертикальным. Реализацией этого принципа в интеллектуальном поведении многоагентных систем является преобладание кооперативных и коалиционных стратегий над конкурентными и индивидуалистическими.

Взаимодействие агентов выступает в качестве интегрирующего фактора, посредством которого происходит объединение отдельных агентов в определенный тип целостности, т. е. в коллектив или сообщество. При этом, причиной взаимодействия между ними, чаще всего, является потребность одного агента в ресурсах других агентов, в их знаниях или опыте касательно данной проблемной области. Наличие обязательств агентов друг перед другом, дополненное нехваткой индивидуальных ресурсов и неспособностью отдельного агента решить задачу в одиночку, запускает в действие механизм кооперации. Плодотворность идеи кооперации отдельных агентов при коллективном решении задач демонстрирует тот факт, что коллективы даже простейших агентов (природными аналогами которых выступают пчелиный улей или муравейник), в которых каждый преследует только свои примитивные цели, в целом способны решать достаточно сложные задачи [3].

Таким образом, переход от отдельного агента к их сообществу предполагает наличие активного взаимодействия между ними, проявляющегося в их сотрудничестве или кооперации внутри многоагентной системы с целью решения определенной задачи. Соответственно, кооперация, представляя собой коллективную работу агентов в интересах получения совместных результатов при одновременном разделении функций, ролей и обязанностей, является основной формой социального поведения и координации взаимодействий между агентами.

Принцип развития. Введение данного принципа позволяет перейти от изучения процессов зарождения и формирования интеллекта к рассмотрению механизмов эволюции интеллектуального поведения. Согласно принципу развития, эволюция интеллекта находит свои исходные импульсы во внутреннем взаимодействии элементов интеллектуальной системы, т. е. в ее внутренних объективных противоречиях. Именно конкретные внутренние взаимодействия интеллектуальной системы на каждой стадии ее развития выступают исходным моментом дальнейшего ее направленного изменения, своеобразными начальными пунктами конкретных этапов развития.

Развитие интеллекта представляет собой самопроизвольный (прежде всего внутренне обусловленный), направленный во времени и необратимый процесс изменения некоей интеллектуальной системы, протекающий согласно основным законам диалектики как катастрофическое, скачкообразное возникновение нового и преодоление старого, как «отрицание отрицания», движение по спирали, как последовательная смена, разрешение одних и возникновение других объективных противоречий.

Сходство содержаний принципов развития и взаимодействия проявляется в том, что один и тот же реальный процесс, изученный с различных точек зрения, может быть в определенных условиях с одинаковым основанием охарактеризован и как процесс развития, и как процесс комплексного взаимодействия. В то же время, процесс развития интеллекта, включая в себя как необходимые компоненты многообразные формы взаимодействия (в том

числе, взаимодействие полярностей «объект – среда» и «объект – его компоненты»), к ним не сводится. В процессах развития интеллекта наряду с взаимодействием обнаруживается явное и существенное действие временного фактора; значение генезиса, вызывающего переход от одной меры явления к другим, более высоким и сложным, т. е. рождение нового качества. Эта специфическая «процессуальная» характеристика развития позволяет выделить его из совокупности многообразных взаимодействий. В развитии взаимодействие подчиняется его основной, доминирующей тенденции – изменению интеллектуальной системы во времени. Изменяются при этом не только развивающиеся системы, но и характер их взаимодействий как друг с другом, так и с окружающей средой.

В то же время, философский принцип развития еще не нашел сколь-нибудь достойного выражения в моделировании процессов эволюции интеллекта и только ожидает своего воплощения в соответствующих стратегиях моделирования.

Список использованных источников

1. Wooldridge, M. An Introduction to MultiAgent Systems. – John Wiley & Sons Ltd, – 2002.
2. Жбанкова, И. И. Философские принципы в научном познании. – Мн., 1974.
3. Варшавский, В. И. Оркестр играет без дирижера / В. И. Варшавский, Д. А. Поспелов. – М., 1984.

КОСМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ П. И. ВЕРНАДСКОГО КАК ВЫРАЖЕНИЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА ЗНАНИЙ

П. С. Карако

В статье раскрывается место и роль трансдисциплинарного синтеза знаний в становлении и обосновании космических идей Вернадским. Его космизм впитал в себя философские идеи Н. Ф. Федорова, поэтическую лирику В. И. Тютчева, В. С. Соловьёва, В. Я. Брюсова, естественнонаучные положения В. В. Докучаева и Н. А. Умова, собственное исследование и знание о живом веществе, зависимость его бытия от космических факторов. Особое внимание уделяется раскрытию обоснованного им места Земли и ее биосферы в Космосе, космические функции живого в биосфере и деятельности человека в осуществлении ее перехода в ноосферу. Подчеркивается вклад этого космиста в интеграцию разных направлений русского космизма в единое целостное учение.

Особенности описания Вернадским места Земли и ее биосферы в Космосе

Космизм В. И. Вернадского может быть примером конкретного использования трансдисциплинарного подхода в обосновании фундаментального знания о природе. Данный подход имеет место практически во всех его научных трудах. Уже первые строки труда «Биосфера» (1926 г.) начинаются с констатации места Земли в космическом пространстве: «Своеобразным, единственным в своем роде, отличным и неповторяемым в других небесных телах представляется нам лик Земли – ее изображение в Космосе, вырисовывающееся извне, со стороны, из дали бесконечных небесных пространств» [1, с. 8]. Далее им отмечается, что в «лике Земли» выявляется особая ее часть – биосфера, которая есть наружная оболочка Земли, отделяющая ее от космической среды. Но она «собирает всюду из небесных пространств бесконечное число различных излучений, из которых видные нам световые являются ничтожной частью» [1, с. 8]. Тем не менее излучения Солнца являются самым существенным фактором зарождения и существования живого вещества в биосфере. Только благодаря этим излучениям оно получает необходимую для своей жизнедеятельности энергию. Оно, по заключению Вернадского, является «созданием внешних сил Космоса» [1, с. 10].

Текст первых страниц рассматриваемого труда поражает его читателей и тем, каким языком описывается космическая выраженность жизни. Его автор демонстрирует умение сочетать язык науки и художественной литературы для описания постигаемой им проблемы. Постигание им поэзии Соловьёва, Брюсова, Блока и других русских поэтов-космистов наложило свой отпечаток и на язык естествоиспытателя Вернадского. Свое космическое мирозерцание он выражает весьма специфическими словосочетаниями: «дали бесконечных небесных пространств», «небесные светила», «космическая среда мира», «люди

как дети Солнца» и другими, которые являются, по своей сути, художественными образами. Их использование этим ученым позволило не только вызвать интерес читателя к его труду, но раскрыть и проблему космичности жизни.

Решению последней способствовало и то, что им использовался и понятный аппарат музыки. Так, для выражения места биосферы Земли в Космосе он все космические излучения, принимаемые нашей планетой, констатирует их как музыкальные звуки. Своеобразие последних он характеризует числом октав. Все многообразие этих излучений выражалось им с помощью 40 октав. Например, световое излучение Солнца принималось за 1 октаву, тепловое излучение – 3 октавы, ультрафиолетовое – полкоктавы. Отсутствие остальных октав связывалось с тем, что многие космические излучения поглощаются материальной средой высших слоев земной стратосферы.

Именно с помощью языка науки, художественной литературы и музыки Вернадский раскрывал связь Земли и ее биосферы с Космосом. Подтверждением сказанному могут быть его суждения относительно роли художественной литературы и искусства в постижении природы и ее красоты. Они высказывались им в последующих трудах. Так, в труде «Научная мысль как планетное явление» (1938), который был опубликован только в 1977 г., утверждается: «Мир художественных построений... оказывает огромное влияние на научный анализ реальности» [2, с. 465]. Более того, он резко осуждал тех естествоиспытателей, которые игнорировали использование художественной литературы и искусства в познании и описании природы. «Нередко в наш век точного знания, – писал он, – мы смотрим с излишней небрежностью на художественное творчество в научном искании и в научной литературе. Мы забываем, что это творчество не только является элементом, помогающим открывать научную истину, но что само по себе представляет великую ценность, имеет значение независимо от того, что достигается благодаря ему при решении научной задачи» [2, с. 186–187].

Синтез отмеченных видов творчества особенно необходим, по убеждению Вернадского, при постижении и описании «строения биосферы – и еще более ноосферы» [3, с. 465], их земной и космической выраженности. Уже отмеченные в труде «Биосфера» знания о роли излучений Солнца в порождении основного компонента биосферы – живого вещества и соответствующие приемы выражения этих знаний позволили его автору сформулировать «точные и глубокие представления о биосфере как о земном и космическом механизме» [1, с. 14].

«Космическая функция» живого вещества в биосфере

При разработке представлений о биосфере как «земном механизме» Вернадский использовал труды своих именитых предшественников: Ж.-Б. Ламарка, А. Гумбольдта, Э. Зюсса, В. В. Докучаева и других ученых.

Опираясь на их идеи и собственные космические, биологические и геохимические исследования, им была сформулирована подлинно научная биогеохимическая концепция биосферы. Для него биосфера есть оболочка Земли, состав, структура и энергетика которой определяется жизнедеятельностью ее живого вещества в прошлое и настоящее время.

Подробно предпосылки становления данной концепции и ее содержание раскрываются в специальном труде [4] и других работах автора. Здесь же отметим только космическую выраженность живого вещества биосферы. Его космическую функцию Вернадский подчеркивает уже на первых страницах своего труда. По заключению этого космиста, все живое биосферы «есть создание Солнца, как и выявление процессов Земли» [1, с. 10]. Конкретно эта роль Солнца в бытии биосферы им раскрыта через постижение процессов фотосинтеза, протекающих в зеленых растениях Земли. Именно они, получая энергию от Солнца и усваивая косное и биокосное вещество биосферы, синтезируют органические соединения для других (гетеротрофных) организмов.

Выявление сущности всех этих процессов «показало, что весь зеленый организм и в своих сообществах и в своем движении приспособлен прежде всего к исполнению своей космической функции – улавливанию и превращению солнечного луча» [1, с. 24] в свободную энергию биосферы. Именно свойство живого вещества превращать энергию Солнца (свет, тепло и т. д.) в свободную энергию Вернадский считал его важнейшей функцией в биосфере. Раскрытие «космической функции» живого вещества в биосфере проводится Вернадским через все содержание труда «Биосфера».

Суждения о жизни как космическом явлении высказываются им и в труде «Очерки геохимии» (1927). В нем делается даже упрек биологам того времени за их невнимание к космической среде, в которой находятся организмы. В силу этого биологам ставилась задача «связать явления жизни с основными элементами, проявляющимися в космосе» [5, с. 55]. К таким «элементам» Вернадский относил всемирное тяготение, различные космические излучения и т. д.

В определенной мере поставленные задачи еще в 20–30-е годы были решены приверженцем космической идеи Вернадского видным биологом-космистом А. Л. Чижевским. На основе выявления влияния излучений Солнца, потоков заряженных и электрически нейтральных частиц и других космических факторов им была подтверждена концепция старшего космиста (Вернадского) о жизни, как космическом явлении. Первые успехи в ее обосновании привели к включению в систему научного знания и новых научных дисциплин – гелиобиологии, космической микробиологии и космической эпидемиологии. Их становление было поддержано Вернадским и другими учеными [6, с. 66, 109].

Вопросы космического проявления жизни были предметом внимания Вернадского и в последующих его трудах. Так, в работе «Научная мысль как

планетное явление» им отмечается, что научное знание его времени пока ограничивается только исследованием воздействия космических излучений на живое вещество биосферы и попадающего в нее космического внеземного вещества. Но такими знаниями нельзя ограничиваться. По его убеждению, уже наступило время поставить вопрос: «Является жизнь только земным явлением или свойственным только планетам, или же она в какой-то степени и в какой-то форме отражает явления большого масштаба, явления космических пространств, столь глубокие и вечные, какими для нас являются атомы, энергия и материя, геометрически выявившиеся пространство-время» [2, с. 468].

Вопрос «о жизни в Космосе» Вернадский считал вопросом науки. Постановка такого вопроса определяется выявленным научным знанием материального единства земных и космических объектов, присущим им пространством и временем и другими сходными атрибутами. Вместе с тем он признавал и то, что «наше знание о Космосе резко отлично от знания наук, построенных на объектах биосферы. Оно дает нам только основные общие контуры его строения» [2, с. 435]. В силу этого он призвал исследователей прилагать больше усилий на изучение Космоса и процессов, происходящих в нем.

Сам же космист основное внимание уделял вопросам воздействия космических факторов на биосферу. Одним из них была космическая пыль. В статье «О необходимости организованной научной работы по космической пыли» (1941) он писал, что научному знанию «особенно важно изучать характер вещества космической пыли как главной массы космического вещества, входящего в нашу планету. Надо изучать и учесть его как источник космической энергии, непрерывно приносимый нам из окружающего нас пространства» [7, с. 418]. Попадая в биосферу Земли, она становится земным объектом, доступным для познания человеком. Позже в труде «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965) космическая пыль была названа им одним из структурных компонентов биосферы [8, с. 71].

Биосфера – «планетное явление космического характера»

Вышеназванный труд выполнялся Вернадским в последние годы его жизни. Он остался незаконченным и был опубликован только через 20 лет после смерти его автора. Вернадский называл свой труд «итогом его научной жизни» [8, с. 260]. Действительно, в этой «Книге жизни» подведены результаты многолетнего постижения сущности биосферы и ее эволюции в ноосферу. В ней значительное внимание уделяется и решению проблемы космической выраженности жизни. Вернадский отмечал, что еще в 1940 г. им совместно с директором Института микробиологии АН СССР Б. Л. Исаченко была «поставлена проблема о космической жизни... как текущей научной задаче» [8, с. 340]. Однако в связи с начавшейся войной работа по ее выполнению была приостановлена. Но ее определенное решение осуществил автор вышеназванной книги.

Этот труд начинается с рекомендаций представителям геологической науки не забывать того факта, что они имеют дело не просто с Землей и ее биосферой, а с одной из «земных планет Солнечной системы», которая в свою очередь является «частью нашего Млечного Пути». В силу этого Земля «материально и энергетически непосредственно в ходе времени связана с Солнечной системой и Млечным путем» [8, с. 20]. От последних идет на Землю непрерывный поток различных излучений. Причем космические излучения преобладают над солнечными излучениями. «Солнечная энергия, создающая жизнь на нашей планете, – писал он, – меркнет в своей силе перед так называемым проникающими излучениями» [8, с. 44]. Ими являются потоки фотонов, электронов «кисключительной мощности», нейтронов и еще неизвестных автору книги других элементарных частиц. Их воздействие на косное вещество Земли приводит к широкому распространению в нем радиоактивных изотопов и т.д. Все это свидетельствует об огромном геологическом значении «проникающих космических лучей».

Неудивительным становится и то, что в структуру биосферы Земли Вернадский включал следующие компоненты: живое вещество, биокосное вещество, косное вещество, вещество радиоактивного распада, рассеянные атомы, создающиеся из земного вещества под воздействием космических излучений и, наконец, вещества космического происхождения (космическая пыль, атомы и молекулы из космического пространства) [8, с. 70–71].

Космические излучения оказывают влияние и на живое вещество биосферы Земли. «Сгущения живого вещества» на суше, морях и океанах, других водных бассейнах Вернадский связывал с воздействием на них такого рода излучений. Да и само живое вещество находится под их влиянием. Оно, как отмечал космист, «перерабатывает на нашей планете три различные формы энергии: 1) космическую лучистую энергию Солнца, тепловую, световую; 2) космическую атомную энергию радиоактивного распада; 3) космическую, исходящую из нашей Галактики (Млечного Пути), энергию рассеянных элементов». Причем он считал, что «первая – энергия Солнца – резко преобладает» [8, с. 298–299] над другими видами энергии.

Но нужно иметь ввиду и то, что живое вещество есть прежде всего планетное явление. Оно «охватывает и перестраивает все химические процессы биосферы», производит и накапливает в ней энергию. Из всех структурных компонентов биосферы живое вещество является самой активной ее частью. По своей мощности, интенсивности и непрерывности воздействия на другие части биосферы оно занимает лидирующее положение. Оно определяет и «все основные химические закономерности в биосфере». По заключению Вернадского, «живое вещество есть самая мощная геологическая сила, растущая с ходом времени» [8, с. 144].

Все вышесказанное свидетельствует, что живое вещество есть планетное явление, тесно связанное с биосферой Земли. Но бытие последней, как уже отмечалось, зависит и от Космоса, потоков его разного рода излучений. Да и

живое вещество существует и эволюционирует благодаря солнечным и космическим потокам лучей. Как же конкретно Вернадский сформулировал единство планетной и космической стороны бытия биосферы?

Решение данного вопроса было осуществлено им в специальной статье под названием «Несколько слов о ноосфере» (19944). Она стала последней прижизненной публикацией Вернадского. В цитируемой нами его «Книге жизни» эта статья представлена в качестве заключительной, 21-ой главы данной книги. В ней дается и ответ на поставленный вопрос: «В нашем столетии биосфера получает совершенно новое понимание. Она выявляется как *планетное явление космического характера*» [8, с. 339].

Для Вернадского биосфера есть космоземная оболочка Земли, а потому и все ее компоненты, в том числе живое вещество и человек имеют не только земную, но и космическую выраженность. Он резко критиковал представителей гуманитарных наук, да и биологии, которые «сознательно не считаются» с выводами о зависимости человека и всего человечества от биосферы. «Человечество, как *живое вещество*, – писал Вернадский, – неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее *биосферой*. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту» [8, с. 339]. Но человечество, будучи частью биосферы, существенно отличается от других ее компонентов. Оно занимает особое место в системе биосферы, так как является ведущим фактором ее эволюции и перехода в качественно новое состояние. «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого.

Это новое состояние биосферы, которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть "ноосфера"» [8, с. 343].

Как видим, последовательно материалистическое обоснование Вернадским идеи космизма завершается включением в систему научного знания идеи ноосферы. В этом плане мы разделяем вывод А. Г. Назарова, что «космизм – это первое, главное и необходимое условие самой идеи ноосферы и, конечно, идеи биосферы» [9, с. 75], обоснованных русским космистом Вернадским.

Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу – вершина естественно-научного и философского творчества космиста. Ему удалось вскрыть космопланетарную роль научной мысли и труда человека как новой геологической силы, единство природных и социальных законов эволюции, возможности человека и человечества управлять природными и социальными процессами. Тем самым он не только продолжил традицию русского космизма поиска взаимосвязанного развития природного (космического) и социального, естественно-научного и гуманитарного знания. Им выявлено единство и взаимосвязь традиционно обособленных течений в русском космизме. Его учение о биосфере и ноосфере есть конкретное выражение целостности

русского космизма и основание космической идеи. Последняя оказала огромное влияние на становление космических представлений у ряда современников Вернадского.

Список использованных источников

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1989.
2. Вернадский, В. И. О науке / В. И. Вернадский. – Дубна: Изд. центр «Феникс», 1997. – Т. 1.
3. Вернадский, В. И. Дневники: Март 1921 – август 1925 / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1998.
4. Карако, П. С. Философия и методология науки: В. И. Вернадский: Учение о биосфере и ноосфере / П. С. Карако. – Минск: Экоперспектива, 2008.
5. Вернадский, В. И. Очерки геохимии / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1983.
6. Чижевский, А. Л. В ритме Солнца / А. Л. Чижевский, Ю. Г. Шишина. – М.: Наука, 1969.
7. Вернадский, В. И. О необходимости организованной научной работы по космической пыли / В. И. Вернадский // Вернадский В. И. Избранные сочинения.– М.: Изд-во АН СССР, 1960 – С. 410–420.
8. Вернадский, В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 2001.
9. Назаров, А. Г. Космизм в идее ноосферы В. И. Вернадского / А. Г. Назаров // Вестник Международной Академии наук (Русская секция). – 2008. – № 1. – С. 73–76.

ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КАК АКТУАЛЬНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС

А. О. Карасевич

В статье рассмотрены основные подходы к решению психофизической проблемы и история вопроса. Описан принцип психофизического единства и его методологические преимущества по сравнению с другими вариантами решения психофизической проблемы.

Психофизическая проблема является фундаментальным вопросом философии и психологии, окончательного ответа на который в настоящее время не существует. Если рассматривать данную проблему наиболее широко, то это вопрос соотношения психического, внутреннего, нематериального мира и мира внешнего, объективно существующего – мира предметного, социального, природного. Если рассматривать этот вопрос в более узком аспекте, то он касается соотношения динамики психической жизни и работы нервной системы, в частности – головного мозга. Психофизическая проблема является фундаментальным вопросом потому, что это, по сути, вопрос соотношения материального и нематериального (психического). Кроме того, это вопрос о детерминантах человеческого поведения, влияния на него психики, и вопрос о структуре психики и сознания, влияния на них внешнего, объективного мира и физиологии индивида.

Психофизиологическая проблема обычно рассматривается как частный случай проблемы психофизической, которая на протяжении многих веков привлекает к себе внимание философов, и психологов, и физиологов, и которая неоднократно признавалась либо трудноразрешимой, либо вообще неразрешимой [8, с. 125]. Основатель электрофизиологии Э. Дюбуа-Реймон считал, что психофизиологическая проблема относится к числу тех, решение которых мы «не знаем и никогда не узнаем» [8, с. 125].

Попытки решения психофизиологической проблемы предпринимались на протяжении всей истории развития философии и психологии [7, с. 313]. Однако, как отмечает Ю. Б. Гиппенрейтер, «до сих пор нет окончательного и общепринятого решения психофизиологической проблемы» [7, с. 313]. Аналогично высказывался Д. И. Дубровский, отмечавший: «Психофизиологическая проблема имеет давнюю историю, ей посвящено огромное число работ, вокруг нее не прекращаются острые дискуссии, однако говорить о каких-либо крупных успехах в ее решении было бы преждевременно» [7, с. 313]. Суть психофизиологической проблемы была сформулирована еще Л. С. Выготским, который писал: «Как известно, две основные проблемы до сих пор еще не разрешены для старой психологии: проблема биологического значения психики и выяснения условий, при которых мозговая деятельность начинает сопровождаться психологическими явлениями» [8, с. 128].

Из психофизической проблемы вытекают такие важные проблемы, как проблема детерминизма (и синергетических эффектов как объяснительных принципов в случае недостаточности описательных возможностей детерминизма) и свободы воли, а также проблемы появления и развития психики и сознания в онтогенезе и филогенезе (к слову, А. Н. Леонтьев подробно рассмотрел этот вопрос в своем фундаментальном труде «Проблемы развития психики»).

Психофизическая проблема как вопрос соотношения души и тела волновала мыслителей древности и нашла свое отражение как в древнеиндийской и древнекитайской философской мысли, так и в древнегреческой. Определение природы души в греческой философии обычно происходило через соотнесение ее с телом: представление о материальности, телесности и в силу этого смертности души (Демокрит, Эпикур); нематериальности, бестелесности и бессмертия души (пифагорейцы, Сократ); «душа оживотворяет тело (Фалес, Анаксимен), являя собой воплощенную гармонию (пифагорейцы), представляя нравственной и разумной, ведущей человека к свободе (Сократ)»; тело выступает «тюрьмой» для души, оказывает на нее омертвляющее воздействие (Филолай); Демокрит высказывает идею истечения потока образов из души человека и слияния его с потоком эйдосов извне [6, с. 88].

Данное Р. Декартом понятие «рефлекса» явилось началом зарождения психофизиологической проблемы как таковой и содержало элементы концепции психофизиологического взаимодействия, кроме того Р. Декарт дал достаточно подробный для своего времени анализ нейрофизиологических механизмов работы мозга, выявив, по сути, рефлекторную основу психики, тем самым предвосхитив труды И. М. Сеченова и И. П. Павлова [3, с. 19–20]. Подход Декарта характеризует разграничение между двумя независимыми субстанциями – *res extensa* и *res cogitans* («вещью протяженной» и «вещью познающей»), существование которых подчиняется разным законам и между которыми признается существование некоего параллелизма [3, с. 20]. Таким образом, традиционно считается, что в неявном виде психофизиологическая проблема была впервые сформулирована Р. Декартом и была поставлена как проблема соотношения мыслящей и протяженной субстанций или проблема соотнесения души и тела [11, с. 177].

Антропология Декарта является одним из важнейших разделов его научно-мировоззренческой системы, он построил антропологию на резком психофизическом дуализме души и тела [10, с. 325]. Рассматривая механизм взаимодействия двух субстанций, Декарт приходит к выводу, что посредством телесного ощущения внешних воздействий (например, боль) в движение приходит и наша душа, которая реагирует на эти воздействия – такие восприятия Декарт называет страстями души: «Думаю, их можно в общем определить как восприятия, или ощущения, или душевные движения, которые относят в особенности к ней и которые вызываются, поддерживаются и

усиливаются некоторым движением духов ... Они суть состояния ощущения, но такие, которые находятся не в теле, а в душе; одним словом, они суть движения души, проистекающие сразу из двух субстанций – телесной и духовной» [10, с. 343]. Декарт видит в страстях души единственную возможность познать совместное существование души и тела, поэтому учение о них составляет центр его решения проблемы психофизического дуализма [10, с. 343].

Посредством принципа предустановленной гармонии Лейбниц по-своему разрешает проблему связи души и тела: они для него подобны двум часам, движение стрелок которых совершается параллельно и не требует никакого взаимодействия самих часовых механизмов; этот психофизический параллелизм с характерным для него дуализмом состоит в необходимости объяснить механические законы физического мира тел с помощью телеологических законов жизни душ, монад [2, с. 53]. Механицизм Лейбница связан с телеологией: физика изучает причины механические, а метафизика – целевые; «Душа действует свободно, следуя правилам целевых причин, тело же – механически, следуя законам действующих причин» [2, с. 54]. Лейбниц рассматривал монаду как душу лишь по отношению ее к самой себе, по отношению же к другим монадам она может выступать только в виде телесных проявлений, однако телесные проявления не выражают сущности монады, поскольку «... все происходит в душах так, как если бы вовсе не было тел, а в телах – так, как если бы не существовало вовсе душ...» [1, с. 10]. Отрицание психофизиологических корреляций привело Лейбница к выводу о невозможности познания других душ по их внешним телесным проявлениям, а также к выводу, что психическое может быть раскрыто и обнаружено только через самое себя посредством рефлексивной деятельности монады или самопознания, поскольку монады не имеют выхода вовне и каждая из них замкнута в себе самой [1, с. 10]. За разведением физического и психического стояло и разведение методов их изучения: внутренние психические состояния монады в силу их замкнутости и независимости от тела внешнему объективному наблюдению не поддаются [1, с. 11].

Работа И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», явившаяся, по словам И. П. Павлова, «гениальным взмахом Сеченовской мысли», представила собой первую попытку ввести физиологические основы в психические процессы, однако, осветив перспективы в этой области, она еще не вывела изучение физиологических основ психической деятельности на путь экспериментального исследования, причиной же остановки науки перед новой областью исследования было отсутствие адекватного метода исследования в этой области, а, по мнению И. П. Павлова, «Для натуралиста все – в методе, в шансах добыть непоколебимую, прочную истину...» [4, с. 2202–2203]. «Установив основные законы высшей нервной деятельности и показав путем "слития" субъективного с объективным, что они являются физиологической основой психической деятельности, он (И. П. Павлов) внес ценнейший в

истории человеческой мысли вклад в проблему отношения психического к физиологическому в аспекте диалектического материализма: существуют не две субстанции – "дух" и тело, а единая движущаяся материя, которая в ходе эволюции создала человека с его головным мозгом, функцией которого является психика» [4, с. 2207].

Представителями неопозитивистского физикализма (логического эмпиризма), возникшего на основе неопозитивистской программы единства научного знания, являются О. Нейрат, М. Шлик, Р. Карнап, К. Г. Гемпель и др [5, с. 112]. Представители Венского кружка, по словам Н. Н. Пугачева, «...подвергли все наличное (как научное, так и философское) знание критическому анализу с позиций требования принципа верификации. Инструментом такого анализа являлся аппарат математической логики...»; данное направление получило название редукционизм [5, с. 113]. Методологическая программа неопозитивистского физикализма ориентирована на решение проблемы единства научного знания на основе выработки общего для всех наук универсального языка [5, с. 113].

Термин «научный материализм» («Scientific materialism») вводится в научный оборот в конце 70-х годов XX века М. Бунге; с точки зрения А. И. Панченко, «исходной методологической установкой научного материализма было сведение психического к физи(ологи)ческому. В этом отношении научный материализм не только реализовал редукционистскую неопозитивистскую программу единства научного знания (на базе физических представлений), но и опровергал философскую гипотезу Р. Декарта о существовании двух независимых субстанций – протяженной (материальной) и мыслящей (идеальной). Научный материализм выступает против идеализма и философского дуализма, отстаивая материалистический монизм» [5, с. 114].

Современный научный материализм как эволюционирующее философское направление не однороден: в данной эволюции можно выделить историческую последовательность разновидностей научного материализма, в которой возникновение каждого нового течения характеризуется отступлением от первоначальной редукционистской установки и усилением диалектической составляющей в понимании сути психофизической проблемы и ее решении; по мнению А. И. Панченко, последовательность эта такова: элиминативный материализм (Д. Армстронг, К. В. Уилкс); редуктивный материализм (Г. Фейгл); функциональный (кибернетический, информационный) материализм (Х. Патнеэм, Дж. Форд, К. Сейр); эмерджентистский материализм (М. Бунге, Д. Марголис, Р. У. Сперри) [5, с. 115].

Принцип психофизического единства как актуальный подход к решению психофизической проблемы был предложен выдающимся советским психологом и философом С. Л. Рубинштейном и был представлен в труде «Основы общей психологии» в следующем виде: «В противовес как дуализму, противопоставляющему психическое и физическое, так и учению о тождестве психического и физического в духе механистического материализма у одних,

спиритуализма у других, советская психология исходит из их единства, внутри которого и психическое и физическое сохраняют свои специфические свойства. *Принцип психофизического единства* – первый основной принцип советской психологии. Внутри этого единства определяющими являются материальные основы психики; но психическое сохраняет свое качественное своеобразие; оно не сводится к физическим свойствам материи и не превращается в бездейственный эпифеномен.... При разрешении психофизической проблемы необходимо вскрыть, с одной стороны, органически-функциональную зависимость психики от мозга, от нервной системы, от органического "субстрата" психофизических функций: психика, сознание, мысль – "функции мозга"; с другой – в соответствии со специфической природой психики, как отражения бытия, – необходимо учесть зависимость ее от объекта, с которым субъект вступает в действенный и познавательный контакт: сознание – осознанное бытие. Мозг, нервная система составляют материальный субстрат психики, но для психики не менее существенно отношение к материальному объекту, который она отражает. Отражая бытие, существующее вне и независимо от субъекта, психика выходит за пределы внутриорганических отношений» [9, с. 25].

Таким образом, психика (субъективная нематериальная реальность) и ее субстрат – нервная система (объективная материальная структура) – рассматриваются как две разные стороны психофизического целого. Разумеется, между нервной системой и психикой нет взаимодействия. И если психическое ярко выражено «влияет» на поведение, то и это психическое имеет под собой физиологическую основу, а поведение будет отражено психикой. И когда психический процесс – к примеру, мышление – определяет дальнейшую жизнь индивида (например, принятие важного решения), то, рассматривая физиологическую составляющую психофизического целого, мы говорим, что физиологический процесс (субстрат мышления) завершился неким физиологическим результатом (субстрат решения), который, в свой очередь, в дальнейшем определил ход организменной деятельности. Если же рассматривать психическую сторону целого, то мышление завершилось решением, которое обусловило дальнейшую психическую деятельность. Теперь мы видим стационарное (решение и его субстрат) и динамическое (мышление и его субстрат) психофизическое целое. Любой психический процесс или его возможность, любой обуславливающий его фактор (к примеру, темперамент), любой психический материал, не актуализированный в данный момент времени имеет под собой физиологическую основу. Следовательно, любое внешнее или внутреннее (организменное и психическое) событие запускает процессуальное психофизическое целое.

Принцип психофизического единства преодолевает картезианский дуализм, заменяя его более тонкой формулировкой. Он не отрицает интеракционизм, который искусно вплетен в ткань «взаимоотношений» психики и мозга, сам же по себе интеракционизм недостаточен ввиду

«провалов» в описании деятельности. Так, когда мы говорим, что решение (психика) повлияло на поведение, то мы упускаем работу физиологического субстрата мышления (головного мозга), а затем – работу психики в мотивации и контроле поведения, вызванного принятым решением. Принцип психофизического единства позволяет заполнить эти «пробелы», представляя психику и деятельность как динамические недискретные структуры, которые, развиваясь параллельно, тем не менее представляют собой единое целое. По С. Л. Рубинштейну, «единство сознания и деятельности или поведения основывается на единстве сознания и действительности или бытия, объективное содержание которого опосредует сознание, на единстве субъекта и объекта. Одно и то же отношение к объекту обуславливает и сознание и поведение, одно – в идеальном, другое – в материальном плане. Этим в самой основе своей преодолевается традиционный картезианский дуализм» [9, с. 24].

Говоря о Лейбнице и его монадологии, следует отметить, что его идеи слабо соотносятся с современными подходами к решению психофизической проблемы, несмотря на большой вклад в науку своего времени. В научной картине Лейбница психика и деятельность организма являются двумя независимыми субстанциями, и, более того, монады автономны и «закрыты в себе». Монадология Лейбница представляет интерес для современных квантовых подходов к описанию сознания, но противоречит принципу психофизического единства, хотя современная нейронаука накопила данные, не вписывающихся в установленные ей закономерности, а именно случаи, когда при значительном разрушении мозга (субстрата психики) сохранялись закрепленные за ним функции, и это нельзя было описать компенсаторными механизмами мозга и теорией динамической локализации.

Говоря о монистических концепциях – материализме и идеализме, следует отметить, что С. Л. Рубинштейн противопоставлял им принцип психофизического единства, называя их «теориями тождества»: «дуалистическим теориям, господствовавшим в традиционной психологии, противопоставляются теории тождества. Теории тождества сводят психическое к физическому или, наоборот, физическое к психическому. Сведение психического к физическому лежит в основе поведенческой психологии. С точки зрения этой механистической психологии данные сознания могут быть безостаточно сведены к физиологическим процессам и в конце концов описаны в тех же терминах механики и химии, что и физические данные; они не являются своеобразным видом существования. Это позиция вульгарного механистического материализма. Она совершенно не в состоянии объяснить те в высшей степени сложные взаимоотношения между мозгом и психикой, которые раскрыла современная психоневрология. Наряду с этой механистической теорией выступает и идеалистическая теория тождества в духе феноменализма или откровенного спиритуализма» [9, с. 24–25].

С. Л. Рубинштейн был ярким противником «вульгарного материализма», однако тенденции в западной науке, им критикуемые, получили дальнейшее

широкое развитие на Западе. Соотнесем виды западного материализма с принципом психофизического единства. Сразу следует отметить, что его виды (элиминативный материализм, редуktивный материализм, функциональный – кибернетический, информaционный – материализм, эмерджентистский материализм) слабо согласуются с принципом психофизического единства. В элиминативистском подходе не уделяется внимания изучению психических феноменов как объективно существующих, в редуktивном – психическое сводится к работе мозга. Функциональный подход имеет схожие черты с принципом психофизического единства, однако взгляд на психику как на «функцию» мозга по С. Л. Рубинштейну отличается от аналогичного взгляда представителей западного функционального подхода, поскольку за основу они берут «метафору компьютера» для объяснения работы мозга и психики. Говоря о функциональном подходе, важно понимать, что компьютер создал человек для удовлетворения своих потребностей и создал таким образом, чтобы его функционал был эргономичным, то есть компьютер создан для выполнения функций человека. Таким образом, это своего рода проекция деятельности человека, и здесь можно провести некие аналогии с работой психики, но важно осознавать, что компьютер как аналогия психики сам является продуктом человеческого сознания. Таким образом, в методологическом плане параллели между работой компьютера и психики являются скорее иллюстрационными и не несут в себе фундаментальных предпосылок для решения психофизической проблемы. Эмерджентистский материализм возводит изучение психики в ранг повыше, но его склонность к материалистическому интеракционизму возвращает нас к картезианскому перевороту в науке.

Принцип психофизического единства представляется на данный момент перспективным решением психофизической проблемы, поскольку постулирует активную взаимосвязь между окружающим миром, деятельностью организма и психики, а также не противоречит существованию их взаимодействия, взаимовлияния и параллельному недискретному течению социальных, физических, физиологических и собственно психических процессов.

Статья написана при поддержке грантов БРФФИ Г18Р-267 и Г18МС-042.

Список использованных источников

1. Алексеев, И. А. Философия Г. В. Лейбница в основании философии науки / И. А. Алексеев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 3–15.
2. Батуриh, В. К. Онтология Г. В. Лейбница: целостный взгляд с позиций современной философии и науки / В. К. Батуриh // Пространство и Время. – 2012. – № 1. – С. 51–55.
3. Бетильмерзаева, М. М. Феномен ментальности сквозь призму психофизической проблемы / М. М. Бетильмерзаева // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 4. – С. 18–23.

4. Дерябин, В. С. Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о «слитии» субъективного с объективным / В. С. Дерябин // Психофармакология и биологическая наркология. – 2007. – Т. 7, Вып. 3–4. – С. 2202–2207.
5. Домрачев, С. С. Эвристический потенциал физикализма (в поисках нового мировоззрения и методологии) / С. С. Домрачев, Д. А. Сиунов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 16. – С. 112–121.
6. Казаков, Е. Ф. Двойственность человека / Е. Ф. Казаков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 87–93.
7. Корниенко, А. Ф. Психофизиологическая проблема и варианты ее решения / А. Ф. Корниенко // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 1 (23). – С. 313–323.
8. Корниенко, А. Ф. Психофизиологическая проблема и ее решение / А. Ф. Корниенко // Вестник ТГГПУ. – 2007. – № 1 (8). – С. 125–131.
9. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2007.
10. Чикин, А. Проблема психофизического дуализма в философии Рене Декарта и схоластическая традиция / А. Чикин // Труды Нижегородской духовной семинарии. – 2016. – Вып. 14. – С. 323–386.
11. Шатова, Н. Д. Психофизическая проблема и современная материалистическая онтология мышления и сознания / Н. Д. Шатова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 3. – С. 177–182.

РЕЛЯТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ. КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СОПРЯЖЕННОСТИ

П. М. Колычев

В статье рассмотрены онтологические основания времени и пространства. Под онтологией здесь понимается знание о мире в целом, которое есть следствие решения проблемы бытия. В зависимости от решения этой проблемы получают разные ответы о том, что такое время, и что такое пространство. В данном случае мы будем исходить из решения проблемы бытия в релятивной онтологии. Если же исходить из других позиций, например, быть – значит говорить о бытии. Сравнить результаты исследования, в данном случае о времени и пространстве, исходя из разных решений проблемы бытия бессмысленно, подобно разговору видящего и слепого.

Пояснить решения проблемы бытия релятивной онтологией можно простыми рассуждениями. Бытие любого нечего предполагает, что это нечего имеет хоть какую-то определенность, а если нет, то может получиться как в сказке: «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что, или то, чего не может быть». Если принять связку бытия и определенности, то необходимо следует второй шаг: всякая определенность означает наличие предела (или границы). Третий шаг состоит в том, что наличие границы означает наличие одного и другого, различного с первым. Ведь если бы не было различия, то не было бы другого, а было бы только одно. В краткой форме высказанное можно представить так: бытие – определенность – граница – различие, что приводит к тезису: быть значит различаться.

Различение всегда имеет два аспекта: основа различения (в гносеологии этому соответствует логическое основание сравнения), обозначенное здесь как атрибут, и результат различения, обозначенное здесь как идея. Само различение, следовательно, бытие и небытие, можно записать количественным образом: бытие $\rightarrow m_\alpha - m_\beta = m_{\alpha\beta} \neq 0$; небытие $\rightarrow m_\alpha - m_\beta = m_{\alpha\beta} = 0$

В истории философии имеются достаточно разнообразные определения времени. Однако есть один аспект, который встречается всегда – это изменение. В этом просто убедиться, для этого нужно представить такое понимание времени, которое в явной или скрытой форме не предполагает наличия изменения. Невозможность этого убеждает нас в обратном, а именно: там, где время, там всегда есть изменение. Если мы примем, что изменение всегда есть различение, то здесь явно прослеживается связь с положением: быть – значит различаться. Однако в таком рассуждении мы двигались от понимания времени к пониманию бытия. Онтологический подход понимания времени предполагает обратное движение, когда понимание времени выводится из решения проблемы бытия. Ход рассуждений от времени к бытию был нам нужен для того, чтобы

показать связь любого понимания времени с релятивной онтологией.

Теперь покажем, как этот же вывод можно получить, исходя при этом из решения проблемы бытия. Современное состояние мира убеждает нас в том, что многие сущие имеют не один, а много разных атрибутов. Пусть, в соответствии с этим, имеется некоторая совокупность сущих, обладающих несколькими атрибутами. Вся совокупность атрибутов разобьем на две группы: первая группа будет состоять из одного атрибута (моно-атрибута), а вторая – из остальных атрибутов (поли-атрибутов). Тогда по принципу дихотомического деления можно выделить два вида совокупностей сущих: 1 – сущие, у которых совпадают результаты различения (идеи) по всем атрибутам группы поли-атрибут, 2 – сущие, у которых не совпадают результаты различения (идеи) по всем атрибутам группы поли-атрибут. Что же касается моно-атрибута, то в обеих совокупностях сущих, последние отличаются друг от друга.

Первая совокупность сущих имеет прямое отношение ко времени. Обозначим такую совокупность времени-подобной совокупностью сущих. Действительно, в эту совокупность входят почти тождественные сущие, т. е. почти одно и то же сущее, отличающееся лишь по одному атрибуту. Иначе говоря, это изменяющееся сущее. В качестве примера рассмотрим, например, часы, которые показывают нам время. Сущее часы состоит из нескольких атрибутов: размер, форма, цвет, количество стрелок. Это устройство является часами всегда за счет того, что оно всегда остается почти одним и тем же, а меняется в нем лишь один атрибут, а именно: положение стрелки на неизменном циферблате. Действительно, представьте себе часы, в которых циферблат будет меняться вместе со стрелкой. Ясно, что такое устройство не будет выполнять функцию часов.

Вторая совокупность представлена разными сущими, но при этом особо выделяется различие по одному атрибуту. Такая совокупность сущих имеет прямое отношение к пространству. Обозначим такую совокупность пространственно-подобная совокупность сущих. Например, мы сидим в комнате, в которой находятся стены, дверь, стол, стул, окно, цветы на подоконнике и много другое. Все это составляет совокупность сущих различных по разным атрибутам, среди которых выделим такой атрибут как протяженность (удаление этих предметов от нас). Такая совокупность сущих будет иметь отношение к пространству.

Любую совокупность сущих по выделенному атрибуту при условии различия каждого сущего от каждого другого сущего можно упорядочить по из возрастанию или по убыванию. Например, длительность по количеству делений циферблата, пройденных стрелкой, или величине удаленности предметов от нас. Упорядоченная времени-подобная совокупность сущих есть время. Упорядоченная пространственно-подобная совокупность сущих есть пространство.

В выше приведенных рассуждениях о моно-атрибуте мы не говорили о

том, какой именно это атрибут, поэтому подразумевалось, что им может быть какой угодно атрибут. Как и о множественности пространств, в соответствии со сказанным, следует говорить и о множественности времени, например, кроме привычного для нас времени как количественного изменения стрелки часов, можно говорить о времени как количестве детей у родителей. Подобным же образом обстоит дело и с пространством. Если иметь в виду протяженность, то получим физическое пространство. Если у нас будет атрибутом цвет, то можно говорить о пространстве цвета. В отношении множественности пространств в математике имеется соответствующее математическое пространство. Теперь же следует иметь в виду и аналогичную ситуацию и в отношении времени.

Когда мы разбивали все атрибуты на две группы, то мы взяли два крайних случая: один атрибут (1) и все остальные атрибуты ($n - 1$), где n – количество атрибутов. Разумеется, можно сконструировать и промежуточные группы, когда в обе группы будут входить несколько атрибутов, например, для n четного: 2 и ($n - 2$); 3 и ($n - 3$); . . . ; ($n:2$) и ($n:2$). Каждому из этих совокупностей может соответствовать какое-либо научное понятие. Например, изменению длительности и протяженности соответствует физическое понятие скорости. Особый случай, когда $n = 2$. Здесь нет объективного различия между пространством и временем.

Рассуждения о времени позволяют решить проблему само-бытия. Ведь согласно принципу: быть – значит различаться, невозможно бытие отдельно взятого сущего (само-бытие), ибо в этом случае ему не с чем будет различаться. Особое значение это имеет в отношении вопроса о бытии мира в целом. Ведь бытие мира в целом должно означать его отличие от чего-то другого, но ведь мир в силу своего определения как предельной множественности (все), не может иметь что-то вне себя самого. Тогда мы неизбежно приходим к выводу, что мир в целом не существует. Выход из этой ситуации позволяет найти концепция почти само-различия. Мир в целом может существовать только за счет собственного изменения, то есть как различие с почти самим собой. В силу этого бытие мира возможно только как бытие мира во времени.

Пространство и время различаются по количеству изменений: времени, в силу того, что задействован всего лишь один атрибут, соответствует минимальное количество различий. А пространству, в силу того, что в нем задействовано максимальное количество атрибутов, соответствует максимальное количество различий. Если придерживаться принципа преимущества перехода от простого к сложному, то временные различия (изменения) предшествуют пространственным различиям, как переход от меньшего количества различий к большему. Поэтому мир в целом изменяется постепенно. Возможно, это происходит по принципу наименьшего изменения, подобно принципу наименьшего действия в физике (этот принцип является аналогом принципа от простого к сложному). Такое бытие мира в целом означает его преимущественный консерватизм как постоянство по

многим атрибутам.

Бытие мира в целом во времени позволяет подойти к решению вопроса о причинности: почему мир в целом изменяется? Из выше сказанного становится ясно: мир в целом изменяется потому, что он существует, или иначе, потому что он стремится существовать. Стало быть, бытие мира в целом есть его первопричина, она же есть и его конечная причина, т. е. между первопричиной и конечной причиной нет никаких причинно-следственных звеньев. Изменение мира в целом не является следствием изменения его сущих, наоборот, изменение мира в целом является причиной изменения составляющих его сущих. Причиной изменения любого сущего есть только одна причина – бытие мира в целом.

В данных рассуждениях мы экстраполировали о почти самоизменении отдельного сущего на мир в целом, то есть мы предположили, что тезис о почти самоизменении не только носит всеобщий характер для частей, но и справедлив для целого. В таких рассуждениях очень легко допустить ошибку, ведь нужно всегда обосновывать правомерность экстраполяции. Тем более, если речь идет о нечто предельном – мире в целом. В темах о мире в целом, то есть в содержании онтологии, следует различить темы об внутренней устроенности мира в целом от тем об устроенности его пределов.

Допущение почти самоизменения и для отдельного сущего, и для мира в целом, порождает возможность решения о причинности отдельного сущего так же, как и для мира в целом, то есть причиной изменения всякого сущего может явиться его стремление к само-бытию, посредством почти саморазличения. Как и для мира в целом возможна независимость изменения всякого сущего от изменений внешних сущих, по отношению к нему. Однако такое допущение противоречит наблюдениям о причинно-следственных связях, по крайней мере, между некоторыми сущими, например, причиной движения одного бильярдного шара является движение другого бильярдного шара, который сталкивается с первым шаром. Если изменение мира в целом полностью обусловлено собственным бытием, то изменение положения первого бильярдного шара полностью обусловлено изменением положения второго шара. Здесь мы лишь обозначим данное противоречие, решение которого будет представлено нами в последующих работах.

Таким образом представленное в статье понимание времени и пространства является непосредственным следствием решения в релятивной онтологии проблемы бытия: быть – значит различаться. Само различение имеет два аспекта: атрибут, являющийся основой различения, и идея, являющаяся результатом различения. В соответствии с этим время есть упорядоченные почти саморазличения сущего, а пространство есть упорядоченные различения по одному атрибуту сущих, различающихся и по остальным атрибутам. В соответствии с множественностью бытия обосновано положение о множественности времен и пространств. В частности, такое понимание времени, решет в релятивной онтологии проблему бытия мира в целом.

ДИАЛЕКТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ ВОЕННОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА

В. А. Ксенофонтос

В статье анализируется необходимость сущностного понимания диалектики как важнейшей компоненты методологической культуры офицера. Рассмотрены основные законы, парные категории и принципы диалектики. Обосновывается ее значение для анализа военной сферы общества.

Методология науки – одна из самых сложных и актуальных проблем современного теоретического знания. Ее развитие и уяснение является важнейшим инструментом познания сложной и противоречивой окружающей действительности. Знание методологии науки и конкретного военно-научного исследования – необходимое условие профессиональной деятельности офицера.

Методология науки – это система принципов и методов организации и осуществления теоретической и практической научной деятельности [4, с. 11].

Основными функциями, вытекающими из самой сути методологии науки и синтезирующие главные аспекты ее различных функций, являются две. Первая (обозначим ее логико-онтологической) нацелена на раскрытие сущности изучаемых явлений и процессов, закономерностей и противоречий их развития, т. е. на постижение логики реального бытия – основы целесообразной деятельности людей, основы их научной деятельности. Вторая функция (назовем ее рационально-практической) нацелена на рациональное решение научной задачи, связанной с созданием и использованием методологических средств для постижения основы научной деятельности и реализации «рекомендаций и требований» законов и противоречий исследуемых явлений и процессов.

В теории и практике военного дела и военной сферы общества, связанных с высоким уровнем знания – научным, мы должны руководствоваться не только законами, действующими в военной области – законами частного характера (законы войны, вооруженной борьбы), но и законами общественными (война, как и военное дело, – это общественные явления) – законами общего характера (например, законом взаимообусловленности экономики и политики, политики и военного дела, войны, вооруженной борьбы и др.) и, безусловно, законами диалектики, которые распространяются на все явления природы, общества и человеческого мышления, т. е. законы всеобщего характера.

Без учета и использования в процессе познания, исследования «требований жизни» всеобщего характера, получающих свое выражение в методологических установках основных законов диалектики, неосновных законов диалектики (так называемых парных категорий), принципов диалектической логики, не может быть научного, рационального решения

проблем в любой области знания.

Основными законами диалектики принято считать:

закон единства и борьбы противоположностей (закон диалектической противоречивости). В последнее время данный закон стали называть законом диалектической противоречивости потому, что, во-первых, единство и борьба противоположностей выражают противоречие; во-вторых, главный его разработчик Гегель, ведя речь о нем, использовал термин «противоречие»; в-третьих, противоречие – источник развития. Последнее осуществляется прежде всего путем взаимовлияния противоположностей, заставляющего их «работать», совершенствоваться. Противоречие – центральная категория этого закона. К ним, в частности, относятся: противоречия в средствах борьбы (нападения – защиты; обнаружения – маскировки и др.); противоречия в способах вооруженной борьбы (наступление – оборона, сосредоточение – рассредоточение и др.); противоречия в управлении войсками (объем информации – время ее обработки; время обработки информации – обоснованность и четкость принятого решения; централизация – децентрализация управления и т. п.). Указанные противоречия обуславливают развитие той или иной стороны военного дела как в мирное, так и в военное время. Их выявление и разрешение – одна из важнейших проблем деятельности военных кадров. Этот закон называют ядром диалектики, поскольку он является источником развития всего сущего, в том числе и самой диалектики, и проявляет себя во всех ее законах, в том числе и в основных;

закон взаимного перехода количественных и качественных изменений (закон перехода количества в качество) раскрывает механизм развития, показывает, как происходит развитие. Развитие с точки зрения данного закона осуществляется от старого к новому путем накопления количественных изменений и их скачкообразного перехода в коренные качественные преобразования. Все те качественные преобразования, которые произошли, например, в современной вооруженной борьбе, когда приоритеты в ней отдаются неконтактным действиям, когда удары наносятся без входа носителей в зону поражения, действиям сил специальных операций, – и есть результат количественных накоплений и изменений, прежде всего в средствах ведения вооруженной борьбы;

закон отрицания отрицания (закон диалектического синтеза) показывает направление развития, т. е. куда идет развитие, какова связь между старым и новым. Согласно этому закону старое отрицается новым. В свою очередь новое отрицается более новым и получается цикл в виде «тезис – антитезис – синтез». В результате отрицания и отрицания отрицания сохраняется преемственность в развитии и происходит в итоге двойного отрицания – синтеза повторение пройденного, но на более высокой основе. Все это можно увидеть на множестве примеров, в том числе на примере качественно новой редакции Военной доктрины Республики Беларусь. С одной стороны, она создана на принципах преемственности государственной политики в сфере военной безопасности, а с

другой стороны, содержит значительное количество новаций как по структуре, так и по содержанию [6].

Теория названных законов разработана в диалектике, они действуют одновременно, вместе, определяя глубокие преобразования, поступательное развитие любых явлений [1, с. 538–567; 5, с. 210–212; 8, с. 452–457; 9, с. 136–179]. Эти законы объективны и как философские законы обладают определенной степенью универсальности, т. е. действуют и в природе, и в обществе, и в мышлении. Их действие в этих областях имеет специфические особенности в каждой из них. Свои особенности есть и в военной сфере. Эта специфика обусловлена природой и особенностями воинского труда, характером и социальным предназначением вооруженных сил (ВС).

Диалектика в свое содержание включает и неосновные законы – парные категории, которые в своей совокупности формируют основное содержание метода диалектики, образуют своего рода логический каркас, в котором движется познающая мысль.

Особую роль в системе категорий диалектики играют те пары основных категорий, с помощью которых идет углубление в сущность изучаемых явлений. К ним относятся: *единичное и общее, содержание и форма, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, явление и сущность, часть и целое.*

Знание категорий и умелое применение их в теории и на практике – одно из важнейших условий успеха в любой сфере деятельности, в том числе и в области военной теории и практики. Оно способствует пониманию войны в целом, глубокому осмыслению и воспитанию личного состава ВС, позволяет военному человеку уяснить полученную задачу и оценить обстановку, двигаясь от живого созерцания явлений к пониманию сущности происходящего. Все они, являясь всеобщими законами, одновременно представляют собой единство и борьбу противоположных начал (противоречие), а значит, выступают источником развития всех явлений и процессов реального мира [4; 5, с. 210].

Что касается принципов диалектики, то следует иметь в виду, что само понятие «принцип» используется в разном смысловом значении. В данном случае под принципом понимается теоретическое положение, определяющее рациональную интеллектуальную и практическую деятельность людей. Принцип – это императив (от лат. *imperativus* – повелительный) – требование, отражающее закономерности реальной действительности. Принципы диалектики выражают требования всеобщих законов объективного мира (законов диалектики), фактически всеобщую логику этого мира, являясь одновременно принципами диалектической логики и всеобщими принципами научного мышления и познания.

Основными принципами диалектической логики являются:

объективность рассмотрения явления, процесса; необходимость изучения объекта познания во всех его связях и отношениях;

обязательность анализа предмета, явления в их изменении, развитии;

принцип конкретности истины, отражающий закономерное изменение и развитие мира;

принцип диалектического противоречия, «требующий» нахождения в явлениях действительности единства противоположностей, учета и использования их борьбы как источника развития этих явлений;

принцип перехода количества в качество, определяющий механизм противоречивого развития явлений действительности, позволяющий относительно управлять этим процессом;

принцип диалектического синтеза, «требующий» учитывать преемственность в развитии явлений, поступательность, прогрессивность развития мира, повторяемость пройденного на более высокой основе;

принцип восхождения в познании от абстрактного к конкретному и, наоборот, от конкретного к абстрактному;

принцип единства исторического и логического, предполагающий рассмотрение объективной реальности в движении и развитии с одновременным отражением этой реальности в виде понятий, суждений, идеальных образов;

принцип системности, отражающий всеобщее свойство материи и требующий использования системного подхода при глубинном анализе явлений;

принцип детерминизма (от лат. *determinare* – определять), полагающий необходимость учета всеобщей обусловленности явлений действительности и др [5, с. 218–235; 8, с 452; 9, с. 130–132].

Особенности воинской деятельности накладывают определенный отпечаток на проявление законов диалектики в военном деле, и, прежде всего, на учет диалектики объективной и субъективной его сторон.

Основу успеха в военном деле составляет военный человек, сознание и деятельность которого обуславливают единство и взаимосвязь объективной и субъективной сторон военного дела, его эффективность. Следовательно, военный человек должен знать сущность, содержание основных законов диалектики, видеть возможности и последствия их проявления в практике воинской деятельности. Следует иметь в виду, что эти законы действуют в неразрывной диалектической взаимозависимости и не один за другим, а одновременно. В целом же они определяют *источник* развития, его *механизм* и *направленность*. Все это в полной мере относится и к развитию военного дела, которое детерминировано, прежде всего, экономическими и политическими факторами, развивается и под действием ряда специфических противоречий.

Мы знаем, что основное противоречие – между войной и миром как состояниями общественных отношений. Само наличие военной организации государства и ее основного компонента – Вооруженных Сил как раз и способствует его разрешению по обеспечению мирных условий существования страны. Кстати, и Военная доктрина Республики Беларусь предусматривает применение военной силы «как крайней меры после исчерпания всех

возможностей принятия политико-дипломатических, правовых, экономических, информационных, идеологических и других мер по обеспечению военной безопасности» [2, ст. 15].

Именно поэтому наша страна последовательно предпринимает все необходимые меры мирного разрешения возникающих противоречий. Как известно, хочешь мира – готовься к войне, т. е. имей в своем распоряжении такие ВС, которые могли бы на практике осуществлять стратегию сдерживания противника. До тех пор, пока не ликвидирован такой общественный институт, как армия, пока войны и военные конфликты все еще являются средством разрешения тех или иных противоречий, мы должны поддерживать качественное состояние ВС, их боеготовность и боеспособность на уровне, гарантирующем надежную защиту независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь.

Таким образом, процесс управления военной сферой, войсками на всех уровнях, будучи диалектическим по своей природе, требует диалектического подхода со стороны командиров и начальников, и в частности правильного и гибкого применения знаний теории диалектики – важнейшего элемента научной методологии.

Познать сущность явлений войны, военной сферы общества можно лишь при системном учете действия всех без исключения законов диалектики, ибо она (диалектика) и есть теория познания. Другими словами, при изучении действительности нужно всегда учитывать внутреннюю раздвоенность предметов и явлений на противоположности, борьбу между ними; количественную и качественную определенность вещей, процессов и переход за определенной мерой количественных изменений в качественные; диалектическую взаимосвязь нового и старого в процессе развития действительности от простого к сложному, от низшего к высшему. Необходимо изучать не только факты, но и причины их возникновения, необходимые и случайные связи, строго отличать возможное от действительного, видеть диалектическую взаимосвязь и взаимодействие между содержанием и формой, между единичным, особенным и общим, частью и целым. При рассмотрении процессов войны и военного строительства исследователь не может ограничиваться поверхностным наблюдением явлений, а стремится проникнуть в их сущность [3, с. 181; 7].

Сегодня явно обозначено противоречие между потребностью в высоком уровне сформированной методологической культуры выпускника высшей школы и отводимым временем на изучение важнейшей дисциплины мировоззренческой направленности «Философия». Для разрешения данного противоречия на кафедре социальных наук Военной академии разработана и преподается дисциплина «Философские аспекты военной теории и практики», в рамках которой существенное место отведено изучению теории диалектики и ее проявлению в военной сфере.

Список использованных источников

1. Алексеев, П. В. *Философия: Учебник* / П. В. Алексеев, А. В. Панин – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2004. – 608 с.
2. *Военная доктрина Республики Беларусь*. Утверждена Законом Республики Беларусь 20.07.2016 г. № 412–З.
3. Грудинин, И. А. *Диалектика и современное военное дело* / И. А. Грудинин. – М.: Воениздат, 1971. – 320 с.
4. Дикселис, В. П. *Методология науки: концептуальные основы, военный аспект* / В. П. Дикселис, В. А. Ксенофонтов // *Вестник Военной академии Республики Беларусь* – 2014. – № 2 (43). – С. 11–23.
5. Кохановский, В. П. *Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений* / В. П. Кохановский. – Ростов н / Д.: «Феникс», 1999. – 576 с.
6. Ксенофонтов, В. А. *Военно-доктринальные взгляды на оборону страны* / В. А. Ксенофонтов // *Гуманитарные проблемы военного дела* – 2017. – № 2 (11). – С. 36–46.
7. Тюшкевич, С. А. *О законах войны (вопросы военной теории и методологии)* / С. А. Тюшкевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2018. – 352 с.
8. *Философия и методология науки: учеб. пособие* / Ч. С. Кирвель [и др.]; под ред. Ч. С. Кирвеля. – Минск: Выш. шк., 2018. – 568 с.
9. *Философия: учебник для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования* / Ю. А. Харин [и др.]; под общ. ред. Ю. А. Харина. – 9-е изд. – Минск: Тетра Системс, 2008. – 448 с.

НАУКА КАК ФАКТОР И ЧАСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

А. А. Лазаревич

Современная наука и технологии рассматриваются с позиций глобальных процессов и факторов глобализации. Обосновывается тезис о том, что и сетевая организация постиндустриального мира, и соответствующая ей система производства и функционирования научной информации и технологий представляют собой новые формы детерминации глобальной динамики.

Развитие современного общества основывается на интенсивных коммуникационных процессах, связанных с трансляцией и социализацией научной информации (научного знания). При этом коммуникация в самой науке кардинально меняет свою структуру, дистанцируясь от локальных и узкокорпоративных отношений и постепенно приближаясь к отношениям глобальным, как в количественном, так и в сущностном значении.

Исследовательская практика не лишена интереса к тем или иным аспектам формирования и функционирования научной коммуникации. В контексте задач данной статьи подчеркнем, что научная коммуникация является необходимым условием обоснования знания, перевода его из индивидуальных смыслов и значений в общенаучные и социально значимые. При этом коммуникативный принцип обоснования и социализации знания выступает важнейшей предпосылкой глобализации непосредственно самой науки.

Научная истина – это универсальная ценность, которая разделяется не только научным сообществом, но и обществом в целом вне зависимости от географических, национальных и культурных границ. Даже конкретная научной дискуссия всегда опосредована более высокими уровнями общности, вплоть до глобальных. Как заметил К. Поппер: «Те, кто принимает участие в плодотворном критическом обсуждении некоторой проблемы, часто опираются, хотя и бессознательно, на две вещи: на признание всеми участниками дискуссии общей цели – достижение истины или по крайней мере приближение к истине – и на значительный объем общепризнанного исходного знания (background knowledge)» [1, с. 359–360].

С другой стороны, если обратить внимание на стремительную экспансию научно-технического прогресса фактически на все сферы жизнедеятельности общества, следует заметить, что данная экспансия вполне тождественна феномену глобализации, как по своим масштабным проявлениям, так и по характеру универсализации результатов ее воздействия.

Наука интернациональна по своей сути, что объективно делает непосредственно ее глобальной и интегрирует в систему предпосылок и факторов глобальной динамики. Если раньше паритет «национальная наука – мировая наука» поддерживался более сильным проявлением национальных начал в науке и априорном признании ее мирового статуса, то сегодня

тенденции складываются с точностью почти до наоборот. При сохранении основ национальной организации и финансирования науки все активнее заявляют о себе процессы стремительной интеграции национальной научной политики в мировое научное пространство и глобальные процессы социально-экономического и культурного развития.

Данная тенденция самым непосредственным образом связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, с общей коммуникационной парадигмой современного мира, в соответствии с которой глубина и масштабность любых значимых проектов достижимы лишь в условиях международной организации и кооперации. Во-вторых, с активным развитием информационно-компьютерных технологий, кардинально меняющих прежние схемы социальных отношений (действий), в том числе и в сфере науки.

Современная наука – достаточно дорогостоящее занятие, требующее огромных усилий специалистов и научных коллективов из различных областей знания, наличия необходимого оборудования, опытных производств, соответствующего финансового обеспечения и т. п. Поэтому осуществлять «прорывные» научные открытия в рамках национальных проектов не всегда представляется возможным, а порой и нецелесообразным, что и предполагает интеграцию этих проектов в мировой исследовательский процесс. Другими словами, достижения науки, лежащие в основе новых поколений техники и технологий, новых технологических укладов, как, собственно, и сами технологии и уклады, уже не могут осуществляться и реализовывать свои преимущества в пределах одной страны. Их организация и окупаемость также определяются принципами глобальной экономики.

В русле данной проблематики следует рассматривать реализацию одного из самых амбициозных проектов в истории науки – создание Европейского научного пространства (ЕНП), т. е. интеграцию научного потенциала десятков стран, существенно отличающихся своей историей, культурой, политическими и научными традициями. Решающим условием успеха в данном направлении является создание поля взаимодействия основных заинтересованных групп – политиков, представителей крупных корпораций, общественных движений, малого и среднего бизнеса и, конечно же, научного сообщества. Важным условием этого взаимодействия является наличие органа, эффективно представляющего науку в диалоге с политиками. Например, во время трансформации американской науки 1960-х годов эту роль сыграла Американская ассоциация развития науки (AAAS). Такой организации, идет ли речь об авторитете в научном сообществе, о политическом весе или о богатейших традициях, в Европе не было. Поэтому с самого начала речь шла не о бездумном копировании американского опыта, а о его науковедческом анализе с целью выявления некоторого минимального эффективного ядра, которое и можно воссоздать на европейской почве за несколько лет.

Результатом этой работы стало появление в 1997 г. скромной общественной организации «Euroscience», которая следующим образом заявила

о своих целях и задачах:

1. Создать форум для обмена мнениями ученых, промышленников и граждан, интересующихся наукой и технологией.

2. Укреплять связи между европейской наукой и обществом.

3. Содействовать созданию интегрированного научно-технологического пространства в Европе.

4. Оказывать влияние на научно-технологическую политику.

Залогом успеха создания и эффективного функционирования ЕНП является заявление руководства Европейского Союза об объединении фактически всех исследований и разработок стран-членов ЕС в Европейском научном пространстве. Главная цель объединения – мировое лидерство ЕС в научно-инновационной сфере [2].

Развитие информационно-компьютерных технологий глобализирует не только систему мирохозяйственных и культурных связей, но и саму науку, которая в таком своем проявлении (учитывая ключевую роль науки и созданных на ее основе технологий в развитии общества) занимает одно из основных мест в системе факторов глобализации.

Отмеченные технологии являются сегодня не просто оптимальными, но практически единственным доступным для ученых средством оперативного общения (особенно с зарубежными коллегами) и соответственно своего рода индикатором включенности в мировую науку. Среди наиболее активных типов электронной коммуникации в науке следует выделить электронную почту, интерактивный доступ к удаленным информационным базам, участие в телеконференциях, использование удаленных компьютеров, дистанционное участие в эксперименте и др. В плане характеристики важнейших проявлений глобализации вообще и глобализации науки в частности следует назвать современный информационный взрыв, выражающийся в экспоненциальном росте научной информации, глобализирующей социально-экономическое и культурное пространство.

Информационные технологии следует рассматривать в контексте общего научно-технологического процесса, универсализирующего, стандартизирующего и глобализирующего современное общество. В настоящее время данный процесс приобретает небывалую активность. По оценке Питирима Сорокина, за 1300 лет античной цивилизации в западном мире было сделано 243 естественно-научных открытия и 107 технических изобретений. В Средние века эта волна спадает: за 850 лет – 31 открытие и 49 технических изобретений. Однако за 400 лет предындустриальной цивилизации темп прогресса резко нарастает – 1153 открытия и 489 изобретений. Сегодня этот темп увеличивается в еще больших масштабах, формируя глобальное технологическое пространство современной цивилизации как «сложную динамическую полиструктурную систему», компонентами которой выступают:

– техника, т. е. артефакты, специально созданные для производства, трансформации и перемещения материальных объектов и оказания услуг;

– природные, антропотехногенные, человеческие, финансовые и иные ресурсы, необходимые для создания материальных феноменов и оказания услуг;

– целеориентированная деятельность, осуществляемая с помощью техники и указанных выше ресурсов (технологическая деятельность);

– управление этой деятельностью;

– информация и знание, навыки и правила, необходимые для осуществления и управления технологической деятельностью;

– институциональные и организационные формы, обеспечивающие реализацию технологической деятельности;

– взаимодействие компонентов технологической деятельности и ее продуктов с окружающей природной и социальной средой [3, с. 86].

На этой основе формируется и функционирует особый мир универсальных феноменов, названный А. И. Ракитовым «регулятивным миром», который заметно стандартизирует, универсализирует и в этом смысле глобализирует нашу жизнь. «Технология, – пишет А. И. Ракитов, – предполагает создание, совершенствование и использование огромного числа правил и воплощающих их навыков, норм, эталонов и стандартов деятельности. Структурные компоненты технологии и порождаемые ими правила перемешаны, "слипаются" и взаимодействуют. Они образуют основу того, что я называю регулятивным миром, но, разумеется, ни в коей мере не исчерпывают его. Регулятивный мир, как уже говорилось, включает также правила и воплощающие их нормы, эталоны, стандарты деятельности, регулирующие бытовую, культурную, военную, политическую, художественную и другие виды специфически человеческой деятельности. Все они в той или иной мере, прямо или косвенно зависят от господствующей в обществе технологии или суммы технологий» [3, с. С. 86–87].

Рассматривая структуру глобального технологического пространства, Ю. В. Яковец [4] обращает внимание на то, что единство его функционирования и цикличной динамики обеспечивает прежде всего глобальность научного пространства. С другой стороны, социализация достижений науки, их глобальная общедоступность обеспечиваются развитием техники и технологии. Единственный внешний фактор, с которым, например, Мертон соотносил научное развитие, – это технологический прогресс. Именно следующие за развитием науки технологические инновации делают ее ценной для общества и создают условия для общественного признания.

Результатом тысячелетнего технологического развития человечества стала глобальная техносферная система – искусственный материальный мир, кардинально повлиявший на все стороны жизни людей. Глобализация в современном ее понимании – это продукт техногенного общества. Именно в условиях техногенного типа развития сформировались основные механизмы и принципы экспансии технологических новшеств, их влияние на социально-экономический и культурный динамизм.

Современные тенденции формирования постиндустриального общества основываются на трансформации ряда ценностей техногенной цивилизации. Достижения науки и технологии, научная рациональность не рассматриваются уже в качестве самодостаточных сущностей, автономно определяющих стратегию социального развития. Они все больше и больше включаются в целостную систему социально-культурной и природной эволюции. При этом масштабность влияния науки и технологии на современное общество не уменьшается, а, наоборот, увеличивается, но уже в единстве рационально-знаниевых, социально-культурных, нравственных и экологических принципов. «Сетевая» (М. Кастельс) организация постиндустриального мира таким же образом обуславливает создание и трансляцию научно-технологических инноваций в обществе. Для сравнения вспомним, что уже в индустриальном обществе наука впервые стала объектом инновационной политики, т. е. получила внешнее управление через социальный заказ, который мог исходить не только от государства, но и от частного бизнеса. Однако при этом возникла проблема когнитивной сопротивляемости науки, когда различные исследовательские центры осуществляют плохо скоординированную между собой деятельность. В условиях демократии и свободы рынка такая когнитивная сопротивляемость науки может быть очень высокой, что затрудняет процесс консолидации научного потенциала и осуществления целенаправленной научной политики.

В условиях сетевого общества возникает задача преодоления данной проблемы путем внедрения механизма рефлексивной дифференциации – различные центры, работая над схожими проблемами, вырабатывают свои рефлексивные установки в рамках общих рефлексивных сверхустановок, спускаемых из более общего центра. Это значит, что наиболее вероятной координационной задачей в сфере современной науки является преодоление разделительного дезинтеграционного способа существования и развития научных центров и переход к глобальным открытым системам и структурам, функционирующим в соответствии с предзаданной системой векторов. Осуществление этой задачи особенно актуально при реализации сетевых моделей общества с сильной векторной направленностью, т. е. с увеличением рефлексивной дифференциации. Рефлексивная дифференциация должна стать динамическим каналом как управления, так и самоуправления исследовательскими центрами, тем каналом, который регулирует их творческие и коммуникационные возможности, а также их интеграцию в опосредованно сложные системы.

В связи с этим следует подчеркнуть, что и сетевая организация постиндустриального мира, и соответствующая ей система производства и функционирования науки и технологий представляют собой новые формы детерминации глобальной динамики. Все это, в свою очередь, приводит к необходимости более комплексного анализа феномена глобализации, оценивая его не только по чисто экономическим признакам, но и обращая внимание на

лидирующее и глобализирующее значение в современном «обществе знания» научно-технологической компоненты.

Список использованных источников

1. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983.
2. Мирский, Э. М. Научная политика XXI века: тенденции, ориентиры и механизмы / Э. М. Мирский, Л. М. Барботько, В. В. Борисов // Науковедение. – 2003. – № 1. – С. 8–25.
3. Ракитов, А. И. Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 82–94.
4. Яковец, Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. – М.: Наука, 1999.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Н. А. Лазаревич

Рассмотрены особенности поведения человека и формирования качества его жизни в контексте развития современной научно-технической революции и становления новой технологической реальности. В качестве ведущей тенденции социотехнологической коэволюции как фактора повышения качества жизни людей рассмотрены механизмы изменения многообразия и дифференциации урбанизированной среды. Показано, что важнейшим фактором, способным оптимизировать процесс качества жизни населения, по-прежнему остается сфера культуры общества, в частности, ее подсистема – экологическая культура, связанная с экологическим сознанием и мировоззрением.

Рост глобальных проблем современности в условиях социальной нестабильности и усиления экзистенциальной напряженности – проблема адаптации человека к темпам социокультурных изменений, расширение сферы «искусственных», технико-технологических посредников жизни, разрушение традиционного понимания смысла жизни и самой жизни – вновь актуализируют антропологическую проблематику, переводя ее в иную плоскость рассмотрения. Речь идет о том, что на современном этапе существенно трансформируется сама методология исследования человека. На первое место выходит не познание его сущности, а раскрытие фундаментальных отношений человека к миру и самому себе, проявляющихся в тех или иных формах его поведения и образа жизни.

Система отношений «мир человека» и «человек в мире» в их взаимосвязи образуют целостное антропологическое пространство, оценка состояния которого в контексте определенных теоретико-методологических подходов может выступать инструментом анализа проблемы качества жизни людей. Принимая во внимание названный выше сдвиг антропологической проблемы с познания сущности человека на раскрытие его отношений с «внешним» миром, обозначим достаточно заметную на современном этапе тенденцию опосредования данных отношений различного рода технико-технологическими факторами, претендующими в том числе на роль инструментов улучшения качества жизни современного человека. В обобщенном плане речь идет о трансформации самого предметного мира и, соответственно, отношений человека с этим миром.

Научно-технический прогресс предъявляет новые требования к человеку, влияет на его поведение и качество жизни. Большинство профессий в современном производстве связаны с трудом управляющего типа. Автоматизация производства поставила человека в новые сложные условия, в

которых связь с технологическими процессами опосредована информирующими устройствами в виде комплекса сигналов, определенных кодов, которые необходимо расшифровывать и т. д. Труд рабочего приобретает творческий характер, приближается к инженерно-техническому труду. Вместе с тем автоматизация производства в условиях научно-технического прогресса предъявляет повышенные требования к психике человека в связи с напряжением внимания, быстротой реакций, необходимостью безошибочного выбора решения производственной задачи и т. д. В новых производственных условиях нередко возникает несоответствие технологических процессов и нервно-психических возможностей человека. В связи с этим важнейшей проблемой нашего времени стало изучение психологии трудового процесса, всестороннее исследование человека и его взаимоотношений с техникой. Научно-технический прогресс оказывает разностороннее непосредственное и опосредованное воздействие на ситуативное поведение человека, в том числе в условиях критического экологического пространства.

Существуют значительные сложности в структуре оценки устойчивого развития техники и общества, их коэволюции [1, сс. 170–175]. Они связаны, в первую очередь, с вопросами сферы применения техники, исследования ее социальных и экологических последствий, потребительского поведения, общих условий развития, а также с вопросами о том, каким образом могут быть получены новые технологии, способствующие большей устойчивости общественного развития. В большинстве случаев необходимость новых технологий социально детерминирована, именно таким образом происходит включенность техники в общественные отношения. Техническое развитие фактически всегда строится с учетом задач общества и целей его развития.

Устойчивое социотехнологическое развитие должно удовлетворять множеству критериев. В любом случае оно должно быть проанализировано и оценено с разных точек зрения, чтобы получить истинное представление о том, в каком направлении человечеству двигаться, развивая и технику, и собственно человеческое благосостояние. В основу перспектив социотехнической устойчивости положены, прежде всего, следующие критерии: экологические (например, снижение выбросов CO_2 , ресурсосбережение (экономичность, новые материалы и т. п.); уменьшение рисков, обусловленных как техникой, так и человеком. Ответы на эти и другие вопросы иногда строятся на примерах, которые разъясняют различные грани и проблемы оценки устойчивости самих технических систем [2, 3].

Практическая философия техники, как этика техники и технической деятельности, объединяет в себе этическую рефлексию условий, целей и следствий развития и использования техники. Техническая этика призвана внести вклад в ответы на моральные вопросы, которые возникают в фактических или предвидимых разработках новой техники. Многие из этих вопросов связаны с научной, экологической и медицинской этикой, а также с социальной оценкой техники, политической, хозяйственной и

предпринимательской этикой. Рассмотрение техники под этим углом зрения является необходимым и в то же время достаточно сложным. Ядро «технической» этики образуют, прежде всего, моральные неопределенности и споры вокруг создания и использования технических средств, а также выводы и прогнозы по поводу техногенного будущего человека и общества. Одним из важнейших аспектов этических дискуссий становится проблема ответственности перед будущими поколениями за социальные последствия научно-технического развития. В настоящее время наиболее актуальной является не только проблема приспособления возможностей человека к технике и конструирование техники в соответствии с возможностями человека. Это связано с рядом проблем и прежде всего с тем, что человеку в наше время приходится сталкиваться с необычными для него условиями. Характер мотиваций и установок личности в сочетании с изучением нормативов индивидуальной и коллективной жизни здорового человека особенно важно в условиях научно-технической революции.

Вместе с тем, что можно сказать о современной линии эволюции создаваемого людьми технизированного мира? Рассматривая закономерности развития поведения под влиянием научно-технической революции, можно выделить в качестве ведущей тенденции процесс ее экстенсификации, обусловленный многообразием и дифференциацией урбанизированной среды. Понятие «интенсификации общения» часто употребляемое в литературе, характеризует внутреннюю сторону процесса общения, оно более пригодно для описания глубины и силы социальных контактов, призвано отразить уровень активности человека в коммуникативном процессе [4, с. 14]. Экстенсификация общения, умножение и усложнение социальных контактов, представляют собой закономерный результат взаимодействия социальной и пространственной структур города в ходе его функционирования. Экстенсивный характер общения в городской среде теснейшим образом связан с другой важной особенностью социального взаимодействия горожан – тенденцией преобладания в городе безличностного, функционально-ролевого поведения и общения. Можно выделить ряд отрицательных социально-психологических последствий такого общения, – деперсонализация контакта, сужение диапазона межличностного, непосредственного общения с окружающими людьми и т. д. Общение этого типа можно подразделить на две формы – специализированное, имеющее целью удовлетворение определенной потребности индивидов, и массовидное, анонимное общение «на публике» [4, с. 15]. Рассматривая особенности последнего типа общения, указывает, что анонимное общение, хотя и имеет ряд известных негативных психологических сторон, тем не менее, представляет собой важный регулятор социального поведения людей в условиях городской среды. Анонимность обычно стимулирует многие антисоциальные типы поведения. Ее отрицательные черты преодолеваются через готовность людей прийти на помощь, примерах пресечения преступлений в городе и т. п.

Похоже, что предметы современного мира переходят из категории непосредственных «спутников жизни» в разряд структурно усложняющихся вещей, которые начинают жить по собственным законам и все больше удаляться от экзистенциального пространства отдельно взятого человека. Как отмечают Моторина, Л. Е. и Сытник В. М., «жизненные силы человека обретают внешнее по отношению к нему существование. Из "спутника жизни" вещь превращается в средство (технику), которое имеет не только положительный смысл и "означенную ценность", но одновременно порождает и негативные последствия, несущие угрозу существованию человека. Угроза жизни идет уже не от "первой природы", а от "второй", которая, казалось бы, была по сути своей призвана защищать человека. С развитием техники возникает инструментальное пространство как самостоятельно функционирующий феномен культуры (второй природы). Этот этап в развитии предметного бытия человека начинается с промышленного производства техники, причем "первая природа" из естественных условий существования человека, включаясь в производство, так же становится средством. Новый тип отношений характеризуется разрушением целостного экзистенциального пространства, разрывом его на два мира: мира инструментального и мира экзистенциального. Инструментальный мир (техника промышленного производства) характеризуется двойственной природой: вместе с положительным смыслом результаты человеческой деятельности начинают порождать негативные последствия» [5, с. 71]. В данной связи напрашивается вывод о том, что, хотя в современных условиях экономическое благополучие наиболее важно для большинства жителей, и связывается оно с понятием общего успеха в жизни и самореализацией в ней, тем не менее, совокупность факторов, образующих структуру «качества жизни», свидетельствует также и о том, что, наряду с приоритетом материального благосостояния, весьма актуальным аспектом жизнедеятельности выступает показатель экологического благополучия.

Серьезное исследование, касающееся жизнедеятельности личности в экологически неблагоприятных условиях и ее отношение к этим условиям, провела Хашенко Н.Н [6]. Она определяет наиболее значимые аспекты экологического сознания личности, обозначая их как «актуальное экологическое сознание». Актуальное экологическое сознание индивида разворачивается в ряде психологических феноменов: представлениях о субъективной значимости экологических факторов; переживаниях последствий экологических и природно-климатических изменений как опасных или безопасных для его (его семьи) жизни и здоровья; отношении (оценке) к экологической ситуации в регионе проживания. Структура актуального экологического сознания включает восемь базовых компонентов. Это: тревога за здоровье; информированность об экологической ситуации; желание смены места жительства; личная значимость экологических проблем; оценка динамики изменения экологических условий в регионе проживания как

субъекта экологического поведения.

Любое поведение, в том числе и экологическое, необходимо рассматривать также в контексте условий внешней среды, в которых формируется и социализируется человек. Среди внешних факторов, которые в той или иной степени влияют на формирование экологического поведения, можно выделить следующие: информационное поле, возможности инфраструктуры, социальные, культурные и политические факторы. В связи с серьезными изменениями, происходящими в природе, первостепенное значение приобретает проблема изучения и разработки эффективных средств защиты внешней среды в целях сохранения здоровья человека, его полноценного физического и психического развития, т. е. преодоление нередко возникающих противоречий между техническим прогрессом и средой его окружающей. В стратегическом плане в оптимизации условий жизни и стабилизации здоровья человека самым важным является разработка и введение научно обоснованной генеральной программы развития биосферно-природных сред в урбанизированной среде и совершенствования форм общественных отношений и общественного устройства через экологическое воспитание, основанного на выявлении взаимосвязи природных, социально-природных и социальных факторов в их единстве. Результатом должно стать формирование эколого-социальной ответственности. В настоящее время эффективные, научно обоснованные методы формирования эколого-социальной ответственности еще не заняли должного места в системе образования. Подход к формированию эколого-социальной ответственности является основным условием реализации задач формирования экологического сознания.

В работе по формированию эколого-социальной ответственности, когда конечный результат такой деятельности отдален во времени, следует развивать ценностные мотивы обучения через приобщение к рассмотрению глобальных социо-эколого-экономических проблем, формирование твердых личных убеждений. Важнейшим фактором, способным обеспечить данный процесс, является сфера образования, непрерывно наращивающая арсенал средств формирования экологической культуры, экологического сознания и мировоззрения человека.

Список использованных источников

1. Ленк, Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк; под ред. В. С. Степина. – М., 1999.
2. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития / М. В. Ковальчук, О. С. Нарайкин, Е. Б. Яцишина / Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 3–23.
3. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – М., 2001.
4. Шадрин, Л. Э. Социально-психологические последствия урбанизации / Л. Э. Шадрин. – Л., 1983.

5. Моторина, Л. Е. Фундаментальные отношения человека к миру / Л. Е. Моторина, В. М. Сытник // Вопросы философии. – 2017. – № 8. – С. 70.
6. Хашенко, Н. Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях (Чернобыльский след) / Н. Н. Хашенко. – М., 2002.

ГЕНЕЗИС НОВЫХ ФОРМ НАУЧНОГО ПОИСКА В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В. К. Лукашевич

Выявлены особенности генезиса новых форм научного поиска в трансдисциплинарных исследованиях, в качестве которых эксплицированы рационализация целеполагания, обоснование целевой и предметной соразмерности трансдисциплинарных исследований, обоснование соразмерности субстратно-структурных и интерактивно-функциональных параметров в объектогенезе.

Время, когда признаком хорошего тона в философско-методологическом контексте научного поиска считалось упоминание о перспективности трансдисциплинарных исследований и необходимости разрабатывать их методологию, прошло. Сейчас необходимо наращивать интенсивность усилий в изучении источников их креативного потенциала, процессуальной специфики, критериев продуктивности, особенностей взаимодействия в их русле когнитивных и социальных факторов. Это далеко не полный перечень проблем трансдисциплинарного дискурса, актуальных в широком социокультурном и социально-прагматическом контексте. Нас интересует одна из классических проблем эпистемологии науки – проблема новых форм научного поиска, в данном случае присущих названному типу исследований.

Предположение об их существовании основано, во-первых, на фактах, указывающих на недостаточность методологического анализа трансдисциплинарных исследований средствами дисциплинарных парадигм (они не полно воспроизводят целевые, онтологические, креативно-инструментальные и критериальные измерения), этого типа научных исследований, поскольку не адаптированы к новым формам научного поиска. Во-вторых, идеей креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания как источнике новых форм научного поиска вследствие оригинальных интенций в развитии каждого из названных типов знания и эволюции способов их взаимодействия в русле трансдисциплинарных исследований.

Трансдисциплинарные исследования – это тип научных разработок, в которых в органическом единстве востребованы и реально взаимодействуют аналитическая (дисциплинарная) и системно-синтезирующая методологии и соответствующие им формы научного поиска. Особенности такого рода взаимодействия могут быть выявлены на основе общей для них *праксеологической схемы*, включающей:

- проблемогенез и целеполагание,
- объекто- и предметогенез,
- разработку и применение (актуализацию) инструментария,
- оценку результатов.

Соответственно этой схеме в русле аналитической методологии и соответственно дисциплинарной методологической парадигмы, работающих в режиме когнитивной селекции, то есть фрагментации исследуемой реальности как доминирующего познавательного процесса, можно выделить несколько фундаментальных форм научного поиска. В их числе:

- телеологизирующая когнитивная селекция,
- телеологизированная предметная когнитивная селекция,
- телеологизированная интерактивная когнитивная селекция.

Когнитивная селекция, как группа когнитивных процессов, осуществляемых преимущественно в русле дисциплинарных исследований, в ходе которой из всего множества характеристик познаваемого объекта отбирается (выбирается) их определенная совокупность, фиксируемая в русле предмета – и проблемогенеза, а также в ходе определения целей и задач научного исследования, сопряжена с необходимостью отвлечься от характеристик познаваемого объекта, не связанных сколь-нибудь тесным образом с системой предпосылочного знания (прежде всего, научной картиной исследуемой реальности), вытекающей из нее логикой эмпирического и теоретического анализа, запросами прикладной сферы, и сосредоточиться на тех характеристиках, которые явным образом коррелируют с названными обстоятельствами. Она включает два взаимосвязанных процесса: 1) отвлечение от некоторого множества известных свойств и отношений познаваемого объекта, 2) фиксация подлежащей исследованию совокупности свойств и отношений на основе их сознательного выбора, отбора из всего множества характеристик объекта.

В этих процессах достаточно очевидно ключевое значение рефлексивного знания, основной формой функционирования которого в исходной ситуации научного поиска является *телеологизирующая когнитивная селекция*. Это процесс, направленный на осмысленный выбор целей и задач исследования на основе, во-первых, принятого в научном сообществе представления о научной рациональности, выражающей тип знания, которое необходимо получить и его социальную ценность [1; 2 и др.], во-вторых, осмысление принципиальной возможности их (целей и задач) реализации, базирующейся на предметном знании, в-третьих, учета всей совокупности материальных, когнитивных и методологических условий конкретного научного исследования, включающей наличие (или отсутствия) необходимых материальных средств исследования, продуктивных методов, обоснованных гипотез, доказанных теорий и др. Результаты телеологизирующей когнитивной селекции закономерно определяют наличие очередной формы научного поиска – телеологизированной предметной селекции.

Телеологизированная предметная селекция – это процесс структурирования научного исследования, задающий его предметную ориентацию, исходя из содержания поставленных целей и задач. Специфика последних направляет процесс ограничения предметной области исследования

до ее параметров (масштаба, типов и скорости протекающих в ней взаимодействий, направленности и темпа ее эволюции и др.), коррелирующих, во-первых, с содержанием поставленной цели (отсюда название процесса – телеологизированная, т. е. определяемая целью, предметная селекция), во-вторых, с возможностями инструментально обеспечить пути достижения поставленных целей по приращению предметного знания. Эти пути определяются в контексте еще одной из фундаментальных форм научного поиска, которую есть основания назвать *телеологизированная интерактивная селекция*. Это процесс, направленный на определение диапазона взаимодействий исследуемого объекта с другими объектами как средствами исследования, на основе которых (взаимодействий) возможно приращение предметного знания об исследуемом объекте. Такого рода взаимодействия составляют онтологический, точнее, интерактивный источник новой информации о нем и соответственно приращения предметного знания.

Специфические формы научного поиска в русле когнитивной селекции определяются фундаментальной интенцией отмеченного процесса на фрагментацию исследуемой реальности. Это объекто-, предмето-, и проблемогенез, создание адекватного метода, обоснование критериев истинности (достоверности) познавательных результатов, а также формы, детализирующие их содержание: операционализация предмета исследования, концептуальное и логическое обоснование проблемы и метода, расширение метода в систему и др.

В русле системно-синтезирующей методологии ключевое значение имеют процессы холизации (объединения) знаний. Она представлена целесообразными процессами объединения (интеграции, синтеза) знаний в более масштабную (по сравнению с дисциплинарной) систему, параметры которой определяются широким набором научных и вненаучных факторов. Основные формы когнитивной холизации можно квалифицировать в качестве процессов и образований, симметричных формам когнитивной селекции. Это соответственно: телеологизирующая когнитивная холизация, телеологизированная предметная холизация и телеологизированная интерактивная холизация.

Телеологизирующая когнитивная холизация – это совокупность познавательных действий, направленных на поиск (обоснование) цели, на основе которой возможно (и необходимо) объединение разнообразных знаний в систему. Телеологизирующая когнитивная холизация может быть выделена в особое когнитивное образование процессуального характера по критерию достаточно очевидных оснований – всегда необходимо знать для достижения какой цели (сугубо познавательной или практикоориентированной) планируется объединение накопленных знаний. В современной, не без основания называемой практикоориентированной, науке (техно-науке), в русле ключевой проблематики которой будет продолжен анализ заявленной темы, наиболее актуальны исследования во втором аспекте, точнее, в русле

практикоориентированных научных проектов в технико-технологической сфере, медицине, экономике, управлении, природоохранительной деятельности и др. Соответственно здесь на первый план выходит выявление механизмов *рационализации целеполагания*, т. е. выбора целей деятельности в этих сферах с учетом действия большого количества факторов. В их числе: природные и социальные условия, социальные потребности, уровень их рефлексивного осмысления в широкой сфере общественного сознания, в том числе средствами научной рефлексии и др. Главной проблемой в этом широком предметном контексте является поиск знаний, фундирующих значимость (правомерность) выдвигаемых целей и их ожидаемую достижимость (реализацию) в виде социально востребованных процессов и объектов, т. е. знаний, позволяющих согласовать социальные потребности с реальными возможностями, которыми на данное время располагает социум в целом, и в частности, научное сообщество. Ключевое значение для ее решения имеет анализ взаимодействия внаучной и внутринаучной рефлексии.

Названная проблема должна анализироваться в нескольких аспектах, основные из которых на данное время обозначились достаточно отчетливо: во-первых, в широком русле исследований, объединяемых под названием «культура человеческих потребностей»; во-вторых, в рамках социального заказа науке.

Телеологизированная предметная холизация – это совокупность познавательных действий, направленных на объединение на основе выдвинутой цели знаний из разнородных предметных областей для создания (конструирования) нового объекта исследования. Телеологизированная предметная холизация – это процесс, направляемый достаточно четко фиксированной целью. И если его интенциональная характеристика ясна по определению, то в структурно-содержательном плане следует сделать некоторые существенные уточнения. В телеологическом контексте предметная холизация невозможна вне интерактивной холизации. Первый процесс (предметная холизация) неизбежно предполагает осмысление отношений, связей и взаимодействий, обеспечивающих целостность и устойчивость предметных образований. Следовательно, их разведение возможно лишь в абстракции, необходимой для понимания генезиса создаваемой системы, способной выполнять социально востребованные функции. Их отдельное исследование оправдано гносеологически (онтологически, в реальности, они неотделимы). Тем не менее существует по меньшей мере еще одно фундаментальное основание для выделения предметной холизации в особый когнитивный процесс. Это отмеченное выше ее стимулирование из сферы целеполагания, направленное в итоге на выполнение социального заказа науке [3], носителями которого в любом случае являются конкретные предметные образования.

Соответственно дальнейшая работа, стимулируемая социальным заказом, связана с исследованием генезиса и условий, обеспечивающих целостность и

стабильность элементов создаваемой системы, как дискретных предметных образований и системы в целом при сохранении ее способности выполнять социально востребованные функции, а также с исследованием специфики отношений, связей и взаимодействий элементов внутри системы и с другими дискретными образованиями. Неизбежное в этом случае исследование параметров внешних по отношению к данной системе дискретных образований имеет производный статус по отношению к первой ориентации. Их параметры будут интересовать исследователя в основном по принципу прагматической достаточности, т. е. настолько, насколько их необходимо знать для создания условий, поддерживающих целостность, устойчивость и социально востребованное функционирование создаваемого объекта. Эти цели, как известно, достигаются на основе выбора (создания) субстрата (материала), элементной базы объекта и его структуры, обеспечивающих социально востребованные функциональные параметры или функции создаваемой системы.

В любом случае и сами элементы, и способ их интеграции в целостную систему базируются на определенном роде процессах, а именно, взаимодействиях. В первом случае (внутри элементов) – более фундаментальных по сравнению с типами взаимодействия элементов внутри создаваемой системы. Это означает, что в ходе ее создания *приходится иметь дело с силами, существенно превосходящими параметры создаваемой системы*. Соответственно предстоит изучить их источники и способы направленного регулирования в русле работы по созданию целостного целесообразно функционирующего социально востребованного объекта, что квалифицировано в нашей работе как интерактивная когнитивная холизация.

Телеологизированная интерактивная холизация – это совокупность познавательных действий, направленных на обоснование онтологической возможности существования и востребованного функционирования конструируемого объекта на основе сведений о характере возможных, допустимых и необходимых взаимодействий его элементов между собой и с элементами объектов, составляющих окружающую среду.

В нашем случае следует акцентировать то, что *из всего спектра допустимых взаимодействий* разнокачественных фрагментов, способных войти в состав искусственно создаваемого объекта, *предстоит выбрать необходимые взаимодействия, фундирующие устойчивое существование данного объекта как целостного образования и его способность выполнять определенные функции в более широкой социальной системе*.

Этот выбор осуществляется по ряду разноуровневых критериев. Во-первых, на основе накопленного предметного знания, определяющего возможный функциональный диапазон создаваемого объекта; во-вторых, под воздействием непосредственных целей, для достижения которых планируется создание объекта; в-третьих, под воздействием метатеоретических принципов, регулирующих системные параметры создаваемого объекта в аспекте его

адаптации к социальным (в широком смысле) реалиям: экологической ситуации, механизмам социокультурной преемственности, актуальной коммуникации и самоорганизации. Это принципы гуманизации, экологизации, историчности, коммуникативности, синергетичности и др [4]. Названные критерии формируются и функционируют в русле различных методологий: первый – в русле когнитивной (отражательной) методологии, второй и третий – конструктивной методологии. Тем не менее, они должны работать на достижение единой цели – создание нового искусственного объекта, обладающего заданными параметрами.

Данный объект представляется как имеющий *интерактивную размерность*, т.е. коррелирующий с условиями своего существования, обеспечивать и поддерживать которые имеется интерактивная (операциональная, инструментальная) возможность, а также с ожидаемыми возможными последствиями своего существования и функционирования, контролировать которые также представляется возможным, если и для первого, и для второго действия может быть создан (или имеется в наличии) необходимый инструментарий (средства). Здесь могут складываться ситуации, характерные избыточностью научного знания, накопленного для создания объекта с заданными свойствами. Поэтому в их (ситуаций) контексте предстоит сделать выбор в пользу одного из вариантов. Но чаще всего необходимых знаний не хватает, в частности, для формирования представлений о создаваемом объекте как целостном образовании, в его *системном качестве*, которое определяется иными (социальными) факторами и *имеет иную размерность – целевую*.

Вместе с тем характеристики объекта, детерминированные социальными потребностями и целями, интегрированными социальным заказом, по определению не могут выходить за параметры, заданные его интерактивной размерностью. Согласование отмеченных типов размерности создаваемого объекта (интерактивной и целевой), таким образом, оказывается главной линией взаимодействия (главной контактной линией) когнитивной и конструктивной методологий. Их взаимодействие осуществляется, во-первых, в направлении *конкретизации интерактивного механизма*, обеспечивающего социально-заданные параметры объекта, во-вторых, в плане уточнения его целевых параметров. Во втором контексте наиболее отчетливо проявляется смысл *рационального целеполагания* как процесса согласования социальных потребностей с реальными возможностями, которыми на данное время располагает научное сообщество и в целом социум, а также теми возможностями, которые на основе предметного знания могут быть оценены как реальные.

В итоге к специфическим формам научного поиска в русле трансдисциплинарных исследований можно отнести:

- рационализацию целеполагания,
- обоснование целевой и предметной соразмерности,

– обоснование соразмерности субстратно-структурных и интерактивно-функциональных параметров в объектогенезе,
– конфигурирование объекта (Г. П. Щедровицкий).

Естественно, что названное множество форм научного поиска является открытым, что составляет проблемное поле дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска / В. С. Степин // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск, 1981.
2. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М., 2003.
3. Лукашевич, В. К. Трансдисциплинарные исследования в контексте социального заказа науке / В. К. Лукашевич // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекообразных систем. Материалы Международной научной конференции. – Минск, 2013. – С. 42–46.
4. Васильева, И. Л. Парадигмальные характеристики социотехнического проектирования / И. Л. Васильева / Вестник БГЭУ. – 2005. – № 3. – С. 47–52.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЙ ТРАДИЦИИ

В. А. Максимович

Ценностно-смысловые основания национальной культурной традиции отнесены к структурообразующим, базовым составляющим, призванным противостоять ценностно-стилевому релятивизму массовой культуры, распространению образцов бездуховности, мировоззренческой эклектики, некритическому усвоению инородных национальной культуре ценностей, идеологем и образцов поведения. Онтологический статус культурной традиции позволяет сохранять и творчески развивать смысловое поле культуры благодаря непрерывному диалогу с наследием прошлого, а также воссоздавать картину человеческого бытия в контексте культуры и в перманентно изменяющейся перспективе.

Одной из наиболее злободневных задач белорусской философско-культурологической мысли является разработка стратегии устойчивого функционирования и развития всех форм национальной культуры, призванной противостоять ценностно-стилевому релятивизму массовой культуры, распространению образцов бездуховности, мировоззренческой эклектики, некритическому усвоению инородных национальной культуре ценностей, идеологем и образцов поведения. Философия вкупе с другими формами общественных практик (литература, история, лингвистика, этнография и этнология) составляют сердцевину интеллектуально-культурного наследия народа, маркируют и сохраняют в сокровищнице нематериальной культуры цивилизации то мировоззрение, совокупность ценностей и жизненных смыслов, общих для национальной культуры на разных этапах ее развития, которые делают народ самостоятельным субъектом мировой истории. Философско-культурологический, междисциплинарный дискурс исследования должен стать одним из неотъемлемых атрибутов получения истинных критических и современных знаний, которые позволят анализировать актуальные социальные и духовные проблемы и запросы общества.

В эпоху тотального нигилистического отрицания всех классических установок, развенчания классического способа теоретизирования, радикальных попыток создания нового типа культурфилософской рефлексии важно выработать такую позицию, которая бы не зижделась на культе абсолютного отрицания и позволяла бы найти возможность диалога с традицией прошлого. Вместе с тем, тотальное отрицание не должно быть самоцелью в постижении культурно-исторической традиции. На всех этапах развития человечества неизменным оставалось желание постичь целостность пути, пройденного разными странами и народами, извлечь уроки из прошлого, так необходимые для настоящего и будущего. И сегодня как никогда востребовано обращение к

духовному опыту прошлого, к культурным приобретениям всех народов, поиск того надежного основания, что позволило бы выстроить онтологическую картину универсума, способную задать правильные ориентиры жизнедеятельности обществу в целом и индивиду в частности. Это, в свою очередь, открыло бы потенциальную возможность построения онтологической картины универсума, задающей верные ориентиры жизнедеятельности общества. Только с опорой на культурно-историческую традицию, аккумулирующую в себе весь багаж знаний, духовный опыт, с опорой на диалог прошлого и настоящего открывается путь для постоянно творческого созидания смыслового поля культуры.

Система ценностей зависит от культурно-исторического контекста социума, от специфики устоявшихся норм жизнедеятельности, обладающих статусом подлинности и особой регенерирующей природой. Ценности «связывают в единое целое мир природы, общества, сознания, ощущений, деятельности» [1, с. 11]; они «выступают семантическими кодами культуры и жизнедеятельности, расшифровка которых позволяет не только описать исторические явления "в плоскости", но и понять их внутренний смысл "в перспективе"» [1, с. 17]. Можно согласиться с утверждением, что особенностью ценностей как вида информации о субъекте является способность «не только отображать то или иное качество, но и моделировать надлежащий, совершенный вариант реальности» [1, с. 63]. Ценность включает в себя все элементы человеческого бытия, поэтому не может быть сведена к какой-либо абстрактной конструкции. Человек стремится к реализации ценности в окружающем мире, хотя сам такого может и не осознавать. По словам И. И. Докучаева, ценность выступает интегралом «культуры, общества и человека» [2, с. 76]. В условиях транзитивности, ценностной девальвации, когда возникают угрозы и риски аутентичному существованию, человек и общество в целом проходят непростые духовные испытания: многие нравственные парадигмы, которые совсем недавно были актуальными, утрачивают свою социокультурную востребованность, актуальность, а предлагаемые вместо них модели, как правило, имеют преходящий, «ситуационный» характер и лишены долгосрочной перспективы. Вследствие этого у человека теряется ощущение уверенности в завтрашнем дне, набирает силу социальный дискомфорт, апатия, отчаяние, появляется растерянность перед масштабом перемен, возникают сомнения в их целесообразности и необходимости. Таким образом, определение ценностно-смысловых оснований национальной культурной традиции позволяет выявить степень соответствия интенсивной экономической, информационной трансформации белорусского общества ценностно-психологическим установкам так называемой модальной личности и различных социальных групп Беларуси, а также определить возможные варианты конфигураций аксиологических структур в условиях глобализационных процессов.

Национальная культурная традиция занимает особое место в системе

фундаментальных ценностно-символических средств постижения и освоения жизненных смыслов человека и общества. Само понимание культурной традиции прежде всего подразумевает процесс и результат передачи информации, коммуникативное взаимодействие поколений в межвременной перспективе. Она представляет собой уникальное информационное поле, удерживающее в себе интеллектуально-духовное наследие и обеспечивающее социокультурную преемственность в условиях возрастания системного кризиса, переоценки и девальвации духовных ценностей как таковых. Именно в субстратных структурах, культурно-исторической традиции, обладающих определенными онтологическими константами, очень сильный момент иррационального, подсознательного, что напрямую влияет на мировоззренческий и моральный выбор личности, его рефлексивную деятельность. Подобный онтологический статус традиции позволяет сохранить и творчески развивать смысловое поле культуры благодаря непрерывному диалогу с наследием прошлого, а также, что важно, воссоздавать картину человеческого бытия в контексте культуры и в перманентно изменяющейся перспективе. Каждая отдельно взятая культура выступает в роли носителя конкретного нациоангажированного кода или нормативно-институционального регистра общепринятых системообразующих ценностей, в соответствии с которыми осуществляется духовная связь между многими поколениями людей. «Через горизонт собственного переживания времени, замкнутого на вечность, человек, по Рикеру, осознает свою сопричастность отдельным дискретным "культурно-историческим тотальностям" и одновременно пытается понять традицию прошлого в ее значении для настоящего, обрести целостное видение истории» [3, с. 24].

Органической частью культурной традиции выступает художественная традиция, соотнесенная с определенным тезаурусом прецедентных артефактов, в которых преломилась специфика национального художественного мышления, связанного с уникальным восприятием природной, социальной и духовной реальности. В ней особым образом проявил себя духовный опыт многих поколений посредством транслирования архетипов, символов, образов, удерживающих в себе устоявшиеся коды жизни – и культуротворчества. Совершенно понятно, что под влиянием внешних и внутренних факторов эти культуростроительные коды способны модифицироваться, выражая особый характер способа и принципа авторской культуросозидательной стратегии.

Художественное наследие составляет достаточно внушительный контекст национального искусства и отнесено в разряд феноменов, оказывающих огромное влияние на формирование национального культурного контекста. Концептуальная запрограммированность корпуса классических текстов дает возможность интерпретировать и постигать национальную историю, ее субстанционально-философский смысл, ощутить свою причастность к непреходящим культурным ценностям, к нетленной сокровищнице нации. На уровне идеального сознания художественные артефакты имманентно содержат

в себе «просветительскую» целевую программу, содержащую определенный реестр навыков, знаний и представлений, включая социокультурные установки и ментальные архетипы. Все они актуализируются, проявляя себя прежде всего на уровне личностного восприятия, переживания, вчувствования, эмпатии и помогают организовать, обустроить духовное пространство, сделать его более структурированным, упорядоченным. Кроме того, они заключают в себе функции своеобразного резервуара, благодаря которому поддерживаются продуктивные возможности культуры.

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что постепенно начинает складываться качественно новое отношение человека к культурным базовым программам – осмысленное, рационализированное, прошедшее через призму критического анализа и проектного мышления. Под влиянием процесса постепенной модернизации систем отношений общества и социальных микросистем, гибкому типу отношения субъекта и культуры происходит перегруппировка традиционных матриц. В первую очередь это связано с попыткой выстроить рейтинговую шкалу приоритетов, напрямую зависящей от происходящих в обществе изменений и возникновения новых связей и отношений – социальных, идеологических, политических, экономических. Выбор, как правило, зависит от того, в какой последовательности с учетом степени важности, востребованности будут восприниматься критически мыслящим реципиентом базисные семантические пласты, какой из них станет глубинным (образуя ментальный уровень сознания), а какой окажется на поверхности смысла. Речь идет о сознательном выстраивании ценностно-смысловой иерархии этих пластов. Иными словами, живучесть, востребованность традиционных, исторически сложившихся норм и представлений во многом зависит от происходящих в обществе социальных изменений и реакции на них со стороны рефлексирующего субъекта. Ими же обусловлены и охранительно-консервативные тенденции, по определению связанные с традицией, с устоявшимися нормативами и системами ценностей, с желанием удерживать социальную историю в рамках, освященных культурной традицией.

Достаточно осознанное, рациональное позиционирование себя в качестве полноценного субъекта, способного делать свой собственный выбор, формулировать свое представление о мире и о себе в этом мире, открывает путь к взвешенному подходу в определении собственных мировоззренческих, ценностно-смысловых приоритетов и потребностей, принятых в качестве мотивационных регуляторов жизнедеятельности и определяющих как стратегическую направленность, так и направленность действий в любой конкретной ситуации. Подобный внутренне мотивационный подход к усвоению сложившихся традиционных матриц (ритуалов, обычаев, канонов, мифологем, культурных программ и пр.) происходит благодаря целеполаганию, способности критически мыслящей личности из всего культурно-традиционного тезауруса выбирать и усваивать внутренне созвучные

собственным убеждениям и нравственным императивам ценностные детерминанты, не вступающие в противоречие со здравым смыслом и отвечающие актуальной жизненной логике и общественной практике. И в данном случае традиция, сконцентрировав в себе эталонные представления актуальной культуры, выступает не только как исторически сложившаяся система (иерархия) ценностей, но и как избирательное отношение субъекта к конкретным ценностям как объектам традиции. Посредством этого отношения, проявляющегося в различных видах и областях человеческой деятельности, субъект адаптируется к духовному наследию и в то же время адаптирует (ранжирует) это наследие к своим реально формирующимся запросам, потребностям и интересам. По существу, «происходит интериоризация и индивидуальное преломление социальных регуляторов, превращение их в регуляторы внутриличностные, становление индивидуально-пристрастного, избирательного отношения личности к действительности, которое находит выражение в неповторимом осмыслении личностью действительности и в построении ею своей деятельности на основе этого осмысления» [4, с. 49].

По большому счету, и в данном конкретном случае мы можем наблюдать проявления своеобразного избирательного внутреннего диалога личности и культурной традиции, вследствие чего последняя выступает как аксиологическо-мировоззренческое самоопределение субъекта, как процесс выработки им своей ценностной позиции и несущего всю полноту ответственности за свой выбор (юридическую, моральную, метафизическую).

Как отмечают исследователи, в век глобализации человеку становится все труднее обходиться ресурсами традиционного ценностно-смыслового единства. С учетом глобализационных изменений происходит заметный разрыв между культурой (культурной традицией) и цивилизацией как своего рода конкурирующими системами. «В отношении к культуре традиция есть имманентный ей способ выстраивания своих ценностно-смысловых координат, тогда как в отношении к цивилизации, активно эксплуатирующей принцип диффундирования, традиция является чужеродным препятствием, барьером для культурной экспансии. Именно поэтому, – отмечает Л. Н. Шабатура, – любая цивилизация стремится нивелировать традиции и предлагает под лозунгами модернизации, трансформации, глобализации или конвергенции в сфере культуры механическое единообразие, некую упрощенную модель универсализма, унификации, дизъюнктивности. В итоге проведенных манипуляций сложное сводится к механической сумме частных, многообразие подменяется плюрализмом однообразности, духовность подменяется прагматизмом, гедонизмом и функционализмом» [5]. Сюда же можно отнести и современную стандартизованную массовую культуру и самые изощренные механизмы манипулирования общественным сознанием в средствах массовой культуры. Глобализация, как известно, создает угрозу человеческой идентичности или, иначе, сопряжена с идентификационными рисками, препятствующими аккумулярованию определенно заданных

ментальных, духовных и культурно-ценностных доминант. Вот почему проблему национальной идентичности следует отнести в разряд проблем особого стратегического значения.

Высказанное предостережение приобретает первостепенное значение и важность в условиях духовно-культурного кризиса, глубокой социальной дифференциации и поляризации, в корне изменяющих формат взаимоотношений традиционного и глобального. Возникает реальная опасность ослабления, а то и явной мутации социально-коммуникативных связей, разбалансирования механизмов, обеспечивающих устойчивость общественной системы, цивилизационных форм жизнедеятельности вообще. В условиях инфляции смыслов и явной деградации содержания духовного пространства особый интерес вызывает ситуация, связанная с необходимостью сохранения интеллектуальных и духовно-нравственных ценностей человека и общества в процессе исторических и современных социальных трансформаций. К сожалению, имеет место резкая девальвация выработанных в процессе культурогенеза устойчивых социальных ценностей и норм. Их вольное или невольное игнорирование, отказ от них непоправимо влияют на внутреннее психологическое состояние человека, который, лишенный надежной духовной опоры, постепенно мимикрирует, свыкается с отсутствием твердого жизненного стержня, незаметно для себя приспособливается к инертному образу жизни, воспринимая свое состояние как объективную данность, и в конце концов деградирует, утрачивая самоидентичность.

Вместе с тем, именно глобальные, не знающие государственных и этнокультурных границ угрозы, с которыми столкнулось человечество сегодня, обостряют ощущение исторической общности, стремление к самосохранению не только у биологических субъектов, но и у социальных групп, этнических, культурных общностей, которые видят в этом залог реализации своего права на историческую субъектность. В современном мире обнаруживается неподдельный интерес к корням, к традициям и обычаям предшествующих поколений. Причиной тому является нестабильность самого существования человека в ситуации перманентного развязывания международных конфликтов, войн, экологических угроз, самой опасности возникновения ядерной войны. Поэтому даже на уровне жизненной, обыденной практики возникает желание искать поддержку и защиту в стабильных ценностях предков, в исторической памяти, в неизменных, проверенных временем традициях, внушающих уверенность в завтрашнем дне, позволяющих чувствовать себя относительно защищенным, создавать и поддерживать комфортную психологическую и духовную среду обитания. Соотнесение же себя с определенной общностью людей происходит в первую очередь через усвоение тех представлений, норм, ценностей, образцов поведения, которые входят в сложившееся исторически ядро культуры. К компонентам коллективной идентичности традиционно относят общее историческое прошлое, историческую память, непреходящие временные концепты, гражданскую совесть, мифологические и религиозные

доктрины, ритуалы, модели поведения и т. д.

С учетом этого место и роль культурной традиции в жизни общества приобретает особый национальный статус. Традиция является не только первостепенным и чрезвычайно важным измерением культуры, но и выражает саму сущность человеческой культуры. Это как бы регенерирующий, восстановительный ген культуры, призванный предохранять организм от поражения или амнезии отдельных ее частей и достраивать, возобновлять недостающие или отсутствующие сегменты. «Миссия культурной традиции, – замечает В. В. Аверьянов, – неотделима от непрерывной качественной и осмысленной организации исторически динамичной системы возобновления и развития человека, системы, неизбежно включающей в себя множественные факторы дискретности, утраты прежних значений, сдвиги и мутации культурных порядков и, соответственно, стремящейся минимизировать и компенсировать действие этих факторов» [6, с. 18]. Только при условии полноценного задействования всех имеющихся механизмов этнокультурного контекста возможно достижение полноты жизни, сопряженной с гармонией обыденно-повседневного и возвышенно-сакрального, частного и общезначимого, национального и универсального. Сопричастность к общепринятым принципам и нормам, убеждениям и идеям, которые составляют основу, базис общественной структуры, позволяет сцементировать, соединить в единое целое различные части социального организма, консолидировать общество, активизировать процесс национальной самоидентификации, а тем самым и достичь духовного единства. Чрезвычайно важно осознать необходимость сохранения общегуманистических ценностей, которые сегодня так востребованы мировым сообществом. Общегуманистические ценности должны стать основным ориентиром жизнедеятельности людей, принадлежащих к разным культурным и цивилизационным формам. Признание и одобрение этого постулата естественным образом узаконит многообразие жизненных миров, утвердит их ценностную константность, откроет перспективу видения культурно-исторического процесса в ее целостности.

Список используемых источников

1. Баева, Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии / Л. В. Баева. – М.: Прометей, 2003.
2. Докучаев, И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И. И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009.
3. Губман, Б. Л. Современная философия культуры / Б. Л. Губман. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.
4. Иванов, С. П. Субъект художественного действие в построении и развитии культурных сфер / С. П. Иванов // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2002. – С. 331–341.
5. Шабатура, Л. Н. Традиция в социокультурном развитии личности. Специальность 09.00.11– социальная философия. Диссертация на соискание ученой степени доктора

философских наук / Л. Н. Шабатура. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/traditsiya-v-sotsiokulturnom-razviti-i-lichnosti> – Дата доступа: 22.11.2016.

6. Аверьянов, В. В. Традиция и динамический консерватизм (Издательская серия ИДК) / В. В. Аверьянов. – М.: Институт динамического консерватизма, ООО «Центральный издательский дом», 2012.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДИНАМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Т. Н. Миронова

Статья посвящена вопросу осознания обществом новой реальности, связанной с демографической проблемой старения населения, поиску методологических подходов к оценке ее социально-экономических последствий и выработке адекватных инструментов учета интересов пожилых граждан при формировании и проведения государственной политики во всех сферах жизнедеятельности общества.

Процессы старения населения характеризуют современную демографическую ситуацию во многих странах мира. По данным ООН к 2060 г. почти во всех странах мира будет жить от четверти до трети пожилых граждан. Согласно отчету ООН 2017 г. «Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2019 года», в 2018 году впервые в истории число людей в возрасте 65 лет и старше превысило число детей в возрасте до пяти лет во всем мире, ожидается, что к 2050 году доля населения Европы и Северной Америки в возрасте 65 лет и старше составит 25%, а число людей в возрасте 80 лет и старше во всем мире утроится [1; С. 18].

Эта тенденция характерна и для Республики Беларусь. Так, на начало 2019 г. доля пожилых граждан (60 лет и старше) в общей численности населения составляла 22 %, что по шкале Боже-Гарнье – Россета свидетельствует о высоком уровне старения населения.

Процессы старения населения в Беларуси обусловлены снижением уровня рождаемости и ростом ожидаемой продолжительности жизни. Суммарный коэффициент рождаемости в 2018 г. составил 1,45 ‰ (2010 г. – 1,50 ‰), это ниже уровня простого воспроизводства населения. Полное замещение поколений в стране не наблюдалось более 40 лет. В то же время, начиная с 2000-х гг., поступательно растет ожидаемая продолжительность жизни. В 2018 г. она достигла значения 74,5 года (в 2010 г. – 70,4). В связи с этим усиливается тенденция старения населения [2].

Согласно демографическому прогнозу к 2025 г. доля граждан пожилого возраста составит более 28 % населения страны. Уже сегодня в отдельных регионах ситуация является еще более выразительной. Так, в отдельных районах страны удельный вес населения старше трудоспособного возраста составляет более 30%. Это указывает на устойчивый и интенсивный характер процессов старения.

В перспективе возрастная структура населения будет изменяться, следуя современным демографическим тенденциям: увеличение доли пожилых людей в общей численности населения, уменьшение доли лиц в трудоспособных и младших возрастах.

Процесс старения населения несет ряд угроз и вызовов: требуется

существенное увеличение расходов государства на пенсионное обеспечение, здравоохранение и социальную защиту пожилых граждан, повышается финансовая нагрузка на работающих, снижается финансовая устойчивость пенсионной системы и др.

Вместе с тем признание масштаба и устойчивости как процесса старения, так и его социально-экономических и иных последствий привело к формированию нового понимания того, что есть пожилой возраст и что такое достойная жизнь в пожилом возрасте.

Демографическое старение населения стало рассматриваться не только и не столько как проблема или угроза, а в большей степени как вызов и новые возможности, связанные с продолжением занятости пожилых граждан, использованием их опыта и знаний, значительным вкладом в экономику в виде налогов, потребительских расходов и других действий. Ответ на эти вызовы должен выражаться в новой стратегии государственной политики, направленной не только на усиление мер социальной защиты пожилых и повышение их благосостояния в широком понимании, но и на эффективное использование их человеческого потенциала, как важного и постоянно возрастающего ресурса.

В международной практике новое понимание процессов старения и подходы к формированию политики государства в условиях старения населения отражены в ряде концепций – прежде всего, концепций активного долголетия и здорового старения. Каждая из этих концепций делает свои акценты, но общим остается это новое видение, отмечающее одновременно и уязвимость, потребность в социальной защите, и большой, часто недооцененный, потенциал пожилых граждан.

Согласно трактовке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), активное долголетие – это оптимизация возможностей в области здоровья, социального участия в жизни общества и безопасности для улучшения качества жизни людей в процессе старения. По сравнению с ВОЗ, Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН) в определении активного долголетия делает упор на участии пожилых в формальном рынке труда, а также в других видах неоплаченной производственной деятельности (например, уход за членами семьи и волонтерство), что с одной стороны само по себе выступает условием для экономической независимости в старости, а с другой – обеспечивается инвестициями в здоровье и безопасные условия жизни пожилых.

Подходы и принципы, на которых основываются названные концепции старения отражены во многих международных документах. Стратегические основы деятельности, направленной на повышение роли пожилых людей, продление их активного участия в жизни общества, сохранение здоровья, обеспечение достойного уровня доходов и безопасности, предложены в программных документах ООН, Всемирной организации здравоохранения, Международной организации труда и других.

Основополагающим для международного сообщества является Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002 г.) – глобальный нормативный механизм реагирования на возможности и вызовы, связанные со старением населения [3]. В развитие этого плана в 2012 г. государства-члены Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) приняли Региональную стратегию его осуществления, включающую в себя комплекс мер, сгруппированных в десять обязательств, которые являются основными направлениями совершенствования политики в области старения для всех стран. В 2017 г. была принята Лиссабонская декларация Министров «Устойчивое общество для всех возрастов: реализация потенциала более продолжительной жизни» (2017 г.)

В этих документах содержатся рекомендации по принятию мер в интересах пожилых граждан, которые распределены в соответствии со следующими основными целями: поощрение участия, недискриминации и социальной интеграции пожилых людей; поощрение и охрана достоинства, здоровья и независимости в пожилом возрасте; обеспечение и укрепление солидарности между поколениями.

В ряде зарубежных стран и странах СНГ уже разработаны комплексные документы (стратегии, концепции и т. п.) по вопросам старения населения (Россия, Украина, Польша, Словения, Нидерланды, Ирландия и др.).

С учетом интенсификации процессов старения населения в Беларуси существует необходимость выдвижения интересов стареющего общества в приоритеты государственной политики и разработке комплексного национального инструмента ее реализации. Таким инструментом может стать Национальная стратегия действий в условиях старения населения Республики Беларусь, отражающая приоритеты долгосрочной государственной политики по вопросам старения. Разработка Национальной стратегии согласуется с современным пониманием пожилых граждан как одного из субъектов политических, экономических и социальных отношений.

Решение о необходимости разработки и реализации Стратегии действий в отношении пожилых граждан является вполне закономерным не только в связи с активизацией процессов демографического старения в стране, но и благодаря наличию значительного опыта других стран и международного сообщества в выработке стратегических и масштабных документов в области вопросов старения населения. Такой опыт, как показывают исследования, может быть весьма полезным для Республики Беларусь.

Национальная стратегия должна быть увязана с достижением практически всех Целей устойчивого развития (ЦУР), поскольку предполагает следование принципам ООН – «Важен каждый» и «Никто не будет забыт», определенными в качестве главных предпосылок Повестки дня ЦУР-2030.

Целью Национальной стратегии должно стать развитие потенциала активной жизни пожилых граждан, что найдет выражение в устойчивом повышении продолжительности, уровня и качества их жизни, создании

благоприятных условий для самостоятельной, независимой и полноценной жизнедеятельности, укреплении межпоколенческих связей, активного и здорового долголетия пожилых граждан нашей страны.

Основной принцип действий – гармонизация усилий государства, общества, семьи для наиболее полного и эффективного включения пожилых граждан во все сферы жизнедеятельности общества.

В перечень задач Стратегии должно входить: соблюдение прав и законных интересов пожилых граждан во всех сферах жизнедеятельности, недопущение дискриминации по возрасту; развитие общества с учетом интересов, потребностей и возможностей граждан старшего поколения; рост уровня материального благосостояния пожилых людей на основе повышения уровня экономической активности; обучение в течение всей жизни, увеличение охватом образования граждан пожилого возраста; обеспечение достойного уровня социальной защиты, укрепление здоровья, снижение заболеваемости и инвалидности среди пожилых людей; создание адаптированной для пожилых инфраструктуры жизнедеятельности; формирование мотивации к здоровому и активному образу жизни.

Список использованных источников

1. Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2019 / WorldPopulationProspects 2019: Highlights / Отчет ООН, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf. – Дата доступа: 20.07.2019.
2. Демографический ежегодник Республики Беларусь: Стат. сборник, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_14356/ – Дата доступа: 30.08.2019.
3. Мадридский международный план действий по проблемам старения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/esa/socdev/documents/ageing/guiding-toolkit-rus-2008.pdf> – Дата доступа: 20.07.2019.
4. Стратегия и план действий в поддержку здорового старения в Европе, 2012–2020 г. / Европейский региональный комитет, 62 сессия, Мальта, 10–13.09.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0010/175546/RC62wd10Rev1-Rus.pdf – Дата доступа: 16.08.2019.

В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В. Морару

Фундаментальные изменения, происходящие в общественной жизни, начиная с 80-х-90-х годов прошлого века, генерировали осознание и новое осмысление феномена социальных трансформаций, как комплексного, многогранного процесса. Развитие социальной системы в условиях транзycji определяет не только изменение ее сущности, но и модификацию внутреннего мира людей, поведенческих стереотипов, социальных норм, аксиологических ориентиров общества. Как следствие, становление новых структурных форм социальной организации происходит под сильнейшим влиянием конкретного исторического контекста, в рамках которого взаимодействуют социальные субъекты, основываясь на ресурсах аккумулированного опыта в сферах политической, экономической и духовной жизни. В этих обстоятельствах, моделирование социальных процессов и стремление обеспечить их управляемость становится насущной задачей всех акторов, вовлеченных в деятельность по трансформации общества, определяя повышенную ответственность структур принимающих решения, направленные на преодоление неизбежных трудностей на пути социального развития, на разрешение неоднозначных противоречий, сопровождающих трансформационные процессы.

Исходя из того, что властное действие предполагает «управление правилами игры во имя усиления легитимации публичной сферы» [1, р. 15], источником данной легитимации является, как инстаурация и утверждение демократических правил, так и эффективность их применения. Существенное условие успешности этих действий заключается в поддержке тенденций и соблюдении основных принципов трансформационного процесса. Естественно, в данном случае, это – демократизация социально-политической и экономической жизни, утверждение плюрализма и демонополизация / децентрализация публичной сферы. Соответственно, обладание компетенциями в восприятии, ориентации и воздействия на социальную действительность составляет важную предпосылку для адекватного развертывания трансформационного процесса, способствуя формированию общественного сознания, изменениям, в намеченном и желаемом направлении, менталитета общества.

Очевидно, что осуществление власти становится неразрывно связанным с эксплуатацией так называемой символической политики, применением ее ресурсов в интересах усиления солидарности населения, возрастания легитимизации политической элиты и, как следствие, детерминирует эффективность действий по модернизации общества. По мнению экспертов, достижение высокого уровня консолидации сообществ составляет значительную, если не решающую, компоненту политической деятельности, в

тех случаях, когда происходит обновление политической системы: У. Росту, известный представитель теории модернизации, утверждал, например, что подобная консолидация общества является весьма важной предпосылкой для запуска модернизации [2].

Осознание безусловности того, что социальный мир функционирует, как указывают исследователи, «одновременно, как система властных отношений и как символическая система» [3, р. 88] способствовало усилению внимания к символической составляющей властного действия. Авторы многих работ по данной проблеме сходятся в признании очевидности фактов, что «в любом обществе властные отношения опираются на определенный символический порядок» [4, р. 104], что «объективные властные отношения стремятся воспроизвестись в отношениях символической власти» [5, р. 80].

В целом, концепт символической власти относится к совокупности представлений и выражений этой власти [6, р. 77]. Оперируя символами, политические акторы задают им особые смыслы и значения, которые проявляются в вербальной или иной форме и осуществляют когнитивные, экспрессивные, операционные функции («идентифицируемые в поддержке определенных институтов, в решении политических проблем и в агрегации общественной жизни» [7, pp. 13–14]). Символизация политической арены заключается в трансфере в публичную сферу различных аксиологических иерархий. Таким образом, политический дискурс конструирует публичное пространство, обеспечивая циркуляцию сообщений, восприятие и интерпретацию ценностей в соответствии с существующей аксиологической структурой. Политический процесс, в этом случае, может рассматриваться исходя из перспективы символических конструкций, ценностный потенциал которых находится в прямой зависимости от существующей на данный момент социально-политической конъюнктуры. Соответственно, содержание символической политики, как «формы политической коммуникации» [8, с. 13–14), обусловлено не только уровнем восприятия значений, но и, в первую очередь, успехом убеждающего действия. Формирование повестки дня публичных дискуссий, таким образом, становится тесно связанным с «идеями, задачами и ценностями, которые власть закладывает в основу своей текущей политики» [9, р. 8], выполняя роль своеобразного "информационно-тематического фильтра" [10, р. 101], определяющего параметры дискурсивного пространства политики и формирующего виртуальную политическую реальность.

Символическая власть конфигурируется и проявляется в способности власти конструировать реальность посредством установления гносеологического порядка, "влиять на восприятие действительности (и в особенности, чувство социального мира) в рамках гомогенизированного представления о времени, пространстве, причинно-следственных связях, что делает возможным согласие между умами" [11, с. 89]. Согласно концепции символической борьбы П. Бурдьё, "работа по производству и внушению

смыслов" и "борьба за навязывание легитимного видения социального мира" [12, с. 66–67, 71] являются неотъемлемыми составляющими политического субполя. П. Бурдьё характеризовал символическую власть, как "власть квазимагическую" [13, с. 96], способную учреждать данность через высказывание, заставляя видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, оказывать воздействие на мир.

Эти обстоятельства определяют возможность рассмотрения символической политики как деятельность акторов, направленную на "производство, конкуренцию, продвижение разных способов понимания социальной реальности" [14, с. 92].

Безусловно, успешные действия, осуществляемые в рамках символической политики, возможны лишь при наличии повышенного уровня компетентности в проведении политических, политико-медийных акций, особенно в условиях радикальных изменений политических режимов. Грэм Гилл, автор резонансного исследования о символизме, как о первостепенной составляющей политического действия [15], сосредоточился на аргументировании идеи о том, что изменение политического режима ведет не только к смене политических институтов, но и к реконструкции всей системы представлений, на которых зиждется взаимодействие людей в рамках этих институтов. Другими словами, "смена режима предполагает перенастройку всей системы политических символов, определяющих функционирование институтов" [16]. Когерентный дискурс власти обуславливает роли, которые отводятся акторам политической игры, характер взаимодействия институтов на политической арене. Чем радикальнее трансформация режима, тем больше времени требуется для реконфигурации символической системы [17, с. 79]. Исходя из вышеизложенного, представляется уместным оценивать усилия любой власти по применению принципов символической политики в строго определенных, конкретных контекстах.

Поиски взвешенной исследовательской оптики, адекватных подходов к объяснению современных тенденций в сфере духовных проявлений политики продолжаются. Понятие символической политики (занимающее особое место в арсенале терминов, которые применяются для описания и анализа "диалектического процесса формирования, распространения и конкуренции представлений, определяющих смысловые рамки восприятия социальной реальности" [18, с. 5]) действительно является "удобной зонтичной категорией, позволяющей исследовать под разными углами широкий спектр явлений, связанных с производством и обращением смыслов" [19, с. 10]. На рубеже XXI веков произошли важные изменения в способах "функционирования символического пространства политики" [20, с. 38], и для того, чтобы их адекватно оценить, теоретический инструментарий, бесспорно, должен быть подвергнут инвентаризации.

Список использованных источников

1. Kjør, A. M. *Guvernansa*. Cluj Napoca: CA Publishing, 2010.
2. Rostow, W. W. *Politics and the Stages of Growth*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
3. Stănciugelu, Ș. *Violență, mit și revoluție*. București: Editura All, 1998.
4. Șandru, D. *Ideologia și construcția simbolică a violenței politice*. – *Sfera Politicii*, 2013. – № 2 (174). – P. 95–104.
5. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть. – П. Бурдые. *Социология социального пространства / Москва, Институт экспериментальной социологии. Санкт Петербург: Алетейя, 2007. – С. 64–86.*
6. Lamizet, B. *L'imaginaire politique*. Collection "Forme et sens". – Paris: Hermes-Science Lavoisier, 2012.
7. Cojaru, D. *Ipostaze ale simbolului în lumea tradițională*. – Iași: Editura Lumen, 2009.
8. Поцелуев, С. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // *Полис. Политические исследования*. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
9. Шестопал, Е. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // *Полис. Политические исследования*. – 2011. – № 2. – С. 8–24.
10. Сkochилова, В. Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // *Вестник Томского Государственного Университета. Серия Философия. Социология. Политология*. – 2012. – № 3 (19). – С. 93–102.
11. Бурдые, П. О символической власти. *În: Социология социального пространства / Москва, Институт экспериментальной социологии. Санкт Петербург: Алетейя, 2007. – С. 87–96.*
12. Бурдые, П. *Социология политики*. – М.: Socio-Logos, 1993.
13. Бурдые, П. О символической власти. *În: Социология социального пространства / Москва, Институт экспериментальной социологии. Санкт Петербург: Алетейя, 2007. – С. 87–96.*
14. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
15. Gill, G. J. *Symbolism and Regime Change in Russia*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
16. Малинова, О. Ю. Концепция символической политики. – Режим доступа: <https://dev-new.postnauka.ru/video/29961>.
17. Gill, G. J. Цит. произв.
18. Малинова, О. Ю. *Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России*. – Москва: ИНИОН РАН, 2013.
19. Малинова, О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // *Символическая политика*. – 2012. – Вып. 1. – С. 5–16.
20. Соловьев, А. И. *Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии (Материалы дискуссии) / А. И. Соловьев, О. Ю. Малинова, О. В. Гаман-Голутвина, М. В. Ильин, С. Н. Пшизова // Полис. Политические исследования*. – 2004. – № 4. – С. 28–51.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ БЫТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕГО СВОЙСТВА – «БИФУРКАЦИОННОСТИ»

А. А. Нерубаская

Показаны возможности системно-параметрического метода, разработанного А. И. Уемовым, в исследовании проблемы сущности бытия современной личности. В данной работе акцентируем внимание на таком свойстве современного человека, как бифуркационность, включая его в системную модель.

В данном исследовании бифуркационной модели человека проблема будет затрагивать междисциплинарные знания психологии и философии, и, на мой взгляд, только в синергии развития современных наук можно найти решения многих философских проблем, на которые претендует автор. Так, например, психологи часто говорят о том, что люди воспринимают воздействие на них окружающей действительности сугубо индивидуально. Чаще люди справляются со стрессорогенными факторами, восстанавливая трудоспособность и функциональную надежность, и, внешне, могут быть незаметны процессы преодоления негативных ситуаций. «Хотя каждый человек в той или иной мере чувствует в этих условиях негативные переживания, эмоциональные нарушения и психическое напряжение. Существование индивидуальных различий в реагировании на стресс и формирование стрессостойкости определяет возрастающий интерес к изучению механизмов регуляции этого состояния, обоснование путей и способов его преодоления» [4, с. 14]. В философии, аналогично психологии, прозвучали понятия «бифуркационный человек», «бифуркационное сознание».

Синергетический подход к проблеме бытия человека, рассматриваемого как система, и система бытия общества, частью которой является человек, «способствует разворачиванию междисциплинарного диалога, сохраняя концептуальное единство постнеклассических исследований» [1, с. 58–59]. Данное исследование претендует на создание оригинальной системно-синергетической модели бытия личности, которую в системном плане я вижу как открытую систему и рассматриваю ее в синергии с развитием общества. Еще одна система, исследуемая мною – это бифуркационная система личности. Таким образом, будет проделан анализ нескольких систем: человека и его бифуркационного состояния.

Приведу несколько определений и объясню основные синергетические понятия данного исследования. Начну с понятий «точка бифуркации» и «бифуркация».

Цель: показать возможности системно-параметрического метода, разработанного профессором, доктором философских наук А. И. Уемовым, в исследовании проблемы сущности бытия современной личности. Предлагается рассмотреть человека как систему с тремя дескрипторами: концептом,

структурой и субстратом (параметрами первого рода). В данной работе акцентируем внимание на таком свойстве современного человека, как его бифуркационность, тогда и атрибутивная структура системы «современная личность» обязательно будет предполагать ряд свойств, соответствующих ему: эгоцентризм, приспособленчество, конфликтность с окружающей средой и с самим собой и т. п.

Из истории появления термина «бифуркация» (от лат. – раздвоенный) известно, что «первоначально термин использовался в медицине для характеристики разделения трубчатого органа (сосуда или бронха) на две ветви, отходящие в стороны под одинаковыми углами. В синергетике бифуркация характеризует состояние системы, находящейся в неустойчивости, ситуации "перепутья", "выбора" вектора дальнейших изменений. Бифуркация – узловая точка развития, в которой пересекаются все потенциальные возможности, а также прошлое, настоящее и будущее системы. Способ прохождения точек бифуркаций носит характер эмерджентной эволюции (англ. emergent – внезапно возникающий, от лат. emergo – появляюсь, возникаю), скачкообразного процесса возникновения новых качеств, рождения и гибели прежних иерархических уровней системы. При этом возможны поливариантные сценарии изменений: прогресс, регресс, тупиковые состояния, распад, хаос, упорядочивание системы [14].

Воспользуюсь системно-параметрическим методом и выделю в системе "точка бифуркации" концепт, структуру и субстрат. В век торжества математических методов и технических подходов, системный подход является достойным способом уточнения и представления таких проблем, где математические методы не могут быть использованы. Выбор системной методологии связан с потребностью уточнить ряд философских вопросов о человеке. "Теоретико-системный подход может быть рабочим инструментом не только в метафилософии, но и при решении тех проблем, которые считаются собственно философскими, и составляют основное содержание философских учений" [6, с. 22]. Разработкой этих методов занимались А. Уемов, Л. Терентьева, А. Чайковский, Ф. Тихомирова, Н. Бородина, К. Райхет, Д. Ляшенко и др.

Как вариант записи определений системы, А. Уемов [7, с. 62] предлагает использовать греческие символы: R – (от relatio – отношение), для свойств – P (от proprietas – свойство, черта), вещь обозначена символом m – от materia. А. Уемов говорит, что любой объект можно представить в виде системы [7]. Причем двумя способами. В первом – это система с атрибутивным концептом и реляционной структурой, а во втором – наоборот.

$$1) (m) \text{Sist} = df ([R (*m)] P) \quad (1)$$

Двойственное ему определение будет выглядеть так:

2) (m) Sist = df R([(m*) P]) (2)

"Концепт в параметрической общей теории систем – это всегда фиксированное, заранее заданное, заранее определенное, предвиденное во время строения любой системы, причем это "определенное" зависит, с одной стороны, от субъекта исследования, с другой – от объекта" [5]. ""Субстрат» мыслится как «материя» системы, т. е. как то, с чего складывается система. Такой «материей» для системы есть вещь, на которой реализуется структура. Выбор самой вещи есть произвольный, вещь может быть какой угодно по своей природе: органической или неорганической, материальной или нематериальной и тому подобное» [5, с. 78], в наших системах бытия личности – это, как правило, сам человек.

Концептом я вижу кризис системы (любой), который приводит систему в неравновесное состояние, система в состоянии выбора. Такой концепт можно назвать реляционным. Тогда структура системы должна быть атрибутивной. Все свойства системы: неустойчивость, неопределенность и т. д., могут ее составлять. Субстратом выступает объект, который и попал в точку бифуркации.

Современный человек определил для себя цели своего существования, он стал прагматиком, эгоистом, приспособленцем. Это совсем не совместимо с представлениями М. Шеллера, где человек «есть существо любящее». А в единстве с любовью воление и мышление характеризуют уникальность и самосознание личности. На современном этапе развития науки человеку приписали синергетические характеристики. Человек получает в определенных условиях название «предкризисный». Предкризисный человек «*Nomo praecrisisimos* – это прогрессирующий социально-психологический синдром, вызванный нарушением баланса между технологическим потенциалом общества и качеством регуляторных механизмов духовной культуры. Первыми признаками дисбаланса становятся эйфория, ощущение всемогущества, вседозволенности и безнаказанности, представление о мире как неисчерпаемом источнике ресурсов...» [7, с. 342]. Вторая синергетическая характеристика – это человек бифуркационного типа (универсальный тип личности, порождаемый в переходные периоды развития цивилизаций и культур различных народов и мира в целом...это человек, чье сознание и поведение можно было бы назвать в высшей степени нестабильными, неопределенными... находящегося в состоянии ментального кризиса..." [7, с. 322]).

Стоит, однако, отметить, что проблемы адаптации личности в периоды активных перемен затрагивались задолго до выделения синергетики как междисциплинарной сферы знания. Особенно ярко, к примеру, обращает на это внимание представитель экзистенциализма Ж.-П. Сартр, весомые замечания также присутствуют в трудах Х. Ортеги-и-Гассета и многих других философов, социологов и психологов.

И, все же, является ли готовность к разного рода переменам позитивным явлением? Ответ неоднозначен. В своей статье "Бифуркационный человек в глобализирующемся мире" В. П. Шалаев наделяет новый тип личности такими характеристиками, как "одномерность, маргинальность, и ответственность", отмечая, при этом, что бифуркационный человек играет роль своеобразного трамплина для развития более высоких форм ментальности [7, с. 121; 8]. Проведем системный анализ личности с бифуркационным сознанием.

Выделим дескрипторы системы "человек". Для этого, найдем концепт. Определенными, фиксированными свойствами человека являются обладание им сознанием и бессознательным (атрибутивный концепт). Это те свойства, которое выделяют человека из животного мира. До сих пор наука не признает наличия сознания у животных. Значимость этих свойств подчеркивали и исследовали знаменитые представители психоанализа. Проблема сознания и бессознательного очень глубоко представлена и философией, и психологией, и медициной, однако эта область человеческого оставляет за собой метафизическую сторону, ту часть, которая еще не под силу пытливому уму человека. Системная модель позволяет элементы концепта оставить в таком виде, как они известны современной науке. Значение бессознательного нельзя недооценивать наряду с понятием сознание. З. Фрейд, как известно, бессознательное вывел на первое место по сравнению с сознанием [8, с. 11]. В бифуркационной модели важным станет факт появления флуктуаций, которые могут привести человека к точке бифуркации, которая, в свою очередь, может стать причиной психоэмоционального нарушения.

К. Юнг – последователь З. Фрейда – несколько иначе увидел сознание и бессознательное в человеке. По К. Юнгу, гармония – это некое сотрудничество двух областей: сознательного и бессознательного [11]. Он придал колоссальное значение бессознательному, говоря, что мы не знаем, как далеко оно простирается [12]. К. Юнг особенно подчеркивал не индивидуальное бессознательное, а коллективное бессознательное. В отличие от З. Фрейда и К. Юнга, Э. Фромм ввел еще одно понимание бессознательного, а именно "социальное бессознательное". "Социальное бессознательное", по Э. Фромму, – это "те идеи, настроения, переживания человека, нормы и правила его поведения, которые сформированы под влиянием общества" [13].

Итак, подводя некий итог в элементах концепта системы "человек", можем учесть и представления Декарта, который содержание сознания (у него психика) рассмотрел как представление: "виды мышления, называемые мною чувствами и представлением" [3, с. 352], а также как постижение вещи, овладение ею. Бессознательное становится чем-то, что лишено этой активности. Декарта упоминаю потому, что считается, что именно им впервые в явной форме была сформулирована эта проблема, свое дальнейшее развитие она уже получает в новoeвропейской философии, в феноменологии, в аналитической философии. Современные источники приводят такое определение: "сознание – состояние психической жизни организма,

выражающееся в субъективном переживании событий внешнего мира и тела организма, а также в отчете об этих событиях" [2]. Бессознательное же, как элемент концепта, можно представить в виде его разновидностей: по З. Фрейду, К. Юнгу и Э. Фромму.

Структурой человека могут выступить его био-социальные отношения, которые развиваются в процессе жизнедеятельности в социуме и прогнозируются им в силу индивидуального развития, что и определяет его бытие (реляционная структура).

Носителем такой структуры или субстратом исследуемой системы является человеческий организм. Каким же образом в этой системной модели можно отразить бифуркационность человека? Разберемся, что приводит к точке бифуркации личности и что в данной точке происходит. Практические действия социального субъекта (человека) приводят его к собственным флуктуациям, бифуркациям и т. п., кроме этого и социальные кризисы могут влиять на состояние человека, лишая его гармоничного развития. Выразим бифуркацию в системе "человек". Как уже было предложено, можно бифуркацию рассмотреть, как концептуальное свойство в системе "человек", тогда и человека можно назвать "личностью с бифуркационным сознанием". Чтобы найти реляционную структуру такой системы, как второй дескриптор, выявим причину, которая привела человека к формированию бифуркационного сознания. Учтем еще один момент, который может помешать формированию бифуркационного сознания. Это, например, вера в Бога. Структурой могут выступать виды кризисов (точки бифуркации), вызванные формирующимися отношениями человека и окружающей среды (природной и социальной). Такие кризисы можно назвать социальными и индивидуальными. Индивидуальные кризисы могут и не привести к формированию у человека бифуркационного сознания, в отличие от социальных, приводящих человека в точку бифуркации обстоятельствами, не зависящими от человека и требующими от него новых решений, часто нестандартных, реформирования жизненных принципов, поиска новых ресурсов и т. п. Как правило, такие кризисы всегда приводят к формированию бифуркационного сознания или частичному его появлению.

Список использованных источников

1. Донникова, И. А. Культура как феномен антропологической сложности / И. А. Донникова // Материалы 13 международных пригоженских чтений (14 сентября – 26 января – 2 июня 2017). – Одесса: Печатный дом, 2017. – С. 58–59.
2. Лекторский, В. А. Сознание // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. Совета В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010.
3. Олешкевич, В. И. Рождение новой психической культуры. – М: Мысль, 1997.
4. Родина, Н. В. Психология копинг-поведения: системное моделирование: монография / Н. В. Родина. – Одесса: Издатель Букаев В. В., 2011.

5. Райхет, К. В. Філософсько-методологічні засади двоїстого системно-параметричного моделювання: монографія / Райхет К. В. // Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філософських наук. – Одеса, 2013. – С. 73–74
6. Уемов, А. И. Системные аспекты философского знания / А. И. Уемов. – Одеса: Астропринт, 2000.
7. Уемов, А. И. Общая теория систем для гуманитариев / А. И. Уемов, А. Ю. Цофнас, И. Н. Сараева. – W. : Wydawnictwo «Uniwersitas Rediviva», 2001. – 276 с.
8. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции. – М.: Наука, 1991.
9. Шалаев, В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола: ПГТУ, 2009.
10. Шалаев, В. П. Бифуркационный человек в глобализирующемся мире / Шалаев В. П. – М., 2002.
11. Юнг, К. Г. Структура психики и процесс индивидуации. – М., 1966.
12. Юнг, К. Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика / пер. с англ. В. И. Менжулина. – М: АСТ, 2009.
13. Концепция человека и проблема бессознательного в учении Эриха Фромма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.solecity.ru/philosophy/erich-fromm.
14. История и философия науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terme.ru/slovari/istorija-i-filosofija-nauki.html>.

О БАЗИСНОЙ СХЕМЕ МЕТАФИЛОСОФИИ, ОБОБЩАЮЩЕЙ ТРАКТОВКИ КАТЕГОРИЙ

Ю. В. Нестерович

В рамках метафилософии при решении проблемы категориальных структур обобщаются знания гносеологии, эпистемологии, логики, методологии науки. При формировании базисной схемы мы развиваем идеи диалектической онтологии Д. И. Широканова.

В диалектическом материализме имел место не преодоленный реализм при трактовке категорий: «формы отражения в мысли объективных законов объективного мира» (А. Г. Спиркин). Он сопровождался контаминацией (интерференцией, смешением) понятий: они «суть универсальные характеристики сущего и одновременно основные формы освоения ... мира человеком, ... будучи формами и организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме» (А. Г. Спиркин, М. Г. Ярошевский). Хотя бытие – объект философской рефлексии, описываемый на языке онтологии. А структуры мышления – объект генетической психологии и иных дисциплин, результаты исследований в которых служат материалом для формирования моделей познания истины в гносеологии. Интенсивное развитие диалектической онтологии и логико-гносеологии в последний период существования советской науки создавало предпосылки для построения системы теоретических знаний с устранением данной и иных контаминаций понятий и экспликации понятия ФК (философской категории). Одним из авторов, внесших вклад в такое развитие, был Д. И. Широканов. Обоснование им положения о различении «категорий диалектики» и «логических категорий» – форм абстрактного теоретического освоения познающим субъектом объективного мира (исходя из обзора понятийного аппарата эпистемологии и смежных дисциплин, к таким единицам приемлемо относить понятия, концепты, конструкторы, универсалии) – меререологически точнее и углубляет иное различение – ФК и языковых, понятийных и образных категорий (например, у Ю. М. Шилкова). Последнее различение допускает для иных, нежели *категории диалектики*, единиц разделов философии, *статус идентичный с ними*, а не только универсалий. Например, форма познания выступает ФК гносеологии, характеризуя атрибут познания, интегрирующий понятия структуры, схемы, формы мышления и др. А действительность – ФК антропологии, характеризуя атрибут человека, интегрирующий понятия дела, поведения, мероприятия и пр.

С начала 2000-х гг. мы, стремясь следовать нацеленности на решение глубинных проблем философского знания (она метко выделена учеными Института философии НАН Б *характерной чертой творчества* Д. И. Широканова), разрабатываем методологию и осуществляем практику

непротиворечивой корреляции базисных понятий теорий, а также ФК и ЭЭП (элементарных единиц познания) в рамках метафилософии [1] и др. Для непротиворечивой корреляции единиц познания, терминируемых «категория, универсалия, концепт, предикабия, предикамент» и иных единиц, концептуальное раскрытие которых связано с ФК, следует учитывать и положение Д. И. Широканова. Метафилософия – междисциплинарное новое направление, изучающее соотношение и связи результатов предметного философского, метатеоретического и предметного научного исследования, обобщающее знания гносеологии, эпистемологии, логики и методологии науки. Она призвана не просто вырабатывать методологические стратегии взаимодействия философских и научных знаний. В условиях формирования *в науке общих интертеорий* и тенденции трансдисциплинарности возникает новый идеал соотношения философии и науки, который проявляется и в приращении задач первой. Задачей ее выступает междисциплинарный синтез и координация общих интертеорий, а также общих внутродисциплинарных объектных теорий. *Интенсивная* разработка метафилософии отечественными учеными позволит: 1. сохранять преемственность в традиции развития фундаментальных знаний онтологии, гносеологии и эпистемологии (науки); 2. сформировать стратегический приоритет развития философского знания для интеграции отечественной философии в мировую науку. Понятие интенсивного развития теоретического знания раскрывается в трудах А. А. Лазаревича. В методологическом плане ключом к интенсивному развитию их служит сочетание применения аппарата логико-эпистемологии с методами и аппаратом семасиологического терминоведения, семантики, концептологии.

Одна из задач метафилософии – типология ЭЭП, построение непротиворечивых терминосистем гносеологии и эпистемологии в междисциплинарной проекции. При формировании терминосистемы научной дисциплины допускается полисемия в качестве значений (семем) термина из разных теорий, если метатеоретически не выявлена противоречивость использования их. При этом: 1. в случае выявления неполнозначности и иных негативных терминов в терминосистеме дисциплины либо надстраиваемой над ней терминосистеме общей интертеории рекомендована искореняющее полисемию дробление и образование терминов (например, разгружение полисемии термина «государство» рядом новых терминов), приращение значения (употребление термина «социум» во множественном числе), модернизация термина через добавление уточняющего элемента («информация» → «атрибутивная информация», «наука» → «нормальная наука»), замена сильномотивированным термином (метафоризирующий терминологический элемент «тонкоматериальный» → «метаматериальный», и т. д.; 2. обосновывается *оптимум* значения термина в качестве логического вывода из корреляции базисных понятий. Семантическая полиморфность возникает в концептуализации при взятии для понятия (подведении под него) (обычно – ряда равнообъемных / пересекающихся понятий, имеющих вид $K = (P_1, P_2, \dots,$

P_n), где K – концепт, P – понятие) разных логических родов. Например, взятие для понятий, терминируемых "данные" логическими родами понятий, терминируемых "информация" и "сигналы". В работе [2] предпринята первая попытка синтеза и координации знаний информологии с теорией доэкспериментально-информационных и смежных с ними дисциплин с аппроксимацией построения и терминосистемы, устраняющей противоречия использования их понятий и терминов в трансдисциплинарном поле.

При анализе знаний о единицах познания, терминируемых "категория", необходимо различать продуцируемые в сфере науки философские знания в результате рефлексии над знаниями, касающихся объектов разделов философии, от междисциплинарных общетеоретических знаний в результате интеграции и обобщения частных и общих внутродисциплинарных знаний. Продуцирование знаний гносеологии, моделей познания с охватом инвариантных форм, схем, структур мышления и сознания – результат рефлексии над теоретическими знаниями психологии, когнитологии, биологии и др. В эволюционной эпистемологии, общей психологии, приращая знания, стремятся обобщать ряды научных теорий. Координация всех этих знаний с вектором *элиминации противоречий* представляется задачей метафилософии.

Контаминация ФК и категорий познания (форм мышления и сознания и иных инвариантов психической деятельности.) либо ее последствия присутствуют в научном, распространена в учебном и справочном постсоветском философском дискурсе. Выделяются "объективные универсальные формы мышления и бытия" (А. Н. Книгин). Иной раз она имеет место явно: например, "категории – формы осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающие наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления" (Ф. Т. Михайлов). Иной раз остаточно: "категории диалектики – наиболее общие познавательные структуры, с помощью которых человек улавливает противоречивость, изменчивость, всеобщую связь всего существующего" (Г. Г. Кириллов), "формы мышления, которые отражают наиболее общие и существенные связи и отношения действительности и познания" (В. П. Кохановский). В пояснении: "категории – суть формы философского сознания, способ его существования, логическая структура человеческого мышления" (Ю. А. Харин, В. Ф. Берков и др.) "категории" предстают гиперонимом к гипонимам "ФК" и "категории мышления". Очевидно, что *формы философского сознания* не могут выступать одновременно и структурами мышления человека вообще. В пояснении категорий А. П. Огурцовым отсутствует контаминация понятий: фундаментальные понятия, формы мышления, типы связи субъекта и объекта в суждении, устойчивые способы предсказания, существующие в языке, составляющие условия возможности опытного знания и имеющие априорное значение в качестве универсалий и предельных понятий. В нем приемлемо усматривать номинальный концепт – ряд понятий, взаимосвязанных соответствием

полисемичному термину.

Типологию категорий осуществлял М. А. Булатов, выделяя типы их по свойствам вещей, предметной области, формам осознания действительности, форме, структуре акта категоризации. Он различал категории философии, специальных наук, практической деятельности, массового сознания, он исходил из синтетического концепта категорий, объединяя в единую предметную целостность формы операций с предметностью, эмпирического освоения ее и формы упорядочения знаний, обобщения понятий. С акцентом на выделение категориальных форм – определенностей познавательной и предметной практической деятельности, фиксируемых в языке – формулировал специфику категорий: они "своеобразные формы освоения мира". Приводя формулу Дж. Брунера, каждое слово языка – категория. Иной синтетический концепт – "категории культуры" – формировал Е. И. Андрос, интегрируя формы понятийного мышления, труда, языка, сенсомоторных актов и пр. в единой категориальной структуре [3; 4; 5]. Поздней В. С. Степин, уточняя, редуцировал такой концепт к понятию универсалий культуры. Попытку обоснования единства категориальных форм знаково выражаемого мышления предпринял и С. А. Васильев, трактуя категории "принципами содержательного мышления о мире". Различая категориальные понятия (наиболее общие понятия) и категориальные формы (формы мышления), охватывающие "не только некоторые из категорий логических языков (высказывание, термин, субъект, предикат), но и все грамматические (семантические, синтаксические) категории того языка, на котором человек мыслит", он обосновывал классы единиц (предикатов, понятий, слов, морфем), формы мышления, общие понятия – "лишь особые частные случаи функционирования категорий мысли, когда она реализована в текстах" [4; 6]. Попытку экспликации связей категориальных форм – сетки понятий, терминируемых "категория" и смежных с ними, предпринял С. Б. Крымский, отличая категории от философских универсалий и понятий, универсалий от категорий конкретных наук, *специальные ФК от универсальных или общих ФК* – "всеобщих форм рефлексии" над предметностью. Для логического анализа ЭЭП он применял методы математической лингвистики. В аспекте "словаря понятий" категориальные формы реализуются в "предметных понятиях". Например, для категории пространства такими понятиями выступает словарь евклидовой геометрии: "точка, линия, плоскость, объем, фигура" и др. *Воплощенная* категория ассимилирует определенный диагностический класс – "типовое, стандартное представление, через которое конкретизируется универсальное представление категорий". "Собственно ФК будет метаязыковая рефлексия над категориальной парадигмой". Корректируя изложение в аспекте соразмерения процесса и результата, она – результат "рефлексии над универсальной парадигмальной формой конкретно представленной категории" [6].

Логическую структуру определения ФК на примере категорий диалектической онтологии экспликовали В. П. Бранский и В. В. Ильин. Она

имеет вид (кардинально отличающий ее от определения через ближайший род и видовое отличие): $A = (B_1, B_2, \dots, B_i)$, где A – определяемая категория, отражающая некоторый атрибут, B_i – *другие категории*, "являющиеся признаками содержания категории A , они отражают объективно существующие универсальные моменты, характеризующие специфическое содержание атрибута, отражаемого определяемой категорией A ". Произведенная ими экспликация контрастирует по характеру научности с обоснованием ими сущности ФК: атрибуты объектов ("универсальное, наиболее общее в материальных объектах") и их взаимосвязи отражаются в ФК и их взаимосвязях. Они полагали (не преодолев полностью схоластическую традицию реализма, признававшую реальное существование общего), что "общее в материальных объектах имеет различные формы существования", общее существует в отдельном, универсальное и в бытии, и в познании, "универсальное в бытии – атрибуты". В системе ФК диалектической онтологии, наряду с неопределяемой ФК материи, выделяются две определяемые, но ключевые ФК – категории явления и сущности [7]. ФК диалектической онтологии – категории бытия предстают фундируемыми другими – соответствующими *атрибутам объекта* (бытия). ФК – понятиями о предельных характеристиках объектов (выступая универсальными при рефлексии над любым объектом). Композиция их содержания формирует данную ФК. ФК иных разделов философии охватывают предельные характеристики их объекта – познания, ценности пр., но они в отличие от ФК онтологии не имеют характер универсальности. Разный характер единиц познания, содержание которых обобщается в ФК онтологии и иных разделах философии, позволяет различать универсальные и специальные ФК.

При формировании базисной схемы метафилософии, связывающей метатеоретическое обобщение трактовок категорий, кардинальным является отграничение ФК от ЭЭП, выделение для ФК ракурсов языка и мышления, аспектный анализ, выделение категоризации – группировки в единый разряд понятий, описывающих атрибут объекта, признаки предметов. ФК – результат группировки, описывающий атрибут бытия (познания и др.), в эпистемологическом плане представляется специфической единицей между ЭЭП и моделями, схемами и пр, охватываемым таксономическим понятием теоретических структур (В. С. Швырев). В мерелогическом аспекте каждая ФК – *специфическое* целое, формируемое содержанием общих абстрактных понятий / концептов, не предикатами – знаками свойств, а смысловыми значением и содержанием терминов. Применяя аппарат теории множеств, относимые к общему разряду понятия – подмножества, элементы которых отображаются на множестве (ФК, собирающие в качестве этих элементов признаки содержания описываемого атрибута), такое множество приобретает новое функциональное свойства в сравнении со свойствами подмножеств. В методологическом аспекте выделяем ФК – результаты рефлексии над объектами философии. И вид "категорий науки", охватывающий результаты

обобщения научных теорий, их схем, моделей. Их востребовано отличать от выступающих предпосылками осуществления исследования структур теоретического мышления – изучаемых общей психологией и концептологией когнитивных единиц, возникающих в результате оперирования над логически связанными понятиями. Эти структуры обусловлены знанием содержания ФК и "категорий науки". Логико-эпистемологически ФК – это система предельно общих абстрактных, имеющих определенную логическую связь понятий / концептов (ФК онтологии – сугубо *несравнимых*), их совокупность, взаимосвязанная отношением к общему разряду на основе критерия предметной характеристики объекта. В значении первого элемента термина "*категории науки*" доминируют смы фундаментальности и предельного обобщения. К обозначаемым им ЭЕП приемлемо относить наряду с предельно широкими понятиями, описывающими предметную область, комплексы абстрактных *несравнимых понятий*, фундирующие научный подход (например, информации-сигнала-сообщения), ряд *пересекающихся понятий*, связанных развитием терминоединицы, в том числе, обозначаемых и иным термином (например, делопроизводства, управления документами) и др.

Список использованных источников

1. Нестерович, Ю. В. Метафилософское разъяснение различия категорий и универсалий / Ю. В. Нестерович // Великие преобразователи естествознания. Леонардо да Винчи. XV111 межд. чтения. – Минск. 2002 – С. 81–85.
2. Нестерович, Ю. В. Труды по экспликации базисных понятий научных теорий. Т. 1: Экспликация базисных понятий документоведения и инфософии / Ю. В. Нестерович – Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2010.
3. Категории философии и категории культуры. – К.: Наукова думка. 1983.
4. Категории диалектики, их развитие и функции. – К.: Наукова думка. 1980.
5. Категориальные структуры познания и практики. – К.: Наукова думка. 1986.
6. Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. – К.: Наукова думка. 1980.
7. Диалектика материального мира. Онтологическая функция материалистической диалектики. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та. 1985.

ТЕХНОЛОГИИ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И. В. Олейник

Статья посвящена анализу связи уровня технологического развития общества и пространственно-временной организации социальной реальности. История и логика становления индустриального, постиндустриального и информационного общества основывается на технологиях, определяющих характер взаимодействия человека с окружающей природной средой, задающих скорость обработки и передачи информации между субъектами в пространственно-временном континууме. Появление технологий индустриального общества позволило изменить характер взаимодействия человека с физическими пространством и временем, в свою очередь технологии информационного общества обусловили спецификацию социального пространства и времени. Теория технологических укладов раскрывает динамику технологического развития общества, сущность которого на современном этапе составляет процесс дивергенции физического пространственно-временного континуума и социального измерения пространства-времени (социального хронотопа).

В основе формирования нового типа социальной онтологии на рубеже XX–XXI вв. лежит трансформация пространственно-временной организации социальной реальности. Институциональные изменения в основных сферах жизни общества, вызванные унифицирующими процессами глобализации, происходят на фоне интенсификации научно-технического прогресса, изменяющего формы социального бытия. Гуманитарный дискурс изобилует образно-феноменологическими описаниями трансформации пространственно-временного хронотопа. Понятия дистанциации, компрессии, имплозии и эксплозии, ускорения и сжатия пространства и времени эксплицитно содержат в себе основания для концептуального разграничения двух модусов пространства и времени – физического и социального. В основе этого разграничения лежат две основные предпосылки. Первая состоит в концептуализации представлений о феноменах социального времени и социального пространства в середине XX в., вторая – в обосновании релятивистского взгляда на сущность пространства и времени и обращении к понятию четырехмерного пространственно-временного континуума для описания физической картины мира в неклассической физике. Именно осознание специфики социальной и физической организации бытия, их дивергенция в условиях информационно-технократического развития общества и структуризация социальной реальности на основании содержания конкретного культурно-исторического дискурса создают сложный облик современности.

В основе исторической трансформации облика социальной реальности лежит изменяющийся характер связи пространства и времени [1, с. 130]. Этот

процесс сочетает в себе на первый взгляд противоречащие друг другу тенденции. С одной стороны, развитие социальной теории и социологии в XX в. проблематизировали принципиальное отличие социальных феноменов от явлений природного мира, что привело к концептуализации представлений о социальном пространстве и времени, их неравнозначности физическим пространству и времени [2, 3]. С другой стороны, достижения и открытия науки в начале и середине XX в. изменили физическую картину мира, доказали принципиальную относительность и связанность пространства и времени, что повлияло на концептуальные представления о пространстве и времени и в сфере социальных исследований [4].

В результате социальная онтология на рубеже XX–XXI вв. отказалась от представлений об автономных измерениях пространства и времени, несмотря на существование полноценных традиций исследования пространства и времени в социологической теории, однако это разделение остается прерогативой социальной теории, в то время как объяснительные модели социальной реальности все больше прибегают к эклектичным, синтетическим и даже образно-метафорическим представлениям о пространстве и времени, которые могли бы описать и отразить феноменологический опыт континуальной целостности. Сегодня невозможно умозрительно исследовать социальное пространство и время, не обращая внимания на культурно-исторический контекст и технологическое развитие, поскольку именно оно определяет характер связи пространства и времени. Анализируя сущность и специфику социальных оснований «сборки» конфигурации пространства-времени в эпоху глобализации Э. Гидденс отметил, что рассматривая пространство и время автономно от социальной реальности «ученые-обществоведы потерпели неудачу в попытках представить и проанализировать формы организации социальных систем во времени и пространстве» [1, с. 174]. Понимание сущности социальной онтологии в условиях развивающегося технологического общества требует, во-первых, разграничения социального и физического модусов пространства и времени в исследовательских дискурсах, и, во-вторых, анализа форм и свойств социального хронотопа, выявления технологических факторов и их социокультурных последствий, влияющих на восприятие и социальную конфигурацию физических пространства и времени.

На протяжении большей своей истории человечество испытывало репрессивное влияние физического хронотопа, что выражалось в необходимости такой организации социальных практик, которая сочеталась бы с естественными природными циклами и отвечала бы цели выживания. История освоения и «покорения» физических пространства и времени началась всего три столетия назад с началом первой промышленной революции. В основе этого процесса, который продолжается по сей день, приобретая все более сложные формы, лежит то, что Д. Белл назвал «трансформацией технологии», подразумевая под этим ряд производственных революций: «Если мы хотим понять, что такое современное общество и каким образом оно

превратилось за последние 200 лет из индустриального в постиндустриальное, мы должны разобраться в эволюции техники, и прежде всего в том, как машинная технология уступила место интеллектуальной» [5, с. 102]. Принципиально важным является тот факт, что содержание НТП не равнозначно социальным последствиям от внедрения его плодов во все сферы жизни общества. Сущность социальных эффектов от внедрения продуктов НТП в повседневную жизнь так или иначе связана с реорганизацией социальной реальности в пространстве-времени, поскольку любая технология, в конечном счете, влияет на то, каким образом человек взаимодействует с физическим хронотопом. Именно с первой научно-технической революцией в XVIII в. началась постепенная дивергенция физического пространства-времени и его социального модуса. Прежде всего, это было связано с появлением технологий, повысивших мобильность человека в пространстве и времени. Современные социальные теории, центрированные вокруг понятий информационного, сетевого, постиндустриального общества, описывают глубокие масштабные *социальные эффекты* от технологических революций и внедрения инноваций во все сферы жизни. Эта принципиальная связь теории глобализации с НТП, циклами экономического развития и сменой технологических укладов обнаруживается при анализе трансформаций пространственно-временной организации социальной реальности.

История человечества может быть представлена в виде своеобразной спирали, наподобие спирали ДНК, одну цепочку которой составляет процесс научно-технического прогресса, а другую – система социальных отношений и институтов, испытывающих на себе влияние технологических инноваций и их повсеместного внедрения в сферы производства, обслуживания, добычи ресурсов; условием же и онтологическим субстратом сплетения этих двух «цепочек» выступают физическое пространство и время, которые, в свою очередь, на определенном этапе развития технологий, начинают эксплицитно проявлять свойства социального хронотопа, отражающего детерминированность конфигурации пространства-времени культурно-историческим контекстом. Это означает, что пространство и время никогда не бывают нейтральными по отношению к социальной реальности, «они всегда выражают некий социальный контекст...пространство и время определяются организацией социальных практик, основополагающих для производства товаров» [6, с. 239]. В этом смысле природно-онтологическое пространство и время являются первичными по отношению к социальным модусам пространства и времени, они выступают условием возможности всякого социального опыта, подобно тому, как в кантианском смысле физические пространство и время выступают априорными формами чувственности, являясь условием возможности всякого опыта вообще.

В этом контексте социально-критический пафос дискурса глобализации, обращающегося к анализу пространственно-временного измерения, как раз и состоит в том, что он осуществляет рефлексию над процессом

дивергенции физической структуры социальной реальности и сферы нефизического пространственно-временного континуума – социального хронотопа. Несмотря на то, что в начале XX в. социологи концептуально оформили представления о социальном пространстве и времени, социальный хронотоп всегда сосуществовал одновременно с физическим пространством-временем, поскольку он не является сугубо умозрительным конструктом, но выступает проекцией социального на сферу физического субстрата реальности. В этом смысле социальный хронотоп существует столько же, сколько существует общество и человеческое самосознание. Однако лишь на определенном этапе развития технологий стали проявляться нефизические эффекты социального хронотопа, что было связано, главным образом, с возможностью «управления» физическим пространством и временем. Таким образом, научно-технологическое развитие привело к процессу дивергенции физического и социального хронотопа, поскольку изменение скорости обработки информации и ее передачи в пространстве и времени посредством технологий позволило преодолеть ограничения физических пространства и времени.

За такими, казалось бы, очевидными социальными эффектами развития технологий стоит целое поколение так называемых технологических укладов. В русскоязычном пространстве теория технологических укладов связывается с именем советского экономиста С. Ю. Глазьевым, однако она сочетает в себе элементы концепций длинных волн экономики Н. Кондратьева и представление о волнах инноваций Й. Шумпетера. Несмотря на то, что теория технологических укладов вызывает множество оценок в экспертном сообществе, она довольно референтно иллюстрирует содержательную логику НТП и его основные стадии. Теория технологических укладов позволяет, во-первых, эксплицировать фактор влияния уровня технологического развития на физический и социальный хронотоп, и во-вторых, проанализировать научно-технологические основания трансформации пространственно-временной архитектуры социальной реальности в условиях формирования информационного общества.

Рассматривая проблему долгосрочного технико-экономического развития Глазьев обращается к факторам экономического роста и роли технологических инноваций в этом процессе. Научно-технологические открытия формируют целостную систему производственных и потребительских отношений, а также образуют определенный научно-парадигмальный контекст для открытий. Совокупность этих элементов образует технологический уклад, понимаемый как макроэкономический воспроизводственный контур, самовоспроизводящая целостность, включающая в себя все стадии переработки ресурсов, производства товаров, системы технологических решений, обеспечивающих этот процесс, и соответствующий тип непроизводственного потребления [7, с. 61–63]. Теория технологических укладов описывает историю научно-технического прогресса, начиная с периода промышленной революции в Англии XVIII века, и обращается, по сути, к

динамике становления индустриального и постиндустриального общества. Выделяя основные технологические новации, которые способствовали формированию индустриального, а затем и постиндустриального способа производства, Глазьев насчитывает пять производственных контуров [7, с. 95–99], оформившихся в технологические уклады и помимо этого, намечающиеся контуры шестого технологического уклада.

Идея технологических укладов имеет существенные корреляции с представлениями о технико-технологическом развитии общества в современных социальных теориях. Прежде всего, это касается концепции Э. Тоффлера о трех «волнах» в развитии производства, идее технологических революций, определяющих основные типы общества в концепции Д. Белла и теории стадий экономического роста У. Ростоу. В совокупности данные концепции позволяют выделить три типа общества на основании уровня их технико-экономического развития (аграрное, индустриальное, постиндустриальное общество), в то время как теория технологических укладов описывает логику появления технологических инноваций и их влияния на производство, уровень, качество и образ жизни, институциональное устройство общества.

Первые три и частично четвертый технологические уклады (соответственно 1770–1830 гг., 1830–1880., 1880–1930 гг., 1930–1980 гг.) отражают инновационные основания экономического прогресса в индустриальном обществе, последние десятилетия четвертого и пятый уклады (1980 – по настоящее время) и постепенно оформляющийся шестой уклад отражают научно-техническую сторону прогресса постиндустриального общества. Промышленная революция первого технологического уклада ознаменовала собой начало дивергенции социального и физического хронотопа. До этого момента социальный ритм жизни был подчинен физическому пространству и времени как главным факторам социальных практик. Как отмечает Д. Белл, «В доиндустриальных обществах...рабочая сила используется преимущественно в добывающих отраслях...Жизнь является в первую очередь взаимодействием с природой. Человек применяет мускульную силу...а его представления о мире обусловлены наличием естественных элементов – сменой времен года, типом почвы, количеством влаги. Именно этим определяется ритм жизни. Время понимается лишь как длительность (*durée*), как долгие и короткие его промежутки, а темп работы зависит от времени года и погодных условий» [5, с. 169]. Отличие аграрного общества от общества, вступившего в фазу освоения индустриальных форм производства определяется установкой по отношению к природе: в первом случае человек взаимодействует с довлеющими природными силами и условиями, во втором – преобразовывает природное окружение с помощью опосредованного взаимодействия с ее силами станков, машин, механизмов; мускульная сила сменяется машинной. Измененная сущность труда перестает зависеть от природных временных ритмов, в результате чего начинают проявляться первые

социальные эффекты от несовпадения физического и социального порядка событий.

В ходе первых трех технологических укладов была разрушена привычная архитектура пространственно-временного ритма жизни аграрного общества, которая в ходе трансформации трудовой деятельности, формирования машинного производства, увеличении доли квалифицированного труда, развития инфраструктуры и ускорения скоростей сообщения была «собрана» по новым основаниям – социальному ритму жизни. Если в период становления технологических основ индустриального общества произошло расхождение физического и социального хронотопа, то начиная примерно с конца четвертого и на протяжении пятого технологического укладов в результате становления информационного общества и процессов глобализации социальные «поведение» пространства и времени стали очевидными эксплицитными, что отразилось во множественных социологических, социально-политических, культурологических и философских исследованиях, стремившихся раскрыть сущность социальной онтологии в новых геополитических и технологических реалиях. Новые социальные пространственно-временные эффекты были связаны с изменением скоростей и масштабов жизни: урбанизацией, демографическим взрывом, экономическим ростом, интенсификацией транзакций. Однако речь идет также о трансформации социальных институтов, о таких последствиях технологических изменений, которые «располагаются в диапазоне от самых непосредственных воздействий на природу трудовой жизни – или социальную анатомию работы – до воздействий, затрагивающих институциональные и структурные образцы более широкого общества» [8, с. 783]. Промышленная революция полностью изменила организацию труда, более того, «значение этой революции не только в замене ручного труда машинным, а биологической энергии – водной и паровой, но и в том, что она открывает в широком смысле процесс трудосбережения (причем не только в сфере физического труда, но и в учете, контроле, управлении, обмене, кредите, передаче информации)» [9, с. 6]. Этот процесс сопряжен с постепенным отрывом человека от жесткой природной пространственно-временной обусловленности способов производства, вследствие формирования машинно-технологической «прослойки» между сферой социального и природного бытия.

В ходе кибернетической революции, начавшейся в середине четвертого технологического уклада, технологии способствовали созданию единой глобальной инфраструктуры (начиная от транспортной до газо – и нефтепроводов, сети интернет) и сетевого информационного пространства. Электрические сети, а затем и развитие микроэлектроники и повсеместное распространение компьютерных технологий ускорили и множили интеракции, оптимизировали сроки производства и скорость передвижения, что и оформилось в представлениях об эффектах имплозии, дистанциации, компрессии пространства-времени. Основное содержание информационно-технологического «апгрейда» общества на рубеже XX–XXI вв. заключается в

достижениях кибернетической революции (мощные информационные технологии, новые материалы и виды энергии, автоматизация производства и обслуживания, освоение самоуправляемых систем) [10, с. 174–175] и развития и освоения, в результате этого, нового производственного принципа – научно-кибернетического (под развитием принципа производства понимается «период зарождения, развития и трансформации новых форм, систем и парадигм организации хозяйствования, во много раз превосходящих по важнейшим параметрам прежние» [а под кибернетической революцией] – «крупнейший технологический переворот от индустриального принципа производства к производству и услугам, базирующимся на работе саморегулирующихся систем») [10, с. 178]. В первую очередь речь идет о развитии информационных технологий, оптимизирующих любые виды транзакций во времени и пространстве. По словам М. Кастельса «ядротрансформации, которую мы переживаем теперь, связано с технологиями обработки информации и коммуникации...Нынешнюю технологическую революцию характеризует не центральная роль знаний и информации, но применение таких знаний и информации к генерированию знаний и устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию, в кумулятивной петле обратной связи между инновацией и направлениями использования инноваций» [11, с. 50–51].

Подобные трансформации социальной реальности на рубеже XX–XXI вв. отражают сущность последствий научно-технического и экономического развития для социального хронотопа. Однако сегодня эти трансформации продолжаются, все больше затрагивая помимо сферы общественного бытия и область культурных универсалий. XXI век несет в себе огромный потенциал очередной волны «оседлания» физического пространства и времени, и связано это с прогрессирующей сферой NBIC-технологий, медициной и геной инженерией как сферами наиболее вероятного технологического прорыва [10, с. 190].

Таким образом, анализ научно-технических оснований экономического развития раскрывает историческую логику процесса дивергенции физического и социального хронотопа, проясняет связь между научно-техническим прогрессом и пространственно-временной архитектурой социальной реальности: технологические уклады индустриального толка освободили производство и труд от диктата физического пространства и времени и привели к диссоциации природного и социального ритма жизни, а кибернетическая революция середины XX в. привела к становлению единого информационного пространства-времени.

Список использованных источников

1. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс // Пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчика; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – М: Практикс, 2011.

2. Sorokin, P. Social Time: A Methodological and Functional Analysis / P. Sorokin, R. K. Merton // *American Journal of Sociology*. – 1937. – V.42., № 5. – P. 615–629.
3. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – СПб.: Владимир Даль, 2008.
4. Эйнштейн, А. Статьи, рецензии, письма эволюция физики. Том IV / Собрание научных трудов в четырех томах под ред. И. Е. Тамма, Я. А. Смородинского, Б. Г. Кузнецова. – М.: Наука, 1967.
5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл // Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Academia, 2004.
6. Harvey, D. The Condition of Postmodernity. An enquiry into the origins of cultural change / D. Harvey. – Oxford: Blackwell, 1990. – 378 p.
7. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: Владар, 1993.
8. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
9. Гринин, Л. Е. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем: История технологий и описание их будущего / Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин. – М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015.
10. Гринин, Л. Е. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад / Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин // *Историческая психология и социология истории*. – 2015. – № 1. – С. 172–197.
11. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

МЕСТО И РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

О. А. Павловская

В статье освещается круг современных и исторических проблем, позволяющих составить конкретное представление о проявлении этических знаний в ходе осуществления кардинальных изменений общественной жизни. Отмечается характерное для современного этапа противоречие: с одной стороны, возрастание роли духовно-нравственных ценностей в качественном преобразовании общества, вступившего на путь информационного развития, с другой – проблемная ситуация в области этического знания, затрудняющая в должной мере реагировать и оказывать свое воздействие на происходящие социальные трансформации.

Революционный по своей сути прорыв в научно-технической сфере, связанный с разработкой и освоением новейших информационно-коммуникативных технологий, не может не отразиться и на всей системе социально-культурных отношений, обуславливая начало кардинальных преобразований как в области производства и потребления материальных ценностей, так и в познании человеком окружающего мира и себя самого как креативного субъекта и духовно-нравственного существа. По мнению В. С. Степина, выход из кризиса техногенной цивилизации «состоит не в отказе от научно-технического развития, а в придании ему гуманистического измерения, что, в свою очередь, ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности» [1, с. 100]. Возрастание роли духовно-нравственных ценностей в осуществлении информационных и научно-технологических процессов, внедрении их результатов в общественную практику признается как один из главных вызовов развития современного мира.

В то же время человеческое сообщество, достигшее в своем историческом развитии фазы техногенной цивилизации, а также быстро освоившее «плоды» современной научно-технической революции, реально столкнулось с масштабными по своему распространению и деструктивными по своему характеру кризисными явлениями в сфере социально-нравственных отношений. Как отмечает А. А. Гусейнов, «успехи научного разума не трансформировались в разумность человеческого общежития. Материальный прогресс не привел к преодолению социальных конфликтов и духовно-нравственных деструкций» [2, с. 25]. Налицо складывается ситуация, когда научно-технический прогресс значительно вырвался вперед по сравнению с нравственным прогрессом, когда интеллектуальный уровень человека, его технологическая компетентность заметно опережают развитие его цивилизованности и нравственной культуры. Данная тенденция, сопряженная с резким обострением общественной морально-психологической обстановки, представляет собой внутренний,

латентный источник роста социальной напряженности и конфликтности, что в свою очередь следует расценивать как угрозу национальной и глобальной безопасности.

Мораль (нравственность) – сложнейший феномен человеческой жизни, четко не локализуется, не институализируется. По выражению А. А. Гусейнова, «она охватывает все многообразие человеческого бытия...имеет право голоса везде и всюду, где человек действует как человек, как свободное разумное существо» [3, с. 30]. Мораль как глубинное основание совместной жизни людей непосредственно выражается в конкретных регулятивно-воспитательных функциях, посредством чего обеспечиваются стабильность и упорядоченность общественного уклада, но, помимо этого, она может выступать в виде своеобразного источника и движущей силы качественных изменений социума, что достигается через раскрытие ее культуросозидательной роли и развитие личностной сущности человека.

Природа морали как социального явления, различные формы ее проявления в действительности представляют собой чрезвычайно сложные объекты для научного анализа. Тем более в настоящее время данная позиция усложняется и определенными социально-политическими обстоятельствами. В условиях социального кризиса, возникшего на постсоветском пространстве, произошло существенное рассогласование между теорией и практикой нравственной жизни. Кризисное состояние общественного сознания непосредственно сказалось и на критическом отношении к разработанному в предшествующую эпоху этическому знанию, которое признавалось составной частью марксистско-ленинской идеологии. Такой критический взгляд на достижения марксистской этики (как называлась данная научная дисциплина в советский период) в большей или меньшей мере сохраняется и сегодня, что, конечно же, сказывается на должном общественном признании научно-теоретических разработок в этой области знания.

Известно, что в советский период освещение моральных проблем осуществлялось преимущественно с идеологических позиций и непосредственно связывалось с победой социалистической революции и построением коммунистического общества. Об этом свидетельствует и провозглашенный В. И. Лениным призыв: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда» [4, с. 313]. Принципы классовости и партийности были распространены и на моральную сферу, в которой проводилось четкое разделение на буржуазную, порочную в своей основе, мораль и мораль пролетарскую, способствующую освобождению от экономического и политического гнета. Если «признать главную пружину эволюции общественных форм: *борьбу классов*», подчеркивал Л. Д. Троцкий, то «мораль есть лишь одна из идеологических функций этой борьбы» [5, с. 218]. Сам ход революционной борьбы за освобождение рабочего класса приводил к

признанию тезиса о том, что «цель оправдывает средства», с активным использованием различных форм насилия и принуждения всеми участниками политических действий. Относительно общепринятых норм нравственности, выработанных в ходе истории, считалось, что в условиях классовой борьбы их действие ограничено и незначительно. «Высшей формой классовой борьбы является гражданская война, которая взрывает на воздух все нравственные связи между враждебными классами» [5, с. 218–219].

В соответствии с социально-классовыми критериями и революционной идеологией была произведена своеобразная «чистка» интеллигенции, разоблачение распространившихся в ее кругах мелкобуржуазных представлений о морали, отчуждение различных религиозных толкований сути нравственных императивов. В 1922 г. по решению советского правительства были высланы из страны известные мыслители, в трудах которых большое внимание уделялось освещению духовно-нравственных проблем: Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, С. Е. Трубецкой, С. Л. Франк, Н. О. Лосский и др.

Многие философы были свидетелями революционных событий и кардинальных социальных перемен, имели свой личный опыт их переживания. В этой связи интересной представляется позиция Н. А. Бердяева о природе русской революции. По его мнению, среди движущих сил революции большую долю составляли крестьянские массы, в том числе и представители рабочего класса в первом поколении, что наложило отпечаток на формирование нового революционного мировоззрения. Это отчетливо проявилось и в моральной сфере. Бердяев подчеркивает, что революция была не только социально-экономической, но и прежде всего «революцией моральной и бытовой». В народном сознании наблюдалось резкое дистанцирование от всего того, что было связано с культурой и образом жизни господствующих привилегированных слоев, по существу произошел переворот в общественных нравах. Революционное движение «сопровождалось провозглашением новой революционной морали, соответствующей новому психическому типу и новым условиям. Она оказалась... менее гуманной, не стесняющейся никакой жестокостью» [6, с. 102].

Проблема создания новой, пролетарской, морали вызывала повышенный интерес и развернутые дискуссии, в ходе которых не только утверждалось, что эта мораль возникает в пылу революционной борьбы и носит инстинктивный характер, но и все более усиливалась позиция, чтобы теснейшим образом связывать нравственное воспитание с повышением культурно-образовательного уровня человека. Так, А. В. Луначарский, предупреждая об опасности «впасть в колею разумного мещанства, которое нам очень грозит (ведь мы – крестьянская страна!)», настаивал на рациональном отношении к формированию новой морали: «Наша мораль не может быть интуитивной, категорически предписывающей, она должна доказать свою правоту... Нужны нормы поведения, которые мы должны выработать и которые мы должны превратить в

воспитательные нормы» [7, с. 222, с. 227].

В 60-ые годы XX в., когда создавался и внедрялся в массы советский коммунистический проект, мораль, хотя и сохраняла свое подчиненное положение от политических ориентиров, все же начинала обретать определенное собственное звучание в системе общественных отношений. В частности, в качестве самостоятельного атрибута коммунистической идеологической доктрины выступало понятие «моральной чистоты личности», был разработан и официально принят «Моральный кодекс строителя коммунизма», в составе которого наряду с принципами социально-классового характера нашли отражение и некоторые общечеловеческие ценности. Самостоятельный статус получило нравственное воспитание как одно из направлений коммунистического воспитания. В теоретико-методическом и организационном плане было много сделано для формирования активной гражданской позиции советских людей. В целом, нравственная сфера этого периода советской истории включала в себя не только следование партийно-идеологическим установкам, но и освоение гуманистического потенциала общечеловеческой морали. В 1970–1980-ые годы в советской философской литературе большое внимание уделялось разработке теоретико-методологических проблем сущности, содержания, конкретно-исторической специфики морали, ее значения в процессе социалистического строительства. Данная проблематика нашла отражение в трудах С. Ф. Анисимова, Л. М. Архангельского, В. И. Бакштановского, В. А. Блюмкина, А. А. Гусейнова, О. Г. Дробницкого, В. Г. Иванова, Н. Н. Крутова, Ю. В. Согомонова, А. И. Титаренко, В. И. Толстых, О. П. Целиковой, В. Н. Шердакова и др.

Сложная социально-политическая обстановка 90-х годов XX в. не могла не сказаться на состоянии философского знания: в общем потоке ниспровержения коммунистической идеологии серьезной критике были подвержены и разработки советских философов. Среди ученых заметно снизился интерес к социально-этической проблематике. Наблюдаемое в это время оживление религиозной жизни способствовало тому, что решение актуальных моральных проблем стало чаще всего связываться со сферой религиозного сознания.

Следует сказать о знаменательном событии, которое произошло в эти годы в общественной и культурной жизни – это возвращение трудов выдающихся представителей русской религиозной философии и общественно-политической мысли: Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, П. А. Сорокина, И. А. Ильина, С. Н. Булгакова, Б. П. Вышеславцева и др. В трудах многих из этих мыслителей рассмотрен широкий круг проблем, специально посвященных философскому осмыслению нравственности, уделяется серьезное внимание переосмыслению сути христианских ценностей в контексте происходящих в обществе перемен. Так, в философском учении В. С. Соловьева большое значение отводится нравственности в установлении «всеединства» – достижения гармонии и согласованности человечества и

человека. По мнению философа, в основании нравственности лежат естественные чувства человека: чувство стыда, жалости (сострадания) и благоговения. В. С. Соловьев, перефразируя изречение Р. Декарта, выводит своеобразную формулу начального этапа самопознания человека: «*Я стыжусь, следовательно, я существую*, не физически только существую, но и нравственно, – я стыжусь своей животности, следовательно, я еще существую как человек» [8, с. 124]. Н. А. Бердяев рассматривает глубинные духовно-нравственные основания природы человека, реально проявляющиеся в его личности, что позволяет ему как единичному существу подниматься в своем движении к высшим идеалам. «Личность есть по преимуществу нравственный принцип, из нее определяется отношение ко всякой ценности... Личность есть ценность, стоящая выше государства, нации, человеческого рода, природы, и она, в сущности, не входит в этот ряд. Единство и ценность личности не существует без духовного начала. Дух конституирует личность, несет просветление и преобразование биологического индивидуума, делает личность независимой от природного порядка» [9, с. 63].

В контексте современных социальных трансформаций нельзя обойти стороной разработки западной философии, имеющие выраженную социально-этическую направленность. Это направление стало оформляться вследствие противостояния капиталистической и социалистической систем, а после крушения последней представляет собой попытки теоретического обоснования ценностно-нормативной базы, способной преодолеть кризисную ситуацию в обществе постмодерна.

В теории Дж. Ролза предлагается особый способ регулирования общественной жизни, где справедливость признается первичной добродетелью, и с ее помощью удается рационально согласовывать нравственные потенции индивидов в структуре общества. «Симметрия отношений среди индивидов, эта исходная ситуация справедливости честна для индивидов как моральных личностей, т. е. как рациональных существ, имеющих свои собственные цели и способных к чувству справедливости» [10, с. 26]. По мнению американского исследователя, общество не только может быть хорошо организовано ради предоставления людям различных благ, но и должно «эффективно саморегулироваться» различными социальными институтами посредством концепции справедливости. Этическая позиция Ролза была подвергнута резкой критике: М. Сандела ограничивал справедливость рамками определенного культурного пространства, А. Макинтайр настаивал на том, что вместо рационально принятого принципа справедливости необходимо признать в качестве базовых величин добродетели, которые сохранены в культурных традициях, Ю. Хабермас выступал против чрезмерной идеализации принципа справедливости и социальных институтов как субъектов его реализации. Немецкие философы Ю. Хабермас и К.-О. Апель в своей этической концепции утверждают, что в основе отношений между людьми должен находиться дискурс (зрелый диалог), который осуществляется по особым лингвистическим

правилам, что помогает согласовать различные индивидуальные позиции и выработать универсальный принцип аргументации (*U*), обеспечивающий достижение гражданского консенсуса. Согласно концепции Х. Йонаса, в условиях техногенной цивилизации резко обостряется экологическая ситуация и напрямую стоит вопрос о выживании самого человека, поэтому требуется переосмысление оснований этики и в качестве исходного признается принцип ответственности перед природой. В разработках Х. Ленка, Г. Рополя, Г. Харта доминантой признается концепт «отношения ответственности», посредством которого представляется возможность реально зафиксировать проявление персональной ответственности личности как результат ее этической зрелости. Весьма популярная на Западе тема «Другого» нашла отражение в концепции Э. Левинаса, где особо подчеркивается значение «этического движения», которое возникает в отношениях «Я–Другой». «Отношения с Другим проблематизируют меня, изымают и продолжают изымать меня из меня самого, раскрывая во мне все новые дарования. Я и не знал, что настолько богат, хотя и не вправе теперь оставить что-то себе» [11, с. 165].

Современная реальная ситуация как на постсоветском пространстве, так и в западном обществе воочию свидетельствует о масштабных социально-культурных трансформациях, обусловленных осуществлением новейших информационно-коммуникационных процессов, которые в свою очередь вызывают кризис традиционных ценностей, расшатывание общественных нравов, рост насилия и враждебности, деформации сознания и девиантность поведения. Как выясняется, напряженная социально-моральная ситуация в условиях трансформаций сопровождается весьма критическим положением в самой этике. Можно сказать, что этика как наука сама находится в состоянии трансформирования, разработки конструктивных методологических оснований познания моральных феноменов и поиска оптимальных решений актуальных духовно-нравственных проблем. Об этом открыто заявляют многие теоретики морали. Так, А. Макинтайр, анализируя западные этические концепции, обращает внимание на рассогласование между теорией и практикой жизни: «В области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствии контекста лишены значения. На самом деле у нас есть подобие морали, и мы продолжаем использовать многие из ключевых ее выражений. Но мы утратили – если не полностью, то по большей части – понимание морали как теоретическое, так и практическое» [12, с. 7]. Российские ученые также критически оценивают состояние современной этики. А. А. Гусейнов отмечает, что «состояние этики в настоящее время такое, что она упирается в необходимость новой систематизации. Этика в данном случае является лишь индикатором некоего общего процесса моральной дезориентированности, угрожающего самим основам исторического существования человека» [2, с. 93]. По мнению В. А. Канке, «этика в своих умозрительных формах то и дело не поспевает за стремительной поступью современных научных и технологических новаций» [13, с. 371].

Сложившаяся проблемная ситуация в этике, конечно же, не позволяет быстро и в должном объеме реагировать на происходящие в современном обществе трансформации. Об этом, в частности, свидетельствует недостаточная проработанность методологической базы и исследовательского инструментария социальной этики. В западной философской мысли социально-этический ракурс преимущественно представлен в теологическо-религиозном плане и содержит нормативно-аксиологические позиции различных конфессий. Социально-этический характер прослеживается и в таких популярных теориях, как этика справедливости, этика дискурса, этика ответственности, но здесь отчетливо выражен метаэтический подход, т. е. выработка на вербально-теоретическом уровне («моральная геометрия» по Ролзу, «зрелый дискурс» по Хабермасу) специальных этических принципов, которые предваряют практические действия людей и социальных институтов. В исследованиях российских этиков предпринимаются попытки концептуализации общественной морали или социальной этики, которая трактуется как определенная система норм и ценностей, посредством которых организуется социальное пространство морали, фиксируется ее институциональный характер, «критерием моральности действий оказывается их адекватность потребностям и целям системы» [14, с. 43]. В общественной морали, по мнению А. В. Прокофьева, «приоритетной ценностью обладают социально-организационные последствия определенного нормативного содержания и механизмов его внедрения в практику» [15, с. 137]. Однако, по мнению самих российских ученых, теоретико-методологический потенциал этики пока не позволяет в должной мере осветить происходящие в обществе перемены. Так Р. Г. Апресян считает, что «методологическая неосвоенность социально-этической проблематики проявляется как в том, что многие острые социальные, политические, экономические проблемы остаются за пределами внимания специалистов по теории морали, так и в том, что при отдельных попытках этического анализа социальных проблем неизбежно возникают одни и те же нормативные и метанормативные трудности, вызванные смешением как оснований, так и способов этических (рас)суждений» [16, с. 4].

Таким образом, динамичное и инновационное развитие современного общества заметно актуализирует значение социально-этического знания как основы оздоровления морально-психологической обстановки, урегулирования сложных политических ситуаций, предотвращения различного рода конфликтов. Возрастание роли морали в качественном преобразовании социума обуславливает перенесение акцента с ее нормативно-долженствовательной природы на персонально-аксиологическую. Сегодня уже недостаточно только вести речь об идеалах, нравственных принципах, нормах поведения, важно увидеть, привести в движение духовные силы людей, направить их на социально значимые цели и гуманистические приоритеты, дать новые стимулы для их развития. В структуре человеческой духовности центральное место занимают именно нравственные компоненты, благодаря которым духовная

энергия в человеке качественно и содержательно оформляется через призму дихотомии «добро–зло» и вытекающих из нее мировоззренческо-этических понятий и личностных смыслов.

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011.
2. Гусейнов, А. А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью / А. А. Гусейнов. – СПб.: СПб ГУП, 2012.
3. Гусейнов, А. А. Этика / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2000.
4. Ленин, В. И. Задачи союзов молодежи (Речь на 3 Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г. / В. И. Ленин. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 298–318.
5. Троцкий, Л. Д. Их мораль и наша / Л. Д. Троцкий // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А. А. Гусейнова. – М.: Республика, 1992. – С. 212–244.
6. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990.
7. Нравственный идеал коммунистов / Сост. Н. В. Бычкова. – М.: Политиздат, 1987.
8. Соловьев, В. С. Оправдание добра или нравственная философия / В. С. Соловьев // Соч. В 2 т. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – Т. 1.
9. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев – М.: Республика, 1993.
10. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.
11. Левинас, Э. Гуманизм Другого человека / Э. Левинас // Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм Другого человека. Пер. с франц. А. В. Парибка. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
12. Макинтайр, А. После добродетели: Исследование теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
13. Канке, В. А. Современная этика / В. А. Канке. – М.: Издательство «Омега-Л», 2009.
14. Апресян, Р. Г. Перфекционистский и дисциплинарный языки морали / Р. Г. Апресян // Оправдание морали. Сборник научных статей. К 70-летию профессора Ю. В. Согомонова. – М.-Тюмень, 2000. – С. 38–53.
15. Прокофьев, А. В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов / А. В. Прокофьев. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006.
16. Апресян, Р. Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 3–17.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ В ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В. И. Павлюкевич

Категориальные понятия рассматриваются в широком контексте философии познания и культуры. Уточняются логико-семантические характеристики философских категорий. Предлагается экспликация семантических параметров категориальных понятий в историко-философском контексте с учетом динамики развития знания.

При трактовке категорий (здесь речь пойдет преимущественно о философских категориях) практически во всех философских словарях, энциклопедиях, соответствующих монографиях отмечается, что это – наиболее общие понятия. Иногда данный аспект несколько усиливается, специально подчеркивается их родовой статус, утверждается, что категории являются пределами обобщений, что невозможно образовать более общее понятие, чем какая-либо из категорий (см., например [1; 2; 3, с. 254; 4, с. 204; 5, с. 481]). Такие трактовки являются глубоко укоренившимися, имеющими давнюю традицию, широко представленными. Тем не менее они все же не свободны от неточностей, не во всем корректны в логико-семантических аспектах; в некоторых контекстах они оказываются попросту неверными, требуют соответствующих уточнений. Точка зрения, отличная в логико-семантических аспектах от наиболее широко принятой и устоявшейся, выдвигается в публикациях [6; 7]. В настоящей статье идеи, относящиеся к трактовке категорий, излагаемые в [6; 7], получают дальнейшее развитие.

Дело в том, что, во-первых, далеко не каждая категория является общим понятием: категории могут быть единичными или нулевыми по объему (категории «бытие», «материя» возможно рассматривать как единичные, категории «небытие», «ничто» – как нулевые по объему; во всяком случае, в некоторых философских учениях). Во-вторых, не каждая из категорий оказывается пределом обобщения: например, категории «необходимость», «случайность» имеют обобщение в категории «возможность».

Проблемы категорий философии и познания в целом формируются и развиваются вместе с зарождением первых философских концепций и исследуются в течение всей дальнейшей истории развития философской мысли. Категории – наиболее фундаментальные понятия, вырабатываемые философией и другими областями знания в общем контексте культуры и стиля мышления эпохи. Это значит, что философские категории – продукт не только философии; формирование наиболее важных, сохраняющих длительную историческую устойчивость и значимость категорий в философском познании происходит при существенном влиянии всего сложного комплекса явных и имплицитных факторов культуры и стиля мышления соответствующей эпохи. В силу этого философские категории являются наиболее значимыми базисными,

системообразующими понятиями, определяющими неявным образом, в самых общих чертах основные подходы к постановке и исследованию рассматриваемых проблем в создаваемых философских концепциях и воззрениях социума и его индивидов на мир в целом.

Те или иные трактовки философии, философские учения в истории познания и культуры приходят и уходят; пожалуй, наиболее значимыми результатами, которые данные концептуальные построения продуцируют и оставляют после себя, являются определяемые ими направления движения мысли, связанные с философско-мировоззренческим отношением к миру и познанию. Ориентиры же движения познающего мышления в контексте философско-мировоззренческого восприятия мира базируются прежде всего на вырабатываемых философскими учениями категориях. Эти наиболее фундаментальные понятия со всеми последующими исторически обусловленными модификациями и трансформациями являются одним из важных вкладов, вносимых философией в культуру познающей и преобразующей деятельности человека.

Каждая область познания и культуры вырабатывает соответствующие категории. Специфика и предназначение категориальных понятий в том, чтобы быть наиболее фундаментальными, базисными в той или иной концептуальной системе, формировать эпистемологическую основу и задавать идейно-смысловое направление развертывания и движения мысли. Общность таких понятий (в логико-семантическом смысле) не является обязательным условием. Категориальные понятия могут быть общими, единичными, нулевыми, собирательными, несобирательными, четкими и нечеткими по специфике объема, ясными и неясными (недостаточно ясными) по содержанию. Существенно отметить, что, например, базисные категориальные понятия ранних греческих философов (вода, земля, воздух, огонь, апейрон) могут трактоваться как единичные по объему (в логико-семантическом смысле). Единичными являются также и известные категориальные понятия «подлунный мир», «надлунный мир», существенным образом характеризующие общую картину мира во времена Аристотеля.

Реализуемое в категориальных понятиях обобщение не всегда и не столько связано с общностью этих понятий, сколько с широтой их применимости. Понятие может быть единичным или нулевым по объему (в логико-семантическом смысле), но иметь широкую сферу продуктивного смыслового концептуально значимого применения. Понятийно-смысловое образование может создаваться изначально по замыслу заведомо нулевым по объему, но играть важную категориальную роль: «небытие», «ничто», «невозможность» (в онтологическом смысле) и т. п.

Категориальные понятия могут быть охарактеризованы и в определенном смысле классифицированы по специфике их содержания в зависимости от теорий и концепций, в которых они формируются, получают эффективное эпистемологическое применение и развитие. Если категория сформировалась в

какой-либо философской концепции, то она – философская, если в математической, то – математическая, в физической – физическая и т. п.

Важно также учитывать, что учения, концепции, теории фигурируют в определенных исторически сложившихся системах дисциплинарного знания: кроме философских концепций можно говорить о философском знании в целом, с охватом всей его истории; кроме физических теорий – о физическом знании, в том числе и в контексте истории его развития; аналогично о математике, астрономии, биологии и т. д. Для полноты исследования категории в каждой области знания следует рассматривать с учетом соответствующего исторического контекста.

Ориентируясь на указанные особенности в развитии познания, существенно выделить также эпистемологически неопределенные по объему понятия, в том числе и категориальные. Таковыми являются понятия, относительно которых не вполне ясны характеристики их объема. Эпистемологическая неопределенность понятия по объему может иметь место в силу следующих причин и обстоятельств. 1) На данном уровне развития знания неизвестно пуст ли объем понятия: «марсианское живое существо», «живое существо в туманности Андромеды» и т. п. 2) В связи с динамикой развития знания: в одной системе воззрений считалось, что эфир есть, затем стали признавать, что его нет, затем снова стала допускаться возможность его существования. В системе мироздания И. Ньютона имеется абсолютное пространство; в системе общей теории относительности такового пространства нет; в последующем в этой сфере не исключены новые перемены. 3) По конвенциональным соображениям: Платонова характеристика человека как бесперого двуногого (от природы) существа может считаться однозначно выделяющей класс людей, при определенном толковании двуногости. Но, если двуногими считать, например, шимпанзе и горилл, то они тоже подпадают под предложенную Платоном дефиницию.

Эпистемологическую неопределенность понятий следует отличать от нечеткости: понятие может быть четким по замыслу, по идее, но при этом неопределенным в эпистемологическом смысле в силу какой-то из указанных трех причин. Нечеткие понятия («глубокое озеро», «широкая река», «высокое дерево» и т. п.) – важное явление в развитии языка и культуры мышления. Они рассчитаны на соответствующие практические контексты и являются в этих контекстах достаточно ясными и понятными, но они не относятся к классу эпистемологически неопределенных.

Важная культурно-эпистемологическая роль категорий состоит в том, что нередко они воспроизводятся с соответствующими вариациями из концепции в концепцию. Через них порой реализуется смысловая связь эпох, веков и тысячелетий: Аристотель сформулировал идеи подлунного и надлунного миров, а у А. С. Пушкина читаем: «И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит».

Многие категории (например, идея системности) начинают

формироваться в недрах культуры, в сфере коллективного мышления (в мифах, в системно-иерархических социальных структурах и т. д.), а затем получают развитие и совершенствование в философских учениях и научных концепциях. Важные характеристики коллективного мышления и его роли во всей системе культуры раскрываются А. А. Ивиным в публикации [8].

Хорошей иллюстрацией того, как именно через категории, через выражаемые ими идеи, философская концепция или некоторая область культуры задает определенное направление движения мысли, является категориальное понятие «противоречие». Известно, что Гераклит при философском рассмотрении многих проблем бытия и познания начал в некотором специфическом (диалектическом) смысле активно использовать идею (катеорию) противоречия. Затем эта идея, трактуемая в гераклитовском направлении мысли, вошла в систему философских воззрений многих философов Средневековья, а в последующем Гегеля и диалектического материализма. В истории философии идея диалектического противоречия имела широкое контекстуальное употребление, при этом так и не получив ясного семантического толкования, за что и была нередко активно критикуемой многими философами со времен Парменида и до наших дней.

При философском рассмотрении категориальных понятий существенно различать три следующих аспекта: трактовка категории как философской; рассмотрение нефилософской категории с философских позиций; философская интерпретация какой-либо категории. Учитывая то обстоятельство, что категориальные понятия, как правило, формируются в контексте всего стиля мышления эпохи, указанные различия в трактовках категорий в общей системе культуры обычно не проводятся. Однако, при рассмотрении категориальных понятий с позиций философии познания данные различия существенны, их учитывать целесообразно.

В теории понятия, как правило, фиксируется утверждение, согласно которому понятию следует образовывать, характеризую рассматриваемые предметы по наличествующим у них признакам, а не по отсутствующим. В целом это полезная рекомендация с конструктивным подтекстом. Однако в широком спектре познания, культуры и человеческой деятельности она не всегда верна. На заре истории первобытному человеку существенно было знать, что некоторый зверь не является хищником, что он не опасен, что бревно не тонет в воде, следовательно, держась за него, можно спастись в определенной ситуации.

В более близкие к нам времена важно было, например, знать, что фарфор не проводит электрический ток, что тело, достигшее первой космической скорости, не будет падать на Землю. С развитием познания оказалось, например, существенно выявить, что пятый постулат в геометрической системе Евклида невыводим из четырех других, т. е. является независимым от них в данной системе. Отсюда идея независимости некоторой аксиомы как важная характеристика какой-либо теории, построенной аксиоматическим методом.

В философском познании существенную роль играют категории, базирующиеся на отрицании: «небытие», «ничто», «невозможность», «неслучайность» и другие. Декарт к знаменитой идее «Мысль – следовательно, существую» пришел через отрицание всех аргументов, кроме способности мыслить, как позволяющих неопровержимо доказать существование индивида. В человеческой истории многие события характеризуются существенным образом через отрицание: Кутузов Бородинское сражение не выиграл, но и не проиграл.

Многие базисные принципы бытия и морали формулируются через отрицание: не убей, не укради и другие важнейшие заповеди. Здесь отрицание носит вполне конструктивный, ясный и определенный характер.

В системе культуры нередко события, ситуации, процессы, индивиды ярко раскрываются через отрицание. В известной давней песне бежавшего на волю каторжанина есть слова:

«Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала».

А. С. Пушкин представляет читателю Татьяну на петербургском балу следующим образом:

«Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...» [9, с. 147].

Рассматривая категории в общей системе культуры существенно учитывать, что нередко собственные имена наполняются в определенных контекстах категориальным содержанием. Об этом говорят следующие примеры: «Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!» (А. С. Пушкин); «Пушкин – наше все»; «Полтава»; «Бородино»; «Березина»; «Рубикон»; «Сталинград». В каждой эпохе можно выделить ситуации, когда собственные имена стали символизировать идеи категориального смысла. Это же относится в некоторых случаях и к собственным именам литературных персонажей: Одиссей, Пенелопа, Дон Кихот, Дон Жуан, Хлестаков, Манилов и много других. Писатели, всегда стремившиеся рельефно выразить образ мысли описываемой эпохи, нередко преподносили свои идеи через ярко, с глубоким смыслом характеризующие персонажи, приобретавшие в системе культуры категориальную значимость.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ, проект Г19–098 по договору от 2 мая 2019 г.

Список использованных источников

1. Категории // Философская энциклопедия. – Т.2. – М., 1962. – С. 471–475.
2. Большая советская энциклопедия. – М., 1973. – Т. 11. – С. 526–527.
3. Философский энциклопедический словарь – 2-ое изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
4. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997. – 576 с.
5. Новейший философский словарь. – Мн., 2001. – 1280 с.
6. Павлюкевич, В. И. Категориальный статус модальных понятий / В. И. Павлюкевич // Время и вечность: философия, логика, познание: сб. науч. трудов к 90-летию А. К. Манеева / ред. А. А. Лазаревич [и др.]; Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 205–215.
7. Павлюкевич, В. И. Категориальные понятия (логико-семантические аспекты) / В. И. Павлюкевич // Одиннадцатые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 19–21 июня 2019 г. – М.: Современные тетради, 2019. – С. 167–169.
8. Ивин, А. А. Коллективный разум и социальные образцы как продукт его творчества / А. А. Ивин // Философские исследования: сборник научных трудов. – Вып. 5. – Минск: Беларуская навука, 2018. – С. 19–29.
9. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 томах. – Т. 5. –Ленинград: Наука, 1976.

МОДАЛЬНОСТИ У РОБЕРТА БРЭНДОМА И ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

И. Е. Прись

В рамках аналитического прагматизма Брэндома категории – априорные метаконцепты, делающие эксплицитными универсальные имплицитные черты употребления эмпирических концептов и «прагматически опосредованные семантические связи» между различными словарями. В частности, нормативный словарь достаточен, чтобы специфицировать практику, позволяющую употребить алетический модальный словарь. Для Витгенштейна модальности определяются формой жизни, ее «грамматикой». Мы утверждаем, что подход Брэндома делает эксплицитным и обобщает подход Витгенштейна, трактуемый в терминах нормативных практик. Мы также утверждаем, что психофизическое тождество – прагматически опосредованная семантическая связь между нейрологическим словарем и феноменологическим словарем. Проблема «объяснительного провала» возникает тогда, когда эта связь нарушается или игнорируется.

В рамках своего «аналитического прагматизма», синтезирующего эмпиризм, рационализм, прагматизм и натурализм и углубляющего связь между семантикой и прагматикой, Роберт Брэндом развивает «смысл-употребление-анализ» и прагматическую теорию категорий, трактуемых как априорные экспрессивные метаконцепты, делающие эксплицитными универсальные имплицитные черты употребления дескриптивных эмпирических концептов (и вообще любой автономной лингвистической практики) и «прагматически опосредованные семантические связи» (далее: ПОСС) между различными «словарями» [4–5] (см. также [1]). Брэндом, в частности, опирается на неокантианский нормативный прагматизм Вильфрида Селларса и неогегельянский (без гегелевского рационализма) нормативный и натуралистический прагматизм позднего Витгенштейна [6; 21].

Существуют три основных элемента смысл-употребление-анализа. Обозначим их так: PV-д, VP-д и PP'-д. PV-д означает, что практика P достаточна для введения словаря V, VP-д – словарь V достаточен для спецификации практики P, PP'-д – практика P достаточна для выработки другой практики P' [1; 4; 5].

Мы интерпретируем эти элементы в витгенштейновских терминах следующим образом: PV-д – «смысл V есть употребление (языковая игра). P», VP-д – V определяет правила языковой игры (нормативной практики). P, PP' – прагматическая проекция, позволяющая расширить исходную практику P.

Так называемая прагматически опосредованная семантическая связь (ПОСС), $VP \rightarrow PV'$ между словарями V и V' есть связь, при которой словарь V достаточен для спецификации практики (действий). P, которая, в свою очередь,

достаточна для введения словаря V': «Прагматический метасловарь» V позволяет сказать, что надо делать, чтобы сказать то, что можно сказать, употребляя словарь V'. То есть, скажем так, он эксплицирует правила «языковой игры» (нормативной практики). Р употребления словаря V', определяющей смысл V'.

В отличие от прагматического метасловаря, «семантический метасловарь» W позволяет сказать в других терминах то, что говорится в некотором словаре W'. Например, если один словарь W' может быть редуцирован к другому W, между ними имеется прямая (без посредников) семантическая связь.

Приведем примеры.

Для прагматического нормативного натурализма Хью Прайса (Hew Price) (мы согласны с Прайсом, что можно говорить о натурализме в том случае, если можно специфицировать в натуралистических терминах соответствующую дискурсивную практику) нормативный словарь не редуцируется к натуралистическому словарю, но последний позволяет сказать, что надо делать, чтобы употребить нормативный словарь [16]. То есть, в терминологии Брэндома, связь между тем и другим не чисто семантическая, а ПОСС. Витгенштейна мы тоже относим к нормативным натуралистам, так как для него не только практики управляются нормами, но и сами нормы вырабатываются на практике, в употреблении языка, зависят от контекста [17]. Мы говорим о витгенштейновском «нормативном натурализме» [17]. Этот же термин использует Мередит Уильямс (Meredith Williams) [20]. Отметим также, что витгенштейновский «контекстуальный реализм» Жослина Бенуа [7-8] является, на наш взгляд, «нормативным реализмом» и натурализмом языковых игр и идентифицируемых в их рамках при помощи соответствующих норм реальных объектов или структур. Нормативный прагматизм Брэндома также является нормативным натурализмом [4].

Связь между нормативным и алетическим модальным словарями тоже прагматически опосредованная. В терминологии Брэндома первый достаточен, чтобы специфицировать практику, позволяющую употребить второй. На самом деле, это утверждение делает эксплицитным и развивает позицию Селларса, согласно которой «модальности – транспонированные нормативности» [4]. Поздний Витгенштейн, мы утверждаем, для которого деонтическая и алетическая модальности определяются формой жизни, ее «грамматикой», придерживается аналогичных позиций. В частности, мы согласны с Хакером (P. M. S. Hacker), что у Витгенштейна необходимость имеет нормативную природу: «То, что мы называем необходимыми истинами, истины не описательные, а нормативные, то есть выражения правил» [9].

«Тезис Канта-Селларса», утверждающий, что модальные метаконцепты имплицитны в любом употреблении эмпирических концептов (и, согласно Брэндому, это верно для всех категориальных метаконцептов, а не только модальных) также содержится в имплицитном виде у Витгенштейна [4, с. 96–

97; 5; 18]. В самом деле, у Витгенштейна всякое осмысленное употребление языка и, в частности, употребление обыденных эмпирических концептов предполагает принятие так называемых «осевых предложений», которые относятся к «грамматике» или правилам языковых игр и форм жизни. Например, глобальный скептицизм, ставящий под сомнение абсолютно все, в том числе и все осевые предложения, на самом деле, согласно Витгенштейну, бессмысленная позиция.

Будучи скорее философом сознания, а не языка, Витгенштейн также призывает бороться «против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка» [21, § 109]. В частности, он отмечает, что наши утвердительные предложения не всегда утверждения фактов, а сингулярные термины не всегда отсылают к референтам-объектам. Селларс, в свою очередь, считает, что скептицизм и догматическая метафизика принимают за дескриптивные и те выражения, которые играют экспрессивную роль.

Как показали Элизабет Энском (Elizabeth Anscombe), Джон Перри (John Perry) и Дэвид Льюис (David Lewis) дескриптивный словарь не имеет экспрессивной силы демонстративов и индексикалов [4, с. 25; 2; 10; 14]. В терминологии Брэндома он не может быть метасемантическим словарем для индексикального словаря.

Например, индексикал «теперь» не синонимичен (семантически не эквивалентен) неиндексикальному выражению «время употребления слова 'теперь'». В то же время, используя неиндексикальное выражение, можно сказать, что надо делать, чтобы выразить то, что выражается индексикалом. Соответствующее практическое правило имеет вид: (1) «Если субъект S в момент времени t хочет сказать, что в момент времени t он имеет свойство P, то он должен сказать 'Я *теперь* имею свойство P'» (2) «Если S утверждает 'Я теперь имею свойство P', то он признает, что он имеет свойство P в момент времени t, где t – момент времени, в который он делает свое высказывание» [4, с. 26–27].

Бертран Рассел и некоторые другие философы принимали за эквивалентность, « "Я теперь имею свойство P" = „ S имеет свойство P в момент t, где t – время высказывания S“ », то, что на самом деле является ПОСС с прагматическим метасловарем "S имеет свойство P в момент t, где t – время высказывания S" [4]. Аналогичным образом, например, тождество "Я Людвиг Витгенштейн" – ПОСС.

Примем теперь во внимание, что феноменальные концепты имеют некоторое сходство с концептами демонстративными или индексикальными (так что некоторые философы их даже отождествляли, что, строго говоря, неверно, так как такой подход упускает из виду *квалию* – собственно феноменальный аспект [11; 12; 15]) или обобщают их (принимают во внимание *квалию*) [13].

Тогда по аналогии с индексикалами можно утверждать, что дескриптивный нейрологический словарь не может быть метасемантическим

словарем для феноменологического словаря, как это и полагают концептуальные дуалисты, вводящие в рассмотрение феноменальные концепты *sui generis*, имеющие тот же референт, что и нейрологические концепты. В то же время можно предположить, что нейрологический словарь может играть роль прагматического метасловаря для феноменологического словаря. Психофизические тождества типа "боль есть нейрологический процесс возбуждения С-волокон" есть, употребляя термин Брэндома, ПОСС между феноменологическим словарем (концептами) и нейрологическим словарем (концептами). Проблема объяснительного провала возникает тогда и только тогда, когда эта связь нарушается или игнорируется.

Нейрологический словарь не описывает, а специфицирует феноменальный опыт (некоторую практику), то есть представляет собой правило, которому надо следовать, чтобы его воспроизвести и, соответственно, употребить феноменологический словарь. Соответствующие нейрологический и феноменальный концепты укоренены в опыте, питаются им. Поэтому между ними есть связь. Эта связь – ПОСС, выражаемая психофизическим тождеством.

В качестве аналогии приведем пример "изоморфизма", – а на самом деле ПОСС, – между алгебраическими формулами и геометрическими фигурами в рамках алгебраической геометрии Декарта. Первые синтаксически кодируют семантические свойства вторых [4, с. 73].

Всякое тождество, в том числе и психофизическое, контекстуально и нормативно [7–8]. С нашей точки зрения тождество можно трактовать как "языковую игру" в смысле Витгенштейна. Поэтому различие между психофизическими и физико-физическими тождествами типа "Вода есть H₂O" не столь существенно в том смысле, что они имеют одну и ту же природу языковых игр, или нормативных практик [17]. Тождество как ПОСС делает эксплицитным правило соответствующей языковой игры.

Отметим, что гипотеза о психофизическом тождестве как ПОСС согласуется, на наш взгляд, с идеей нейрофеноменологии Франсиско Варела, предлагающей расширить традиционную научную практику путем включения в нее систематической практики с использованием прямого феноменального опыта. Для Варела проблема объяснительного провала решается благодаря дополнению внешнего нейрологического анализа феноменального сознания анализом феноменологическим. "Дисциплинированная феноменология" первого лица позволяет в конечном итоге принять или отвергнуть нейро(био)логические данные в пользу наличия того или иного феноменального свойства [19] [3, § 2–9].

Заключение

Мы утверждаем, что аналитический прагматизм Брэндома делает эксплицитными или обобщает основные элементы второй философии Витгенштейна, трактуемой в терминах нормативных практик: нормативный натурализм, связь между нормативностью и модальностью, тезис Канта-Селларса, VP, PV и PP-связи, ПОСС и другие. Мы также утверждаем, что нейрологический словарь может играть роль прагматического метасловаря для феноменологического словаря. Психофизическое тождество – ПОСС между этими словарями. Проблема "объяснительного провала" возникает тогда, когда эта связь нарушается или игнорируется.

Список использованных источников

1. Джохадзе, И. Д. Аналитический прагматизм Роберта Брэндома. – М.: Институт философии РАН, 2015.
2. Anscombe, G. E. M. The first person // In S. Guttenplan (ed.). *Mind and Language*. – Oxford UP, 1975.
3. Bitbol, M. *Physique et philosophie de l'esprit*. – Paris: Flammarion, 2000.
4. Brandom, R. *Between Saying and Doing*. – Oxford UP, 2008.
5. Brandom, R. On the Way to a Pragmatist Theory of the Categories [Электронный ресурс] // R. Brandom. – Режим доступа: https://www.academia.edu/27545959/On_the_Way_to_a_Pragmatist_Theory_of_the_Categories. – Дата доступа: 11.06.2019.
6. Brandom, R. Some Strands of Wittgenstein's Normative Pragmatism, and Some Strains of his Semantic Nihilism [Электронный ресурс] // R. Brandom. – Режим доступа: https://www.academia.edu/35704850/Some_Strands_of_Wittgensteins_Normative_Pragmatism_and_Some_Strains_of_his_Semantic_Nihilism_I_Strands_of_Normative_Pragmatism. – Дата доступа: 11.06.2019.
7. Benoist, J. *Concepts*. – Paris: Les éditions CERF, 2010.
8. Benoist, J. *Éléments de philosophie réaliste*. – Paris: Vrin, 2011.
9. Hacker, P. M. S. A Normative Conception of Necessity: Wittgenstein on Necessary Truths of Logic, Mathematics and Metaphysics [Электронный ресурс] // Hacker P. M. S. – Режим доступа: <http://wittgensteinrepository.org/agora-ontos/article/viewFile/2168/2386>. – Дата доступа: 11.06.2019.
10. Lewis, D. Attitudes De Dicto and De Se // *The Philosophical Review*. – 1979. – № 88. – P. 513–43.
11. Papineau, D. *Philosophical Naturalism*. Basil Blackwell, 1993.
12. Papineau, D. *Thinking about Consciousness*. – Oxford University Press, 2002.
13. Papineau, D. Phenomenal Concepts are not Demonstrative / In MM McCabe and M Textor (eds). *Perspectives on Perception*. 2007.
14. Perry, J. The problem of the essential indexical // *Nous*. – 1979. – № 13/ I (March). – P. 3–21.
15. Perry, J. *Knowledge, Possibility, and Consciousness*. – MIT Press, 2001.
16. Price, Huw. Naturalism without representation // In Mario de Caro and David Macarthur (eds.). *Naturalism in question*. Harvard UP, 2004. – P. 71–90.

17. Pris, F.-I. Le fossé explicatif dans la philosophie de l'esprit du point de vue de la deuxième philosophie de Wittgenstein vue comme un naturalisme normatif. Thèse. Sorbonne-Paris 4. Diffusion ANRT, 2008.
18. Sellars, W. Concepts as involving laws and inconceivable without them // *Philosophy of science*. – 1948. – Vol. 15, № 4. – P. 287–315.
19. Varela, F. Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem // *Journal of Consciousness Studies*. – 1995. – № 3. – C. 330–49.
20. Williams, M. Normative Naturalism // *International Journal of Philosophical Studies*. – 2011. – № 18 (3). – P. 335–375.

МНОГОМЕРНОСТЬ «ГЕОМЕТРИИ» МЫШЛЕНИЯ АКАДЕМИКА Д. И. ШИРОКАНОВА

О. П. Пунченко

Анализ философского творчества академика Д. И. Широканова отражает движение его научной мысли в познании глубинных проблем философского знания, где особый вклад он внес в разработку категориального аппарата науки и жизненно важной для человечества концепции устойчивого развития. Диапазон его исследований поистине широк и в своем содержании он отражает «геометрию» мышления Д. И. Широканова, которая выражает его устремленность и логику аргументации в достижении истины. «Геометрия» мышления Д. И. Широканова предстает как сложный многомерный феномен, как форма движения его мысли в познавательном акте. Она отражает степень личностного понимания им исследуемой проблемы, а рациональность его мышления, стремясь раскрыть ее сущность, направляет и конкретизирует этот познавательный процесс через адекватный эпохе методологический инструментарий.

Исследование философского творчества академика Д. И. Широканова ярко демонстрирует движение его научной мысли в познании, характерной чертой которого было действие. Еще В. И. Вернадский, исследуя становление и развитие научной мысли, отмечал, что «научная мысль – научное творчество – и научное знание идут в гущу жизни, с которой они неразрывно связаны» [1, с. 287]. Это утверждение В. И. Вернадского – своеобразный индикатор для осмысления и измерения философского творчества Д. И. Широканова.

Однако, в этом триумвирате он отдает приоритет научной мысли, движение и развитие которой связано с логикой – главным способом построения научной теории. Поэтому в его философско-эпистемологических воззрениях логика научного мышления выступает ядром обоснования концептуальной сущности конкретной научной проблемы. Обращение к логике и раскрывает его многомерную «геометрию» мышления. Многомерность его мышления предстает как совокупность всевозможных идей, обнаруживающих себя в мыслительных актах через раскрытие смыслов исследуемых концептов и процессов, как итог интенционального схватывания мыслимого. Диапазон его фундаментальных, глубинных исследований проблем философского знания очень широк. Он внес особый вклад в разработку проблем диалектической взаимосвязи категорий научного познания, особенно, в исследование смысловой сущности категорий необходимости и случайности, к взаимосвязи которых он обращался постоянно в своих последующих научных изысканиях. Но диапазон его исследований этим не ограничивается и здесь ярким примером выступает разработка под его руководством жизненно важной для человечества программы «Высокие технологии в структуре устойчивого развития», которую он выполнил вместе со своими учениками, кандидатами философских наук,

М. К. Бусловой и А. С. Червинским. Работа получила высокую теоретическую и практическую оценку, а ее исполнители во главе с Д. И. Широкановым стали лауреатами Национальной Академии наук Беларуси, Национальной Академии наук Украины, Академии наук Молдовы. Концепция устойчивого развития, разработанная и утвержденная ООН в 1992 г., ядром которой является идея коэволюции, отражает необходимость вступления общества в новую, более согласованную и сопряженную фазу «жизни вместе» с природой, обретения навыков искусства жизни в новом темпом мире, нашла свое отражение в этой программе.

Особый вклад он вносит в обоснование сущности информационного общества, процессов информатизации, становления сетевого общества и др.

Многомерность и многоаспектность исследуемых им проблем отражает общее в содержании богатства его научного знания, научных интересов, а особенным выступает его «геометрия» мышления. Это форма движения его мысли, момент и слагаемое познания, она выражает его устремленность и логику аргументации в достижении истины. Обращение к процессу обоснования сущности исследуемой проблемы показывает несовпадение взглядов на данную проблему как отдельного философа, так и придерживающегося единого мнения на ее ипостась конкретной научной школы, научной среды. Эти исходные установки можно обнаружить в ряде философских и естественнонаучных школ, таких как конфуцианство, даосизм, неоплатонизм, картезианство, неокантианство, неodarвинизм, менделизм и др. Но не всегда у ученого хватает аргументации и смелости с позиции конструктивной критики обосновать несостоятельность конкретной идеи, выдвинутой авторитетом на научном поприще. Д. И. Широканов неоднократно открыто выступал против различных авторитетов, его «геометрия» мышления показывает несовпадение взглядов на конкретную проблему как отдельного ученого, так и адептов, придерживающегося с авторитетом мнения, несмотря на противоречивый субъективный характер в трактовке сущности проблемы.

Творческий характер и преданность научной мысли проявились в научных изысканиях Д. И. Широканова еще со студенческой скамьи, когда была выполнена его первая научно-исследовательская работа «Учение И. П. Павлова о второй сигнальной системе в свете идей Сталина о языке», принесшая ему первую победу на республиканском конкурсе научных студенческих работ, а затем и на конкурсе Всесоюзного уровня. Что же касается его последующих исследований, то анализ его работ позволяет сделать вывод, что он проявлял твердость своего научного характера постоянно, начиная с конструктивного критического анализа идеи академика Т. Д. Лысенко, утверждавшего, что «наука – враг случайностей». В своей кандидатской диссертации он доказывает, опираясь на работы Гегеля, Ф. Энгельса и их приверженцев, что случайность не является врагом науки и обосновывает ее сущность как познannую и осознанную необходимость.

И все же, что лежит в основе разделения мнений, как отдельных ученых,

так и научных школ, на видение сущности одной и той же проблемы? Ответ прост: «геометрия» мышления. Ученые всегда стремились адекватно реагировать на возникающие трудности познания соответствующим научным философским «мыследействием», особенностями личной «геометрии» мышления, что представляло проблему в различных ракурсах и ипостасях. «Геометрия» мышления – это одна из философских проблем, проясняющих свет на единство мышления и познания, а в последние два десятилетия XX века и начале XXI века породившая новую философскую проблему – обоснование сущности многомерного мышления.

В философских исследованиях «геометрию» мышления часто пытаются репрезентировать как порождение постнеклассической рациональности, но такая трактовка не соответствует истине, она сопровождает весь тернистый путь познания субъектом объективной реальности. Как форма движения мысли она обнаруживается уже в иронии сократовского метода познания, ставящего целью познание истины путем приведения собеседника к противоречиям в суждениях с самим собой, а, следовательно, к признанию собственного невежества из-за узконаправленной «геометрии» его мышления. После Сократа в структуре философского знания начинается бурный процесс выделения и обоснования его концептов (категорий, понятий). Разнопонимание их сущности и содержания порождают личностную «геометрию» мышления как авторитетов (Платон, Аристотель, Демокрит и др.), так и их адептов, «достраивающих» содержание концептов, при этом не отклоняясь от идеи авторитета. Идея «достраивания» своих концептов обнаруживается и в естествознании, и в возникших позже технических науках. Примерами могут служить «достраивание» содержания категорий, выдвинутых еще Аристотелем и обогативших свое содержание в работах И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, А. П. Шептулина и, конечно же, Д. И. Широканова; достраивание концепта «метафизики» как сущего, выдвинутого еще Аристотелем, но «воскресшего» в конце XX века; «достраивание» концепта морального императива как закона поведения человека, выдвинутого И. Кантом. В естествознании к «достраивающим» концептам можно отнести принцип дополнительности Н. Бора, сыгравший важную роль при формировании квантовой механики; принцип комплементарности в биохимии; новое содержание концепта «системный анализ» в синергетике, разработанное Г. Хаккенем. В технических науках «геометрия» мышления связана с введением и обоснованием содержания и смысла новых понятий, например в электротехнике открытие учения об электрическом токе (1800 г. – открытие постоянного тока А. Вольтой; 1881 г. – открытие переменного тока Д. Максвеллом; 1888 г. – открытие трехфазного тока М. О. Доливо-Добровольским) и многие другие. Достраивание концептов и возможность введения в науку авторских концептов в конкретный творческий период, можно рассматривать как проявление «геометрии» мышления, как «спектр многомерного мышления, в целом "определяющих, подобно аттракторам,

вероятные направления будущего общекультурного развития. Сравнивая концепт с аттрактором, следует понимать, что концепт, в первую очередь подобен внутреннему аттрактору, направляющему, упорядочивающему смыслы, которыми полон и живет Автор" [2, с. 141].

Таким образом, смысловая нагруженность фрагмента отражается в содержании концепта. Вся система научного знания развивает свое содержание через формирование новых концептов, которые обязательно должны отражать смысловую нагруженность. Каждая значительная наука достраивает либо перестраивает свою теорию, вводя в нее новые концепты своего развития, и задает свою "геометрию" мышления.

Однако, особое исследование "геометрии" мышления, как источника многомерного мышления, обнаруживается у Б. Паскаля. Часто философы, обращаясь к проблеме становления методологии научного познания, апеллируют к работе Антуана Арно "Логика или Искусство мыслить", не указывая на заслугу второго ее автора – янсениста Пьера Николая. И никто не упоминает третьего соавтора этой работы – Б. Паскаля, написавшего ее шестой раздел "О геометрическом уме". Выход этой работы в свет – 1662 г. – совпал с годом смерти Б. Паскаля. Однако конструктивного анализа проблемы "геометрии" мышления, обращения к его идее многомерности мышления, в историко-философской мысли не обнаруживается в XVIII–XIX веках.

Характеризуя "геометрию" мышления, он считал, что все, что ее превосходит, превосходит и нас, но мы бессильны проникнуть в сущность вещей. Этим утверждением он более, чем на столетие, опередил агностическую концепцию И. Канта "вещь в себе", утверждающую невозможность познания сущности вещей. Личную "геометрию" ума Б. Паскаль пытается раскрыть как противоречивый, субъективный процесс. Он пишет: "Почему нас не сердит хромой на ногу, но так сердит хромой разумом? Дело просто: хромой на ногу признает, что мы не хромоноги, а недоумок считает, что это у нас ум с изъяном, потому он и вызывает в нас не жалость, а злость" [цит. по: 3, с. 137].

Но что же представляет собой "геометрия" мышления как логико-гносеологический феномен? Как сложный многомерный феномен она репрезентирует себя как опережающее, еще не подтвержденное практикой видение смысла и сущности исследуемой проблемы. Опережающее отражение ориентировано на мысленное быстрое моделирование смысловой "нагруженности" исследуемой проблемы и в этой ипостаси оно является методологическим принципом поиска истины. "Геометрию" мышления можно обосновать и в качестве абдукции, то есть "этапа познавательной деятельности, состоящего в формировании умозаключений на основе эмпирических фактов и предшествующей выдвижению объясняющей их гипотезы" [4, с. 76]. "Геометрия" мышления отражает степень личностного понимания субъектом познавательной проблемы, а рациональность, стремясь раскрыть ее сущность, направляет и конкретизирует этот познавательный процесс через адекватный эпохе методологический инструментарий.

А какова же "геометрия" мышления академика Д. И. Широканова? Ареал его исследований, как отмечалось выше, поражает своей широтой, но смысловым Столпом его философской жизни явилось исследование и обоснование сущности и смысла категориального аппарата диалектики, куда он внес неоченимый вклад. Эффект был конструктивен, поскольку на новое понимание смысловой "нагруженности" категорий диалектики обратили внимание не только обществоведы, но и широкий спектр естественных наук.

На фундаменте теоретически обоснованного и обладающего большой практической ценностью учения Д. И. Широканова о категориях диалектики, разворачивается новый ракурс – "геометрия" мышления научной среды. Это выводит автора из узконаправленного вектора философского знания на широкий горизонт научного познания. Сам же Дмитрий Иванович развивает свои идеи через работы докторантов и аспирантов, создавая свою научную школу. В его активе подготовка 14 докторов наук и свыше 34 кандидатов наук.

Формирование научной школы раскрывает его отличительную черту как ученого – коммуникабельность. Он никогда не откажет в совете, с радостью поделится новой идеей, поддержит и поможет направить научное исследование в необходимое конструктивное русло, за что все, кто обращался за такими советами к нему, глубоко признательны и благодарны, но при этом он строг, принципиален, умеет распознать новизну идеи собеседника. Круг его научных знаний настолько обширен, что он без особого труда распознает уровень новизны идей. Свои идеи исследователь берет из окружающей жизни, но им необходимо придать статус научности, а, следовательно, определить категориальный аппарат, через который можно определить ее смысловую "нагруженность"; выделить и систематизировать в единое целое ее основные элементы, то есть привести в строгую, научную, логическую форму. При определении новизны идеи, Д. И. Широканов придерживается мысли В. И. Вернадского о связи науки и жизни. "Наука, – писал последний, – есть создание жизни. Из окружающей жизни научная мысль берет приводимый ею в форму научной истины материал. Она – гуща жизни – его творит прежде всего... Наука есть проявление действия в человеческом обществе совокупности человеческой мысли" [1, с. 286]. Через упорные научные изыскания, творческий труд и коммуникабельность, по массе нового, вносимого в науку и по его важности в развитии научного знания, вскрывается сознательно организованная научная деятельность этого Столпа белорусской философской мысли.

Формируя свою научную школу, Д. И. Широканов осознает, что этот процесс требует интеграции ряда научных дисциплин, а значит и междисциплинарного взаимодействия ученых, результатом которого выступает уточнение, дополнение смысло-размерного содержания философских проблем физики, математики, биологии, химии, генетики и других. Интеграция дисциплин должна формировать три базовых уровня знаний: общетеоретическое, частно-теоретическое и мировоззренческое. Это открывает

перспективы для размышления и развития научной школы.

Научная школа – это особое, специфическое, связанное с разработкой общих тематических установок, сформулированных лидером, образование в структуре научной сферы. "Организационный период становления научной школы является наиболее важным. Здесь формируются системообразующие параметры научной школы – лидер, научное направление, объект исследования, методология, сообщество коллег, результаты, общественное признание" [5, с. 56].

Конструктивное функционирование научной школы связано с научными потребностями, которые детерминированы практикой развития научного знания, способностью адептов защищать и эффективно решать исследуемые школой проблемы (это интеллектуальный потенциал школы). Эти характеристики заложены в научной школе академика Д. И. Широканова. Но с одной из характеристик бытия научной школы в социальном времени, репрезентируемой авторами работы "История и философия науки", я не согласен. Они пишут, что школы могут "формироваться во времени, соразмерном продолжительности поколения исследователей (30 лет). В значительной степени такие объединения ученых, исследователей, базируются на лидере. Интеллектуальный потенциал лидера определяет не только сплочение исследователей, но и их совместную работу по изучению единого объекта с позиций единой методологии" [5, с. 56]. Уж очень четко они определяют длительность жизни научной школы и ее лидера, которые предстают, с такой точки зрения, как "факир на час".

Продолжительность функционирования научной школы зависит от непреходящей актуальности, качества, научного предвидения работ лидера. Я уверен, что научная школа академика В. С. Степина, оставившего нам в наследство разработанные им типы рациональности, типы цивилизационного устройства, структуру матрицы культуры и другое, через 30 лет не исчезнут, его идеи будут развивать не его живые ученики, а адепты его научного творчества. Известно, что есть философские научные школы, которые существуют столетиями; лидеров их уже нет, но они оставили идеи, которые сегодня не просто констатируются, а углубляются, разрабатываются, получают новое смысло-соразмерное времени содержание. Да и применительно к трактовке этих идей новейшими методологическими новациями – это требование современного этапа развития, репрезентированной ранее идеи лидера. Нельзя забывать, что адепты научной школы не только повторяют идеи ее лидера, а творчески их уточняют, дополняют, углубляют, опираясь на уровень развития научного знания. Обращение к идеям лидера как к Иппокрене их научного творчества – это дань ему нашей памяти, нашего воображения. Наша память не только запечатляет, сохраняет и воспроизводит содержание идеи лидера, направления или школы, развивая и уточняя их через способности адептов отражать уровень социальной значимости знания, идеи лидера, обеспечивая успешное функционирование их в информационном обороте.

Что же касается воображения, то оно ценно для адептов тем, что предстает как импульс осмысления идей лидера и дальнейшего конструктивного их развития, через заложенную в воображении силу абстракции. "Сила абстракций, – отмечает С. А. Шавель, – это также и проницательность, изобретательность комбинационной способности воображения, оперирующего всеми доступными интеллектуальными представлениями о социальной реальности, как преемственными, так и вновь создаваемыми" [6, с. 29].

Следование адептами идее научной школы позволяет рассматривать ее как внутреннюю парадигму развития, которую признают все члены этой школы с одной стороны, а с другой – как проявление коммуникативной "геометрии" мышления научной школы, связывающей воедино формирование общего представления о сущности и смысловой "нагруженности" исследуемого феномена. С позиций "геометрии" мышления, парадигма выражает совокупность утверждений, ценностей и методологических средств, принятых научной школой и обеспечивающих существование научной традиции. Здесь парадигма выполняет коммуникативную функцию. Под таким углом зрения коммуникация предстает как интеллектуальное образование, основанное на знаниях в их непреходящем личностном "измерении", что обуславливает образовательный и культурный уровень современного субъекта науки, его профессиональную компетентность и ответственность; в этом отношении нуждается в уточнении традиционная точка зрения на механизмы технологической детерминации пространства коммуникации. Это обусловлено необходимостью исследования различных видов коммуникативного пространства. Исследуя пространства идеальной коммуникации, А. А. Лазаревич отмечает, что "коммуникативное пространство можно было бы определить как совокупность пространственно-временных и социально-культурных условий развития определенного коммуникативного процесса. Любая социальная деятельность имеет свою пространственно-территориальную и временную протяженность, на характер ее протекания влияют конкретные факторы экономического, политического, духовно-культурного и др. состояния общества" [7, с. 52].

Это новый срез рациональности, в котором имеет место "передача информации от человека к человеку в самых разных формах... при посредстве которых происходит обмен информацией... но такая передача и обмен информацией, которая имеет целью не сам процесс ее передачи, а какое-либо (обучающее или иное) воздействие на людей с помощью информации" [8, с. 8–9].

Такие типы коммуникации в науке называют смысловыми. Они составляют теоретический фундамент, на котором разворачивается деятельность научной школы, идет бурный процесс формирования коллективной "геометрии" мышления среды научной школы, но уже на информационно-коммуникативном уровне.

В этом случае, коллективная "геометрия" мышления отражает, во-первых, пространство внутренней коммуникации ученого, в данном случае Д. И. Широканова, как творческого источника формирования научной школы. Во-вторых, пространство межличностной коммуникации. С этого пространства и разворачивается коммуникативная "геометрия" мышления научной школы. Здесь имеет место реальное бытие Другого в процессе коммуникации. Основной формой этой коммуникации выступает диалог, который выводит инициатора коммуникации за "пределы себя" и посредством которой последний репрезентирует свои научные идеи Другому. В-третьих, внутри школы может существовать пространство микрогрупповой коммуникации. Это пространство предполагает наличие небольшой группы единомышленников, занимающихся решением конкретной научной проблемы.

Применительно к научной коммуникации как важнейшему средству поиска истины можно вести речь о научной школе, содержательное и культурно-ценностное значение которой трудно переоценить. Научная школа, посредством коммуникативного взаимодействия субъектов, ее составляющих, формирует:

- а) «геометрию» мышления субъектов научного познания;
- б) способствует формированию стиля научного мышления этого субстрата;
- в) утверждает новые формы и методы постижения истины.

В целом, обобщая характеристики научной школы, содержащиеся в ареале философского знания, можно согласиться со следующим. Научная школа – это конкретное сообщество ученых, интеллектуалов, образующих особое пространство циркуляции научной мысли; это конструктивный диалог, в потоке которого возможен напряженный поиск истины. Это бескорыстный, безвозмездный обмен знаниями и идеями, образующий плодотворный слой, на котором выращиваются не только взгляды, но и таланты; это место, где складывается постоянное и взаимное стремление к пониманию Другого; предполагает признание Другого, его самоценности и права на соучастие в творческом поиске. Это школа формирования интеллигента, интеллекта, совершенствования интеллигентности и проверки на интеллигентность. Характеризуя научную среду (в нашем случае школу), В. В. Позняков пишет: «Среда имеет традиции, т. е. комплекс присущих только ей «ритуалов», формализованность которых допустима постольку, поскольку не превращает общение в серое и обязывающее участие. Разрушение среды ведет к угасанию научных сообществ, как живых организмов. Без среды сообщество – это тело без души. Сохраняя внешнюю упорядоченность, организацию, структурность, она утрачивает дух уважительного и бескорыстного творчества» [9, с. 34].

Следовательно, отмеченные характеристики научной школы как особой коммуникативной атмосферы, дают возможность утверждать, что она – необходимое условие формирования индивидуальной и коммуникативной «геометрии» мышления в этом процессе.

К оценке формирования и функционирования научной школы академика Д. И. Широконова можно применить утверждение Д. И. Менделеева, который пророчески утверждал, что «посев научный взойдет для жатвы народной».

Таким образом, научная деятельность академика Д. И. Широконова раскрывает богатство многомерности его «геометрии» мышления через репрезентацию основных направлений его научных изысканий; через подготовку научных специалистов – докторов и кандидатов наук – не только для одной Беларуси, но и ряда стран Европы и СНГ; через формирование научной школы, питающейся его идеями и по сей день.

Список использованных источников

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2007.
2. Богатая, Л. Н. Многомерное мышление в контексте развития представлений о многомерности / Л. Н. Богатая // В кн.: Философия мышления. – Одесса: Печатный дом, 2013.
3. Таранов, П. С. 120 философов / П. С. Таранов // Паскаль. – Симферополь: Реноме, 2002. – С. 125–144.
4. Водопьянов, П. А. Философия и методология науки / П. А. Водопьянов, П. М. Бурак. – Минск: БГТУ, 2006.
5. Зеленов, Л. А. История и философия науки / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров, В. А. Щуров. – М.: Флинта: Наука, 2008.
6. Шавель, С. А. Воображение как ядро творчества / С. А. Шавель // В кн.: Современный социум в мире глобальных перемен. – Минск: Беларуская навука, 2016. – С. 24–49.
7. Лазаревич, А. А. Глобальное коммуникационное общество / А. А. Лазаревич. – Минск: Беларуская навука, 2008.
8. Романов, А. А. Массовые коммуникации / А. А. Романов, Г. А. Васильев. – М.: Вузовский учебник, 2009.
9. Позняков, В. В. Современные типы коммуникаций в науке / В. В. Позняков // В кн.: Национальная философия в современном мире. – Минск: Право и экономика, 2010.

РАННЯЯ ГІСТОРЫЯ КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫІ ЧАСУ: ГАМЕРА І ГЕСІЁД

С. І. Санько

Разгледжаны асабліваці канцэптуалізацыі часу ў старажытнагрэчаскай культуры архаічнай эпохі. Праведзены параўнальны аанліз уяўленняў пра час у Гамера і Гесіёда. Паказана, што, у адрозненне ад Гамера, які засяроджваў увагу на больш ці менш працяглых прамежках часу, Гесіёду было важна падкрэсліць яго хуткаплыннасць і мімалётнасць, што адлюстравалася ў адрозненні ўжываных паэтамі слоў з тэмпаральным значэннем.

Канцэпт ЧАС далёка не адразу вылучыўся як самастойны ў старажытных культурах. Пра гэта, у прыватнасці, сведчаць дадзеныя параўнальна-гістарычнага індаеўрапейскага мовазнаўства: мовы гэтай сям'і не маюць адзінага этымона для намінацыі гэтага канцэпту і развіталі свае ўласныя назвы, відавочна, у пару ўжо адносна самастойнага культурнага развіцця.

Старагрэчаская культура не была тут выключэннем і далёка не адразу развіла тая ўяўленні пра час, якія зрабілі значны ўплыў на станаўленне еўрапейскай філасофіі і навукі. Мы не можам прасачыць гісторыю канцэптуалізацыі часу ва ўсіх дэталях з-за адсутнасці надзейных вельмі ранніх крыніц. У помніках крыта-мікенскага пісьма В (XV – XII стст. да н. э.) мы не знаходзім яшчэ тэрмінаў для абазначэння часу ў поўным абагульненым сэнсе.

Але самыя раннія літаратурныя помнікі – паэмы Гамера і Гесіёда (VIII ст. да н. э.) – ужо сведчаць існаванне слова для абазначэння нейкага ўяўлення аб часовай працягласці: *χρόνος* 'час, пара, узрост'. Спецыфіка гэтага ўяўлення застаецца ўсё яшчэ дыскусійнай. Большасць даследчыкаў (напрыклад: [1, р. 221]) падтрымліваюць думку Германа Фрэнкеля, выказаную яшчэ ў 1931 г [2; 3]. Г. Фрэнкель быў невысокай думкі аб ступені развітасці канцэпта ЧАС у Гамера: «У Гамера мы знаходзім амаль поўную аб'якавасць да часу» [3, р. 1]; «Наогул, у Гамера мы знаходзім неразвітае пачуццё часу» [3, р. 6]. Вядома, Г. Фрэнкель выходзіў з новаеўрапейскага паняцця часу і менавіта яго выкарыстоўваў як меру вышыні эвалюцыйнага развіцця (г. зн. абстрагавання), адводзячы Гамеру ледзь не найніжэйшую яго прыступку, хоць і падаў у сваім артыкуле шмат сапраўды тонкіх і цікавых назіранняў. Катэгарычнасць меркавання Г. Фрэнкеля апошнім часам справядліва аспрэчваецца [4, р. 17].

Слова *χρόνος* ў паэмах Гамера сустракаецца дзясятка разоў (Ном. II. 2.299, 3.157, 14.206, II. 15.511; Од. 4.594, 5.319, 6.295, 11.161, 12.407, 14.193). Як адзначыў ужо Г. Фрэнкель, «*χρόνος* заўсёды стаіць у вінавальным склоне ... ніколі не з'яўляецца суб'ектам і ніколі не выступае самастойна» [3, р. 2], так што пра персаніфікацыю або, тым больш, абагульненне часу, як гэта мела месца ў наступных эпохі, гаворка наогул не ідзе. Некаторыя кантэксты, як быццам, даюць падставы зрабіць выснову, што *χρόνος* абазначае нейкую неакрэсленую працягласць, ніяк не звязаную з пэўнай колькасцю гадзін, дзён, месяцаў, гадоў і

г. д., як гэта адзначаюць Г. Фрэнкель і яго паслядоўнікі [3, р. 2; 5, р. 20–21]. Напрыклад, Адысей, звяртаючыся да Агамемнана і сходу ахейцаў, заклікае:

τλήτε φίλοι, καὶ μείνατ' ἐπὶ χρόνον ὄφρα δαῶμεν
– ἐτεὸν Κάλχας μαντεύεται ἤε καὶ οὐκί.

Пацярпіце, сябры, і пачакайце яшчэ *нейкі час*, пакуль мы даведаемся, ісцінна прарочыць нам Калхас або не.

(Hom. II. 2.299–300)

Гаворка ішла аб прадказанні, што Траянская вайна скончыцца на 10-ы год. Аналагічна ў (Hom. Od. 6.295–296).

Але часцей *χρόνος* азначае ўсё ж дастаткова працяглы прамежак часу, што падкрэсліваецца частым ужываннем слова ў складзе словазлучэнняў *πολὸν χρόνον* 'шмат часу, доўгі час', *δηρὸν χρόνον* 'доўгі, працяглы час'. Так, Гера, угаворваючы Афрадэгу спыніць сварку Акіяна і Тэфіі, якая вельмі турбавала алімпійскіх багоў, кажа:

ἤδη γάρ δηρὸν χρόνον ἀλλήλων ἀπέχονται
εὐνῆς καὶ φιλότητος, ἐπεὶ χόλος ἐμπεσε θυμῷ.
Вось ужо *доўгі час* яны цураюцца адзін аднаго,
агульнага ложка і кахання – бо злосць запала ім у душу.

(Hom. II. 14.206–207)

Старыя, убачыўшы прыгожую Алену на цытадэльным муры, кажуць:

οὐ νέμεσις Τρωῶς καὶ εὐκνήμιδας Ἀχαιοὺς
τοῖηδ' ἀμφὶ γυναικὶ πολὸν χρόνον ἄλγεα πάσχειν:

Няма асуджэння, што траянцы і ахейцы ў шыкоўных накаленніках за такую жанчыну *доўгі час* церпяць пакуты.

(Hom. II. 3.156–157)

У іншым выпадку гэтая вялікая працягласць мае даволі дакладную меру – 9 гадоў:

ἐννέα δὴ βεβίασι Διὸς μεγάλου ἐνιαυτοί,
Девяць прайшло год вялікага Зеўса

(Hom. II. 2.134)

Іншыя кантэксты паказваюць, што «час» у Гамера хутчэй суадносны па працягласці з годам, напрыклад у сцэне, дзе Адысей размаўляе са сваім верным рабом Еўмеем:

τοιγάρ ἐγώ τοι ταῦτα μάλ' ἀτρεκέως ἀγορεύσω.
εἶη μὲν νῦν νῶϊν ἐπὶ χρόνον ἡμὲν ἐδωδῆ
ἦδὲ μέθου γλυκερὸν κλισίης ἐντοσθεν εἶουσι,

...

ρήϊδίως κεν ἔπειτα καὶ εἰς ἐνιαυτὸν ἅπαντα
οὐ τι διαπρήξαμι λέγων ἐμὰ κήδεα θυμοῦ,
ὄσσα γε δὴ ζῦμπαντα θεῶν ἰότητι μόγησα.

Я табе гэта, безумоўна, раскажу шчыра.
Але нават калі б у нас дваіх было *на доўгі час*
ежы і салодкага віна ў тваім буданее,

...
ці лёгка было б мне і за *цэлы год* перадаць усё, распавядаючы бедствы маёй
душы,
якія я зведаў па воле багоў.

(Hom. *Od.* 14.192–198)

У паэмах Гамера досыць прыкладаў таго, што грэкі архаічнай пары былі не абыякавыя да ліку дзён і гадоў, так што высновы некаторых даследчыкаў аб неразвітасці ў іх успрымання і ўсведамлення часу выглядаюць некалькі перабольшанымі. З чым хіба можна пагадзіцца – гэта што ў іх не было ўяўлення аб абстрактным, лінейна бягучым часе, выпрацаванага еўрапейскай культурай на світанку Новага часу.

Зусім іншую карціну ранняй канцэптуалізацыі часу даюць нам паэмы Гесіёда – практычна, сучасніка Гамера – «Тэагонія» і «Працы і дні». Іншую і некалькі парадаксальную. Парадаксальнасць палягае ў тым, што сам Гесіёд практычна не ўжывае слова *χρόνος*. У «Тэагоніі» яно зусім адсутнічае, за выключэннем аднаго вытворнага *μεταχρόνια*, якім характарызуюцца Гарпіі – міфічныя даалімпійскія лютыя напаўжанчыны-напаўптушкі, выкрадальніцы (ст.-гр. *ἀρπάζω* 'хапаць, выкрадаць') дзяцей або чалавечых душ, якія з'яўляюцца падчас буры або навальніцы:

αἱ ῥ' ἀνέμων πνοῆσι καὶ οἰωνοῖς ἄμ' ἔπονται
ὄκεϊης πτερόγεσσι: *μεταχρόνια* γὰρ ἴαλλον.

яны як ветра парывы і птушкам падобна цікуюць (ахвяру)
на крылах імклівых: (як) *метэоры* яны наляцелі раптоўна.

(Hes. *Th.* 269)

Апошняя фраза выклікала цяжкасці яшчэ ў старажытнасці, адпаведна, прапаноўваліся розныя кан'ектуры. І цяпер у перакладах, якія прызнаюцца за класічныя ў розных традыцыях, можна сустрэць розныя яе інтэрпрэтацыі. Так, у англійскім перакладзе Х. Дж. Эвелін-Уайта гэтае месца падаецца наступным чынам: «for *quick as time* they dart along» – «бо імчаць яны *хуткія, як час*» [6, р. 99]. У рускім перакладзе В. Верасаева малоецца некалькі іншыя вобразы: «[Носятся Гарпии эти.] паря *высоко над землею*» [7, с. 29]. В. Верасаеў, відавочна, выкарыстаў кан'ектуру схаліяста да «Арганаўтыкі» Апалонія Радоскага *μεταχρόνιος* замест *μεταχρόνιος* ў апісанні карабля, які высока ўздымаецца на хвалях.

У больш позніх аўтараў *μεταχρόνιος* азначае тое ж, што і *μετάχρονος* 'тое, што адбываецца пасля (пазней)' і звязваецца з дзеясловам *μεταχρονέω* 'ісці следам у часе', які суадносіцца і супрацьпастаўляецца з дзеясловамі *προτοχρονέω* 'адбывацца раней, папярэднічаць' і *συγχρονέω* 'адбывацца адначасова' [8, р. 1118]. І, такім чынам, выкарыстоўваецца не метафарычна, як у паэтаў, а выражае тэмпаральную мадальнасць. Напрыклад, у паэта II ст. н. э. Лукіяна з Самасаты (Самасацкага): *μεταχρόνιοι χρησμοί* 'запозненыя прадказанні' [Luc. *Alex.* 28], г. зн. прадказанні, зробленыя *post eventum*.

Мы выкарысталі ў сваім перакладзе прынятую інтэрпрэтацыю

(«метэоры»), аднак мяркуем, што матывуючым для ўжывання Гесіёдам слова *μεταχρόνιος* было не «высокае лунанне» метэораў у небе, а хуткаплыннасць і мімалётнасць самой з’явы. І ў гэтым сэнсе пераклад Х. Дж. Эвелін-Уайта «хуткія, як час» больш дакладна адлюстроўвае ўспрыманне часу паэтам. Гэта пацвярджаецца кантэкстам ўжывання слова *χρόνος* ў дыдактычнай паэме «Працы і дні».

У гэтай паэме слова *χρόνος* сустракаецца толькі тройчы: двойчы ў спалучэнні з прыметнікамі *παυρίδιος* ‘маленькі, караценькі’ і *παῦρος* ‘невялікі, маленькі, кароткі, непрацяглы’ ў значэнні «кароткі (малы) час»: *παυρίδιον ἐπὶ χρόνον* «на працягу вельмі кароткага часу» (Hes. Op. 133), *παῦρον ἐπὶ χρόνον* «на працягу кароткага часу» (Hes. Op. 326) і адзін раз без прыметніка: *ἐπὶ χρόνον* «з часам» (Hes. Op. 754). Ва ўсіх выпадках гэтыя выразы выкарыстоўваюцца для характарыстыкі мімалётнасці дастатку тых, каму ён дастаецца несправядлівым шляхам або хто дзейнічае ў абыход боскіх і чалавечых устанаўленняў. Тут *χρόνος* – гэта прамежак паміж парушэннем боскіх пастановаў (*θεσμοί*) або чалавечых законаў (*νόμοι*) і непазбежным пакараннем. І гэты прамежак, па вызначэнні, не можа быць працяглым.

Гэта моцна кантрастуе са словаўжываннем ў паэмах Гамера, дзе, як паказана вышэй, *χρόνος* часцей абазначаў дастаткова працяглы прамежак часу.

Аналіз кантэкстаў ужывання Гесіёдам слова *χρόνος* дазваляе зрабіць некаторыя папярэднія высновы аб канцэпце, які выражаецца гэтым словам. 1. Час хуткаплынны і ўяўляе некаторую паслядоўнасць імгненняў (*στιγμὴ χρόνου* ‘імгненні часу’ ў Плутарха), якія ўзнікаюць і знікаюць, падобна метэорам на небе. 2. Час лінейны і канечны і доўжыцца з моманту парушэння належнай меры да моманту яе аднаўлення (дзякуючы ўмяшанню парадкавальнага прыწყыпу – Зеўса або багоў).

Такое разуменне *χρόνος* тлумачыла б, чаму для абазначэння «добрага» часу Гесіёд ускарыстаўся іншым словам, невядомым паэмам Гамера, – *καιρός*. *Καιρός* азначае ‘належная мера, норма; належная пара, зручны час, спрыяльны момант; час (наогул), пара; пару года; зручнае месца, прыдатная кропка; жыццёва важны цэнтр (цела)’. У Гесіёда яно сустракаецца ўсяго адзін раз, але затое ў вельмі паказальным кантэксте: *μέτρα φηλάσσεσθαι: καιρός δ’ ἐπὶ πᾶσιν ἄριστος*. – «Меры пільнуйся: прыдатны час ва ўсім найлепшы» (Hes. Op. 694).

Некаторыя даследчыкі мяркуюць, што *καιρός* ў Гесіёда яшчэ не мае тэмпаральных канатацый, паколькі ў папярэдніх радках гаворка ідзе пра тое, каб не дапускаць перагрузкі карабля ці воза, г. зн. аб неабходнасці выконваць «належную меру», «норму» [9, р. 12]. Аднак па сэнсе працытаваны вышэй пасаж хутчэй не замыкае павучанні пра недапушчальнасць перагрузкі транспартных сродкаў, а адкрывае новы шэраг настаўленняў аб дасягненні ўдалага шлюбу. Так што мы з поўным правам можам меркаваць, што менавіта тэмпаральнае значэнне «прыдатнага» або «спрыяльнага» часу было ў дадзеным выпадку вызначальным. Такім яно пэўна было дзесяцігоддзі пасля, прынамсі, традыцыя, па сведчанні Дыягена Лаэртцага, прыпісвае аднаму з сямі мудрацоў

мітыленцу Пітаку (ст.-грэч. Πιττακός; 651 да н. э. – 559 да н. э.) выслоўе: *καιρόν γυῶθι* «ведай прыдатны час» [10, р. 80]. Яго іншым выслоўем сведчыцца пэўны зрух ва ўспрыманні часу. Распавядаюць, што, калі яго спыталі: *τί εὐχάριστον;* «Што самае ўдзячнае?», ён адказаў: *χρόνος* «Час», а *ἀφανές* «утоенае?» – *τὸ μέλλον* «будучыня», а *πίστον* «надзейнае?» – *γῆ* «зямля», а *ἄπιστον* «ненадзейнае?» – *θάλασσα* «мора» [10, р. 78].

Да персаніфікацыі і абагаўлення часу заставаўся адзін крок. І ён быў зроблены ў тэакасмагоніях орфікаў.

Даследаванне выканана пры падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў (грант № Г18МС-042).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Dux, G. *Gesammelte Schriften* / Günter Dux. – Wiesbaden: Springer Fachmedien GmbH, 2017. – Bd. 4. *Die Zeit in der Geschichte: Ihre Entwicklungslogik vom Mythos zur Weltzeit* / Günter Dux; Mit kulturvergleichenden Untersuchungen in Brasilien (J. Mensing), Indien (G. Dux/ K. Kälble/ J. Meßmer) und Deutschland (B. Kiesel). – 3. Auflage. – xvii, 423 S.
2. Fränkel, H. *Die Zeitauffassung in der archaischen griechischen Literatur* / Hermann Fränkel // Bericht im Auftrage des Ortsausschusses / Hrsg. Hermann Noack. – Stuttgart: F. Enke, 1931. – S. 97–117.
3. Fränkel, H. F. *Die Zeitauffassung in der frühgriechischen Literatur* // Fränkel, H. F. *Wege und Formen frühgriechischen Denkens: literarischen und philosophiegeschichtliche Studien* / Hermann Ferdinand Fränkel; Hrsg. von Franz Tietze. – 3, durchgesehene Aufl. – München: Beck, 1968. – S. 1–22.
4. Jong, I. F. de. *Homer* / Irene J. F. de Jong // *Time in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative* / Ed. by Irene J. F. de Jong, René Nünlist. – Leiden; Boston: Brill, 2007. – P. 17–37.
5. Sattler, B. M. *How Natural is a Unified Notion of Time? Temporal Experience in Early Greek Thought* / Barbara M. Sattler // *The Routledge Handbook of Philosophy of Temporal Experience* / Ed. by Ian Phillips. – London; New York: Routledge, 2017. – P. 19–29.
6. Hesiod. *The Homeric Hymns and Homeric Hymns* / Hesiod; With an English Translation by Hugh G. Evelyn-White. – Cambridge, MA.: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd., 1982. – xlvi, 657 p.
7. Гесиод. *Полное собрание текстов* / Вступ. статья В. Н. Ярхо; Комментар. О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. – Москва: Лабиринт, 2001.
8. *Greek-English Lexicon* / Compiled by Henry George Liddell and Robert Scott; Revised and augmented throughout by Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with the cooperation of many scholars; with Revised Supplement, edited by P. G. W. Glare with the assistance of A. A. Thompson. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – xlv, xxxi, 2042, 320 p.
9. Boschung, D. *Kairos as a Figuration of Time: A Case Study* / Dietrich Boschung. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2013. – 60 p.
10. Diogenes Laertius. *Lives of Eminent Philosophers*: In 2 vols. / Diogenes Laertius; with an English Translation by Robert Drew Hicks. – Cambridge, Mass.: Cambridge University Press; London: William Heinemann Ltd., 1959. – xlix, 549 p.

В. И. ЛЕНИН ПРОТИВ А. ПУАНКАРЕ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДЕРЖКИ КРИТИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК

М. А. Слемнев

Указано на полемическую предвзятость ленинской оценки гносеологических воззрений А. Пуанкаре. Проведена логико-методологическая реконструкция взглядов выдающегося французского математика и физика (1854–1912) на место, роль и границы применимости конвенций в науке. Выяснено его отношение к семантическому, семиотическому и геометрическому направлениям философского конвенционализма.

О философском конвенционализме А. Пуанкаре написано немало работ. Однако глубокие раздумья французского ученого о гносеологических проблемах, с которыми столкнулась наука на рубеже XIX–XX вв., зачастую, либо упрощаются, либо, вовсе искажаются. Последнее, в частности, присуще работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», опубликованной 110 лет тому назад. В ней А. Пуанкаре назван «французским махистом». Здесь же дан совет читателям «не брать его всерьез как философа» [1, с. 304]. Такой вывод признать правомерным нельзя. Пуанкаре – носитель и законодатель нового типа научного мышления, который сегодня именуется «неклассическая рациональность» (относительность к средствам наблюдения, учет условий познания и наличия «следов» субъективного на объективном и др.), подверг процесс поиска истины в новейшем естествознании и математике в целом плодотворной философской рефлексии. Полагаем, что философско-методологические размышления А. Пуанкаре требуют к себе уважительного и очень вдумчивого отношения. Не со всеми его высказываниями можно согласиться. Но считать их дилетантскими некорректно и недопустимо.

Философский конвенционализм многолик. Он существует в различных формах. Три из них, которые можно условно назвать радикальным семантическим, тривиальным семиотическим и геометрическим конвенционализмом (обозначим их РСК, ТСК и ГК) представлены и с той или иной степенью полноты оформлены в работах А. Пуанкаре [2]. В такой последовательности мы и рассмотрим их.

Сущность РСК в предельно четком виде изложил соотечественник А. Пуанкаре физик Ле Руа: «Наука отнюдь не в состоянии открыть нам истину, а может служить нам лишь правилом действия» [3, с. 149]. Она «состоит из одних условных положений» [3, с. 149], а «научные факты и – тем более законы – суть искусственные произведения ученого» [3, с. 149].

Не ясно по какой причине – может по недосмотру, а, скорее всего, по идейно-политическим соображениям, В. И. Ленин сделал А. Пуанкаре единомышленником Ле Руа. По Пуанкаре, пишет Ленин, «законы природы суть символы, условности, которые человек создает ради удобства» [1, с. 170]. В

действительности все выглядит иначе. А. Пуанкаре решительно восстает против принципиальных установок РСК. Цель науки, замечет он, состоит в отыскании законов, которые представляют собой «инвариантные отношения между голыми фактами» [3, с. 167], то есть фрагментами объективной реальности. Эти инварианты не являются предметом конвенционального торга. Закон природы, выраженный на научном языке, «может быть верен или неверен, но не сводится к условному соглашению» [3, с. 167]. Сказанное в полной мере относится и к языковому оформлению объективных или «голых» фактов: «Выражение факта может быть только верным или неверным» [3, с. 157]. И не о каком условном соглашении относительно содержательной части фактуального знания не может быть и речи. Научный факт – это идеальное воспроизведение факта «голового», «первый есть лишь пересказ второго» [3, с. 162].

"Французский махист" со своим пониманием природы и назначения научной теории никак не вписывается и в субъективно-идеалистические схемы Э. Маха и его последователей. Мах вслед за Беркли и Юмом активно развивает идею о том, что понятия, законы, научные теории представляют собой лишенные объективной значимости языковые конструкции и потому имеют "для нас только значение мнемонического приема или формулы, форма которой, будучи произвольной и безразличной, очень легко меняется с состоянием нашей культуры" [4, с. 139]. Но было бы величайшим заблуждением считать, что формальный теоретический каркас обеспечивает содержательное превращение научного знания. Это всего лишь удобная схема для упорядочивания эмпирической информации, своеобразные строительные леса, которые в любой момент можно заменить новыми или убрать вовсе. *Научные теории, по Маху, "суть как бы сухие листья, опадающие после того, как они в течение известного времени давали возможность дышать организму науки"* [4, с. 52].

У А. Пуанкаре совершенно иное отношение к научной теории. По его мнению, последняя призвана выражать "действительно существующие отношения между вещами" [5, с. 110]. Смену в научном познании одних теорий другими он сравнивает не с периодическим опаданием сухих листьев, а "с непрерывной эволюцией зоологических типов, которые беспрестанно развиваются и, в конце концов, становятся неузнаваемыми для простого глаза, но в которых опытный глаз всегда откроет следы предшествующей работы прошлых веков" [3, с. 9]. В этих рассуждениях нетрудно заметить теневое присутствие принципа соответствия, концептуальное оформление которому позже даст Н. Бор. Как видим, считать А. Пуанкаре радикально настроенным конвенционалистом или примитивным махистом нельзя.

Отвергая РСК, А. Пуанкаре отмечает наличие рациональных моментов в учении Ле Руа и его последователей. "Не все, – пишет он, – в этой теории ложно; ей нужно предоставить область, принадлежащую ей по праву, но, не следует позволять ей перейти эти пределы" [3, с. 150]. Сфера допустимого

применения конвенций, которую имеет в виду А. Пуанкаре, это условные соглашения относительно языкового выражения научного знания, знаково-символического оформления как эмпирической, так и теоретической информации (ТСК). Ориентация на удобство, простоту, экономии мышления и иные утилитарно-прагматические соображения является приоритетной и вполне легитимной при осуществлении процедур наименования познаваемого объекта, определении понятий, разработке научной терминологии, выборе измерительных стандартов, расположении знания в те или иные координатные системы и др. Семиотические конвенции такого рода неустранимы из научно-исследовательской деятельности. Они сопровождают научный поиск на любых уровнях и этапах его развития. Обвинять приверженцев ТСК в субъективном идеализме, агностицизме, "познавательном анархизме" и прочих гносеологических грехах просто несерьезно.

Правомерность использования условностей в рамках ТСК А. Пуанкаре иллюстрирует на простых примерах. Если, заметит он, во время солнечного затмения спросить у человека с нормальным зрением – становится ли темно, то тот без сомнения ответит утвердительно. "Отрицательный ответ дали бы те, кто говорит на языке, где свет зовется тьмой, а тьма светом. Но может ли это иметь какое-нибудь значение?" [3, с. 158]. То же самое можно сказать и о метрологии. "Когда я, например, говорю: единица длины есть метр – я делаю постановление, а не констатирую то, что для меня обязательно" [3, с. 158]. Специфика условного предложения здесь состоит в том, что "оно верно лишь потому, что я этого хочу" [3, с. 158].

Разумеется, семиотический произвол в науке недопустим. Вариативность языковой формы обязана обеспечивать инвариантность смыслового содержания. Последнее при любых знаково-символических манипуляциях должно сохраняться. Это необходимое условие взаимопереводимости научных языков. "Возможность перевода, – подчеркивает А. Пуанкаре, – означает существование инварианта. Перевести, значит, как раз выделить этот инвариант. Подобно этому дешифровать документ, значит изыскать то, что считается в этом документе неизменным при переводе его знаков" [3, с. 173].

Создание эмпирически и теоретически эквивалентных описаний на основе обычных семиотических конвенций широко используется в науке как классического, так и неклассического вида. Следует, однако, помнить, что любое тождество всегда конкретно. Это касается и формально различных, но содержательно тождественных систем знания. Они отличаются друг от друга по некоторым структурным и функциональным параметрам. От них в определенной предметной области можно отвлечься. Но учет их обязателен при истощении экстенсивных возможностей теории.

Органическое переплетение содержательных и формально-структурных элементов знания не всегда учитывалось, или, по крайней мере, не акцентировалось А. Пуанкаре. Особенно это касалось презентации одной и той же теории на различных геометрических языках. В итоге А. Пуанкаре стал на

позиции "геометрического конвенционализма".

Если бы, говоря о возможности произвольного конструирования научного языка, А. Пуанкаре имел в виду только изобретение словесных названий для вводимых понятий, буквенной символики, систем измерения физических величин и т. п., то его гносеологические позиции не вызвали бы особых возражений. Однако дело в том, что понятие "научный язык" трактуется им достаточно широко. В разряд обычных знаково-символических средств познания он зачисляет и геометрию.

В противовес распространенным в то время логическим, эмпиристским, априористским, интуитивистским воззрениям на природу геометрического знания Пуанкаре развивает свой конвенционалистский подход. Он придерживается мнения, что начала геометрии (как и любой другой области математики) не могут быть получены ни из логики, ни из фактов опыта, ни при помощи математических суждений априори. Это рядовые конвенции, являющиеся "созданием свободного творчества нашего разума, который в данной области не знает никаких препятствий. Тут он может утверждать, так как он же и делает себе предписания" [5, с. 6]. И это вполне понятно, ибо, с точки зрения Пуанкаре, "геометрия – лишь своего рода условный язык" [6, с. 23].

Таких языков, подчеркивает он, математики могут придумать огромное множество. Понятия "истинное" и "ложное" для их оценки неприменимы. "Истинна ли, – пишет А. Пуанкаре, – Евклидова геометрия? Вопрос не имеет смысла. Это все равно, что спрашивать, верна ли метрическая система мер, а прежние не верны, или верны ли Декартовы координаты, а другие ложны. Одна геометрия не вернее другой, а только более или менее удобна" [5, с. 38]. Если бы речь шла о чистой математической геометрии, формальной логической игре, которая не претендует на описание реальных пространственных характеристик бытия, то с Пуанкаре с некоторыми оговорками можно было бы согласиться. Пространство, рассматриваемое как непрерывная идеальная субстанция, само по себе лишено внутренне присущей метрики. Из такого аморфного континуума можно, действительно, слепить множество различных абстрактных структур, аналогично тому, "как на белом листе бумаги можно начертить безразлично прямую или круг" [3, с. 43], или "из неградуированного термометра сделать то термометр Фаренгейта, то термометр Реомюра" [3, с. 48–49].

Уязвимость ГК А. Пуанкаре заключается не в признании условного характера абстрактных геометрий, а в возможности их свободного выбора для естественнонаучных теорий (за что В. И. Ленин мог бы вполне оправданно покритиковать А. Пуанкаре). Задача по определению привилегированного геометрического языка для изложения соответствующей системы конкретно-научного знания считается им столь же бессмысленной, как, допустим, определение возраста капитана по высоте мачты корабля или опытное установление "количества ярдов в одном футе" [5, с. 56]. Геометрия, замечает

он, связана с частными науками так же, как, например, "французский язык предваряет существо истин, выраженных по-французски" [6, с. 23]. Тот же факт, что все физики до сих пор стремились излагать материал своей области знания в терминах Евклидовой геометрии объясняется им структурной простотой и удобством применения последней. В принципе Пуанкаре не исключал возможность синтеза физической науки с неевклидовыми геометрическими представлениями. Но практическая реализация данной возможности объявляется нецелесообразной из-за громоздкости и крайнего неудобства соответствующего геометрического аппарата. Поэтому и в будущем, считал он, физики будут прибегать только к услугам простой и изящной геометрии Евклида. По существу А. Пуанкаре ставит здесь знак равенства между ТСК и ГК. В итоге геометрия для него превратилась в своеобразную "техническую упаковку" научной информации, ее знаково-механическую оболочку. Тем самым Пуанкаре-методолог оказал очень плохую услугу Пуанкаре-физику.

А. Эйнштейн, как известно, избрал иной путь. Он осуществил синтез новой физики со сложной, противоречащей здравому смыслу Неевклидовой геометрии. В результате абстрактные геометрические структуры слились с объективной метрикой материального мира больших скоростей и сильных гравитационных полей. Условная геометрическая форма наполнилась конкретным физическим содержанием и как бы растворилась в нем. А прежний абстрактный геометрический язык превратился в содержательный естественнонаучный дискурс. При попытках синтеза известных релятивистских эффектов (отклонение луча света в поле тяжелой массы, смещения перигелиев отдельных планет, наклонения оси прецессии гироскопа) в рамках Евклидовой геометрии возникает очень много логических неувязок. Для их преодоления приходится допускать существование каких-то загадочных сил природы, вводить ненаблюдаемые объекты, совершать существенную корректировку испытанных на практике физических законов и др. Напротив, при использовании Неевклидовой геометрии, появляется возможность убедительно и изящно интерпретировать необычную эмпирическую информацию. Причем есть все основания ожидать, что при поступлении нового экспериментального материала в Евклидовом варианте появятся дополнительные каузальные, семантические и дескриптивные аномалии, а Неевклидов сохранит свое эстетическое совершенство, математическую красоту и предсказательную силу. Достичь здесь логико-семантической взаимопереводимости научных языков, которой требовал А. Пуанкаре, невозможно.

Таким образом, конвенции, условные соглашения, свободный вымысел занимают важное место в научно-исследовательской деятельности. При умелом использовании они превращаются в эффективное средство генерирования и оптимального оформления научного знания. В случае превышения границ их применимости научный поиск заходит в тупик. Лучшее подтверждение тому – научное творчество А. Пуанкаре. Если бы он не придерживался

индетерминистских установок им же созданного геометрического конвенционализма, то релятивистская физика сегодня могла бы называться теорией относительности Пуанкаре-Эйнштейна.

Список использованных источников

1. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч., т. 18. – М.: Политиздат, 1989.
2. Слемнев, М. А. Конвенции в науке: природа и ограничения (концепция А. Пуанкаре) / М. А. Слемнев // Ученые записки "УО ВГУ имени П. М. Машерова. Сборник научных трудов". – 2011. – Т. 11. – С. 107–114.
3. Пуанкаре, А. Ценность науки / А. Пуанкаре. – М., 1906.
4. Мах, Э. Принцип сохранения работы. История и корень его / Э. Мах. – СПб: Общественная польза, 1909.
5. Пуанкаре, А. Гипотеза и наука / А. Пуанкаре. – М., 1904.
6. Пуанкаре, А. О принципе относительности пространства и движения / А. Пуанкаре // Принцип относительности. Сборник работ по специальной теории относительности. – М. – Л.: Атомиздат, 1973.

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОГРАНИЧЕННОЕ РАЗНООБРАЗИЕ – НЕОСВОЕННЫЙ РЕСУРС ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. КРИТЕРИЙ ТОНКОЙ ДИАГНОСТИКИ НОРМЫ-ПАТОЛОГИИ САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ СИСТЕМ

Э. М. Сороко

Принцип раздвоения единого главный в диалектике. Основной бинар – материя (вещество) и идея (сознание). Тем самым диалектика «питает» иерархичные общества с классовым неравенством. Информация – нечто третье по отношению к материи и сознанию. Тут ее особый статус (Н. Винер). Под информацией понимали сведения, передаваемые по каналам связи и управления, а значит форма ее организации – иерархия, поток необходимостей. Но обнаружена ее новая сущность – ограниченное разнообразие в ансамблях, совокупностях, распределениях. Интегральные показатели ограниченного разнообразия позволяют управлять процессами становления качества сложных комплексов, эволюционирующих систем как «организмических множеств». Это новый путь овладения инновационной динамикой сложного, процессами стремления многого к качественному состоянию меры и гармонии, к единству и тождеству вертикалей и горизонталей в осистемливании субстрата в ходе информогенеза.

Принцип раздвоения единого В. Ленин называл сутью, основной чертой диалектики, более того, законом познания и законом объективного мира. И если признать факт существования всеобщих тотально действующих законов объективного мира, бытия как такового, то закон раздвоения единого должен быть признан первым среди них – глобальным, универсальным, вездесущим. Ему подчинено практически все в материальном и духовном универсуме, о каких бы сторонах последних ни шла речь. И даже сама диалектика, как общее учение о развитии, подразделяется на субъективную, связанную с деятельностью субъекта, его мышлением и творчеством, и объективную – диалектику природы.

Но не Ленин автор данного принципа – принципа раздвоения единого. Он лишь его пропагандист. Есть текст Платона (впрочем, и его авторство некоторыми исследователями оспаривается), в котором сформулирован принцип раздвоения единого как генеральный структуропорождающий механизм всякого универсума. Бытует афоризм: есть только один философ – Платон, остальные же лишь его комментаторы. Платон, по-видимому, был первым, кто вполне осознал всю его значимость в качестве той первичной «ячейки действия» в системе мироздания, где на минимальном уровне простоты проявляются единые для универсума акты системогенеза, порождаются феномены «синергии» и «антагонии»: «Что поистине удивительно и божественно для вдумчивого мыслителя, так это присущие всей природе удвоение числовых значений и, наоборот, раздвоение – отношение,

наблюдаемое во всех видах и родах вещей» (Платон. Послезаконие, 990с–991а).

Внутреннее пространство всякого раздвоенного единства, или бинарной оппозиции, структурировано. Его можно представить в качестве стоячей волны с чередуемостью «горбов» и «впадин», сгущений и разрежений – узлы и пучности. Если это пространство измеримо, то в узлах гармонично соединяются полярности – члены отношения. Пучности, или антиузлы, – это точки дисгармонии. Первые для действующей в этом пространстве меры являются аттракторами, местами притяжения. Их называют обобщенными золотыми сечениями [1]. Вторые, антиузлы, – дистракторы, или репеллеры. Для меры – это места выталкивания. Характерно, что и в действительности, в системах качественно самых различных специфик, масштабов, предметных профилей, а не только в абстрактном пространстве бинарной оппозиции, действует этот универсальный для всего сущего принцип притяжения–выталкивания. Соответственно, с первыми связывают гармоничное строение сложных объектов, четкий устанавливающийся в них внутренний порядок, наиболее адекватную их сущности организацию, их системное качество, а если это системы функциональные, – наиболее экономичный, т. е. с минимумом всевозможных энергетических и прочих издержек режим их действия, обменных процессов, затрат ресурса. Со вторыми же – отсутствие такового, внутреннюю дисгармонию и, как следствие, – их низкую эффективность и продуктивность.

Рассматривая феномен информации с позиций принципа раздвоения единого, поскольку нет предпосылок к тому, чтобы данный принцип здесь не работал, можно констатировать тот же процесс двояковыраженности ее в своей сущности, которая, как и всякая иная сущность, едина. И действительно, информацию подразделяют на два типа – функциональную, или действенную (функция есть деятельная сущность человека) и структурную, или атрибутивную. С одной стороны, информация как знания, или передаваемые по каналам связи и управления сведения, а с другой – информация как ограниченное разнообразие, так или иначе связанное в строении объектов реального мира, где она в структуре всех систем как внутренне дифференцированных целостностей.

Свойства той и другой подробно и обстоятельно изучали и обсуждали в прошедшей в середине 70-х годов прошлого века широкомасштабной научно-философской дискуссии, которая разделила ее участников на два непримиримых фронта. «Функционалисты» не желали признавать «атрибутивистов», а те, в свою очередь, не признавали категоричные суждения первых. Впервые же проблему информации как ограниченного разнообразия, заключенного в структуре всех вещей объективного мира поставил Норберт Винер. Он нашел, что вкуче с материей и сознанием информация образует ту триаду начал, на которых зиждется мир.

Тем не менее, информация в ее первом смысле – сведений, знаний, получила более масштабное распространение в общественном сознании. На

наш взгляд, это обусловлено исторически: картезианская парадигма логического аналитизма, восходящая к Сократу с его методом наведения (знаменитая майевтика) и Аристотелю («Аналитика», «закон исключенного третьего»), самодовольным образом подчинила науки, вынудив их застраиваться по логической схеме, времениподобно, «траекторийно», иерархически, с многими ветвями и побегами и классификацией по УДК. Это и не могло быть иначе, ибо логика есть последовательность необходимостей, подобно тому, как экономика – оптимальное распределение ресурса. Системы второго типа – модульные, или блочные, выпали из поля зрения ученых-системщиков. Но именно здесь в наиболее отчетливой и критериально достоверной форме проявляются свойства атрибутивной (структурной) информации.

Системный подход, получивший развитие со второй половины прошлого столетия (т. е. он сравнительно молод и не успел породить традицию), во многом использует концепцию пространственности, а ее можно связать с превращенной идеей множественности, ведущей к разнообразию. Ведь в обобщенной трактовке «пространство есть множество параллельных рядов событий» [2, с. 136]. И не только событий, но и альтернатив, действий, свойств, сторон вещей, частей целого, структурных групп, объектов как систем и систем объектов, траекторий, народнохозяйственных отраслей и пр., и т. п. Фундаментальные качества человека (разум-чувства-вера-воля) также образуют *четырёхмерное атрибутивное пространство* его интеллекта – структурированной системы его ценностей. Размерность четыре в данном случае конституирована Аристотелем: у него идеалом был «человек истинно добродетельный и "безупречно квадратный"» (Никомахова этика 1100 b22).

Четверица вообще широко распространена в природе, как живой, так и косной: четыре типа темперамента человека, четыре группы его крови, четыре «буквы» генетического кода, четыре стадии онтогенеза насекомых, четыре фазовых состояния вещества, четыре вида фундаментальных сил и т. п. Чем это предопределено – пока до конца не ясно. Но есть ряд простых схем, которые дают варианты ответа. Например, дважды продействовавший принцип раздвоения единого (а это элементарный цикл закона отрицания отрицания) дает в итоге 4 элемента. Не случайно и то, что Аристотель, конструируя базис фундаментальных атрибутов человека, остановил свой выбор на четверице как истинном варианте.

Четыре названные составляющие человека как атрибуты его внутренней духовной сущности позволяют дать типологию интеллекта – по атрибуту-доминанте: человек рационалистичный (отличать от *Homo Sapiens* – родового антропологического признака); человек сенситивный, живущий чувствами; человек врывающий и человек волевой.

И здесь кроется важнейший ресурс для развития креативной, инновационной деятельности человека, дефицит которой в нашем обществе весьма ощутим. Рассмотрим это детальнее. «Постановка» разума, умения

мыслить совершается в университетах и академиях; «воспитание чувств» происходит в учреждениях культуры и искусства – театрах, музеях, концертных залах, на стадионах; для удовлетворения веры в общении с Абсолютом, Богом существуют храмы. Для закалки же воли, с целью подготовки вступающего в жизнь молодого человека, в обществе нет подobaющих институтов. И в этом кроется тотальный изъян воспитания: включаясь в общественные отношения, молодые люди, нередко не выдержав испытания соблазнами «запретного плода», уходят в эскапизм, приобретают социально вредные привычки, от которых потом не просто избавиться. Начиная самостоятельную жизнь, молодой человек оказывается не подготовленным к ее трудностям, и это служит источником многих индивидуальных трагедий. Здесь, как нетрудно узреть, заключен потенциальный ресурс самоорганизации человека, который может быть актуализирован, если общество учредит соответствующие институты медитативного волевого тренажа, хотя бы путем освоения опыта Шаолиня. Но более реальным представляется изучение и использование древнего опыта родовой славянской культуры, где такие методики существовали и были весьма эффективными, но со временем по разным причинам из «строя жизни» были элиминированы. При их реанимации у человека освободились бы и должным образом выправились его духовные силы, более продуктивно раскрывался бы его творческий созидательный потенциал для умножения ценностей общества. Элементы того, как строить институты такого рода, можно найти в разное время изданных в Минске сборниках «Славянское вече» (Вып. 1, 2, 3, 4).

Второй ресурс инновационной деятельности кроется в самом смысле информации как ограниченном разнообразии, которое легко поддается гармонизации по определению, а следовательно – обновлению наших представлений о качестве сложных систем, каковой бы ни была их природа, и его теоретическому и практическому обеспечению.

Если традиционные предметные науки способны решать задачу различными методами, то трансдисциплинарные ветви знания, активно использующие идеи пространства и ограниченного разнообразия (а это общая теория систем, синергетика, эволюционика, диатропика как наука о разнообразии [3], гармонистика и другие) – одним методом могут решать разные задачи из различных предметных наук. Те и другие, можно сказать, ортогональны и соотносятся между собой как поперечные и продольные нити в ткани – основа и утoк.

Ограниченное разнообразие (а оно всегда наличествует во множестве качественно, или масштабно, или объемно различных субъективов – субъектов, или акторов, компонентов, групп, сторон, фракций, удельных весов, вероятностей, частей целого) можно выразить единой обобщенной характеристикой – коллективной переменной. В качестве последней могут фигурировать, к примеру, образующие раздвоенное единство меры хаоса (разнообразия) и организации (единообразия) – энтропия и избыточность.

Нормируя их, т. е. исчисляя каждую в отношении к своему максимуму, и приравнивая к узлу меры, получаем *матрицу удельных весов* членов гармонизируемого ансамбля, а значит и качества образуемого ими целого. Такова основа принципиально новых информационных технологий проектирования сложных систем. Если в настоящее время развитие получили традиционные информационные технологии, которые зиждутся на первом, функциональном определении информации как передаваемых по каналам связи и управления сведений, то информационные технологии, базирующиеся на втором определении информации как ограниченном, допускающем гармонизацию, разнообразию, еще не освоены. В них скрыт гигантский ресурс инновационной деятельности, революционизирующей практику на пути создания и обеспечения системного качества сложных объектов. Он, этот ресурс, пока не приведен в действие, но обладает мощным потенциалом, и потому за ним будущее.

«Россия – это цивилизация Меры» [4]. Автор данного лапидарного афоризма – Сергей Александрович Лисовский, действительный член Русского Географического общества, аналитик, эколог, журналист, главный редактор газеты «Общество и экология» (Санкт-Петербург). Располагая знанием принципов самогармонизации систем природы, методов гармонизации сложных систем общества, критериев гармонии и ключом к процессам ее операционального обеспечения, мы бы этот афоризм дали в такой редакции: «Россия – цивилизация Меры и Гармонии». Речь в данном случае может идти не об актуальном, нынешнем состоянии России, которая ныне находится на взлете, выбираясь из глубокого кризиса, постигшего ее после распада СССР. Речь – о перспективе, если не ближайшей, то дальней и среднесрочной, о предстоящем состоянии, к которому направлены все устремления ее, сохранившей родовые корни, традиции, духовность, атрибуты славянской ментальности, здоровую созидательную жизненную силу, всегда отличавшую Русского Человека. И то же будущее ждет со-родственную и близкую ей по культурным началам и этническим чертам Беларусь, равно как и Украину.

Список использованных источников

1. Сороко, Э. М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонии систем. – 2-е изд. – М., 2006.
2. Александров, А. Д. О философском содержании теории относительности // Эйнштейн и философские проблемы физики XX века. – М., 1979.
3. Чайковский, Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. – М., 1990.
4. Лисовский, С. А. От дикого капитализма к экологическому социализму // Славянское Вече – 4: материалы международной научно-практической конференции «Славянский мир: от истоков к будущему», 11–13 января 2008 г. / Ред. кол.: Э. М. Сороко (предс.), В. Н. Ростовцев, Л. Т. Туровская и др. – Минск: БОО «Русь», 2008.

СУБСТАНЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ОНТОЛОГИЯ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ КВАНТОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

А. Н. Спасков, А. Л. Симапов

В статье дается субстанциально-информационное обоснование квантовой онтологии и объяснение редукции волновой функции в квантовой механике как реализации психофизического единства в акте взаимодействия двух зеркально симметричных в квантовом расслоенном времени и комплексно сопряженных миров – объективного физического мира и субъективного мира психики. Определяется логически замкнутая система трех фундаментальных понятий, составляющих категориальный базис субстанциально-информационной онтологии. В отличие от известных информационных подходов вводится понятие источника информации, который имеет субстанциальную природу и понятие фундаментального носителя информации – хронального расслоенного континуума.

В различных интерпретациях квантовой механики до сих пор не достигнуто ясности в понимании онтологии, лежащей в основе квантовой физики. Мы традиционно понимаем под онтологией учение о бытии, но в каком смысле можно говорить о бытии или о существовании квантовых объектов? Ведь их свойства или качества проявляются только в процессе наблюдения, а это значит, что вне процессов наблюдения или измерения этих объективных феноменов просто не существует в явном виде.

Можно предположить, что не существует независимой от субъективного представления объективной реальности, а само существование и означает возникновение в едином акте взаимодействия субъект-объектной реальности. Таким образом, объективная физическая и субъективная психическая реальности взаимно комплементарны друг другу и возникают в процессе раздвоения единой реальности. А эта единая реальность и представляет собой квантовое состояние физического мира, которому соответствует бессознательный уровень психики.

Таким образом, материя и разум или сознание – это два фундаментальных основания единой психофизической реальности. Это означает, что любому уровню организации материи соответствует определенный уровень жизни и сознания.

Согласно традиционным научным представлениям, сознание и разум – это продукт длительной эволюции материи, в результате которой в начале возникла жизнь, затем психика и лишь затем сознание и разум, воплощенный в Homo sapiens. При этом сознание рассматривается как некоторое эмерджентное свойство высокоорганизованной материи, возникающее на определенной стадии развития вместе с его органом – человеческим мозгом.

В таком случае, сознание – это не более чем определенная степень организации материи и мы можем представить эволюцию как возрастание

сложности и внутренней организации материи. При этом сложность и организация систем связывается с увеличением количества внутренних элементов и функциональных связей между ними и их качественного разнообразия. Мы полагаем, что такая мировоззренческая установка является пережитком механистической картины мира, укоренившимся не только в обыденном, но и в научном сознании.

В самом деле, при таком подходе весь мир рассматривается как совокупность неизменных базовых элементов (атомов, элементарных частиц и т. д.), а качественное разнообразие объясняется различным сочетанием и геометрической формой их связи в единую структуру, а также разнообразием их собственных движений, включенных в синхронном и диахронном порядке в единую функционирующую систему. Возможно, уже сейчас наука стоит на пороге открытия самого фундаментального уровня организации материй в виде суперструн или других простейших элементов материи. В этом и заключается реализация «мечты об окончательной теории», о которой пишет Стивен Вайнберг [1].

Мы полагаем, что физика действительно может достигнуть в теоретическом объяснении самого глубокого уровня материального мира. По крайней мере, можно ожидать описания в единой теории всего эмпирического многообразия феноменального физического мира. Уже сейчас ясно, что в этой теории помимо эмпирически наблюдаемых объектов будут присутствовать и ненаблюдаемые непосредственно теоретические конструкты, обладающие онтологическим статусом. То есть таких базовых элементов мира, существование которых мы принципиально не сможем подтвердить непосредственным эмпирическим наблюдением, но необходимым образом должны принять в качестве предельных умпостигаемых оснований.

Но жизнь, психика и сознание – это нечто большее, чем структурное и функциональное разнообразие, организованное на основе простейших базовых элементов. Невозможно логически вывести эти феномены из реляционных отношений базовых элементов, если только не предположить, что жизнь и сознание – это внутреннее субстанциальное свойство, изначально присущее этим элементам.

В построении квантовой онтологии мы придерживаемся принципа монизма, согласно которому в основании всего сущего предполагается некая единая субстанция. Таким образом, субстанция понимается нами как единый источник и причина существования всего многообразия объективных феноменов и их субъективного представления. Можно сказать, что субстанция – это генератор субъективной и объективной реальности. А все многообразие мира порождается в результате субстанциальной деятельности.

Таким образом, субстанция сама по себе самодостаточна и ни от чего не зависит, а значит – не может быть чувственно воспринимаемой и умпостигаемой. Но от субстанции зависит все многообразие феноменального и ноуменального мира, а также наша субъективная способность чувственно

воспринимать и умственно постигать этот мир.

Рассмотрим теперь как на основании субстанциального монизма можно сформулировать принцип генезиса информационного многообразия. Здесь основополагающими и системообразующими принципами становления новой реальности будут принципы раздвоения единого и принцип спонтанного нарушения симметрии, в результате действия которых в первичном сингулярном состоянии единого возникает объект и субъект, при условии неизменности их единого субстанциального основания. При этом объект и субъект возникает в результате поляризации первичного единства на два противоположных состояния – бытия и небытия. Состояние бытия означает собственное субъективное переживание «я есть» и ему комплементарно соответствует объективное условие существования «не я есть», как внешняя граница собственного присутствия в мире.

Понятие начального сингулярного состояния единого – это та характеристика трансцендентной субстанции, которую мы можем представить в уме как простейшую идею «ничто», из которого, в результате деятельности субстанции возникает все, подобно тому, как из идеи нуля мы можем извлечь бесконечный ряд положительных и отрицательных чисел. Оно соответствует абсолютному тождеству Фихте «Я есмь Я», которое «есть изначальная деятельность, акт самосозидания, из которого можно вывести все содержание мира представлений, так же как и его форму» [2, с. 197]. В некотором смысле наше понимание субстанции аналогично «принципу Я» в трансцендентальной философии Фихте и Шеллинга, согласно которому «Я есть не что иное, как деятельность. В акте самосознания Я само себя порождает; в этом акте совпадают порождающее и порождаемое, действие и его продукт, субъект и объект» [2, с. 214].

Первичным состояниям бытия и небытия соответствует двоичный информационный код, на основании которого мы можем построить элементарную модель субъективного представления объективной реальности. Таким образом, мы имеем субстанцию, которая генерирует и воспринимает информацию и двоичный информационный код, с помощью которого эта информация представляется. Осталось найти форму представления этой информации, руководствуясь при этом принципом простоты.

Первый основополагающий принцип, порождающий все многообразие событий, это – деятельность субстанции. Событие – это всегда совместное бытие объекта и субъекта, которые возникают в результате субстанциального акта раздвоения единого сингулярного состояния на два противоположных состояния бытия и небытия. В этом первичном акте возникает как содержание информации в виде противоположных экзистенциально переживаемых состояний, соответствующих двоичному информационному коду, так и представление этой информации в форме события. Мы предполагаем, что формой субъективного представления событий является внутреннее время. Это внутреннее время, которое является необходимым атрибутом психики, мы

назовем хрональную протяженность, аналогично тому, как Декарт ввел понятие пространственной протяженности, как необходимого атрибута физических тел.

Таким образом, мы получаем логически замкнутую систему трех фундаментальных понятий, составляющих категориальный базис субстанциально-информационной онтологии:

– *субстанция* – трансцендентная, самодостаточная и активно действующая причина порождающая субъект и объект, объективную реальность и ее субъективное представление, генератор информационного многообразия и изменчивости, источник творческой активности, реализуемой в феноменальном мире;

– *хрональный континуум* – потенциальная протяженность, представляющая форму существования и необходимый атрибут психики, имеющая структуру расслоенного времени, которая может быть в двух квантовых состояниях, соответствующих фундаментальному двоичному информационному коду;

– *информация* – мера разнообразия, которое генерируется субстанцией, динамически проявляется в феноменальном мире в виде активного действия и отображается в хрональном континууме как статическое состояние (запись) структурно упорядоченной системы квантовых состояний, выраженное на языке двоичного информационного кода.

Согласно Клоду Шеннону, одна и та же информация может быть записана на любом физическом носителе. Это говорит об универсальном статусе информации, которая не зависит от конкретного физического носителя. Кроме носителя, содержание информации не зависит также и от информационного кода, с помощью которого она выражается. То есть одну и ту же информацию мы можем выразить на разных языках, при условии ее однозначного представления в источнике и распознавания в приемнике. Это значит, что субъекты, вступающие в информационную коммуникацию, должны обладать одним и тем же ключом для кодирования и декодирования информационного сообщения.

Таким образом, в отличие от традиционных информационных подходов мы вводим понятие субстанциального источника информации, и понятие фундаментального носителя информации – хрональный расслоенный континуум, являющийся необходимым атрибутом психики и формой ментальных представлений. В соответствии с этим, универсальным носителем и онтологическим основанием любой информации и является сознание.

Особенностью нашего подхода к обоснованию квантовой онтологии и интерпретация квантовой механики является то, что мы рассматриваем любой квантовый объект, наблюдаемый в эксперименте и представленный в нашем сознании одновременно и как квантовый субъект, вступающий с нами в информационную связь.

Физические взаимодействия между элементарными частицами, в

результате которых происходит энергетический и информационный обмен, а также процессы взаимопревращений частиц при сохранении базовых инвариантов всей системы, мы рассматриваем как процессы жизнедеятельности и метаболизма этих квантовых объектов, представляющих собой элементарные организмы. Мы считаем, таким образом, элементарные частицы простейшими живыми существами, фундаментальным свойством которых является способность воспроизводить собственные внутренние состояния и процессы, а также самих себя и себе подобных существ по определенной информационной программе.

Кроме того, мы придерживаемся идеи панпсихизма, считая, что в природе все обладает сознанием, а фундаментальным свойством сознательных существ является способность воспринимать, перерабатывать и производить значимую для их жизнедеятельности информацию.

Одной из парадоксальных особенностей квантово-механического описания реальности является использование комплексных чисел. Но до сих пор нет ясности в понимании онтологического статуса мнимых чисел, т. к. все измеряемые физические величины выражаются в действительных числах. Например комплекснозначная волновая функция имеет абстрактный математический смысл амплитуды вероятности, но не имеет сама по себе физического смысла. И лишь квадрат волновой функции, дающий действительное число при умножении волновой функции на комплексно сопряженную ей функцию, имеет физический смысл плотности вероятности нахождения частицы в определенном состоянии.

Минделл Арнольд, описывая психологию наблюдения, вводит специальный термин *конъюгации* для определения математической операции умножения комплексного числа на его отражение, результатом которой всегда бывает действительное число: «Психологический процесс конъюгации или осознанного сновидения включает в себя два отдельных аспекта. Один из них, относящийся к НОР (необщепринятая реальность – А. С.), представляет собой развертывание переживания (аналогичное умножению комплексного числа на его отражение). Другой составляет конечный результат этого процесса (или операции), которым можно поделиться с другими, – это догадка или интерпретация, аналогичная действительному числу» [3].

В субстанциально-информационной интерпретации квантовой механики мы объясняем процесс наблюдения квантового объекта как представленность его в нашем сознании в виде зеркально симметричного образа как в пространстве, так и во времени. В этом случае единая реальность, возникающая в акте взаимодействия квантового объекта и сознания, имеющего квантовую природу, будет представлена в действительных числах как результат сопряжения физической и психической реальности. Таким образом, мы объясняем действительную реальность как результат психофизического единства двух комплексно сопряженных миров, а именно – объективного квантового внешнего мира и субъективного внутреннего мира психики.

В этом случае сознание можно представить как интерфейс или зеркальную поверхность, по одну сторону которой находится внешний объективный мир, а по другую – наша подсознательная психика. Сам по себе объективный квантовый мир – это неопределенное еще состояние суперпозиции множества возможных состояний, которое описывается комплексными числами. То же самое можно сказать и о комплексно сопряженном ему субъективному миру подсознания. Но лишь в акте наблюдения в нашем сознании возникает субъективный образ объективного мира, представленный действительными числами как результат их комплексного сопряжения и взаимной аннигиляции их мнимых составляющих.

Публикация подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г18Р-267 от 30.05.2018 и №Г18МС-042 от 30.05.2018) и Российского фонда фундаментальных исследований (грант №18-511-00025 Бел_а).

Список использованных источников

1. Вайнберг, С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы / С. Вайнберг // пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Гайденко, П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке / П. П. Гайденко // М.: Прогресс-Традиция, 2007.
3. Минделл Арнольд. Квантовый ум [Грань между физикой и психологией] / А. Минделл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/88227>

БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПАРКА ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. П. Старжинский

В статье дано описание базовых элементов инновационной инфраструктуры (как основы создания внутренней инновационной бизнес-среды): бизнес-инкубатора, стартап-движения, бизнес-акселератора, коворкинга и др.

Основные приоритеты инновационного развития. Главная задача администрации Парка высоких технологий – это создание оптимальной инновационной среды для развития компаний, деятельность которых связана с информационно-коммуникативными технологиями. Сущность этой методологии инновационного развития заключается в том, чтобы создать определенную инновационную инфраструктуру и среду с высокой концентрацией компетентных специалистов в определенной области. Данная среда позволяет возвращать инновации, превращая их в высоко востребованный коммерческий продукт. И если у инноватора возникла какая-то идея, то он в этой среде всегда может найти себе партнера, который поможет воплотить эту идею в жизнь. Создание такой среды, говоря языком математики, является необходимым, но не достаточным условием для превращения идеи в инновационный коммерческий продукт. Опыт развития ПВТ подтверждает, что для поддержки инновационного развития необходимо создать специализированную систему ресурсов, которая будет формировать и поддерживать внутреннюю и внешнюю среду малого инновационного предприятия (компания), так называемую инновационную инфраструктуру.

Проектирование внешней инновационной бизнес-среды ставит цель привести к конвергенции образовательной, научно-исследовательской, проектно-технологической и рыночной сред. Инструменты поддержки и приоритеты: государственные преференции, защита прав интеллектуальной собственности, венчурное инвестирование, кадровый ресурс, кластерная форма организации и др.

К базовым элементам инновационной инфраструктуры как основы создания внутренней инновационной бизнес-среды относятся: бизнес-инкубатор, коворкинг, бизнес-акселератор, стартап-движение и др.

Бизнес-инкубатор. Одним из элементов инновационной инфраструктуры является бизнес-инкубатор, который выступает средством поддержки бизнеса на начальном этапе его развития. Бизнес-инкубаторы создаются как инструменты для поддержки производственного бизнеса, создающего продукты в виде товаров или услуг. При этом бизнес – должен быть направлен, прежде всего, на содействие экспорту и формированию положительного платежного баланса для страны. Что касается развития бизнес-инкубирования в ПВТ, то данные инструменты будут направлены только на поддержку IT-

проектов, поскольку это является основным направлением работы Парка высоких технологий. Если говорить об этой проблеме в рамках Беларуси, то следует отметить достаточно большое количество технологических парков, которые осуществляют весьма разнообразные виды деятельности.

Бизнес-инкубатор нацелен на то, чтобы начинающий бизнесмен мог выбрать бизнес-идею, построить бизнес – модель, на основе реализации которой создать бизнес – производство коммерческого продукта. Вторая функция бизнес-инкубатора состоит в том, чтобы помочь тому, у кого есть идея, защитить права интеллектуальной собственности, стать правообладателем и внести эту собственность в качестве некоего уставного капитала в предприятие. Третья функция – это получение финансирования, в том числе венчурного. Заметим, что государство не финансирует рискованные проекты, поскольку выступает гарантом устойчивости и стабильности развития народно-хозяйственного комплекса. Наконец, бизнес-инкубатор оказывает маркетинговую помощь и создает систему профессиональных сообществ. Данное обстоятельство весьма важно в плане становления бизнеса, поскольку созданию профессионального сообщества на основе коммерческой компании могут препятствовать конкурентные отношения. Например, в Парке более 40 компаний-резидентов занимаются разработкой приложений под мобильную платформу Android. На площадке бизнес-инкубатора выступают приглашенные нами специалисты из «Гугла», которые рассказывают о тенденциях и направлениях разработки платформы. Несмотря на то, что встречаются разные субъекты хозяйствования, крайне важно, что они объединены профессиональным стремлением определиться с главными трендами развития технологических направлений Android, от которых зависит успешность деятельности в написании мобильных приложений. Аналогично обстоит дело в игровом и других сегментах разработки компьютерных программ. Поэтому формирование профессиональных сообществ является одной из задач повышения профессиональной культуры программистов.

Бизнес-инкубатор, как уже говорилось, – это предприятие, занимающееся поддержкой стартап-проектов молодых предпринимателей на всех этапах развития – от разработки идеи до ее коммерциализации, предоставляя стартапам помещения для работы, административную поддержку, консультационные услуги и доступ к базам данных. Основной задачей бизнес-инкубаторов является формирование благоприятной среды для развития и поддержки субъектов малого предпринимательства посредством создания стимулирующих организационно-экономических условий. На сегодняшний день в мире действует более 3000 бизнес-инкубаторов.

Существенным вкладом ПВТ в развитие стартапов и ИТ-образования в Беларуси стало открытие бизнес-инкубатора ПВТ, который стал уникальным центром притяжения для талантливых белорусских ИТ-специалистов. Данный бизнес-инкубатор не имеет аналогов в Республике Беларусь и будет способствовать реализации в стране, прежде всего, продуктовой модели ИТ-

индустрии, а также появлению быстро растущих высокодоходных белорусских инновационных компаний мирового уровня. В здании бизнес-инкубатора ПВТ в сентябре 2014 г. был открыт Белорусско-корейский центр информационного доступа. На базе этого центра организованы постоянно действующие обучающие курсы по инновационному предпринимательству в области ИТ для начинающих предпринимателей, реализующих стартап-проекты в этой сфере.

Бизнес-инкубатор ПВТ, который построен и запущен в 2015 году, стал площадкой национального и даже мирового уровня, где проводятся конференции, семинары и презентации по использованию ИТ в различных сферах – образовании, науке, экономике, государственном управлении и др. В бизнес-инкубаторе проводится на постоянной основе обсуждение актуальных вопросов и тенденций развития ИТ-индустрии, выступления представителей удачных стартапов, известных отечественных ИТ-компаний, а также зарубежных предпринимателей. Помимо поддержки своих малых компаний, государство оказывает преференции зарубежным технологическим компаниям. Действительно, любая «хай-тек» компания может выбрать страну, где разместит центр разработки. При этом учитываются многие факторы. Одним из них является наличие недорогой инфраструктуры и помощь, которую государство оказывает при вхождении в рынок. Ведь иностранная компания не знает ни законов страны, ни обычаев ведения бизнеса, ни правил финансовой отчетности; у нее нет связей в государственных органах, в университетах. В этом ей также должен оказывать помощь бизнес-инкубатор ПВТ.

Стартап-движение. Впервые термин «стартап» (от англ. start-up – запускать) появился в США, и означает систему мероприятий по поиску бизнес-идей и последующей организационной, финансовой и другой поддержки начинающий компаний. Как правило, такие компании созданы недавно и находятся в начальной стадии развития или поиска перспективных сегментов рынка. Начинающие компании в сфере высоких технологий часто называют хайтек-стартапами, а в сфере информационных технологий и интернет-проектов, называют ИТ-стартапами. Появление термина «стартап» обязано компании Хьюлетт-Паккард, которая в 1939 году в городе Сан-Франциско штата Калифорния вместе с другими фирмами занималась разработками в сфере высоких технологий.

Администрация ПВТ ведет активную деятельность по поддержке и развитию стартап-движения в стране. Проводятся практико-ориентированные мероприятия, тренинги, встречи для начинающих ИТ-предпринимателей. Такие встречи нацелены на стимулирование развития инновационного предпринимательства в ИТ-сфере, оказание практической помощи в реализации стартап-проектов, плодотворное взаимодействие с представителями белорусского стартап-сообщества. Кроме того, организуется сотрудничество с учреждениями образования, развивается международное сотрудничество. Основными элементами инфраструктуры поддержки стартапов являются презентационные мероприятия-площадки, бизнес-инкубаторы, бизнес-акселераторы, технопарки,

венчурные фонды, профессиональные бизнес-ангелы, система стартап-образования.

В Беларуси стартап-движение начало активно развиваться с 2009 года. В этом году в Минске впервые прошел стартап-уикенд – мероприятие для изобретателей, инноваторов, начинающих и уже состоявшихся бизнесменов, а также экспертов и инвесторов с целью обсуждения инновационных бизнес-идей, проработки вопросов эффективного запуска бизнес-проектов, а также их коммерциализации.

Впоследствии в 2010 году в Беларуси было создано первое объединение венчурных инвесторов – «Сообщество венчурных инвесторов и бизнес-ангелов "БАВИН"», основной задачей которого является привлечение и отбор инновационных проектов на постоянной основе, их доработка и презентация инвесторам, а также проведение экспертизы представленных бизнес-идей и бизнес-планов. С 2010 года Белорусский инновационный фонд (Белинфонд) получил право осуществлять финансирование венчурных проектов и участвовать в создании венчурных организаций. Белинфонд оказывает финансовую поддержку высокотехнологических и инновационных проектов на возвратной основе. Финансовые ресурсы выделяются данным фондом для субъектов инновационной деятельности на конкурсной основе и на договорных условиях.

Белорусские стартап-проекты. Wargaming – признанный лидер среди издателей free-to-play игр в жанре массовых многопользовательских онлайн-игр (ММО) и разработчик с мировым именем. Компания основана в 1998 году. За время своего существования она преуспела в нескольких жанрах, выпустив более десяти успешных проектов, среди которых серия пошаговых стратегий Massive Assault, RTS-игры Order of War и «Операция "Багратион"», ММО-проекты World of Tanks и World of Warplanes. Поворотным моментом в истории компании Wargaming стал выпуск игры World of Tanks, вышедший в 2010 году. На сегодняшний день компания насчитывает 16 офисов и объединяет более трех тысяч специалистов, головной центр разработки расположен в Минске, а также центры в Киеве, Санкт-Петербурге, Сिएтле, Чикаго, Балтиморе и Сиднее.

Приложение Viber разрабатывается компанией Viber Media, новатором в области мобильных мессенджеров и VoIP телефонии, имеющей главный офис на Кипре, центры разработки в Белоруссии (Минск и Брест) и Израиле. На текущий момент приложение Viber доступно пользователям смартфонов на базе операционных систем Android и iOS, Windows Phone и Blackberry, Symbian, S40 и Bada. В течение 7 дней после появления приложения Viber в Apple Store, его загрузили себе 3 миллиона пользователей по всему миру. По данным японской компании Rakuten, купившей мессенджер Viber в начале 2014 года за \$900 млн., число пользователей этого приложения составляет 608 млн. человек.

Ведущая мировая компания Google приобрела белорусскую ИТ-компанию, специализирующуюся в сфере искусственного интеллекта, –

резидента Парка высоких технологий ООО «Эймэта». Внимание Google привлекли уникальные технологии и разработки белорусских инженеров. Команда разработчиков «Эймэта» осенью 2016 года продемонстрировала технологию выделение в видео человека из фона с возможностью замены фона – причем впервые в мире она работала напрямую на мобильных устройствах и сразу на потоковом видео. На основе этой технологии был реализован ряд визуальных эффектов, включая размытие фона и эффект Боке. Данные эффекты были внедрены в мобильное приложение Fabby, которое стало популярным среди пользователей и получило высокие оценки профессионалов (например, дважды становилось №1 в своей категории на ProductHunt). Была создана работающая также непосредственно на мобильных устройствах эффективная технология сегментации волос на потоковом видео. Эта технология реализована в приложении Fabby Look. Кроме того, разработчикам удалось добиться существенных результатов в области улучшения качества изображений при помощи искусственного интеллекта

Есть в Беларуси и социальные стартапы, например, StopWebDisability – продукт, помогающий людям с ограниченными возможностями пользоваться браузером. Проект GoodWillion, более известен как благотворительный аукцион встреч MaeSens.by – социальная платформа для сбора средств на благотворительные цели. MaeSens.by предлагает зарегистрированным пользователям нестандартный формат вовлечения в благотворительность, в основе которого лежат механизмы аукционной торговли, социальной сети, виртуальной службы знакомств и краудфандинга.

Таким образом, если ранее в ИТ сфере Беларусь обычно ассоциировалась с офшорным программированием, то в последние годы появляется все больше и больше компаний с белорусскими корнями, которые активно развивают собственные продукты, выходят с ними на мировые рынки.

Бизнес-акселератор. Одним из важнейших элементов инновационной инфраструктуры, направленной на поддержку малого инновационного предпринимательства, являются бизнес-акселераторы. Бизнес-акселератор – это модель поддержки коммерческих предприятий на ранней стадии, которая предполагает интенсивное развитие проекта в кратчайшие сроки. Для быстрого выхода на рынок проекту обеспечиваются инвестирование, инфраструктурная, экспертная и информационная поддержка. Самыми известными в мире акселерационными программами являются «Y Combinator» и «Techstars». В белорусском законодательстве определения акселератора нет, но акселерационные программы реализуют с разной степенью успешности действующие центры поддержки предпринимательства, бизнес-инкубаторы и технопарки.

Коворкинг-центр ПВТ. Коворкинг (от англ. Co-working, «совместная работа») означает сотрудничество, совместную работу в одном офисе людей разных профессий. Например, вместе могут трудиться программист, веб-дизайнер, писатель, биржевой брокер и другие специалисты творческих

профессий, не обремененные требованиями производственной деятельности (регламентация времени и места работы). Характер деятельности – свобода и креативность для решения творческих задач и принятия инновационных решений – предполагает создание гибкой организации рабочего пространства, отсутствие временных регламентаций, а также свободу общения и коммуникаций. Благодаря такой организации внешнего пространства достигается гармония с внутренней культурой фрилансеров и создается наиболее благоприятная (комфортная) среда для творчества и инноваций. Именно в этом состоит смысл коворкинг-офиса. Описательно это отдельное помещение, которое отвечает всем требованиям настоящего офиса: удобное рабочее место, оснащенное интернетом и другими средствами коммуникации; большая площадь, достаточная для работы определенного количества сотрудников. Кроме того, в этом офисе есть места для общения как коллективного, так и индивидуального, кофе-брейков, перекуров и даже гамаки для релаксации – чего не увидишь в традиционных офисах. Первый коворкинг как офисную новацию изобрел и организовал американский программист Ньюберг в августе 2005 г., разрешая противоречие: либо офисная работа с ее определенностью, либо свобода фриланса. Гениальность решения состояла в том, что были интегрированы в коворкинг свобода и деятельность. Данная новация позволила получить startup-community, формируя максимально благоприятную среду для ускорения развития и коммерциализации проектов.

Список использованных источников

1. Старжинский, В. П. На пути к обществу инноваций / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало – Минск, РИВШ, 2017. – 454 с.

РОЛЬ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ АНАЛИЗЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСКРИМИНАЦИИ МУЖЧИН

Д. В. Столяров

Статья посвящена рассмотрению роли исследовательской методологии в процессе изучения дискриминации мужчин. Указывая на некоторые психологические особенности мужчин патриархального общества, обосновывается необходимость применения соответствующих методик при их изучении. Ввиду большей эмоциональной закрытости мужчин доказываемся необходимость более широкого применения в мужских исследованиях качественных методов. Данные методы дают возможность посмотреть под другим углом на традиционные гендерные вопросы. Это позволит эффективнее понять и разрешить назревающие проблемы современного общества.

На протяжении всего исторического процесса стереотипы оказывали серьезное влияние на развитие самых разных общественных институтов, что неизбежно отражалось на направлениях развития того или иного общества в целом. Гендерные стереотипы не исключение. Физиологическое разделение людей по полу изначально провоцировало их на создание самых разных стереотипных мнений на данной основе. В связи с этим, естественно, возникали и возникают самые разные проблемы, связанные с перекосами в сфере прав и возможностей как в сторону мужского, так и в сторону женского населения. Ситуация такого рода, разумеется, провоцировала и соответствующие изменения в плане статуса и качества функционирования социальных институтов.

В ходе изучения проблематики гендерной стереотипизации использовались самые разные методы. Изначально все начиналось преимущественно с теоретических изысканий, которые порой выливались в довольно стройные и масштабные концепции у ряда мыслителей. Однако не стоит думать, что ранние рассуждения на подобную проблематику носили абсолютно абстрагированный от практики характер. Естественно, в их основе лежал метод наблюдения, который на разных этапах развития социально-гуманитарного знания не был четко сформирован и описан. Тем не менее, наблюдение можно считать одним из древнейших способов познания в целом и в отношении заявленной мною проблематики в частности.

Постепенно, с оформлением, развитием и осознанием различных социальных институтов стала понятна существенная взаимосвязь их функционирования с правильной постановкой и изучением гендерных проблем. Социальные институты нашего мира являются гендеризованными институтами. Именно в них доминантные определения усиливаются и репродуцируются, именно в рамках социальных институтов применяются дисциплинарные санкции к «отклоняющимся от нормы». Мы становимся гендеризованными

индивидами в гендерном обществе [1, с. 34].

С формированием таких социальных дисциплин как социология, методика изучения гендерных стереотипов существенно расширилась. Здесь можно говорить и о различного рода опросах, и о глубинных интервью, и о фокус-группах. Гендерные вопросы всегда были настолько острой проблематикой, что, конечно же, так или иначе определенные исследователи применяли самый широкий спектр методов для их изучения.

В данном случае необходимо отталкиваться от целей конкретного исследования. Можно предположить, что при рассмотрении и изучении дискриминации мужчин в современной культуре имело бы смысл расширить применение именно качественной социологической методологии. Традиционно данные методы не так часто применяются в социологических исследованиях как количественные, поскольку считаются чем-то сверхсложным и трудозатратным, или же считаются больше уделом журналистов. Тем не менее, недостаточная популярность качественной социологической методологии абсолютно не заслужена. Такая методика позволит корректно и точно выявить некие общие черты и причины явления мужской дискриминации, а также приблизиться к решению подобного рода вопросов. Важно отметить, что данный подход целесообразно реализовывать не только в социологии, но и в рамках философии, политологии и многих других гуманитарных дисциплин.

Показать природу маскулинности, помочь мужчинам осознать свою гендерную сущность и то, как она влияет на их жизнь и на жизнь женщин, – это первый шаг к уменьшению гендерного неравенства. Такие действия углубят и расширят тематику дискуссий о мужчинах, маскулинности и гендерном равенстве [2, с. 24].

Человеческая цивилизация уже прошла периоды матриархата и патриархата. Сейчас важно не допустить кругового движения общества в данной сфере и определить вектор развития в сторону равноправия и взаимоуважения. Республика Беларусь, находящаяся в стадии трансформации классического консервативного гендерного уклада, является идеальным объектом для реализации нового проекта культуры гендерного равенства. Ввиду этого крайне важным становится обозначить и раскрыть основные стратегии развития гендерной политики на современном этапе, что позволит сформировать оптимальный вариант развития белорусского общества в этой сфере.

В белорусском обществе важно активизировать действия по внедрению прежде всего в воспитательные и образовательные процессы экономически рациональной и социально справедливой концепции гендерного равенства, отвечающей современным реалиям. Образовательная и воспитательная сферы особо важны, поскольку формируют мировоззрение будущих поколений, но на данном этапе незаслуженно обделяются вниманием. Кроме того, в этих сферах, особенно требующих гендерной нейтральности и разноплановости в вопросах понимания гендерных отношений, доминируют не только консервативные

пережитки теоретического характера, но и определенная гендерная монолитность. В силу социально-экономических причин, связанных с оплатой такого труда, а также социальных стереотипов касательно работников этих сфер, в школьном образовании и воспитании преобладает женская составляющая, что делает воспитательный процесс однобоким и мешает ребенку грамотно ориентироваться в жизни и, с возрастом, верно понять и определить свое предназначение.

Дискриминация мужчин – явление, в силу доминирующих маскулинных стереотипов, не афишируемое и трудно изучаемое. Сложности возникают и при выявлении потенциальных объектов исследования, и при установлении контакта. В силу этого крайне мало исследователей делали акцент на этой проблеме, да и то сквозь призму дискриминации женщин. Важно отметить, что рассматривать дискриминацию мужчин без женской дискриминации не имеет смысла, ибо тогда нарушаются все принципы гендерного равенства, т. к. в обществе все взаимосвязано, и одно проистекает из другого. Именно так и поступала, к примеру, Симона де Бовуар в своей знаменитой работе «Второй пол». Однако тон того исследования задавали именно проблемы дискриминации женщин, а дискриминация мужчин выступала уже на втором плане.

Сейчас же встали новые проблемы. Если раньше необходимо было избавлять от комплексов и предрассудков женщин, то теперь становится совершенно очевидным, что то же самое необходимо делать с мужчинами. Качественные исследования помогут выявить глубинные проблемы мужской психики и сокрытые в ней комплексы и стереотипы. Также можно будет попытаться указать возможные пути выхода из назревающего кризиса гендерных ролей и отношений, а в некоторых обществах и вовсе не допустить его.

Патриархальные стереотипы негативно влияют на здоровье, продолжительность жизни и социальное благополучие белорусских мужчин. Так же это оказывает негативный эффект на мужскую самооценку, заключающуюся в неверном оценивании собственных возможностей и собственного состояния. Неверная оценка возможностей приводит к различным формам девиантного поведения, в которых доминируют мужчины, неверная оценка своего состояния приводит к ухудшению психического и физического здоровья. Под угрозой благополучие мужчин ставит и односторонний подход в защите прав и обеспечении безопасности в некоторых законах Трудового, Уголовного и Семейного Кодексов Беларуси. Также в современной системе профилактики домашнего насилия прослеживается лишь одно направление по предупреждению и пресечению такового, рассматривающее в качестве насилия лишь физическое воздействие, что не позволяет соблюсти принципы гендерного равенства и глубоко изучить данную проблему.

Выявляют две крайние разновидности концепта маскулинности – гегемонную и естественную. Первый вариант предполагает построение жизни,

соответствующее мужскому хабитусу лидерства. Хабитуализация сопрягается с установлением в языке стереотипов гендерного характера. Второй вариант маскулинности подразумевает организацию жизни, соответствующую мужскому хабитусу, которая, несмотря на это снимает многие ограничения, которые накладывает на мужчину гегемонная маскулинность [3, с. 2].

Социально-психологические теории «Я», идентичности и маскулинности развиваются в рамках, как психологии, так и социологии. С одной стороны, эти два подхода во многом совпадают, но, в то же время, и различаются в важных моментах. Психологическая перспектива исследования маскулинности и фемининности в середине 1990-х гг. рассматривала гендер как совокупность черт и аттитудов, которые отражают естественное «Я» человека как биологического мужчины или женщины, или то, что в итоге было названо «половой ролью» [4, с. 6].

Половые / гендерные отличия имеются на различных уровнях, начиная с психофизиологии и уровня выразительности лица и заканчивая способностью идентифицировать эмоции других людей и описывать собственные переживания. В силу того, что мужчины реже женщин выражают свои эмоции, хуже справляются с расшифровкой выражения лиц других людей и реже рассказывают о своих отрицательных волнениях, то они считаются менее эмоциональными [5, с. 194].

Далеко не каждому мужчине комфортно в устоявшихся стереотипах, но он вынужден их принимать, дабы оправдывать общественные ожидания, получать бонусы и избегать санкций, чтобы не оказаться в меньшинстве. Стеснение, боязнь меньшинства – сильные и острые чувства. В данном случае весомый вклад именно в исследование феномена молчаливого следования принятой установке внесла немецкая исследовательница Э. Ноэль-Нойман. Она первой обратила внимание на феномен, заключающийся в том, что потенциальное меньшинство, ощущая себя таковым, очень часто может умалчивать о своих истинных настроениях, опасаясь определенных санкций со стороны большинства. Подобное положение дел случается из-за сильного давления определенных социально одобряемых стереотипов и поведенческих схем. Вследствие этого возникают проблемы как связанные с оптимизацией социальной деятельности людей, так и проблемы исследовательского характера, когда ученому крайне сложно выявить и изучить группы интересующих его респондентов.

В большинстве своем современная наука, равно как и наука более ранних периодов, мало занимается подобными вопросами. В качестве жертв насилия рассматриваются преимущественно женщины, что предполагает формирование мужского образа в общественном сознании как изначального агрессора и не позволяет рассмотреть проблемы такого характера глубже и ответить на ряд важных вопросов о причинах и мотивах того или иного поведения мужчин.

Такие качественные методы, как исследование письменных источников, глубинные интервью, фокус-группы позволяют выявить важные черты

изучаемых явлений и процессов. Материалы такого плана порой уже изначально играют роль своего рода наблюдений или интервью. Наибольшая сложность в этом случае – умение правильно интерпретировать и определять контексты. Тем не менее, в таком случае это несколько проще, чем интерпретировать статистику. За цифрой может стоять что угодно, а слова уже сами по себе – информация. Цифру нужно суметь наделить правильными смыслами, если, конечно, они вообще в ней имеются. Именно в силу подверженности различного рода махинациям, двоякому толкованию и недоговариванию количественные методы хороши лишь при изучении простых и наиболее общих вопросов на ранних этапах исследования. Изучение же более тонких и деликатных проблем, наподобие дискриминации мужчин, о которых иные респонденты не только стесняются говорить, но даже боятся признать сам факт такого явления, необходимо проводить при помощи более тонких методик, которые будут нацелены не столько на разрешение вопроса «Что?», поскольку это удел количественных методов, а на разрешение вопросов «Почему?» и «Как?».

Список использованных источников

1. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
2. Грэйг, А. Мужчины, типы маскулинности: Расширяя возможности гендерного равенства / А. Грэйг, М. Киммел, Д. Ланг; пер. с англ. А. Скрёбнева. – М, 2006.
3. Ильиных, С. А. Шесть горизонтов пола: социологическая рефлексия маскулинности и фемининности / С. А. Ильиных // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 106–110.
4. Берд, Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках / Ш. Берд // Наслаждение быть мужчиной: западные теории и постсоветские практики: сборник научных статей / под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. – СПб.: Алетейя, 2008.
5. Кон, И. С. Мужчины в меняющемся мире / И. С. Кон. – Время, 2009.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Н. М. Твердынин, В. В. Юренков

Общество, существующее сегодня, создало условия, когда дальнейшее социальное развитие не может происходить без опережающего развития математики, естественных наук и технико-технологических наук (технознания). Нарастание информационных потоков в этих областях привело к появлению качественно новых взаимодействий и между отдельными научными областями, и внутри них. При этом отношения социального заказа активизируют, а в отдельных случаях тормозят научно-техническое развитие. Необходимо создание качественно новых моделей, отражающих диалектику процессов взаимодействия и развития в науке и технике.

Современное научно-техническое развитие не только преобразовало ландшафты нашей планеты и качественно изменило быт подавляющего большинства ее населения. В ходе научно-технической революции, проходившей в течение ряда этапов (их количество, продолжительность и временные рамки отдельный вопрос, выходящий за рамки данной статьи), произошла трансформация всемирной цивилизации в нечто не имеющее аналогов в социальной истории человечества. Стремление удовлетворить все более растущие потребности все увеличивающегося числа людей с применением техники и технологий создало техногенное общество, в котором научно-техническое развитие стало залогом не только развития, но и условием существования социума.

Для того, чтобы понять, куда движется техногенная цивилизация необходимы качественно иные подходы к прогнозированию вариантов ее развития. Значительное число ошибок в сроках освоения тех или иных открытий в области естественных наук и передачи их в сферу техники и технологии с последующим широким внедрением в сферы производства и быта доказывают это. Поясним сказанное на примерах.

В тысяча восьмисотом году Александром Вольта создается первый гальванический элемент, а уже через три года русский академик В. В. Петров создает мощную гальваническую батарею, позволившую получить электрическую дугу, изучение электричества стало одним из приоритетных направлений развития физики и естествознания в целом. Еще через несколько лет с помощью гальванических элементов соединенных в большие батареи (самая крупная, занимала подвал большого здания) великому английскому химику Гемфри Дэви удалось открыть щелочные и щелочноземельные элементы, проводя электролиз расплавов их солей. После этого использование гальванических элементов в качестве основы для электрических двигателей и прочих объектов способных качественно изменить жизнь всего человечества прогнозировалось как дело ближайшего будущего. Но проходили десятки лет,

но двигателей, подобных тем, что были описаны Жюлем Верном и двигавшие подводную лодку Наутилус не появились. Не появились они и позднее. Да, были созданы дизельные подводные лодки, но реальность значительно уступала прогнозам. И в наше время, когда существуют электромобили и беспилотные летающие аппараты с компактными электродвигателями, являющимися прямыми потомками первых гальванических элементов, эти двигатели по ряду характеристик продолжают уступать другим. И хотя современные химические источники тока (гальванический элемент один из них) стали весьма и весьма совершенными (батарейки в электронных часах и других приборах и устройствах могут работать уже несколько лет), развитие в данном направлении науки и техники значительно уступает прежним ожиданиям.

На приведенном примере можно показать, что обе обозначенные в названии статьи тенденции – дифференциация и интеграция в сфере естественнонаучного и технико-технологического знания [4, с. 308–313], активно проявляются на протяжении более чем двух столетий. Ведь изучение процессов, связанных с электричеством, привело к возникновению целого ряда новых научных направлений и отдельных наук, которые имеют свои ярко выраженные предметы и объекты исследования, но одновременно в своем генезисе связаны с теми физико-химическими явлениями, которые были обнаружены на рубеже восемнадцатого – девятнадцатого веков.

Если вспомнить достаточно тривиальный пример, когда процесс «разрастания» какой-либо науки и возникновение новых научных направлений с превращением их в самостоятельные научные дисциплины сравнивают с ростом ветвей дерева, а дальнейшее развитие и возникновение новых наук с переплетением ветвей двух таких различных «деревьев», то приведенные выше факты из истории физики и химии вполне отвечают такой «древесной» схеме.

Рассматривая другие примеры из истории науки легко видеть, как физика, химия, биология, геология и другие естественные науки прошли в девятнадцатом веке фазу дифференциации и, соответственно, фазу специализации тех исследователей, которые этими науками занимались. В конце девятнадцатого – начале двадцатого века процесс дифференциации продолжился (из общей химии в качестве самостоятельных наук выделились неорганическая, физическая, органическая и аналитическая химия, несколько позднее из физической – коллоидная химия и электрохимия), но одновременно начался и процесс интеграции. Например, в химических науках появились не просто как научные направления, а как самостоятельные науки, биохимия и геохимия. Одновременно эти науки по своим структурно-схематическим характеристикам могут быть соотнесены с другими базисными науками – «деревьями»: биологией и геологией. Тогда же возникают аналогичные по своему генезису науки: биофизика, геофизика и многие другие. В технико-технологическом знании процесс «разветвления» протекал достаточно похоже, но имел свою специфику, которая была связана с социальным заказом [3,

с. 121–124]. на те или иные виды технической продукции (особенно в военной сфере). Например, изучение азотистых соединений с целью получить как можно более мощные взрывчатые вещества привело к появлению химии и технологии производства взрывчатых к развитию химии взрывчатых веществ как самостоятельных областей химии и технологии. Одновременно стремление повысить плодородие почвы и найти замену такому азотсодержащему минеральному веществу как аммонийная селитра (важному как исходный компонент и для производства взрывчатых веществ) привело к созданию такой технической отрасли как химия и технология минеральных удобрений.

К середине двадцатого века наблюдается новый этап интеграции наук. Появляются такие комплексные науки как кибернетика и экология (которые к настоящему времени претерпели значительную дифференциацию) [1, с. 61–68]. Применение современных средств вычислительной техники и методов математической статистики коренным образом преобразует такие гуманитарные науки как структурная лингвистика, социальная психология и целый ряд наук, находящихся в сфере экономического знания. При этом процессы дифференциации и интеграции научного знания идут одновременно во взаимовлиянии и взаиморазвитии.

Для современного этапа эволюции научного и научно-технического знания характерным является колоссальное проникновение во все области современной компьютерной техники, которая, в свою очередь адаптируется для нужд той или иной научной области. Примером такой интеграции служат современные политические и социальные технологии, полностью изменившие традиционные методы воздействия на массовую аудиторию. Феномены информационных войн, находящие свое максимальное выражение (и реализацию применяемых технологий) в социально политических эксцессах, классифицируемых как цветные революции показывает, насколько значителен и эффективен синтез знаний и технологий, которые изначально относились к совершенно разным областям.

Таким образом, дифференциация и интеграция знания, его воплощение в тех или иных областях науки, техники и технологии представляет собой постоянный процесс [2, с. 48–51], который может идти с различной интенсивностью при доминировании различных факторов, включая экономические, социальные и ряд других. Диалектика этого взаимодействия достаточна сложна и относительно слабо исследована, что требует дальнейших работ в данном направлении, но без этого невозможно создание прогностических моделей, которые бы позволили определить характеристики как основных, так и частных направлений развития различных областей знания.

Список использованных источников

1. Кальней, В. А. Цикличность развития технологического образования // В. А. Кальней, Д. А. Махотин, Е. Г. Ряхимова // Вестник РМАТ. – 2016. – № 3. – С. 61–68.

2. Махотин, Д. А. Приоритетные направления развития технологического образования: анализ концепции преподавания предметной области «Технология» / Д. А. Махотин // Современное технологическое образование: проблемы и решения. Сборник научных статей Международной научно-практической интернет-конференции. Ответственные редакторы Л. Н. Анисимова, С. С. Хапаева. 2019. – С. 48–51.
3. Твердынин, Н. М. Как техногенное общество влияет на формирование и реализацию духовных потребностей? / Н. М. Твердынин // Социальная антропология: интеграция наук. Сборник научных статей по итогам Международной научной конференции. Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. 2017. – С. 121–124.
4. Твердынин, Н. М. Феномен технического творчества как способ самовыражения в координатах системных ограничений / Н. М. Твердынин // Творчество как национальная стихия: медиа и социальная активность. Сборник статей. Под редакцией Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. Санкт-Петербург, 2018. – С. 308–313.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТРУКТУРЕ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А. В. Цыра

Диапазон научных исследований академика Д. И. Широконова широк. Категориальные структуры научного познания, разработанные им, обогатили не только теоретический аспект философического знания, но имеют большое практическое значение. Д. И. Широконов сосредотачивает свое внимание на жизненно важных аспектах развития социосферы, таких как концепция устойчивого развития; сущность и основные направления становления и развития информационного общества; социально-практической значимости информации, информатизации, информационных ресурсов общества, информационных технологий. Одним из направлений его исследований выступают конвергентные технологии. В их структуре (нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии) информационные технологии – это ядро, квинтэссенция конвергентных технологий, они пронизывают все составляющие этих технологий. Информационные технологии – это совокупность методов, способов, подходов, операций к обработке информации, ее передаче, кодированию, символизации, хранению, с целью формирования в личности и обществе нового уровня их интеллекта.

Современный этап в развитии научного знания характеризуется глобальным продвижением человеческого интеллекта в познание всех составных частей триосферы, в своем единстве составляющих глобальный мир. По мнению А. Н. Чумакова, «глобальный мир – совокупность естественных, природных и общественных систем, образующих триосферу – единое целое, состоящее из гео – био – и социосферы планеты Земля» [1, с. 14]. В социосфере и происходят коренные изломы в познавательной и преобразующей деятельности человечества.

В конце XX века одним из изломов в развитии научного познания явилось бурное продвижение человечества в познание структурной организации материи. Выделенный ранее микромир (10^{-6}) оказался в ходе его исследования не последним в структурной организации материи. Проникая вглубь материи, наука открывает наномир (10^{-9}), а затем и пикамир (10^{-12}). Открытие наномира – достижение постнеклассического типа рациональности. Этот тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью человека. В конвергентных технологиях оно расширилось не только за счет нанотехнологий, но и био-, инфо-, и когнитивных технологий. В конвергентных технологиях постнеклассика обязательно учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только собственностью средств и операций деятельности, но и ценностно-целевыми структурами, то есть социальными ценностями и целями.

Впервые концепция «конвергентные технологии» обнаруживается в

работах М. Кастельса, который в середине 90-х годов XX века, выделяя особенности новой информационно-технологической парадигмы, которая связывает воедино инновационные исследования в области экономики, менеджмента, социологии и культуры, составляющие базиса информационного общества. В качестве одной из ее характеристик он называет «растущую конвергенцию конкретных технологий в высокоинтегрированной системе, в которой старые, изолированные технологические траектории становятся буквально неразличимыми» [2, с. 78]. Составляющие этих технологий были конкретизированы после публикации в 2002 г. в отчетном докладе по гранту NSF (в США), озаглавленную *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information technology and Cognitive science*. В контексте этого отчета конвергентные технологии определяются через указание на явление так называемых NBIC-технологий – нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии. Роль катализатора этих технологий играют нанотехнологии, с которыми наука еще в своем развитии не сталкивалась ранее. Она исследовала объекты микромира – 10^{-6} , а наномир изучает объекты в 10^{-9} .

В исследовании этого мира наука опирается как на ранее разработанный ею категориальный аппарат, так и формируя новые концепты. Например, исследуя конвергентные технологии, наука сталкивается с рядом случайностей, которые после тщательного осмысления их сущности и взаимосвязи, предстают в ипостаси необходимости бытия наномира.

Главный концепт, который в этих исследованиях потребовал своего уточнения – технологии. В их содержании необходимо эксплицитно отразить то, что их объединяет, что в них заложено имплицитно.

В научной литературе технологии репрезентируются многоаспектно. В-первых, как совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы материала, осуществляемых в процессе производства продукции. Такое понимание технологий свойственно всем этапам производственной деятельности человечества.

Во-вторых, Дж. Нейсбит, исследуя содержание этого концепта, утверждает, что в середине 60-х годов XX века технология в США эксплицировалась «как объект, материал и физические процессы, отделенные от человеческих существ» [3, с. 39]. И только к 90-м годам этого же века к определению добавили строки «о взаимоотношениях технологии с жизнью, обществом, окружающей средой. Технология перестала существовать в вакууме» [3, с. 39]. И если вначале понятие технологии связывали только с материальным производством, то к концу XX века маятник качнулся в сторону придания технологиям общесоциальной значимости. Возникли понятия «социальные технологии», «гуманитарные технологии», «технологии мышления», «бизнес-технологии» и т. д. А в конце XX в. – начале XXI в. стали бурно исследоваться конвергентные, или как в научной литературе иногда их определяют, высокие технологии. Но конвергентные и высокие технологии по

содержанию не идентичны. Если пространство конвергентных технологий охватывает сферу нано-, био-, инфо – и когнитивных технологий, то содержание высоких технологий расширяется за счет социокультурной составляющей. Рассматривая сущность высоких технологий, с позиций социокультурных признаков, В. П. Старжинский и В. В. Цепкало отмечают, что «высокие технологии – это совокупность средств, способов и методов решения практико-ориентированных проблем, которые направлены на удовлетворение потребностей людей, становятся приоритетом развития человечества, содержит большую социальную сферу и человека, основываются на информационных технологиях» [4, с. 250]. Применительно к такому пониманию высоких технологий их катализатором и ядром выступают информационные технологии.

Новый подход к понятию «высокие технологии» обнаруживается у В. А. Цыкина, который современные информационные технологии называет высокими, чтобы отличить их от информационных технологий, ранее существовавших. Он пишет: «Высокие технологии (хай-тек) – это наукоемкие, многофункциональные, многоцелевые технологии, имеющие широкую сферу применения, способные вызвать цепную реакцию нововведений и оказывающие значительное воздействие на социокультурную сферу и человека. На современном этапе развития социума их сущность составляет нано-био-гено-нейро-инфо-компьютерно-сетевые технологии» [5, с. 14]. Эти технологии в своем развитии меняют конвергентную технологическую картину мира. По мнению проф. Г. Г. Малинецкого, в современном обществе смене этой картины мира способствует разворачивающаяся гуманитарно-технологическая революция, которая призвана изменить содержание не только современного технологического уклада, но и последующих. Идея гуманитарно-технологической революции конструктивна и сегодня она находит свое отражение в Китае, который в отличие от других регионов мира строит две цивилизации – духовную и материальную, единством которых выступает инновационное общество. В Китае осознали, что одной технико-технологической подпиткой для формирования освобожденного разума будущего специалиста недостаточно, необходима широкая художественная и интеллектуальная подпитка. «Никакое общество не способно измениться к лучшему без художников и интеллектуалов, выступающих в авангарде перемен» [3, с. 165]. Сегодня можно говорить о глобализации китайского искусства, о рождении нового китайского дизайнера, о новых веяниях в китайской архитектуре. Художественная и интеллектуальная подпитка дала свои плоды: «само общество стало разнороднее и терпимее, менее циничным и глубже интегрированным во внешний мир..., люди стараются совмещать работу и личную жизнь и перестали интересоваться исключительно деньгами..., китайцы обретают уверенность в себе и гордость за страну. Патриотизм охватывает молодое поколение» [3, с. 182]. Таковы результаты этой подпитки.

Сегодня технологии, и интеллектуальной гуманитарной подпитки, и технологической, «не могут развиваться вне развитых коммуникационных сетей генерации и социализации интеллектуального ресурса человечества, – отмечает А. А. Лазаревич. – Пятый и последующие технологические уклады представляют собой не что иное, как конвергентную модель современной технологической картины мира, интегрально включающей в себя, с одной стороны, новейшие технологии..., с другой стороны, коммуникационные технологии, которые в свою очередь, представлены всеми средствами и формами социальной коммуникации» [6, с. 126].

Несомненно, становление современной технологической картины мира, прежде всего, связано в обоснованием сущности, гносеологического статуса и экономической эффективности нанотехнологий. В этом своем единстве нанотехнологии предстают как научно-экспериментальный процесс выявления и использования физических, химических, биологических, информационно-технологических и других закономерностей с целью определения и использования на практике наиболее эффективных и экономически выгодных тенденций развития объекта.

Если в структуре конвергентных технологий роль катализатора, как было отмечено выше, отведена нанотехнологиям, то это еще не означает резкое принижение роли других. Например, у био – и когнитивных технологий свой ареал исследований, но это видимость, а кажимость выражает глубокую связанность их с нано.

Особая социальная значимость принадлежит информационным технологиям, которые связаны с процессами информатизации индивидуального и общественного интеллекта, достижениями других составляющих конвергентных технологий, а также формирования среды, восприимчивой к инновациям. Именно через информационные технологии и средства информатизации формируется основная ценность общества – человек интеллекта. «Взаимодействие между нанотехнологиями и информационными технологиями, – отмечает О. Е. Баксанский, – носит двусторонний синергетический, и, что особенно интересно, рекурсивно взаимоусиливающийся характер. С одной стороны, информационные технологии используются для компьютерной симуляции наноустройств. С другой стороны, уже сегодня идет активное использование (пока еще достаточно простых) нанотехнологий для создания более мощных компьютерных и коммуникационных устройств» [7, с. 76].

Что же понимается под сущность информационных технологий? Экспликация этого феномена обнаруживается в работах М. В. Заренина, М. Кастельса, Б. Я. Саветова, Е. Гаповой, В. А. Острейковского, В. А. Цыкина и многих других. Однако единства в их понимании информационных технологий не наблюдается. И это не случайно. В этих определениях информационные технологии отражают конкретный этап информационного процесса (генерацию, кодирование, символизацию, передачу, считывание и реализацию,

репликацию, рецепцию, запоминание) и в зависимости от того, что автор считает определяющим, и разрабатывается его личностный подход к пониманию информационной технологии.

Более всего нам импонирует концепция М. В. Заренина на сущность информационных технологий. Чтобы установить ее необходимо обратиться к исходным понятиям. В данном случае, к понятию информации, как транслируемых и интерпретируемых сведений, зафиксированных на конкретных носителях, а также на понимании смысловых операций, связанных с ее обработкой, использованием и репликацией. Задача информационных технологий обеспечить информационный результат (продукт или услугу). «Тогда, – пишет М. В. Заренин, – под информационной технологией следует понимать совокупность операций, выполняемых над информационными ресурсами с помощью современных технических средств и методов для получения определенного продукта (услуги) и решения поставленных задач» [8, с. 84].

Как бы не эксплицировали исследователи новые информационные технологии, необходимо учитывать, что они возникают на элементах «старых» технологий. «Время действия новых информационных технологий определяется скоростью научно-технического прогресса за n-ый период времени. То, что является новым, через некоторое время становится старым, но полученный при этом технологический эффект, полностью не исчезает. Он становится достоянием знаний, аккумулированных в информационных ресурсах» [8, с. 132].

На базе прошлых знаний возникла символично-шаговая информационная технология (СИТ), которая требует ступенчато-поэтапного процесса обработки информационных ресурсов, как в сфере информационных продуктов, так и в сфере информационных услуг; как в сфере NBJS-технологий, так и в сфере высоких технологий, отражая поступательный характер, а также логику движения мысли не только ее разработчиков, но и пользователей.

В качестве рабочего понимания информационных технологий будем считать, что информационные технологии в своем гносеологическом статусе предстают как совокупность методов, способов, подходов, операций к обработке информации, ее передаче, кодированию, символизации, хранению с целью формирования в личности и обществе нового интеллекта, а на его базе и нового их духовно-нравственного мировоззрения.

Сегодня информационные технологии вступили в фазу своего инновационного развития. Они отражают выпуск не только продукции и услуг нового качества, но что главное, так это формирование этими технологиями продукции и услуг, которые не имеют себе аналогов.

Инновации здесь означают: во-первых, внедренное новшество, которое завершает цикл развития конкретного объекта, направления, высокую экономическую эффективность, поскольку инновационный высокотехнологический сектор – важнейший ресурс роста ВВП страны. Во-

вторых, инновации предстают и как результат интеллектуальной деятельности человека, его творческого процесса. Это катализатор открытий, изобретений, рационализаторства, результатом которого выступают артефакты, качественно отличающиеся от предшествующих объектов. В-третьих, инновации в информационных технологиях носят всеохватывающий характер. Они ускоренными темпами распространяются на все процессы социосферы. Но в этих процессах они носят как конструктивный, так и деструктивный характер.

Здесь необходимо выделить, прежде всего, процессы становления глобального мира, которые вызвали к жизни идеи борьбы за первенство в управлении этим миром, что стало основой столкновения интересов сильных стран мира сего – США, России, Китая и ЕС. Военного столкновения опасаются прежде всего США, поскольку в современных условиях выйти из военного конфликта стране не удастся, а на ее территории мировых войн не было; нация просто морально-психологически не готова распрощаться с ее современным укладом жизни. С отдельными, менее опасными для США регионами можно воевать, можно применять к ним санкции, вступать в конфликты, создавать кризисную ситуацию, но от основных игроков на поле глобального мира можно получить неприятные сюрпризы в виде ответных санкций, особенно экономических. Вот здесь США и разрабатывает комплекс информационных технологий, целью которых является управление и манипулирование общественным сознанием новой социальной реальности – глобального мира. Разрабатываемые в США информационные технологии в этом направлении приобрели характер высоких социогуманитарных технологий (Hi-Hume). Hi-Hume как технологии манипулирования общественным сознанием настолько сегодня усовершенствовались, что способны «разрушать в человеке, полученное от реального исторического опыта, знание и заменить его искусственно сконструированным. Строится некий иллюзорный мир, который человек воспринимает как настоящий. Реальная жизнь начинает восприниматься как сон, достаточно неприятный, но сон. А те образы мира, которые навязываются человеку рекламой, пропагандой и СМИ, воспринимаются им как реальность» [5, с. 103]. А это и есть цель манипулирования сознанием человека.

Исследуя влияние информационных технологий на макродвиги в политических процессах, академик Д. И. Широканов отмечает, что во многих развитых странах государственная политика все больше зависит от «эффективности функционирования информационных технологий в экономической сфере информационного обеспечения производства. Это выгодно тем, что новый информационный порядок позволяет обеспечивать нововведения в модернизацию и реконструкцию производства» [9, с. 114].

Особое внимание информационные технологии сегодня уделяют процессу реализации концепции устойчивого развития. Однако, надо признать, что одного информирования сознания человечества об экологической угрозе недостаточно, необходима широкая практическая деятельность по решению

этой проблемы. И как констатируют различные научные исследования, самую большую долю деструктивизма в эту проблему вносит США. Эта проблема нашла свое отражение в юбилейном докладе «Римского Клуба» (2018 г.), в содержании которого репрезентирована концепция «нового Просвещения». В этой концепции указывается на необходимость фокусироваться на устойчивости знаний, большая часть которых касается проблем экологии, взаимосвязи систем устойчивого развития человечества. Это требует внедрения в учебный процесс новых дисциплин, что имеет принципиальное значение для формирования духовно-нравственного мировоззрения.

Современные информационные технологии, репрезентируя социальное устройство быта народов Европы и США, вызвали к жизни новый виток демографической проблемы, связанной с великим переселением народов, движением арабского мира в Европу, африканских и латиноамериканских народов в США. И сегодня ряд стран Европы и сама Америка строят стены вместо того, чтобы строить мосты между народами.

Деструктивизм информационных технологий заключается и в спаде приращения нового научного знания, поскольку они становятся фундаментом для развития псевдонаучного знания. Псевдонаука часто рассматривается как деятельность, имитирующая научную, но сама по себе не является таковой. Фундаментальное свойство псевдонауки заключается в способности функционировать независимо от порождающей его субстанции. На порождающей научное знание субстанции и паразитируют псевдоученые. Для них информационные технологии в репрезентации научного знания – клондайк, неисчерпаемый источник их «интеллектуальной активности».

Из вышеотмеченного можно сделать вывод о конструктивном и деструктивном влиянии современных информационных технологий на всю динамику общественного развития. Роль этих технологий высока: обладая интегрирующим свойством, они выступают как главное средство синтеза знаний, способствуют автоматизации практически всех видов деятельности человечества, формируют новую информационную культуру, новый информационный порядок, новый уровень общения человечества, новые формы личных и профессиональных связей, имеют большой эвристический потенциал, обладая высокой эффективностью и выступая результатом интеллектуальной деятельности человека, его творческого процесса.

Список использованных источников

1. Чумаков, А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов / А. Н. Чумаков. – М.: Проспект, 2018.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУВШЭ, 2000.
3. Нейсбит, Дж. Высокая технология, глубокая гуманность / Дж. Нейсбит. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 381 с.

4. Старжинский, В. П. На пути к обществу инноваций / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – Минск: РИВШ, 2016.
5. Цыкин, В. А. Философский дискурс феномена конвергенций супертехнологий в обществе риска / В. А. Цыкин. – Сумы: Изд-во «МакДен», 2012.
6. Лазаревич, А. А. Становление информационного общества / А. А. Лазаревич. – Минск: Беларуская навука, 2015.
7. Баксанский, О. Е. Нанотехнологии, биотехнологии, философия образования в зеркале междисциплинарного синтеза / О. Е. Баксанский, Е. Н. Гнатик, Е. Н. Кучер. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
8. Заренин, М. В. Информация: свойство, ресурсы, инновационные технологии / М. В. Заренин. – Гомель: ОАО «Полеспечать», 2012.
9. Широканов, Д. И. Информационные ценности в контексте процессов глобализации / Д. И. Широканов, М. К. Буслова // В кн.: Будущее информационное общество. – Минск: Белорусская наука, 2006.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ НОРМАТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ

А. С. Червинский

Формирование методологических основ молодой научной дисциплины – социальной экологии тесно связано с концептуальным заимствованием философских принципов и критериев. Философские традиции нормативной интерпретации стадий развития объекта в процессе его качественных преобразований и образования на этой основе более сложных в онтологическом отношении структур, могут быть полезны в развитии прикладных наук, переживающих рост своего дисциплинарного становления. В статье рассматривается роль философии как методологической основы естественнонаучного исследования проблемы качества природной среды обитания человека на современном этапе социоприродного взаимодействия.

При оценке качества природной среды в разных условиях традиционно используются различные оценочные критерии. Если в одном случае показателями качества могут служить: богатство видового разнообразия, многообразие форм и элементов в трофических цепях, уровень экологической пластичности вида и т. д., то, например, для оценки качества полярных биоценозов приоритетны показатели экономизации обмена веществ, способности депонировать в организме питательные резервы и обеспечить необходимый уровень автономизации ритмики жизнедеятельности от колебания внешних условий и др. Еще более специфична качественная оценка культурных экосистем – агроценозов, которые ограничены в проявлении защитных функций: круговорота питательных веществ, регулирования численности популяций, увеличения видового разнообразия, дублирования системных связей и т. д. Функциональная несовместимость оценочных методик – серьезное препятствие в развитии социальной экологии как научной дисциплины. Теоретической базой для разработки адекватных подходов к оценке качества окружающей среды, формированию комплекса оценочных принципов, позволяющих в оценке качества природной среды устранить внутренние противоречия между количественными и качественными проявлениями иерархически взаимозависимых показателей, обеспечить комплексность оценки, адаптировать оценочную структуру к оценке экстремальных регионов выступает методология философской интерпретации субъектно-объектных отношений. Принципиальной предпосылкой результативности оценки по критериям устойчивости развития является концептуальная структуриализация как субъекта, так и объекта отношений.

Возможность развернутой и достаточно полной экологической оценки реализуется, как правило, в условиях: сохранения основных биогеоэкологических параметров существования природных экосистем; поддержания основных параметров нормальной жизнедеятельности человека;

отсутствие экологически кризисных состояний в развитии социоприродных отношений.

Окружающая природная среда может быть представлена в следующих структурно-функциональных выражениях:

1. биоценозы, с еще не сложившейся в ходе эволюционного процесса структурой и ограниченной вещественно-энергетической динамикой, на которые антропогенное влияние оказывается опосредованно, путем изменения температурного баланса среды, процентного содержания CO_2 в атмосфере и т. д.;

2. структурно развитые экологически устойчивые биоценозы с высоким видовым разнообразием, с достаточно совершенными компенсационными механизмами, многообразием трофических элементов, являющиеся сферой непосредственного антропогенного воздействия в связи с активным социальным потреблением природных ресурсов;

3. биоценозы, в принципе не развивающиеся до уровня саморегулирующихся экосистем, устойчивость которых поддерживается посредством постоянного техногенного воздействия, и для которых социальный фактор является необходимым системным компонентом.

Оценка природных систем, в зависимости от социальной детерминированности протекающих в них процессов, требует формирования соответствующих критериев. Можно предложить следующие критерии, позволяющие выделить характерные особенности антропогенной зависимости природных процессов на уровне экосистем.

Основной критерий уровня социальной детерминированности природных процессов связан с сохранением традиционной структурно-функциональной определенности экологических систем. В каждом отдельном случае этот показатель будет иметь конкретное выражение: сохранение на протяжении длительного периода времени специфического биотопа, сохранение видового разнообразия, способность к выполнению исторически сложившихся функции в системе биосферы, способность к поддержанию и сохранению сложившегося динамического равновесия, обеспечение устойчивости своих компонентов посредством реализации внутренних резервов и др.

Следующий критерий – значимость целенаправленной антропогенной деятельности в поддержании нормального режима существования экологических систем. Социальное воздействие на природные системы может носить двойственный характер: выступать как внешний, чуждый сложившемуся режиму фактор или как внутренне необходимое условие. Так, по отношению к культурным экосистемам активное целенаправленное участие человека в трансформации вещества и энергии выступает необходимым условием сохранения целостности природных комплексов.

Из этого логично следует еще один оценочный критерий деления природной среды по степени социальной детерминированности □ мера антропогенного участия в определении направления развития экосистемы.

В соответствии с выдвинутыми критериями окружающая человека природная среда по степени социальной детерминированности происходящих процессов может быть разделена следующим образом:

Во-первых, «естественная» природа, т. е. та часть природной среды, на которой антропогенная деятельность сказывается в незначительной мере. К ней следует отнести системные компоненты природной среды, сохранившие свою структурно-функциональную определенность без существенных изменений на протяжении длительного исторического периода. Такие экосистемы обеспечивают жизненные оптимумы за счет реализации внутренних резервов, а антропогенное воздействие по отношению к ним выступает внешним фактором, нарушающим сложившееся динамическое равновесие.

Во-вторых, природно-промышленная часть окружающей среды, являющаяся сферой значительного проникновения человека в структуру природы. Антропогенное воздействие, прямое и косвенное, выступает, как правило, внешней негативной причиной изменений, а сохранение структурно-функциональной целостности экологических систем обеспечивается внутренними резервами, включающими в себя высокий уровень видового разнообразия, большую экологическую пластичность отдельных организмов и целых систем, высокую степень устойчивости и так далее.

В-третьих, окультуренная часть природной среды. Активная антропогенная деятельность, выступающая в форме создания и постоянного поддержания режима существования культурных биогеоценозов, является внутренне необходимым условием их существования. Отличительная черта таких биоценозов – искусственные условия жизнедеятельности присущих им живых организмов. Возникновение, существование и, следовательно, оценка культурных экосистем находятся в выраженной зависимости от антропогенного фактора.

Такая дифференциация позволяет обозначить нормативные приоритеты оценочной процедуры, создает возможность комплексной оценки качества природной среды по структурным основаниям и призвана способствовать формированию комплексного подхода к оценке качества окружающей среды.

Анализ причинно-следственной зависимости между структурными и функциональными изменениями в системе «человек – общество – природа» составляет сущностный аспект оценочной процедуры, осуществленной в соответствии с социальными критериями оценки качества природной среды.

В соответствии с такой интерпретацией субъекта и объекта социопородных отношений может быть предложен комплекс оценочных принципов, призванных обеспечить эффективность оценочной процедуры при определении уровня оптимальности в социоприродном взаимодействии.

Принцип качественно-количественной сопряженности в социальной экологии призван выполнить сложную в методологическом отношении функцию корреляции разнопорядковых, но одновременно взаимозависимых величин, и в этом смысле может быть интерпретирован в качестве

специфического, регулируемого в рамках развития социоприродных отношений варианта выявления причинно-следственной зависимости в сложных, полифункциональных процессах. Направленные структурные изменения биоценоза с необходимостью обуславливают функциональные деформации в системе социоприродных отношений, ведущие в конечном выражении к деградации одного из аспектов (как правило, биогеоэкологического) устойчивого развития. Анализ причинно-следственной зависимости между структурными и функциональными изменениями в системе «человек–природа» составляет существенный аспект оценочной процедуры, осуществленной в соответствии с социальными критериями качества среды. Антропогенно преобразованная среда, утратившая традиционный функциональный статус, в оценочной структуре должна быть представлена в дифференцированном выражении, т. е. субстанциональные изменения должны трактоваться как качественные, выражающие особенности значимости нового в системной организации биоценоза фактора, а атрибутивные, в свою очередь, как производные, выражающие количественную представленность фактора. Оценочная сопряженность двух этих аспектов фактора (представленности и значимости) позволяет добиться достаточно адекватного отражения сложившейся экологической ситуации в концептуальном выражении устойчивого развития.

Искусственно преобразованная среда, утратившая традиционный функциональный статус, в оценочной структуре должна быть представлена в дифференцированном выражении, т. е. субстанциональные изменения должны трактоваться как качественные, выражающие особенности значимости нового в системной организации биоценоза фактора, а атрибутивные, в свою очередь, как производные, выражающие количественную представленность фактора. Оценочная сопряженность двух этих аспектов фактора (представленности и значимости) позволяет добиться достаточно адекватного отражения сложившейся экологической ситуации в концептуальном выражении качества окружающей среды.

В обосновании места антропоного принципа в системе социоэкологического знания важное значение имеет анализ роли антропогенного фактора в организации системной целостности биотехносферных образований.

Современные экологические системы на планете (за исключением отдельных, фактически уникальных высокогорных, полярных, островных и т. д. участков) не могут быть признаны безусловно естественными, и поэтому наличие антропогенного фактора в структуре биоценоза, его роль (как деструктивная, так и конструктивная) в обеспечении и поддержании структурно-функциональной организации конкретного экокомплекса должны учитываться в оценочной процедуре при определении уровня социоприродной оптимальности. Активная территориальная экспансия в системе биосферных образований культурных экологических комплексов является достаточным

основанием для включения в дисциплинарную структуру социальной экологии проблемы зависимости качества окружающей среды от условий реализации социальных природопотребляющих функций и степени структурно-функциональной взаимоадаптированности как социальной, так и собственной природной компоненты системы «человек – общество – природа». Очевидно, что условия социоприродной взаимоадаптации на уровне окультуренной природной среды, включающей агроценозы, искусственные водоемы и другие культурные экосистемы, принципиально отличаются от условий, реализуемых на уровне взаимодействия с природнопромышленными комплексами: лесным биотопом, речной аквасистемой и т. д., поэтому в концептуальной структуре социоэкологических дисциплин должна быть отражена специфика реализации принципов оценки качества окружающей среды в зависимости от степени антропогенной обусловленности протекающих в природной среде процессов.

Задача корреляции двух уровней оценки: социального, определяющего качественный уровень реабилитационного, т. е. восстанавливающего нормы социоприродного взаимодействия процесса; и биогеоэкологического, опирающегося на комплекс критериев, не имеющих непосредственного отношения к человеку (степень видовой разнообразия, сбалансированность трофических связей, экологическая пластичность видов и т. д.), эффективно может быть решена только в случае привлечения к оценочной процедуре антропогенного принципа.

Принцип иерархии качественных характеристик состояния природной среды методологически эффективен при исследовании комплекса антропогенных воздействий, различных по формам и масштабам своего проявления, и дифференцированным образом влияющих на организованность биосферы.

Субординатные связи в системе биосферных комплексов создают предпосылку оценки проблемы качества природной среды по принципу иерархической соподчиненности концептуальных блоков, позволяющую преодолеть одномерность и определенную бесструктурность в теоретическом отражении социоэкологического феномена.

Нормативная иерархичность качества окружающей среды наиболее наглядно выражена в контексте многоаспектности субъектно-объектных социоприродных связей, спектр которых представлен достаточно широко – от трофических, выражающих прямую биологическую зависимость человека от условий природной среды обитания, до эстетических, определяющих степень эмоционального комфорта в процессе социоприродного взаимодействия. Дифференциация по принципу иерархии позволяет осуществить, в зависимости от изначальной заданности оценочного процесса, разделение структуры на элементы с выделением уровней соподчиненности в двух направлениях: централизации, с характерным для этой формы функциональной общностью выделяемых уровней; и децентрализации, подразумевающей функциональную противоположность уровней в оценочной структуре.

Централизованная форма иерархии предполагает разделение по признакам, отражающим несовпадения количественных характеристик разноразмерных объектов, и, прежде всего, различия в степени общности каждого из выделяемых уровней в насыщенности структурной организации, в численной сопоставимости по принципу «больше-меньше» совокупности как компонентов, составляющих содержание феномена, так и межэлементных связей. Особенностью такой формы иерархии является то обстоятельство, что их субординированность и строгость взаимозависимости обуславливаются факторами состояния природной среды обитания, при которых иерархическая жесткость критериев оценки качества зависит от уровня оптимальности или наоборот экстремальности интерпретируемой экологической ситуации. Очевидно, что оценка экологически экстремальных регионов предполагает более жесткую иерархию оценочных критериев, а оптимальность, в свою очередь, предполагает для своего описания сравнительно мягкую децентрализованную иерархию, более близкую по своей форме к рядоположенному выражению. Иерархия экологических критериев по признаку децентрализации имеет, в силу своей пластичности, больше перспектив в оценочных социально-экологических структурах.

Принцип пирамидальности оценочной структуры может быть представлен как частный случай, производный от принципа иерархии оценочных критериев, реализуемый в условиях утраты социоприродной оптимальности и возникновения экологической угрозы.

Философско-методологическая разработка служит исходным базисом для формирования комплекса эффективных прикладных методик оценки качества природной среды, в которых будут преодолены традиционные недостатки, что позволит сформировать адекватную реальным комплексную оценку состояния среды жизнедеятельности человека по функциональным основаниям: эколого-экономическим, биогеоэкологическим, медико-биологическим, эстетическим и др. В этом наглядно проявляется роль философии в становлении социальной экологии как научной дисциплины.

Авторы сборника

Адуло Тадеуш Иванович, заведующий Центром социально-философских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Бадиляну Марина, ведущий научный сотрудник Центра экономики промышленности и сферы услуг Румынской Академии наук (г. Бухарест); доктор экономики, доцент.

Белокрылова Вера Анатольевна, заведующая Центром управления знаниями и компетенциями Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Бобков Владимир Андреевич, председатель Белорусской ассоциации политических наук, заведующий кафедрой «Политология, социология и социальное управление» Белорусского национального технического университета; доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь.

Борисевич Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета

Буйко Татьяна Николаевна, заведующая кафедрой философии и истории Белорусского государственного университета физической культуры; доктор философских наук, доцент.

Буслова Марина Казимировна, старший научный сотрудник, доцент кафедры философии и истории Белорусского государственного университета физической культуры; кандидат философских наук, доцент.

Вольнов Илья Николаевич, декан Инженерной школы (факультета) Московского Политехнического Университета; кандидат технических наук, доцент.

Воронкова Валентина Григорьевна, заведующая кафедрой менеджмента организаций и управления проектами Инженерного института Запорожского национального университета; доктор философских наук, профессор.

Георгеску Луминя Изабель, научный сотрудник Центра экономики промышленности и сферы услуг Румынской Академии наук (г. Бухарест)

Данилов Александр Николаевич, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси.

Дудчик Андрей Юрьевич, заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Завадский Михаил Борисович, и. о. ученого секретаря Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Зайковская Татьяна Владимировна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Захарова Наталья Евгеньевна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Игнатов Владимир Константинович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Ильюшенко Надежда Сергеевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Капитонова Татьяна Александровна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Карако Петр Семенович, профессор кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Карасевич Антон Олегович, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Колычев Петр Михайлович, профессор кафедры философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; доктор философских наук, профессор.

Круподеря Елена Анатольевна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Ксенофонтов Владислав Анатольевич, начальник кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь (г. Минск), профессор Академии военных наук Российской Федерации; кандидат философских наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич, директор Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лазаревич Наталья Александровна, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лукашевич Владимир Константинович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Максимович Валерий Александрович, заведующий Центром философии литературы и эстетики Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор филологических наук, профессор.

Миронова Татьяна Николаевна, директор НИИ труда Минтруда и соцзащиты (г. Минск); кандидат экономических наук, доцент.

Морару Виктор Степанович, академик-секретарь Президиума академии наук Молдовы (г. Кишинев); доктор политических наук, профессор.

Нерубасская Алла Александровна, докторант кафедры философии и методологии науки Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; кандидат философских наук, доцент.

Нестерович Юрий Владимирович, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск); кандидат исторических наук.

Никитенко Виталина Александровна, доцент межфакультетской кафедры общеобразовательных дисциплин Инженерного института Запорожского национального университета; кандидат философских наук, доцент.

Олейник Инесса Витальевна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Павловская Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Павлюкевич Вадим Иосифович, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Прись Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат физико-математических наук, кандидат философских наук.

Пунченко Олег Петрович, профессор кафедры философии и истории Украины Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова; доктор философских наук, профессор.

Санько Сергей Иванович, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Симанов Александр Леонидович, заведующий сектором Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск); доктор философских наук, профессор.

Слемнев Михаил Александрович, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; доктор философских наук, профессор.

Сороко Эдуард Максимович, ведущий научный сотрудник Института Философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, доцент.

Спасков Александр Николаевич, заведующий Центром философско-методологических и междисциплинарных исследований Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Старжинский Валерий Павлович, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Сташкевич Ольга Леонидовна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Столяров Дмитрий Владимирович, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Твердынин Николай Михайлович, профессор кафедры химии и материаловедения Академии гражданской защиты МЧС России (г. Химки); доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор.

Цыра Александра Васильевна, старший преподаватель кафедры сетей связи Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова; кандидат философских наук.

Червинский Александр Сергеевич, старший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Чумак Светлана Петровна, ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Республики Молдова (г. Кишинёв); доктор экономики, доцент.

Широканов Дмитрий Иванович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

Шнейдер Лидия Бернгардовна, заведующая кафедрой психологии Московского психолого-социального университета; доктор психологических наук, профессор.

Юренков Виктор Викторович, аспирант кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета.

Научное издание

**ФИЛОСОФСКИЕ
КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ
В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ**

К 90-летию академика НАН Беларуси,
доктора философских наук, профессора
Дмитрия Ивановича Широканова

Материалы
Международной научной конференции
(20 мая 2019 года, г. Минск)

*Издано при поддержке
Белорусского республиканского фонда
фундаментальных исследований
по договору № К 19-13*

*Статьи публикуются
в авторской редакции*

Ответственный за выпуск *А. Н. Спасков*

Подписано в печать 09.10.2019.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 18,38. Уч.-изд. л. 17,65.
Тираж 80 экз. Заказ 701.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: (+375 17) 331 25 42. E-mail: info@4-4.by

